

**Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова**

Филологический факультет

На правах рукописи

**ВЛАСОВА
Екатерина Александровна**

Способы передачи чужой речи в русских летописях XII–XVI вв.

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук
доцент М. Н. Шевелева

Москва
2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1. Круг теоретических вопросов в исследованиях по проблемам цитирования	6
2. Способы цитирования в современном русском языке.....	9
3. Исследование способов цитирования в исторической грамматике	14
4. Общая характеристика исследования.....	18
ГЛАВА I. Опорный предикат как средство противопоставления прямой и косвенной речи	33
1. Семантико-синтаксические различия внутри класса <i>verba dicendi</i>	33
2. Опорные предикаты при прямой и косвенной речи в летописях XII–XIV вв. ...	37
2.1. Древнерусские глаголы речи	37
2.2. Локутивные предикаты	41
2.3. Реферативные предикаты.....	50
2.4. Иллокутивные предикаты	59
2.5. Другие типы опорных предикатов	71
2.6. Синтаксические свойства глаголов речи в древнерусский период.....	84
3. Опорные предикаты при прямой и косвенной речи в Никоновской летописи за XIV–XVI вв.	85
3.1. Глаголы <i>verba dicendi</i> в старовеликорусский период.....	85
3.2. Локутивные предикаты	87
3.3. Реферативные предикаты.....	93
3.4. Новые глаголы речи <i>говорити, сказати и сказывати</i>	96
3.5. Иллокутивные опорные предикаты	101
3.6. Другие типы опорных предикатов	111
3.7. Основные изменения в употреблении опорных предикатов при прямой и косвенной речи в НЛ за XIV–XVI вв.	119
4. Итоги: основные тенденции в употреблении опорных предикатов при прямой и косвенной речи в летописях XII–XVI вв.	120
ГЛАВА II. <i>Jako recitativum</i> и другие типы союзной прямой речи в летописях XII–XVI вв.	122
1. Союзная прямая речь – гипотезы о происхождении и функциях.....	122
2. Союзная прямая речь в древнерусских летописях XII–XIV вв.	124
2.1. Вступительные замечания.....	124
2.2. Типы контекстов с союзной прямой речью в древнерусских летописях	126
2.3. Формальные особенности союзной прямой речи в разных	129

летописных традициях	129
2.4. Состав опорных предикатов при <i>jako recitativum</i>	136
2.5. <i>Jako recitativum</i> как модальная цитативная конструкция: основные типы субъективной модальности	143
2.6. <i>Jako recitativum</i> как средство выражения субъективной модальности в Киевской и Суздальской летописях	147
2.7. <i>Jako recitativum</i> как средство выражения субъективной модальности в Новгородской первой летописи старшего извода	161
2.8. <i>Jako recitativum</i> в Повести временных лет и Галицкой летописях	170
2.9. Признаки формального сближения конструкций союзной прямой речи и косвенной речи в древнерусских летописях	176
2.10. Итоги: основные типы употребления союзной прямой речи в древнерусских летописях	178
3. Союзная прямая речь в Никоновской летописи за XIV–XVI вв.	180
3.1. Типы контекстов с союзной прямой речью в старовеликорусский период	180
3.2. Книжные употребления <i>jako recitativum</i> в НЛ за XIV–XVI вв.	181
3.3. Основные типы цитативных конструкций с <i>яко</i> в НЛ за XIV–XVI вв.	185
3.4. Семантика <i>яко</i> при оригинальных цитациях в великорусский период	187
3.5. Союзная прямая речь с другими формальными показателями	202
4. Выводы: история конструкции союзной прямой речи в русских летописях XII–XVI вв.	208
ГЛАВА III. Конструкции косвенного цитирования в летописях	214
XII–XVI вв.	214
1. К проблеме формирования конструкций косвенного цитирования в русском языке	214
2. Структурные особенности косвенной речи в древнерусских летописях	218
2.1. Анафорические отсылки как признак косвенной речи	219
2.2. Изъяснительный союз как грамматический маркер косвенной речи	222
2.3. Синтаксический режим интерпретации указательных местоимений	243
2.4. Особенности структуры придаточной клаузы косвенной речи	245
3. Модально-осложненные конструкции косвенного цитирования в летописях XII–XIV вв.	247
3.1. О семантике инфинитивной конструкции	247
3.2. Изъяснительные союзы при инфинитивной конструкции	249
3.3. Состав опорных предикатов при инфинитивной конструкции	255

3.4. Конструкция с сослагательным наклонением как модель косвенного цитирования.....	259
3.5. Колебания в выборе модальной формы в придаточной части косвенной речи.....	263
3.6. Итоги: конструкции косвенного цитирования в древнерусских летописях	265
4. Изменения в структуре косвенной речи в старовеликорусский период	267
4.1. Анафорические отсылки	269
4.2. Пространственный дейксис в косвенной речи.....	271
4.3. Косвенный вопрос.....	272
5. Процессы, общие для косвенной речи и модально-осложненных конструкций	274
5.1. Союз <i>что</i> как универсальный показатель косвенного цитирования.....	274
5.2. Бессоюзные конструкции косвенного цитирования.....	277
5.3. Семантическое сближение инфинитивной конструкции и конструкции с сослагательным наклонением.....	280
5.4. Изменения в структуре придаточной клаузы.....	288
5.5. Немаркированные переходы от косвенной речи к прямой.....	289
5.6. Субъективно-модальные элементы в зависимой части косвенных цитаций	292
5.7. Новые модальные конструкции косвенного цитирования в НЛ за XVI в.	294
5.8. Итоги: основные изменения в конструкциях косвенного цитирования в старовеликорусский период.....	296
6. Общие итоги: основные этапы развития косвенного цитирования в летописях XII–XVI вв.	297
ГЛАВА IV. Дискурсивные маркеры чужой речи в летописях XII–XIV вв.	300
1. Дискурсивные маркеры чужой речи в истории русского языка.....	300
2. Дискурсивные маркеры цитирования в древнерусских летописях	304
2.1. Формы глагола дѣ(а)ти ‘говорить’ в роли дискурсивных маркеров.....	304
2.2. Словоформа рече как дискурсивный маркер.....	307
2.3. Словоформы рыци и рекү как дискурсивные маркеры.....	311
2.4. Выводы.....	320
3. Дискурсивные маркеры чужой речи в Никоновской летописи за XIV–XVI вв.	321
3.1. Глагол <i>рече</i> в интерпозиции	321

3.2. Глагол <i>глаголати</i> в интерпозиции	324
3.3. Глаголы <i>сказати</i> и <i>сказывати</i> в интерпозиции	326
3.4. Дискурсивные маркеры <i>де</i> и <i>деи</i>	330
3.5. Словоформа <i>рекии</i> как дискурсивный маркер	335
3.6. Выводы.....	337
4. Итоги: история дискурсивных маркеров цитирования в летописном узусе XII– XVI вв.....	338
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	340
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	349

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «чужая речь» как лингвистический термин охватывает широкий круг явлений – сказанное, написанное или подуманное другими лицами или самим говорящим и грамматически выделенное в тексте как фрагмент другого высказывания (см. использование термина «чужая речь» в работах [Есперсен, 1958: 338–339; Волошинов, 1930: 113]). Поскольку «чужая речь» подразумевает не только устное или письменное высказывание, но и передачу мыслей, в настоящее время все чаще используется термин цитирование [Падучева, 1996: 354; Подлесская, 2009: 289], который позволяет обобщить широкий круг грамматических явлений, связанных с передачей чужой речи и установки в тексте.

В настоящей диссертации рассматривается история синтаксических конструкций цитирования в русском языке на материале летописей XII–XVI вв.

1. Круг теоретических вопросов в исследованиях по проблемам цитирования

Изучение способов передачи чужой речи началось в конце XIX – начале XX вв. с активного обсуждения стилистических особенностей несобственно-прямой речи в кругу последователей школы Фосслера – А. Тоблера, Т. Калепки, Э. Лорка, Г. Лерха, Л. Шпитцера и др. (подробную библиографию см. в работах [Волошинов, 1930: 138–147; Есперсен, 1958: 338–348]).

Основы грамматического описания конструкций с чужой речью заложены датским лингвистом О. Есперсеном в работе *Linguistica* в 1924 г., на русский язык она переведена в 1958 г. под названием «Философия грамматики». О. Есперсен впервые сформулировал правила грамматических замен при переходе от прямой речи к косвенной [Есперсен, 1958: 338–348], перечислим их с примерами из русского языка по работе [Падучева, 1996: 340–343]:

1. Вставляется подчинительный союз, границы между двумя текстами стираются.
2. В языках с согласованием времен производится согласование времен главного и придаточного предложений.

3. Некоторые модальные формы подлежат замене, попадая в синтаксически зависимую позицию придаточной части, – в латыни и немецком языке требуется замена форм наклонений, см. [Есперсен, 1958: 344–345].

4. В синтаксически зависимой части происходит перестройка грамматических отсылок – замена местоимений 1, 2 л. на 3 л., замена наречий места и времени на анафорические, соответствующие замены в примерах из работы [Падучева, 1996: 341] выделены простым подчеркиванием:

Маша сказала на перроне: «Я буду ждать тебя здесь», ср.: Маша сказала на перроне, что она будет ждать меня там;

Маша вчера сказала: «Я приеду завтра», ср.: Маша вчера сказала, что приедет на следующий день.

5. Если текст прямой речи содержит экспрессивно-диалогические элементы, они не могут быть переведены в косвенную речь и требуют трансформации предложения [Падучева, 1996: 341–342]:

Иван воскликнул: «Какой у неё голос!», ср.: Иван сказал, что у неё красивый голос.

Выделив основные правила перехода от прямой речи к косвенной, О. Есперсен заметил, что в языковой практике они очень часто не соблюдаются [Есперсен, 1958: 348]. Одна из ключевых проблем, с которой столкнулись исследователи с самого начала изучения чужой речи, – это многообразие переходных случаев, не укладывающихся в классическое представление о прямой и косвенной речи. М. М. Бахтин в работе «Марксизм и философия языка», опубликованной под именем В. Н. Волошинова, предложил рассматривать прямую и косвенную речь как основные способы (т. н. «шаблоны») цитирования, в основе которых лежит грамматическое противопоставление того, *как было сказано* и *что было сказано*. При прямой речи сохраняется синтаксическая и стилистическая автономность чужого высказывания, при косвенной речи происходит аналитическая переработка чужой речи в соответствии с целями и задачами повествования: «одновременный с передачей и неотделимый от неё анализ чужого высказывания есть обязательный признак любой модификации косвенной речи» [Волошинов, 1930: 125]. Переходные случаи, возникающие в речевой практике, В. Н. Волошинов предложил рассматривать как речевые «вариации» и «модификации» прямого и косвенного цитирования.

Таким образом, на начальном этапе исследований чужой речи были выявлены две проблемы: наличие большого количества переходных случаев и слабая грамматическая противопоставленность прямой и косвенной речи в некоторых языках [Есперсен, 1958: 343; Волошинов, 1930: 123].

Дальнейшие типологические исследования показали, что цитирование в языках мира может быть передано разнообразными грамматическими средствами, которые выходят далеко за пределы традиционного представления о дихотомии прямой и косвенной речи. Грамматические модели цитирования в системе одного языка зачастую образуют континуальную шкалу, на которой прямая и косвенная речь являются крайними случаями [Резникова, 2004: 129; Güldemann, Roncadon, 2002].

В типологических исследованиях также установлено, что косвенная речь является не универсальным явлением: существуют языки, в которых отсутствуют грамматические конструкции для аналитической, переработанной передачи чужой речи [Li, 1986]. В тех языках, в которых выработаны модели прямой и косвенной речи, степень их грамматической противопоставленности значительно варьируется [Evans, 2013]. В латинских текстах правило косвенной речи требует преобразования большого количества грамматических параметров – личных форм, дейктических отсылок, времен и наклонений [Coulmas, 1986]. В других языках, например в русском, при переходе к косвенной речи обязательны замены только части из указанных параметров.

С появлением теории речевых актов и развитием семантики исследователи обратились к изучению синтаксических и семантических механизмов цитирования. Передача чужой речи и установки охватывает широкий круг явлений, связанных с фигурой повествователя и чужой точкой зрения в тексте [Успенский, 1970; Арутюнова, 1992]. Во многих языках выработаны средства, с помощью которых возможно передать не только содержание чужого высказывания, но и отношение к нему повествователя или цитируемого лица – субъективно-модальные значения. К наиболее регулярным из них относятся указания на недостоверность чужого сообщения (эпистемическая модальность), расхождение или разграничение позиций повествователя и цитируемого лица (отстранение), отношение к источнику сообщения (эвиденциальность) – о проблеме разграничения эвиденциальности и модальности см. [Плунгян, 2011: 365–369]).

Исследователи чужой речи неоднократно обращались к материалу русского языка, поскольку русские модели цитирования представляют собой яркий пример системы с большим количеством переходных случаев, противоречащих традиционной идее о дихотомии прямого и косвенного цитирования [Волошинов, 1930: 123].

2. Способы цитирования в современном русском языке

Способы цитирования в русском языке привлекали внимание исследователей уже на раннем этапе изучения чужой речи: на нерегулярность правила косвенной речи и отсутствие согласования времен в русском языке указывали О. Есперсен [Есперсен, 1958: 343], А. М. Пешковский [Пешковский, 1938: 431], ср. также замечание В. Н. Волошинова: «Кроме несобственной прямой речи, лишенной в русском языке каких бы то ни было отчетливых синтаксических признаков (как, впрочем, и в немецком языке), существуют два шаблона: *прямая* и *косвенная речь*. Но между этими двумя шаблонами нет тех резких различий, которые свойственны другим языкам. Признаки косвенной речи очень слабы, и в разговорном языке могут легко совмещаться с признаками прямой речи» [Волошинов, 1930: 123].

Степень различения русских моделей цитирования коррелирует со степенью строгости языковой нормы [Подлесская, 2009: 294]. В письменных текстах со строгой стилистической нормой грамматическое правило косвенной речи соблюдается последовательно, прямая речь противопоставлена косвенной речи за счет грамматических и пунктуационных правил: для выделения прямой речи в тексте используются специальные комбинации пунктуационных знаков, а также прописные и строчные буквы. В языке художественной литературы и разговорном дискурсе преобладают промежуточные способы цитирования – конструкции, совмещающие признаки прямой и косвенной речи, а также различные дискурсивные маркеры.

Перечислим основные модели и грамматические средства, используемые в современном русском языке для передачи чужой речи и установки. Большая часть примеров заимствована из «Очерков по русской стилистике» А. Н. Гвоздева, предпринявшего первую попытку классификации синтаксических моделей цитирования в русском языке [Гвоздев, 1965].

При **прямом цитировании** повествователь передает высказывание как не принадлежащее ему, приписывая все особенности интонации, лексики, грамматики и стиля автору оригинального дискурса [Подлеская, 2009: 294]. Конструкция прямой речи состоит из вводящей предикации с глаголом речи и может находиться в препозиции, постпозиции, а также интерпозиции, ср. пример [Гвоздев, 1965: 278]:

Маляр остановился и взял меня за пуговицу.

— *Мисаил Алексеевич, ангел вы наш, — продолжал он, — я так понимаю, ежели какой простой человек или господин берет даже самый малый процент, тот уже есть злодей* (А. П. Чехов «Моя жизнь»).

Современные количественные данные и исследования устного дискурса подтверждают предположение В. Н. Волошинова о «безусловном примате прямой речи в русском языке» [Волошинов, 1930: 123]: именно прямое цитирование является немаркированным способом передачи чужой речи, при этом грамматические средства для аналитической передачи высказывания выражены слабо [Подлеская, 2009: 298].

Косвенным цитированием называют такое цитирование, при котором цитация, становясь частью подчинительной конструкции, теряет иллокутивную независимость, утрачивает просодические и стилистические свойства оригинала и подвергается специальным грамматическим и лексическим преобразованиям в соответствии с целями и задачами нарратива [Подлеская, 2009: 294]. При переводе указанной выше цитации маляра в косвенную речь она будет иметь следующий вид – пример заимствован из работы [Гвоздев, 1965: 378]: *Маляр ласково говорил Мисаилу Алексеевичу, что, по его мнению, всякий человек, берущий проценты, является преступником.*

При цитировании волеизъявления в косвенной речи литературная норма запрещает использование в придаточной части форм с императивной или оптативной семантикой, кроме сослагательного наклонения [Русская грамматика, 1980: §2805], приведем примеры трансформаций:

Учитель сказал: «Дети, не шуметь» → *Учитель сказал, чтобы дети не шумели.*

Мать посоветовала сыну: "Ты бы отдохнул" → *Мать посоветовала сыну, чтобы он отдохнул.*

В русском языке имеются средства для передачи субъективно-модальных значений при косвенном цитировании. Значения недоверности, сомнения в истинности передаваемой информации [Козинцева, 2007: 94; Rakhilina, 1996: 300] выражаются при помощи союзов *якобы* и *будто*, ср. примеры из Русской грамматики [Русская грамматика, 1980: §2777]: *Отец не любил офицеров по странному предубеждению, будто все военные картежники и мотишки* (Гоголь); *Казбич вообразил, будто Азамат с согласия отца украл у него лошадь* (Лерм.).

При помощи вводных слов в русском языке возможно выразить эвиденциальное значение засвидетельствованности – указание на событие, о котором говорящие знают понаслышке, из вторых рук, например: *Судя по всему, завтра состоится совещание; Петров, говорят, поправился* (примеры из работы [Козинцева, 2007: 13, 22]).

Сложившееся представление о грамматически слабом противопоставлении косвенного и прямого цитирования основано на нескольких синтаксических особенностях косвенной речи в русском языке.

Во-первых, отсутствует согласование времен и наклонений. В русском языке в косвенной речи употребляются те же временные формы, что и в прямой. Кроме того, указанная последовательность времен относительно точки зрения субъекта речи и восприятия распространилась на смежные случаи – изъяснительные предложения при предикатах установки [Пешковский, 1938: 431; Падучева, 1996: 338].

Во-вторых, в русском языке довольно часто наблюдается нейтрализация противопоставления прямой и косвенной речи: для некоторых контекстов тип цитации определить невозможно. Например, фразу *Он сказал / Ока впадает в Волгу*, произнесенную с нейтральной интонацией, в устном дискурсе можно считать как прямым, так и косвенным цитированием, поскольку в контексте отсутствуют основные признаки цитативной конструкции – местоимения, наречия времени и места, диалогические элементы. Для цитаций, лишенных интонации оригинала и нейтральных во всех остальных отношениях, предложено решение считать конструкцию косвенной при наличии изъяснительного союза, во всех остальных случаях цитация рассматривается как полупрямая [Подлеская, 2009: 298].

Выше рассмотрены основные грамматические признаки прямого и косвенного цитирования в русском языке. Далее мы охарактеризуем наиболее частотные переходные случаи.

Художественная, или живописная, косвенная речь (термин из работы [Гвоздев, 1965]) содержит слова и обороты, дающие представление о языковой манере излагаемого высказывания в целях сохранения колорита чужой речи, «вкрапление голоса персонажа в высказывание, которое в целом делается от лица повествователя» [Падучева, 1996: 354; Вежбицка, 1982]. В. Н. Волошинов называл указанное явление словесно-аналитической модификацией косвенной речи, приведем пример: *Наконец, [Манилов] уже выразился, что это сущее ничего, что он, точно, хотел бы доказать чем-нибудь сердечное влечение, магнетизм души; а мертвые души в некотором роде — совершенная дрянь* (Гоголь, Мертвые души). В этом примере слова «сущее ничего», «сердечное влечение», «магнетизм души» принадлежат Манилову, а не повествователю, и являются яркой речевой характеристикой персонажа.

К более редким случаям относятся примеры, в которых внутри прямой речи встречаются элементы косвенного цитирования – вкрапления голоса повествователя в чужую речь. В следующем примере из работы [Падучева, 1996: 357] кавычкам противоречит наименование адресата в 3 лице:

Даже генерал любезно спросил Лизавету Прокофьевну: «Не свежо ли ей, однако же, на террасе».

Несобственно-прямая речь представляет собой разновидность повествования, в котором автор от своего лица передает чужие заявления и размышления. Синтаксическими маркерами указанной модели цитирования являются субъективно-модальные элементы в повествовании от 3 лица: неутвердительные речевые акты, вопросы, обращения, сбой временной последовательности [Падучева, 1996: 348]. Наиболее известным образцом несобственно-прямой речи является следующий отрывок из "Полтавы" Пушкина – он не раз цитировался в научной литературе, см. [Гвоздев, 1965: 275–276; Падучева, 1996: 340–341]:

Мазепа, в горести притворной,
К царю возносит глас покорный.
И знает бог, и видит свет:

Он, бедный гетман, двадцать лет
 Царю служил душою верной;
 Его щедротою безмерной
 Осыпан, дивно вознесен...
 О, как слепа, безумна злоба!..
 Ему ль теперь, у двери гроба,
 Начать учение измен
 И потемнять благую славу?..

Здесь к жалобам Мазепы примешивается оценка Пушкина, разоблачающая притворство Мазепы, при сохранении повествования от 3 лица.

Полупрямая речь характеризуется тем, что имеет подчинительный союз косвенной речи, но сохраняет личные формы без их переработки, как это требуется для того, чтобы сообщение велось от лица говорящего. Такова реплика Осипа из "Ревизора": *Трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее*. В косвенной речи личные формы необходимо заменить следующим образом: *что не даст нам есть, пока не заплатим за прежнее*. Ниже конструкцию прямой речи, которой предшествует изъяснительный союз, мы называем союзной прямой речью, подчеркивая формальные свойства указанного способа цитирования.

К переходным случаям относятся также распространенные в разговорной речи цитации с дискурсивными маркерами *де*, *мол* и *дескать*, которые используются как в прямой, так и в косвенной речи, не задавая жестких правил грамматической организации предложения, содержащего чужую речь. В работах [Арутюнова, 1992; Арутюнова, 2000] указанные частицы предложено называть ксенопоказателями, поскольку они указывают на передачу чужой точки зрения и разграничивают позиции повествователя и цитируемого лица. Исследователь выделяет несколько типов отчуждения (типология и примеры даны по работе [Арутюнова, 2000: 448]):

1. Темпоральное разграничение предполагает наличие временного интервала между двумя речевыми актами, как правило, принадлежащими одному лицу: *Вчерашнего числа я был у Антона Фердинандовича. Вот-с я и прошу его, не может ли он мне указать хорошего учителя, в отъезд-де, в нашу губернию, кондиции, мол, такие и такие, и вот, мол, требуют то и то* (Герцен);

2. Коммуникативное – указание на речь Другого, в следующем примере частица *де* используется исключительно как грамматический показатель чужой речи в нарративе: *Называют себя царскими людьми. Мы-де люди царские, опричники! А вы-де земщина! Нам-де вас грабить да обдирать, а вам-де терпеть да кланяться. Так-де царь указал* (А. Толстой);

3. Интерпретативное – размежевание по линии авторства сопровождается субъективной трактовкой ситуаций и событий: *Уж я ему не раз говорил: откупись, Хорь, откупись! А он, бестия, меня уверяет, что нечем: денег, дескать, нету. Да, как бы не так!* (Тургенев);

4. Расхождения в идейной, этической, эстетической и социальной позиции: *Часто приходится слышать, что вот-де к чему привела такая политика* (пример Н. Д. Арутюновой).

Исследования семантики нарратива показали, что круг дискурсивных маркеров, указывающих на цитирование, довольно широк – в функции показателей чужой речи и установки используются слова *вот, как бы, так сказать, так называемый* и пр. [Зализняк Анна А., 2007], например: *Он думал о том, что вот в его жизни было ещё одно похождение или приключение, и оно тоже уже кончилось* (Чехов) [Падучева, 1996].

В современных исследованиях все разнообразие смешанных способов передачи чужой речи предложено объединять в одну группу – в монографии [Падучева, 1996: 354] все переходные случаи рассматриваются как феномен цитирования, в исследовании [Подлесская, 1990: 294] они называются полупрямым цитированием.

3. Исследование способов цитирования в исторической грамматике

Вопрос об истории формирования косвенной речи в русском языке впервые был поднят В. Н. Волошиновым. Связывая развитие стилистических моделей цитирования с развитием повествовательных форм, В. Н. Волошинов заметил, что для древних текстов характерно преобладание «обезличенной (в языковом смысле)» прямой речи: «Например, в «Слове о полку Игореве» нет ни одного случая косвенной речи, несмотря на обилие в этом памятнике чужой речи. В летописях она чрезвычайно редка. Чужая речь всюду вводится в форме компактной, непроницаемой

массы, очень слабо или совершенно не индивидуализованной» [Волошинов, 1930: 118]. На неразвитость косвенного цитирования в русском языке также указывал А. М. Пешковский: «разграничение прямой и косвенной речи находится у нас на самой ранней стадии развития» [Пешковский, 1938: 431].

В исторической грамматике проблемы синтаксиса сложного предложения и тем более способов передачи чужой речи долгое время оставались без внимания, если не считать ряда попутных замечаний о специфических грамматических конструкциях, в которых прямая речь вводится при помощи союза [Срезн. III; Истрина, 1923: 40–41; Карский, 1930: 17], например: *рече же имѣ Ольга іако іазѣ уже мьстила есмь мѣжа своего* (ПВЛ, 6454/946 г.),

После появления работ М. М. Бахтина [Бахтин, 1972; Волошинов, 1930], привлечших внимания к проблемам цитирования, к примерам из исторических источников при описании современных способов передачи чужой речи обратился Л. А. Булаховский [Булаховский, 1950].

Первые специальные статьи, посвященные исключительно способам цитирования в древнерусских и более поздних источниках, появились в советский период на рубеже 50–60-х гг. [Кодухов, 1956; Молотков, 1962]. Указанные работы содержали подборку примеров из источников разных жанров и разной временной локализации – от Повести временных лет до литературы XVII–XVIII вв. Основное внимание уделено специфическим конструкциям цитирования и их отличиям от современного русского языка – рассмотрены конструкции прямой речи с союзом *іако*, зафиксировано появление в памятниках письменности указателей на субъективную модальность чужой речи – союзов *будто*, *будтось* и пр. [Пенькова, 2010: 214], а также частиц, образованных от глаголов речи, – *де*, *мол* и более редких диалектных маркеров – *ка*, *ска*, *су* и пр. В указанных работах исследователи подтверждают тезис В. Н. Волошинова о преобладании прямой речи и неразвитости косвенного цитирования в истории русского языка.

Особый интерес представляет исследование [Отин, 1969], в котором автор впервые применил количественные методы к описанию цитативных конструкций на материале источников XII–XVI вв. – повестей, сказаний и летописей XII–XVI вв. Приведенные Е. С. Отиным данные подтверждают преобладание прямой речи – общее число примеров составляет несколько тысяч, при этом замечено, что коли-

чество косвенной речи и других «промежуточных случаев» в несколько раз меньше, но постепенно возрастает от раннего периода к более позднему [Отин, 1969: 61].

Результаты наблюдений над способами цитирования в памятниках письменности обобщены в разделе исторической грамматики, опубликованной АН СССР в 70–80 гг. [Лопатина, 1979: 439]: в источниках XII–XIV вв. косвенная речь встречается редко, в более поздний период её употребление возрастает, но по-прежнему преобладает прямая речь. Процесс формирования способов цитирования в русском языке описан как последовательное развитие от слабого различения прямой и косвенной речи к их более четкой формальному противопоставлению, ср. выводы в работе [Лопатина, 1979: 447]: «Развитие конструкций прямой и косвенной речи шло в сторону усиления их формального разграничения».

Интерес к процессам, происходившим в структуре сложного предложения, появляется в 90-е гг. В работе [Преображенская, 1991] в свете эволюции полипредикативного синтаксиса описаны формальные свойства конструкций чужой речи – особые структуры с повтором глаголов речевой деятельности в опорной предикации, например, *посла (и) река*, разговорные структуры *а ркоу́чи*, использование союза *так* при прямой речи и инфинитивных конструкциях, союзы *аж* и *оже* как показатели косвенной речи.

С начала 2000-х гг. способы цитирования в памятниках письменности привлекают внимание исследователей как структуры, отражающие механизмы маркирования коммуникативной неоднородности текста и разговорного синтаксиса [Гиппиус, 2004], рассматриваются принципы коммуникативной организации чужой речи, связь между структурой чужого высказывания и коммуникативным заданием повествователя [Савельев 2008, 2009], а также текстообразующие функции цитат из канонических текстов и особенности их использования в древнерусских нарративных произведениях [Новак 2014: 387–383].

Древнерусские тексты показывают, что формирование моделей цитирования происходило на раннем этапе истории русского языка со значительными различиями между региональными традициями. В Повести временных лет, отражающей начальное летописание на Руси, основным способом передачи чужой речи является прямая речь [Савельев 2008; 2010], косвенная речь почти не встречается, для мно-

гих контекстов с чужой речью невозможно надежно определить тип цитации [Гиппиус, 2001].

При этом уже в Киевской летописи XII вв., следующей за Повестью временных лет в Ипатьевском списке, широко распространена косвенная речь, построенная по модели изъяснительного предложения, с определенными закономерностями в употреблении глагольных форм [Шевелева, 2009]. В Галицко-Волынской летописи, продолжающей Киевскую летопись, обнаруживаются значительные отличия в моделях цитирования между двумя лингвистически неоднородными частями – галицкой с 1201 по 1261 гг. и владими́ро-во́лынской за 1261 – 1292 гг. [Шевелева, 2010; Юрьева, 2013].

Предметом отдельной дискуссии стала конструкция союзной прямой речи с **такко**. Большая часть исследователей [Преображенская, 1991; Хабургаев, 1986; Collins, 2001] считает, что эта структура занимала особое “промежуточное положение” в процессе грамматикализации прямой и косвенной речи – она сформировалась на стадии, когда в языке только вырабатывались средства подчинения и правила, требующие грамматических замен. В ряде работ акцент сделан на модальную семантику не книжных контекстов союзной прямой речи с **такко**: эта конструкция содержит указание на значение недостоверности, расхождение позиций повествователя и цитируемого лица, сомнение в истинности чужой речи [Срезн. III; Булаховский, 1950]. Субъективно-модальная семантика конструкций чужой речи с **такко** подробно рассмотрена в работе [Perelmutter, 2009].

Результаты синтаксических исследований последних двух десятилетий показывают неоднородную картину формирования способов цитирования в русском языке: указанный процесс протекал сложнее, чем в традиционном представлении об эволюции системы в направлении от примитивных форм к более сложным грамматическим моделям. Недавние исследования в области модальности и эвиденциальности ставят под сомнение и тезис В. Н. Волошинова об «обезличенной» и «неиндивидуализированной» чужой речи и беспристрастной фигуре повествователя в текстах древнерусского и старовеликорусского периодов. Во-первых, в XV–XVI вв. появляются современные средства субъективной модальности и отстранения – частицы *будто* и *де*. Во-вторых, имеются данные, указывающие на то, что и в

древнерусских текстах существовали средства передачи отношения повествователя к содержанию чужой речи.

Таким образом, современные результаты исследований чужой речи противоречат укоренившимся в русистике представлениям о постепенном формировании грамматической оппозиции прямой и косвенной речи в поздний период образования великорусского языка. Имеются данные, указывающие на то, что система способов цитирования в истории русского языка уже на раннем этапе письменной истории представляла собой некоторый континуум переходных случаев.

4. Общая характеристика исследования

Настоящая диссертация представляет собой комплексное исследование истории формирования и развития цитативных конструкций в русском языке в рамках двух хронологических периодов, значимых в истории русского языка, – древнерусского с XI до XIV вв. и старовеликорусского с XV до XVI вв. Разграничение указанных периодов связано со значительными фонетическими и грамматическими изменениями, которые привели позднерусскую языковую систему к новому состоянию, типологически близкую современным восточнославянским языкам, – памятники XV–XVII вв. обозначаются как старовеликорусские, староукраинский и старобелорусские (ср. такое использование этих терминов в работе [Зализняк, 1985: 166]). Таким образом, старовеликорусский период отражен в памятниках XV–XVII вв., созданных на территории формирования централизованного Московского государства.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием системных диахронических описаний способов цитирования, разрозненностью данных о формировании и развитии цитативных конструкций в русском языке при общем неослабевающем интересе российских и зарубежных исследователей к проблемам чужой речи, субъективной модальности, эвиденциальности, нарратологии и теории дискурса (обширную библиографию работ, опубликованных в последние десятилетия, можно найти в сборниках [Güldemann, Roncador 2002; Evans, 2013]).

Предметом исследования являются все зафиксированные в летописных источниках полипредикативные конструкции, связанные с цитированием чужой речи.

В исследовании поставлена цель дать комплексное описание системы способов цитирования в древнерусский и старовеликорусский периоды развития языка, установить причины, механизмы и направления исторических изменений в их структуре и употреблении, выявить основные этапы формирования косвенного цитирования в русском языке.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- выявить основные синтаксические типы цитативных конструкций и описать значимые грамматические признаки, отличающие их от других типов цитаций;
- описать употребления конструкций, имеющих признаки модальной семантики, используя методы семантического анализа;
- описать основные тенденции в употреблении цитативных конструкций на каждом из хронологических этапов, применяя количественные методы;
- установить механизмы формирования и перестройки цитативных конструкций в древнерусский и средневеликорусский периоды, используя метод сопоставительного анализа.

Теоретическая значимость настоящей диссертации состоит в реконструкции основных этапов формирования цитативных конструкций и получении новых данных о перестройке системных отношений между способами цитирования.

Практическая значимость заключается в том, что данные о синтаксических и семантических свойствах глаголов речи, союзных средств и дискурсивных маркеров позволяют уточнить и дополнить статьи исторических словарей, а выявление модальных и функциональных свойств цитативных конструкций и дискурсивных маркеров важно для правильного понимания и истолкования древнерусских текстов. Кроме того, некоторые способы цитирования, например, союзная прямая речь с **так**о, могут быть рассмотрены как языковые приметы, выделяющие в составе летописи участки текста разного происхождения. Таким образом, точные данные о хронологии и распространенности различных способов цитирования имеют практическую значимость для текстологии и лингвистического источниковедения.

Основу материала для исследования составили летописи XII–XVI вв., поскольку нарративный текст, охватывающий широкий круг исторических событий с участием князей, церковных лиц и других представителей власти, создает предпосылки для использования разных стратегий цитирования – прямой речи, аналити-

ческой передачи чужого высказывания, полупрямого цитирования. Летописи по своим языковым особенностям представляют собой тексты гибридного регистра, то есть в них допускалось использование как книжных языковых черт, так и элементов живой речи, в зависимости от установки повествователя и предмета речи [Живов, 2004: 49–50]. Назидательность как свойство летописания, с одной стороны, и необходимость передавать высказывания и мысли действующих лиц – с другой, заставляют повествователя обращаться то к цитированию сакральных текстов стандартного книжного регистра, то к бытовому узусу. Ярким примером использования книжных и некнижных языковых черт является Киевская летопись XII в., в которой основное повествование и речь церковных лиц ближе к книжному типу, а чужая речь действующих лиц близка бытовому узусу берестяных грамот [Зализняк, 2008: 84]. Гибридные свойства языка летописей позволяют охватить в нашем исследовании эволюцию как более книжных способов цитирования, так и более разговорных, близких конструкциям современной устной речи.

Погодное изложение событий позволяет последовательно проследить исторические тенденции в употреблении способов цитирования. Однако следует отметить и сложности, связанные с тем, что при составлении летописных сводов использовалось несколько источников, созданных в разное время. Проблема текстологической неоднородности дошедших до нас летописей является одной из самых обсуждаемых в современных исследованиях по текстологии и исторической грамматике (историю вопроса и подробную библиографию см. в работе [Гиппиус, 2012]). «Многослойный» состав летописи устанавливается не только методами собственно текстологии, но и при помощи лингвистического анализа. Источник, использованный при составлении свода, может быть создан ранее или позднее, чем основное повествование, а также иметь иное территориальное происхождение – в этом случае соответствующая часть летописи, как правило, выделяется диалектными чертами, специфическими языковыми или стилистическими особенностями. Без учета истории сложения и текстологической неоднородности источника невозможно получить корректные и надежные выводы по исследуемым языковым явлениям и их хронологии.

Для выявления наиболее полной картины употребления способов цитирования и основных направлений их перестройки в качестве источника материала ис-

пользовались летописи различной временной принадлежности и территориальной локализации.

Из древнерусских источников исследованы летописи южнорусских княжеств – Киевская и Галицко-Волынская, Суздальская летопись в составе Лаврентьевского свода и Новгородская первая летопись старшего извода.

Поскольку одна из целей настоящего исследования – выявить начальные стадии формирования моделей цитирования в древнерусском и русском языке, в состав источников включена Повесть временных лет (далее ПВЛ) – наиболее ранний летописный свод, созданный в начале XII в. Интерес именно к этому памятнику обусловлен ещё и тем, что исследователи не раз обращали внимание на архаические особенности чужой речи в ПВЛ [Гиппиус, 2001; Perelmutter, 2009].

В настоящий момент известно пять полных списков ПВЛ и большое количество сокращенных и переработанных текстов в составе многих летописных сводов. До нас дошли две версии ПВЛ. Владимиро-суздальская, сохранившаяся в составе Лаврентьевской, Радзивилловской и Московско-Академической летописей, заканчивается статьей 1110 г., после которой под 1116 г. следует запись Сильвестра – игумена киевского Выдубицкого монастыря. Киевская редакция содержится в Ипатьевской и близкой ей Хлебниковской летописях – запись Сильвестра в этой версии отсутствует, а текст доведен до 1117 г. [СККДР 1987: 337–343]. Шахматовская гипотеза о трех редакциях ПВЛ в настоящее время не поддерживается исследователями [Памятники письменности, 2003: 22].

Композиционные, стилистические и лингвистические особенности на разных участках текста ПВЛ дают основания исследователям выделить в составе повествования ПВЛ более архаичные тексты и реконструировать ранние стадии начального летописания на Руси. Гипотеза о сложном и поэтапном составлении ПВЛ принадлежит А. А. Шахматову [Шахматов, 1916: XVI], коротко суть её сводится к следующему: в основу текста ПВЛ положен Начальный свод 1090-х гг., сохранившийся в составе НПЛ мл. до 1015 г. и на участке 1053–1074 гг., а также частично в летописях новгородско-софийской группы. Начальный свод в свою очередь является переработкой так называемого печерского свода Никона 1070 гг., в основу которого положено древнейшее сказание (краткий обзор мнений по проблемным местам гипотезы Шахматова см. в [Памятники письменности, 2003: 21–22]).

Идеи А. А. Шахматова были развиты и скорректированы главным образом в многочисленных работах А. А. Гиппиуса и других исследователей, в разное время становившихся участниками научной дискуссии вокруг происхождения ПВЛ. Для целей настоящей диссертации принципиальное значение имеет работа [Гиппиус, 2012], в которой предложена реконструкция, близкая шахматовской, с дополнениями и новыми доказательствами по некоторым спорным вопросам.

Начальный свод 1090-х гг., восстанавливаемый по НПЛ мл., значительно отличался от ПВЛ [Гиппиус, 2012: 40]: в нем нет этногеографического введения о расселении и обычаях славян и соседних народов – текст НПЛ мл. начинается с предисловия под заголовком «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописецъ русскихъ князь и земля Руссия», за ним следует статья 854 г., объединяющая под этой датой рассказы об основании Киева, походе Руси на Царьград при Михаиле III, хазарской дани, Аскольде и Дире, о завоевании Киева Олегом и Игорем. До 945 г. между НПЛ мл. и ПВЛ имеется большое количество расхождений, после 945 г. отличий становится меньше, они носят более частный характер – в НПЛ мл. отсутствуют договоры с греками 945 г. и 970 г. и их нарративное обрамление, а также рассказы о четвертой мести Ольги (946 г.), поединке юноши-кожемяки (992 г.) и осаде Белгорода (997 г.). В ПВЛ нет рассказа о крещении Новгорода, читаемый в НПЛ мл. под 989 г. После 1075 г. НПЛ мл. совпадает со старшим списком НПЛ [Гиппиус, 2012: 40].

В древнейшей части повествования ПВЛ до смерти Владимира имеется некоторое количество годовых статей, которые разрывают цельные фразы, и доказывают предположение Шахматова о том, что изначально текст ПВЛ и Начальной летописи представлял собой не поделенный на годы связный рассказ [Гиппиус, 2001: 171–172] – нарративное ядро начального летописания, основанное на устных источниках и содержавшее повествование о ранней истории Киева и династии Рюриковичей. Архаичные грамматические черты в тексте ПВЛ указывают на принадлежность к древнейшему ядру рассказов о хазарской дани, призвании варягов, завоевании Игорем Киева, походе Олега на Византию, убийстве древлянами Игоря и мщении Ольги, походах Святослава, усобице его сыновей, начале княжения Владимира и его крещении, в том числе эпизод испытания вер [Гиппиус, 2001: 171; Гиппиус, 2012: 49].

Древнейшее сказание было отредактировано, по предположению А. А. Гиппиуса, в XI в. – условно этот этап переработки текста обозначается как свод Никона, однако вопрос о его точной датировке в настоящее время открыт. Согласно А. А. Гиппиусу, древнейшее сказание было пополнено в XI в. следующими интерполяциями: первоначальный рассказ о поездке Ольги в Царьград и её крещении, диалог Владимира с представителями конфессий и Речь Философа – монолог о христианстве, рассказ о походе Владимира на Корсунь и его крещении, описание крещения киевлян и жизни Владимира после крещения. В новый свод добавлено этно-географическое введение, включающее историю Руси в перспективу библейской истории «от Сима, Хама и Иафета» [Гиппиус, 2012: 54–55].

Следующей стадией стало составление в 1090-х гг. Начальной летописи и редактирование предшествующего свода. Этнографическое введение в этой летописи сознательно устранено, начало Руси возводится к первому появлению Руси на страницах всемирной истории – с похода на Царьград в царствование Михаила III. Добавлено Предисловие, вставки из Хронографа, библейская параллель в рассказе о хазарской дани, агиографические и гомилетические вставки в рассказах о крещении Ольги, Владимира и киевлян, подборка цитат из пророков и богословская интерполяция в «Речи Философа», наставления Владимира в вере после крещения и некоторые другие [Гиппиус, 2001: 171–172]. На основе Хронографа были определены первые даты русской истории, повествование разделено на годы, указаны заголовки начала княжений, подобно царствам в Хронографе, история Руси структурирована по византийскому образцу [Гиппиус, 2012: 54].

Композиция древнейшей части ПВЛ в существующих редакциях представляет собой результат совмещения композиций двух предшествующих летописных сводов, которые были продолжены погодными записями 1090–1115 гг. в Киево-Печерском монастыре около 1115 г., а в 1116 г. переписаны игуменом киевского Выдубицкого монастыря Сильвестром [Гиппиус, 2008: 3].

В исторической грамматике сложилась традиция исследовать и цитировать текст ПВЛ по Лаврентьевскому списку как более древнему (список конца XIV в.) и отразившему более раннюю редакцию ПВЛ до 1111 г. В настоящей диссертации мы отходим от этой традиции и используем как основной источник материала Ипатьевский список XV в. как более пространный, доведенный до 1117 г. Во-первых,

предварительное ознакомление с обоими списками ПВЛ не выявило существенных различий между ними в способах передачи чужой речи, расхождения в примерах носят частный характер и оговариваются отдельно в исследовательской части работы. Во-вторых, имеются текстологические подтверждения тому, что составитель лаврентьевской версии ПВЛ игумен Сильвестр использовал часть княжеского экземпляра ПВЛ с добавлениями до 1117 г., однако работу не завершил, оставив неоконченной статью 1110 г. [Гиппиус, 2008: 3; Михеев, 2011: 31].

Многослойная структура ПВЛ и сочетание в ней разновременных пластов, с одной стороны, затрудняет использование её как источника информации о грамматических тенденциях раннедревнерусского периода, с другой стороны – некоторые противоречивые факты получают надежное объяснение только при обращении к истории сложения текста.

В исследовательской части диссертации основная часть примеров из ПВЛ приводится по Ипатьевскому списку – при указании адреса используется сокращение ПВЛ. При цитировании Лаврентьевского списка адрес примера обозначается как ПВЛ-Л.

Продолжением киевской редакции ПВЛ в XII в. стал Киевский летописный свод, описывающий события с 1118 до 1199 гг. и сохранившийся в составе Ипатьевского (листы 106 об. – 245), Хлебниковского, Погодинского, а также ряда других поздних списков. В научной литературе он кратко обозначается как Киевская летопись (КЛ) [СККДР: 236]. А. А. Шахматов и Д. М. Приселков установили, что КЛ составлена игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем, который закончил свод похвалой князю Рюрику Ростиславичу под 1200 г. в связи с завершением строительства каменной стены вокруг монастыря [Приселков, 1996: 87]. Анализ известий и сообщений летописи показывает, что свод по своему изложению является великокняжеским. Д. М. Приселков выделил несколько источников в составе КЛ [Приселков, 1996: 88–93]. Ее основу составило летописание, которое непрерывно велось в Киеве на протяжении XII в. Важным вспомогательным источником стал семейный летописец князя Святослава Олеговича и его сыновей, княживших в Чернигове. Он возник в 40-х гг. XII в. и содержал семейную хронику Святославичей, особое внимание в ней уделено ранним деяниям Святослава, а также жизни

Игоря Святославича. В ряде ранних известий 1120-х гг. черниговский источник выходит за рамки семейного летописания и описывает события черниговского княжества. Другим источником является хроника Ростиславичей с некрологами каждому из них: 1172 – Святославу, 1177 – Мстиславу, 1180 – Роману, 1198 – Давыду. В отличие от черниговского летописания, хроника Ростиславичей велась в Киеве – на это указывают однообразно составленные по этикетным формулам некрологи князьям без точных описаний событий их княжения. Некрологи предположительно составлялись в Киеве при получении известий о смерти князей, автором их считается игумен Моисей. Ещё одним источником для сводчика, работавшего над составлением КЛ, стал летописец Переяславля Южного с описанием событий при князе Владимире Глебовиче – повествование о борьбе против половцев, которое заканчивается описанием смерти этого князя в 1187 г. Исследователи отмечают также использование в поздних частях КЛ известий какого-то северо-восточного источника, из которого были заимствованы записи о событиях в северо-восточных княжествах и чтения, совпадающие с Лаврентьевской летописью [Лурье, 1976: 20; Приселков, 1996].

Суздальская летопись (СЛ), описывающая события Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. и главным образом Суздальского княжества. Древнейшая часть дошла в составе Лаврентьевского списка XIV в., при издании также используются списки Радзивилловский и Московско-Академический. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку продолжает т. н. сильвестрову версию ПВЛ, после записи Сильвестра следуют статьи 1111–1155 гг. с южнорусскими известиями. С 1156 г. появляются первые сообщения о событиях Северо-Восточной Руси, с 1157 г. северо-восточные известия преобладают над южнорусскими и имеют общие чтения с КЛ – характер этих известий коррелирует со сменой епископов в Ростове [Гимон 2012]. В статье 1263 г. помещен текст Жития Александра Невского, оно не доведено до конца, далее сразу следуют статьи 1283–1305 гг. преимущественно с тверскими известиями. В тексте летописи имеется ряд других пропусков, помимо промежутка 6771 (1263) – 6791 (1283) гг. после Жития Александра Невского. Несколько пропусков принадлежат самому Лаврентию или составителю протографа: конец 6596 (1088) — начало 6597 (1089) гг., начало 6705 (1197) г., 6711 (1203) — 6713

(1205) гг. Между 170 и 171 листами утрачен один лист с записями 1288–1294 гг. [Лурье, 1976; СККДР, 1987: 241].

По различиям в почерках выявлено три переписчика: начальные 40 листов написаны уставным почерком, дальнейшие полууставом, три листа написаны не до конца [СККДР, 1987: 242–243]. При необходимости уточнить палеографические особенности рукописи в работе использовалось электронное издание Лаврентьевской рукописи на сайте Российской национальной библиотеки: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php.

М. Д. Приселков показал, что Лаврентьевская летопись является списком с более древнего протографа, который был составлен в Твери в 1305 г. и представлял собой великокняжескую летопись Михаила Ярославича Тверского [Приселков, 1996: 163]. В основу этой летописи положено несколько владимирских источников XII–XIII вв. Владимирский свод XII в. содержал в своем составе южнорусские известия, восходящие к летописанию Переяславля Южного, часть из них имеет общие чтения с КЛ по Ипатьевскому списку. Владимирский свод XIII в. был пополнен ростовским летописанием – на это указывают неоднократные смены календарных стилей в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку [Лурье, 1976].

Выбор КЛ и СЛ в качестве источника материала связан с результатами исследования [Шевелева, 2009], в котором показано, что в указанных памятниках косвенная речь является распространенной конструкцией со специфическими грамматическими свойствами. Привлечение текстов КЛ и СЛ, являющихся в существующих списках прямым продолжением ПВЛ, позволяет проследить формирование способов цитирования в древнерусском летописном нарративе на протяжении длительного периода.

Важным источником по истории летописания XIII в. стала Галицко-Волынская летопись (ГВЛ) – заключительный компонент Ипатьевского списка с 1201 по 1292 гг. В составе Хлебниковского списка она сохранилась как связный рассказ, не разделенный на погодные записи. В Ипатьевский список события юго-западной Руси включены в виде искусственных погодных записей с некоторыми ошибками и неточностями. Источники ГВЛ крайне разнообразны: княжеские летописцы, различные документы (акты, грамоты, военные донесения, дипломатические отчеты), рассказы очевидцев о битвах и походах, воинские повести, местные

летописи, фрагменты из других источников [Черепнин, 1941; Пашуто, 1950], имеются частые обращения к книжным текстам – греческим хроникам, «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Слову о законе и благодати митрополита Иллариона» [СККДР, 1987: 239–240].

Исследователи, проводившие лингвистический, исторический и текстологический анализ ГВЛ, разделяют её на две части – Галицкую и Волынскую [Юрьева, 2013]. Граница между ними прослеживается на разных уровнях. Одним из признаков перехода от галицкого летописания к волынскому является смена сюжета: со второй половины XIII в. Даниил Галицкий перестает быть центральной фигурой повествования, акценты смещаются на деятельность его младшего брата Василька Романовича. Большинство исследователей сходятся на том, что граница между галицкой и волынской летописями проходит в статьях 1260–1261 гг. [Черепнин, 1941; Ужанков, 1989: 248; Генсьорський, 1958]. В пользу разделения ГВЛ на две самостоятельные части свидетельствуют значительные стилистические и языковые различия между ними: язык галицкой части за 1201–1260 г. более книжный, в волынской части за 1261–1292 гг., напротив, используется большое количество не книжных черт – обороты живой речи широко встречаются со статьи 1261 г. [Юрьева, 2013].

В настоящей диссертации ГЛ и ВЛ рассматриваются как два самостоятельных источника, поскольку способы передачи чужой речи составляют одно из грамматических отличий между ними [Шевелева, 2010; Юрьева, 2013]. Отметим также, что заключительная часть ВЛ по Ипатьевскому списку сохранилась хуже остальных, в тексте встречается значительное количество искажений – при цитировании примеров из ВЛ в неясных случаях мы используем Хлебниковский список, созданный на основе более сохранного протографа, чем Ипатьевская летопись (о Хлебниковском списке ГВЛ см. также [Приселков, 1996; Котляр, 2004]).

Новгородское летописание исследовано на материале Синодального списка Новгородской первой летописи старшего извода (НПЛ ст.) – древнейшей из сохранившихся летописей. В рукописи отсутствуют первые 16 тетрадей, текст начинается с 1016 г. В середине текста утрачена тетрадь с изложением событий 1273–1298 гг. По составу почерков рукопись делится на две части – первым почерком написаны статьи с 1016 до 1234 г. (листы 1–118), содержащие большое количество арха-

ичных черт, часть за 1234—1330 переписана вторым почерком в 1-ой половине XIV в., далее до 1352 г. следуют приписки разными почерками [Гиппиус, 1997: 3—12].

Протограф НПЛ ст. представлял собой «официальный экземпляр» (термин из [Приселков, 1996: 214]) владычного летописания — рукопись возникла около 1115 г. и велась летописцами новгородской епископской кафедры в виде последовательных погодных записей с некоторыми редактурами, но без значительной компилятивной работы [Гиппиус, 1999: 360]. К важнейшим редактурам «официального свода» относится замена его начальной части, содержащей текст Начального свода до 1016 г., который восстанавливается по младшему списку НПЛ (НПЛ мл.). Текст НПЛ с 1017 до 1115 гг. содержит краткие выдержки из киевского летописного источника в сочетании с новгородскими известиями, собственно новгородская погодная летопись начинается с 1116 г. [Гиппиус, 2012: 40].

По лингвистическим и формальным признакам текст НПЛ ст. четко разделяется на части, которые соответствуют сменам новгородских архиепископов и работавших при них летописцев (полный список см. в работе [Гиппиус, 2006: 215]). Наиболее значимые явления в области цитирования отмечены в период конца XII—XIII вв. на следующих участках текста:

1187–1199 - летописец архиепископов Гавриила и Мартирия;

1200–1210 - летописец архиепископа Митрофана;

1211–1226 - летописец архиепископа Антония;

1226–1274 - летописец архиепископов Спиридона и Далмата, Тимофей-пономарь.

НПЛ ст. за первую треть XIII в. содержит несколько вставных повестей.

Под 1204 г. в виде погодной статьи помещена Повесть о взятии Царьграда фрягами. Авторство её некоторые исследователи приписывают архиепископу Антонию, совершившему паломничество в Константинополь и оставившему «Книгу Паломник» с подробным описанием достопримечательностей и святынь [Гиппиус, 2009: 187; Мещерский, 1954: 121–122].

Статья 1218 г. содержит рассказ о заговоре и убийстве 20 июля 1217 г. рязанских князей в Исадах, общее чтение имеется также в СЛ под 1217 г. На вставной характер рассказа в НПЛ ст. указывает нарушение в тексте хронологической

последовательности – описание убийства, случившегося 20 июля, следует за известием от 1 августа. По предположению В. А. Кучкина, рассказ о гибели рязанских князей происходил из Рязани, но был сначала включен в новгородский летописный свод, а затем из него попал в протограф СЛ с ошибкой в дате – 20 июня вместо 20 июля [Памятники письменности, 2003: 73–74].

Под 1224 г. НПЛ ст. содержит описание битвы на Калке, хотя само событие случилось 31 мая 1223 г. Рассказ основан на устных источниках (*слышахомъ во, инни же глаголють*) и мог быть собран в Галицком княжестве новгородским архиепископом Антонием, занимавшим перемышльскую кафедру в 1220–1225 гг., в одно время с тысяцким Яруном – участником битвы [Памятники письменности, 2003: 75].

Повесть о битве на Калке содержится также в СЛ и ГЛ. По наблюдениям В. А. Кучкина, рассказ СЛ более краток и содержит несколько заимствований из новгородского летописания, общее чтение в ГЛ имеет более сложную структуру и признаки поэтапной литературной обработки [Памятники письменности, 2003: 76–78].

НПЛ ст. представляет интерес для исследования способов передачи чужой речи по нескольким причинам. Во-первых, древнейшая рукопись широко отражает архаичные черты, особенно в части, написанной первым почерком [Гиппиус, 1997]. Во-вторых, в новгородском летописании свободнее, чем в других региональных традициях, отражены диалектные особенности [Зализняк, 2004]. Кроме того, исследователи не раз обращали внимание на специфические употребления союза *іако* в НПЛ ст., а также отмечали некнижные контексты, в которых указанный союз предшествует прямой речи [Булаховский, 1950, 1953: 375; Истрина, 1923].

Таким образом, исследуемые летописи отхватывают период от начального летописания до первой половины XIV в. включительно. Чтобы проследить преемственность в способах цитирования между позднерусским и старовеликорусским периодами, в качестве позднего источника выбрана часть Никоновской, или Патриаршей летописи с 1362 по 1558 гг. (далее НЛ).

Никоновская летопись – обширная компиляция, описывающая события от начального летописания до XVI в. и дошедшая во множестве списков. Для целей данного исследования она интересна, с одной стороны, общерусской направленно-

стью, с другой – особым вниманием к событиям Московского государства. В работе [Клосс, 1980] показано, что при составлении привлекались тексты разной степени книжности, территориальной и временной принадлежности – Симеоновская летопись, Иоасафовская летопись, Хронографический список Новгородской V летописи, а также сборник ГБЛ, ф. 173, сборник церковного содержания МДА № 82 [Клосс, 1980: 24–51].

Б. М. Клосс установил, что все без исключений существующие списки восходят к части рукописи Оболенского до 1520 г. Проведенный исследователем анализ стилистики и содержания текста, а также сопоставление его с другими летописями старовеликорусского периода доказывает, что Оболенский список и является оригиналом свода. Б.М. Клосс обращает особое внимание на церковный характер летописи и отмечает, что включенный в неё исторический материал подвергался существенной литературной и идеологической обработке [Клосс, 1980: 51]. Стилистические особенности и редакторские вставки показывают, что редактором-составителем летописного свода являлся митрополит Даниил (1522–1539 гг.) — крупный писатель, церковный и политический деятель средневековой Руси [Клосс, 1980: 65].

В научном обороте чаще всего используются две редакции, отраженные в Оболенском и Патриаршем списках.

Во 2-й пол. 50-х гг. XVI в. свод, составленный митрополитом Даниилом, был скопирован и дополнен по Летописи Воскресенской и Летописцу начала царства редакции 1556 г. — так образовался Патриарший список [СККДР, 1989: 50]. Эта рукопись с самого начала обращалась в церковных кругах: в нач. 60-х гг. XVI в. она использовалась при составлении «Степенной книги» (в митрополичьем Чудовом монастыре). Оригинал летописного свода митрополита Даниила остался в Казенном приказе и был дополнен по тем же источникам, которые были использованы в Патриаршем списке: по Воскресенской летописи (но в другом объеме) и Летописцу начала царства. Несколько позже к нему была присоединена еще одна часть с изложением событий 1556—1558 гг. — так образовался существующий список Оболенского, положенный в основу публикации НЛ в составе Полного собрания русских летописей, IX–XIII тт.

Появление нескольких редакций летописи связано с деятельностью Троице-Сергиева монастыря, в собственность которого Оболенский список попадает в 80-е годы XVI в. Когда Приказ Большого Дворца в 1637 году потребовал рукопись себе, с неё были сняты копии и созданы Троицкая редакция и Троицкий сборник, представляющий собой летописно-хронографическую компиляцию [Клосс, 1980: 276]. Большинство существующих списков снято с Троицкой редакции.

НЛ интересна тем, что в состав её включены не только летописные материалы, но и вставные тексты – жития, сказания, воинские повести. Источники разной регистровой принадлежности в составе НЛ позволяют выявить книжные и живые грамматические черты в способах передачи чужой речи.

Поскольку древнерусский период в исследованном корпусе текстов широко представлен архаичными летописями XII–XIV вв., при изучении старовеликорусского периода привлечен только поздний материал НЛ за 1362–1558 гг. – эта часть летописи опубликована в XII–XIII тт. ПСРЛ. Для выявления тенденций в рамках поздневеликорусского периода для каждого тома приводится своя статистика, описывающая употребления цитативных конструкций. Таким образом, мы рассматриваем три периода в позднем летописании: 1362–1424 (XI том), 1425–1505 (XII том), 1506–1558 гг. (XIII том).

Материал для исследования отобран методом сплошной выборки контекстов с чужой речью из корпуса указанных выше летописных источников. Примеры классифицированы по типам цитирования – прямое, полупрямое, косвенное. В отдельную группу выделены контексты с дискурсивными маркерами – частицами и вводными словами, которые встречаются в разных типах цитирования. В исследовании проанализированы в первую очередь грамматические признаки, различающие способы передачи чужой речи. Для модально-осложненных цитативных конструкций, передающих отношение повествователя или цитируемого лица к содержанию сообщения, отдельно проанализирована их семантика.

Описание лексических, структурных и семантических особенностей способов цитирования проводится с опорой на результаты современных исследований в области русского синтаксиса, грамматики и семантики. В качестве теоретической основы использованы работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Н. А. Козинцевой, Е. В. Падучевой, В. А. Плунгяна, В. И. Подлесской. При описании семантиче-

ских и грамматических свойств применялась теория валентностей, теория речевых актов, метод семантических толкований.

Написания наиболее употребительных глаголов речи в основном тексте исследования соответствует восточнославянской орфографической норме, например **речи** и **отвѣчати**, книжные лексемы указаны в соответствии с более строгой церковнославянской орфографией (**вѣщати**). Позиции гласных отражены до утраты редуцированных, например **мълвити** и **сѣказати**.

В разделах, посвященных явлениям старовеликорусского периода, написания слов в основном тексте соответствуют более поздней норме после утраты редуцированных.

Примеры из летописей цитируются по изданиям в составе Полного собрания русских летописей. Примеры из НПЛ и НЛ даются в упрощенной орфографии с использованием буквы я вместо **ѡ** и **ѡ**.

ГЛАВА I. Опорный предикат как средство противопоставления прямой и косвенной речи

1. Семантико-синтаксические различия внутри класса *verba dicendi*

Опорное слово авторской ремарки долгое время рассматривалось исследователями исключительно как формальная составляющая в конструкциях с цитациями – маркер границы, «переходный элемент» между авторским повествованием и чужим высказыванием [Есперсен, 1958: 339]. Типологически универсальным является употребление в позиции опорного компонента глаголов группы *verba dicendi* [Costello, 1961: 489; Русская грамматика, 1980: §2803].

Семантические и синтаксические свойства *verba dicendi* подробно рассматривались в теории речевых актов в связи с выделением т. н. перформативных предложений, произнесение которых само по себе составляет действие, например, *я нарекаю, я обещаю, я объявляю войну* и др. [Остин, 1962/1986: 25–26]. Перформативные предложения позволили выявить несколько компонентов в высказывании: локутивный акт, т.е. сам процесс говорения, и иллокутивный – акт, который осуществляется в ходе говорения, например, *прошу, советую* и т. п. [Остин, 1962/1986: 25–26]¹.

Установлено, что семантические свойства иллокутивных глаголов речи могут накладывать ограничения на их употребление в разных типах полипредикативных конструкций [Серль 1986: 189]. Так, в английском языке основной тип придаточного предложения чужой речи имеет глубинную структуру: «опорный предикат (изъяснительный союз) + зависимая клауза». При этом некоторые опорные предикаты главной части могут ограничивать структуру зависимой предикации. Например, некоторые английские волитивные глаголы требуют в придаточном предложении употребления будущего времени или инфинитивной конструкции: *I promise you (that) I'll pay the money* или же *I promise to pay the money*. Однако при других опорных предикатах, таких как *apologize*, употребляется только герундий: *I apologize for behaving badly* (букв.) 'Я извиняюсь за ведение (себя) плохо'. Нельзя

¹ Выделенный Дж. Остином перлокутивный акт в лингвистических работах по проблемам цитирования рассматривается как разновидность иллокутивного [Падучева, 1996: 227].

сказать *I apologize that I behaved badly или *I apologize to behave badly (в том же значении) [Серль, 1986: 190].

В некоторых языках синтаксические различия имеются между основными глаголами речи, составляющими семантическую оппозицию *говорить* vs *сообщить*. *Говорить* считается родовым глаголом речи и включается в список семантических примитивов [Вежбицка, 1983: 237], *сообщить* относят к иллокутивным глаголам, передающим специализированные сообщения и утверждения, наряду с *докладывать*, *доносить*, *заявлять*, *извещать* и др. [Апресян, 1995: 201]. Указанные семантические различия имеются между английскими глаголами say и tell: say фокусирует внимание на самой реплике в том виде, в котором она была произнесена, tell – на её пропозициональном содержании [Carter, McCarthy, 2011: 806]. На уровне синтаксиса различия проявляются в том, что say вводит преимущественно прямую речь (хотя этот глагол возможен и при косвенной), tell – предпочтительнее при косвенной речи, ср. примеры из справочника по современной английской грамматике

а) 'Hello,' she said, нельзя *'Hello,' she told me;

б) She said, 'I'm not paying £50 for that', не рекомендуется *She told me, 'I'm not paying £50 for that.'

Грамматические различия между say и tell реализуются только при прямой речи – при косвенной речи могут использоваться оба глагола, например: And after a moment he **said** that he had been in the valley for forty-seven years. Mr Johnson **told** her that Robert was part of a consortium. Глагол tell не употребляется для указания на отдельную реплику, ср. невозможность фразы *'Hello', he told me [Carter, McCarthy, 2011: 806].

«Закрепленность» опорного предиката за определенным типом цитативной конструкции – явление, встречающееся в латинских текстах: глагол inquam, inquit используется для маркирования отдельных реплик в форме прямой речи, dicere 'сказать', narrare 'рассказать' и т. п. – при придаточных предложениях и в конструкции accusativus cum infinitivum [Есперсен, 1958: 338; Machtelt Bolkestein, 1996: 124].

Таким образом, в ряде индоевропейских языков встречается корреляция между семантическими типами опорных предикатов и синтаксическим типом цитации.

Современному русскому языку грамматическое противопоставление глаголов *говорить*, *сказать* и *сообщить* несвойственно. Базовой моделью цитирования является сложное предложение – союзное придаточное или бессоюзное, в котором в качестве опорного предиката может использоваться любой глагол речи. Основное средство ввода чужой речи – супплетивная видовая пара *говорить* – *сказать*: оба глагола могут вводить прямую и косвенную речь, а также изъяснительные предложения, осложненные модальным значением волеизъявления (см. статью *говорить/сказать* для семантического словаря [Зализняк Анна А., 1991: 71–83]):

- а) ‘сообщать’: *Он сказал матери, что вернется поздно;*
- б) ‘утверждать’: *Прудон говорит, что собственность есть воровство;*
- в) ‘велеть’: *Уходя, мать говорила детям, чтобы они никому не открывали дверь.*

Другие глаголы речи также свободно используются как при прямой, так и при косвенной речи, см. примеры из «Русской грамматики» 1980 г., ср.: *Дети закричали: «Снег идет!» – Дети закричали, что идет снег* [Русская грамматика, 1980: §2805].

Традиционно считалось, что для русского языка на протяжении его истории было характерно весьма слабое разграничение прямой и косвенной речи, синтаксические свойства *verba dicendi* отдельно не исследовались. Тем не менее составители словарей древнерусского языка отмечали семантические различия между глаголами *verba dicendi* – по типу значений наиболее употребительные древнерусские глаголы речи можно разделить на две группы:

- глаголы с преобладанием «локутивной» семантики, т. е. указывающие на отдельную реплику в канонической ситуации общения *я – здесь – сейчас* [Падучева, 1996: 259], например, книж. глаголати ‘говорить’, речи ‘говорить, сказать’ [Срезн. III: 118–119], мълвити ‘говорить’ [Срезн. II: 201], об использовании указанных глаголов как специализированных лексических показателей локутивного акта при передаче чужой речи см. также [Савельев 2010: 505];

- глаголы, указывающие на результат интеллектуальной обработки, реферирования чужой речи или мысли, такие как **повѣдати** ‘рассказать, сообщить’ [Срезн. II: 1006], **повѣдѣти** ‘рассказать, сказать’ [Срезн. II: 1007], **сѣказати** ‘сказать, сообщить, разъяснить’ [Срезн. III: 713], глагольные фразеологизмы со словом **вѣсть** – **высть вѣсть** (**приде вѣсть**) – ‘пришло извѣстие’, **вѣсть** – ‘известие, извещение’ [Срезн. III: 494, 495].

Современные исследования по синтаксису древнерусских летописей показывают, что уже в раннедревнерусский период у глаголов речи существовали синтаксические ограничения на тип зависимой конструкции с чужой речью. В работе [Шевелева, 2009: 149] на материале КЛ установлено, что опорные предикаты с семантикой ‘сказать, говорить’ (**речи, глаголати, мѣлвити**) употреблялись только при прямой речи, предикаты со значением ‘сообщить, рассказать’ (**повѣдати, сѣказати, высть вѣсть, приде вѣсть** и др.) – преимущественно при косвенной речи, построенной по модели изъяснительного предложения. Выявленные различия свидетельствуют о том, что в ранний период семантические свойства опорного предиката в большей степени определяли структуру зависимого предложения, чем на современном этапе.

Данные древнерусских летописей позволяют проследить состав и развитие опорных предикатов цитативных конструкций с XI по вторую половину XVI вв., а также пути формирования современной видовой пары *говорить/сказать*. В данной главе ставится задача на основании статистических данных реконструировать общую схему употребления глаголов *verba dicendi* при цитативных конструкциях в летописях XII–XIV вв., а также основные направления исторических изменений в их употреблении.

Для выявления грамматических различий между разными типами *verba dicendi* опорные предикаты разделены на следующие семантические группы:

- а) локутивные глаголы речи со значением ‘говорить, сказать’, маркирующие чужую реплику (в терминах теории речевых актов);
- б) опорные предикаты со значением ‘рассказать, сообщить’, указывающие на реферирование чужого высказывания (далее они называются реферативными глаголами речи);

в) иллокутивные глаголы, маркирующие цель цитируемого высказывания, например, *спрашивать, приказывать, командовать, просить, молить* и др. [Серль, 1986: 182].

Опорные предикаты, не подходящие ни под один из указанных типов, объединены в группу «другие опорные предикаты».

2. Опорные предикаты при прямой и косвенной речи в летописях XII–XIV вв.

2.1. Древнерусские глаголы речи

В исследованных древнерусских летописях при цитативных конструкциях зафиксированы следующие опорные предикаты: **речи, глаголати, мълвити, повѣдѣти, повѣдати, съказати, съказовати, вѣщати, повѣстити**. В большинстве случаев вывод о типе конкретного глагола речи, реферативный или локутивный, можно сделать на основании анализа словарных статей, хотя и не во всех случаях словари содержат всю необходимую информацию. Во-первых, иногда не отражается, какое значение фиксируется у слова раньше, а какое позже. Во-вторых, одно и то же слово может иметь разные значения в церковнославянских и русских памятниках, например, **мълвити** в ц.-сл. означает ‘шуметь’ (как и в южнославянских языках), а в северно- и восточнославянских источниках употреблялся только в значении ‘говорить’ [Пичхадзе, 1998: 477].

По данным словарей наиболее надежно определяется группа следующих локутивных глаголов:

речи – ‘говорить, сказать’ [Срезн. III: 118], [СРЯ XI–XVII, 22: 157]

глаголати – ‘говорить’ [Срезн. I: 516]; ‘говорить, произносить что-то вслух’ [СРЯ XI–XVII, 4: 25]

мълвити – ‘tumultuari, хлопотать, заботиться; говорить’ [Срезн. I: 516]; ‘шуметь, беспокоиться; хлопотать, заботиться; говорить, сказать’ [СРЯ XI–XVII, 9: 240]².

² Интересно, что многие славянские локутивные глаголы складываются на базе оноματοпозитических корней: исследователи устанавливают этимологически родственные слова, содержащие семантический компонент ‘шум, гомон’, ср. **рѣчи** и лит. *rekti* ‘кричать’ [Срезн. III: 158], южнославянский. **глаголати** и рус. *го-логолити* ‘болтать’ [ПОС, 7: 63], чеш. *hlaholiti* ‘звучать, возвещать’ [ЭССЯ, 6: 204–205], словац. *vtať(iet)* ‘от

К локутивным предикатам можно также отнести малоупотребительные глаголы, которые зафиксированы в книжных контекстах:

вѣщати ‘говорить’ [Срезн. I: 502]; ‘разговаривать, беседовать; гласить’ [СРЯ XI–XVII, 15: 153];

повѣстити ‘вести речь, передавать слова, разговаривать’ [Срезн. II: 1008].

К реферативным предикатам относится устойчивое сочетание **высть вѣсть** (**приде вѣсть**) – ‘пришло извѣстие’, **вѣсть** – известие, извещение (см. значение в [Срезн. III: 494, 495]); ‘сообщение; донесение’ [СРЯ XI–XVII, 3: 118].

Для нескольких глаголов в словарях указаны как локутивные, так и реферативные значения, ср.:

сѣказати ‘сказать, назвать, сообщить, передать, выразить’ [Срезн. I: 714], ‘выразить словами какую-л. мысль, сообщить, сообщать, рассказать, произнести’ [СРЯ XII–XVII, 24: 165];

сѣказовати ‘говорить, сообщать, рассказывать’ [Срезн. III: 715]; ‘сообщать, рассказывать, излагать’ [СРЯ XII–XVII, 24: 171].

Важно, что значение ‘сообщить, доложить’ для **сѣказати** и **сѣказовати** сопровождается в словарях большим количеством архаичных примеров, в то время как контексты, иллюстрирующие локутивное значение ‘произнести, говорить’, являются достаточно поздними. Таким образом, данные словарей указывают на реферативные свойства **сѣказати** и **сѣказовати** в раннедревнерусский период.

Отдельного рассмотрения заслуживают глаголы **повѣдѣти** и **повѣдати**. У **повѣдѣти** фиксируются преимущественно реферативные значения **повѣдѣти** ‘рассказать, сказать; явить; объявить, доложить; сообщить, сказать, рассказать, сообщить, оповестить’ [СлРЯ XI–XVII, 15: 143]. Для **повѣдати** словари указывают локутивные и реферативные значения как для ранних, так и для поздних примеров, ср.: **повѣдати** ‘сообщить (сообщать), сказать (говорить), рассказать (рассказывать)’ [СлРЯ XI–XVII, 15: 142]. Особенность **повѣдати** состоит в том, что он мог иметь две омонимичные основы - **повѣдати**₁ с тематическим суффик-

гава ‘шум; речь’ [Отин, 1975: 172]. В церковнославянских текстах **мѣлвити** употребляется в значении ‘шуметь’, в восточнославянских – в значении ‘говорить’ [Пичхадзе, 1998: 477; Пичхадзе, 2011: 137].

сом **–а** и **повѣдати**₂ с суффиксом имперфективации **–а**: первый представлен в формах аориста, основа несовершенного вида – в имперфективных контекстах, в частности при фазовых глаголах [Кукушкина, Шевелева, 1991: 43]. Стоит отметить, что имперфективация основы акцентирует внимание на процессуальности речевого действия, способствуя развитию локутивных значений ‘говорить, рассказывать’.

Таким образом, словарная проверка позволяет разделить глаголы речи на 3 группы:

- локутивные глаголы: **речи**, **глаголати**, **мълвити**, **повѣстити**, **вѣщати**;
- реферативные глаголы: **сѣказати**, **сѣказовати**, **повѣдѣти**, а также устойчивое сочетание **бысть вѣсть (приде вѣсть)**;
- **повѣдати** имеет локутивные и реферативные употребления в зависимости от типа основы.

Описывая состав глаголов речи в ранний период, исследователи отмечают крайне высокую частотность глаголов **речи** и **глаголати** [Лопатина, 1979: 423]. Употребительность остальных опорных предикатов обычно не комментируется, за исключением некоторых замечаний в исследованиях по синтаксису конкретных памятников [Шевелева, 2009: 145; Гиппиус, 2001].

Наиболее употребительные *verba dicendi* **речи** и **глаголати**, как правило, встречаются в составе особой конструкции ввода чужой речи, специфической для архаичной структуры древнерусских текстов [Преображенская, 1991: 33–34]. Особенность её состоит в том, что вводящая предикация состоит из двух глагольных форм V_1 и V_2 , разделенных сочинительными союзами – **и** или менее книжным **а** (подробнее об употреблении сочинительных союзов **и** и **а** см. [Кузнецова, 1985: 28]), при этом в позиции V_1 используются глаголы, описывающие действия основной линии повествования (в том числе речевые), в позиции V_2 причастие или финитная форма глаголов с локутивными свойствами – как правило, **речи** или **глаголати** [Лопатина, 1979: 424], ср. наиболее типичный пример с финитной формой, присоединяемой в конструкции «нанизывания»: **и посла Всеволодъ противу емоу и ре (sic!) брате понди сѣмо** (КЛ, 1141, 114 об.). Примеры с причастием в позиции V_2 : **въ тѣ самѣ часѣ въ нь же хоташе огньмъ сѣжжѣнѣ быти възъпи глагола**

о нѹждѣ се аг҃лъ бжии мѹчитъ ма (Изборник 1076, л. 212 об.); и не послуша но благослави а рекѣ избѣрѣте отъ себе мѹжа такого достонна а г҃а зѣ васѣ благо-
словлю (НПЛ, л. 166 об.).

Отдельное внимание исследователи обращали на дублирование глаголов речи в составе этой конструкции. Предикат V_1 , принадлежащий основной линии повествования, как правило, является иллокутивным, т. е. указывает на речевое действие; реже в этой позиции встречается предикат основного действия, которому сопутствует речевой акт [Савельев, 2008: 15–16; Савельев, 2010: 505–510]. Предикат V_2 – это непосредственно глагол авторской ремарки, выше в примерах с причастиями подчеркнуты оба типа опорных предикатов.

Б. А. Успенский считает причастную конструкцию с дублированием глаголов речи исключительно приметой книжного языка – примеры ѿвѣшавъ рече и запрѣти кмоу г҃лци рассматриваются им как синтаксическая калька с греческого, усвоенная в церковнославянском языке [Успенский, 2002: 255]. Между тем имеет смысл разделить известный синтаксический грецизм ѿвѣшавъ рече [Гиппиус, 2001: 165, 177–178] и причастия глаголов речи в функции «второстепенного сказуемого» [Потебня, 1958: 185–207]. В работе [Преображенская, 1991: 95–101] причастная конструкция с дублированием глаголов речи рассматривается как оригинальная восточнославянская черта в древнерусских текстах – существенным аргументом служат немногочисленные, но регулярно встречающиеся некнижные контексты, в которых причастие от глагола речи присоединяется к финитной форме при помощи некнижного союза а по типу а река, например: жены Р҃скаіа въспла-
кашас(а) а рк҃чи – «Слово о Полку Игореве», нхѣ же дѣлатъ послалъ баше... а
река (Ипат., ГВЛ, 1175, 209 об.) [Зализняк, 2008а: 191]. Модель а река отмечена и в берестяных письмах бытового содержания, например, грамота № 697 за 60–90 гг. XIV вв.: а еше мене зазвалъ родъ... а рка такъ за тобою хлѣбъ мой [Гиппиус, 2004: 190]. Приведенные примеры из гибридных и некнижных источников дают основания рассматривать конструкцию а река (а рка, арк(о)҃чи и др.) как черту живого синтаксиса.

В данной главе описываются не только семантические свойства *verba dicendi*, но и грамматические особенности наиболее употребительных глаголов ре-

чи, которые используются в позиции непосредственного опорного предиката конструкции. Материал излагается в соответствии с выделенными типами опорных предикатов в рамках двух хронологических срезов – ранние летописи XII–XIV вв. и НЛ за XIV–XVI вв. В каждом разделе список опорных предикатов приводится в виде таблицы с указанием количества их употреблений: цифра слева – при прямой речи, цифра справа – при косвенной. В примерах опорный предикат выделяется подчеркиванием.

2.2. Локутивные предикаты

Локутивные глаголы являются наиболее частотными опорными предикатами. Статистика показывает, что они решительно преобладали при прямой речи и почти не встречались при косвенной речи, см. данные в Таблице 1 – цифра слева указывает количество употреблений при прямой речи, цифра справа – при косвенной речи.

Таблица 1

Частотность локутивных предикатов при прямой и косвенной речи (ПР/КР)

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
речи	403/0	539/0	118/1	76/1	169/0	77/0
глаголати	116/2	19/0	7/0	1/0	42/0	7/3
мълавити	4/0	50/1	7/1	9/1	9/0	2/0
вѣщати	0/0	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0
повѣстити	0/0	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0
<i>всего</i>	523/2	608/1	134/2	86/2	220/0	86/3

Рассмотрение наиболее частотных глаголов речи начнем с наиболее обширной группы примеров – контекстов с прямой речью.

Из таблицы видно, что наиболее частотным опорным предикатом при прямой цитации был глагол **речи**. Из всех глаголов *verba dicendi* он является наиболее нейтральным по регистровой принадлежности и видовым противопоставлениям –

двувидовые употребления этого глагола описаны на материале старославянского языка в работе [Koch, 1990].

В исследованных летописях **речи** употребляется в форме аориста или причастия настоящего или прошедшего времени. В форме аориста **рече** (**рекоша** и др.), как правило, присоединяется при помощи союза **и** к глаголу основного повествования:

Призвавъ брата Исака, егоже слѣпи, посади его на прѣстолѣ, и рече: «даже еси, брат, тако створилъ, прости мене, а се твое царство» (НПЛ, 1204, 66, Повесть о взятии Царьграда фрягами);

И посла Всеволодъ противоу емоу и рече: брате, понди сѣмо (КЛ, 1141, 114 об.).

Глагол **речи** в форме аориста может присоединяться и бессоюзно:

Половци же не вземше вѣсти ѿ Олговичъ вѣжаша оу своа Мьстиславу бо боли належацю на Всеволода рекоша ему: «Повелъ еси Половци» (КЛ, 1128, 108 об.);

Рече король емоу: «Боуди тако», и идаше поутемъ своимъ (ГЛ, 1256, 278).

Речи в форме аориста является основным средством введения реплик диалога. Как правило, ответная реплика вводится либо при помощи частицы **же**, маркирующей смену участника диалога, либо одиночной формой глагола:

Кназь же Всеволодъ приѣхавъ къ Юрьеву сождася с Переяславци сказанмъ рѣчь Мстиславу. они же рекоша ему: «Ты ему добра хотѣлъ, а онъ головъ твоихъ ловить, поѣди, княже, к нему» (СЛ, 1177, 129);

Князь же Святослав присла свои тысяцькы на вѣче, рече [начальная реплика диалога]: «не могу быти съ Твердиславомъ и отънимаю от него посадничество». **Рекоша же новгородци:** «е ли вина его». **Онъ же рече** [т.е. тысяцкий от имени Святослава]: «безъ вины». **Рече Твердислав** [новый участник диалога – посадник Твердислав]: «тому есмъ радъ, оже вины мои нѣтъ; а вы, брате, въ посадничествѣ и въ князѣхъ». **Новгородци же отвѣщаша:** «княже, оже нѣтъ вины его, ты к намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити; а тебе ся кланяемъ, а се нашъ посадник» (НПЛ, 1218, 91–91 об.).

Речи в форме причастия **река** (**рекѹще**, **рекѹща** и т. д.) – наиболее распространенный способ введения прямой речи в исследованных летописях. Как правило, причастие от глагола **речи** (**рекѹще**, **рекѹща** и т. д.) присоединяется бессоюзно, предикатом основной линии повествования в большинстве случаев выступает глагол иллюкутивной семантики (подробнее см. [Савельев, 2010: 505]):

Улегъ же посмѣяса и оукори кудесника река: «**тотъ не право молвѣть волѣствїю но все то лъжа естъ конь оумерлъ а га живъ**» (ПВЛ, 912, 15 об.);

Василко же утопрѣса река: «**Не могу ждати, еда бѹдетъ рать дома**» (ПВЛ, 1097, 88 об.), ‘Василько же отказался, сказав...’

Дмитрии же отречеса тако река: «**Не хочю взяти стола передъ стрѣемъ своимъ**» (НПЛ, 1270, 148 об.);

Оугре же пыгани величахуса рекѹще: «**уже на ны придетъ, а мы са с нимъ бѣемъ**» (КЛ, 1151, 159 об.); ‘Венгры же пьяные хвастались, говоря...’

И посмѣяса дружинѣ свои и оукори га река: «**вставите мѧ единого**» (СЛ, 1263, 168 об.);

Володимиръ бо зоваше тогда теста своего по великоу тако река: «**Гснѣuche, поедъ, побоудешъ во своемъ домоу и дщери свои здорovie видишь**» (ВЛ, 1274, 290 об.).

Среди примеров, в которых вводящая предикация состоит из двух глаголов речи, имеются контексты, в которых причастие **река** используется при реферативных и локутивных глаголах в позиции предиката основной линии повествования:

Отъслагома же перебрѣдома Днѣпръ с Половци въздаша вѣсть к Гюргеви рекѹще: «**Поиди вборзѣхъ, оуже есмъ перебрели Днѣпръ, да не оударить на насъ Изяславъ**» (СЛ, 1152, 110 об.);

И нача молвити митрополитъ игүмени вси Гюргеви рекѹче: «**Грѣхъ ти естъ, цѣловавши к немю хрѣтъ держиши в толицѣ нүжи...**» (КЛ, 1157, 175).

Некнижная союзная конструкция с причастием **а река** (**а ркоучи**) встречается в летописях крайне редко, при этом дублирования глаголов речи в опорной предикации почти не встречается. В СЛ отмечен всего 1 пример:

Стояша на вежа^х .Г. дѣни веселася а рекуче: «братѣа наша ходили с ѿтославомъ велики^м князе^м и билисѧ с ними зрѧ на Переаславль а ѡни сами к ни^м пришли...» (СЛ, 1186, 134 об.).

В КЛ зафиксировано 2 случая:

Вси братья его послаша мужѣ своѣ къ Андрѣви поводаче и на Ростиславичѣ а рекуче ему: «кто тобѣ ворогъ тоти и намъ а се мы с тобою готови» (КЛ, 1174, 203);

И почѧ весь народъ плача молвити оуже ли Кневу поѣха г^{не} в тоу цркѣвѣ тѣмни Золотыми вороты нхже дѣлатъ послалъ баше тои цркѣви на велицѣмъ дворѣ на гарославлѣ а река: «хочю создати цркѣвѣ таку же ака же ворота си золота да бѣдетъ памать всему оѣству моему» и тако плакасѧ но нѣмъ всѣ градъ (КЛ, 1175, 209–209 об.).

В НПЛ обнаружено 3 примера с причастной конструкцией а река (а ркоучи), причем только в статьях 1224–1228 гг., созданных при архиепископе Антонии и содержащих южнорусские языковые черты:

И приде съ поклономъ съ князи Половцьскими къ зяти въ Галич къ Мьстиславу и къ всемъ княземъ рѣсьскимъ, и дары принесе многы: кони и вельблѣды и бѣволы и дѣвки, и одариша князь рѣсьскихъ, а рекуче тако: «нашу землю днесъ отъяли, а ваша заутро възята бѣдетъ» (НПЛ, 1224, 97);

Тѣгда же приведе пѣлкъ ис Переяславля, а река: «хочю ити на Ригу» (НПЛ 1228, 104 об.);

То же слышавъше пѣсковници, яко приведе Ярослав пѣлкъ, убоявшеся того, възяша миръ съ рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: «то вы, а то новгородьци; а намъ ненадобе; нѣ оже пондѣтъ на насъ, тѣ вы намъ помогите» (НПЛ, 1228, 104 об.).

Контексты с причастием из НПЛ интересны тем, что в каждом из них модель а река выступает не при иллокутивном глаголе, а при опорном предикате основного действия.

В ВЛ встретилось 2 примера, в которых причастная клауза с глаголом речи присоединяется при помощи более книжного союза и:

Литва же ѡбѣщасѧ емоу тако створити и ркоуче: «Володимере добрыи княже правдивъи можемъ за тѧ головы своѣ сложити. коли ти любо ѡсе есмы готовы» (ВЛ, 295, 1280);

И посла ко братоу епѣпа. своего Володимерьского Евъсѣгна. а с нимъ Борка же Шлованца и с тѣми словы река емоу: «брате приѣдь ко мнѣ хоцю с тою радъ оучинити про все» (ВЛ, 1287, 298 об.).

В более книжных ПВЛ и ГЛ специфически восточнославянская модель ввода чужой речи **а река** не встретила ни разу.

Отмеченные примеры с причастной конструкцией, присоединяемой с помощью сочинительных союзов, датируются второй половиной XII–XIII вв. – более ранних случаев не зафиксировано.

Таким образом, в летописях XII–XIV вв. **речи** является наиболее частотным и семантически нейтральным опорным предикатом прямой речи и используется как основной лексико-грамматический маркер границы между нарративом и прямой речью.

Второй по употребительности опорный предикат при прямой речи – это **глаголати**. По степени частотности и характеру контекстов с **глаголати** изученные древнерусские летописи делятся на 2 группы.

В первую из них входят СЛ, КЛ, ВЛ и НПЛ: в этих памятниках **глаголати** используется в контекстах, содержание которых предполагает ориентацию на стандартный книжный регистр, в частности при передаче молитв, проповедей, наставлений, а также речей священнослужителей. Вторую группу образуют более книжные ПВЛ и ГЛ: в них **глаголати** встречается чаще, чем в других источниках, при этом он фиксируется не только в книжных, но и в нейтральных контекстах.

Глаголати в позиции опорного предиката употребляется в форме имперфекта или причастия наст. вр., ср.:

Ѣ радостью и даху радующесѧ и глху: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и богари пригали» (ПВЛ, 988, 44);

Игорь же Стославичъ тотъ годъ бяшетъ в Половцехъ и глаголюще: «Азъ по достоянью моему восприяхъ повѣдоу ѿ повеления твоего владко Гси, а не поганьская дерзость вломи силоу рабъ твоихъ» (КЛ, 1185, 226);

Вси же зраше такового чюда глаголюху: «кнаже правъ кси поѣди противу кму» (СЛ, 1177, 128 об.);

Апслъ глаголюще: «наченъ в васъ дѣло благое да свершитъ є» (СЛ, 1206, 244 об.).

В ВЛ и НПЛ примеров с глаголати в форме имперфекта не встретилось.

В ПВЛ и ГЛ глаголати отмечен также в форме причастия:

и повѣда єму глаголю: «не ходи кнже хотѣтъ тѣ гати» (ПВЛ, 1097, 88 об.);

И посла къ нима въ Городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рѹлава и Стѣмида глаголю: «имете ми сѧ по дань» (ПВЛ, 907, 12);

Се слышавше Курсуници послаша къ Роману глаголюще: «Се идутъ Рѹсь, покрыли сѹтъ море корабли» (ПВЛ, 944, 18);

Андрѣеви же пришедшоу ко ѿцю си и братоу и Соудиславоу глаголюще непрестаньно изѣидете на Галичъ и примете землю Роускою Аще не поидеши оукрѣпѣти на ны (ГЛ, 1229, 257 об.).

В КЛ, НПЛ, СЛ, ВЛ употребление причастия глаголати, как правило, мотивировано установкой на книжный регистр в молитвах, торжественных речах и обращениях священнослужителей:

И помолися, глаголю: «господи боже, призри съ невестъ и вижь, и посѣти винограда своего, и съвѣрши иже насади десница твоя...» (НПЛ, 1198, 59 об.);

Тоу бо бяшетъ ємоу обычанъ всегда ставити и сѣде на столцѣ зане не можеше стояти ѿ немочи и воздѣвъ роуцѣ на нѣбо моляшесѧ со слезами глаголю: «владко Гси и вижь смирение мое вдержаша мѧ нынѣ на тѣ бо оуповая терплю...» (ВЛ, 1288, 302 об.);

Въ то же лѣто оженися Святославъ Олговицъ Новгородѣ, и вѣнчася своими попы у святого Николы, а Нифонт его не вѣнчя, ни попомъ на сватбѣ, ни церенцемъ дастъ, глаголю: «не достоинъ єя пояти» (НПЛ, 1136, 17 об.–18). В

данном случае возможна аллюзия на текст Евангелия об Иоанне Предтечи: **не до-
стоитъ ти имѣти єѧ** (Матфей XIV), см. [Стеценко 1984: 37–38].

В отличие от **речи**, книжный **глаголати** зафиксирован в сочетании с фазовым глаголом, однако такие примеры единичны:

і нача ѿтополкъ глѣти: «**встани на ѿстоукъ**» (sic! в Хлеб. списке на с(вя)тополкъ!) (ПВЛ, 1097, 89);

**възрѣвъ на икону самого творца. нача глѣти тихо(м̃) гл(с̃)мъ слезы испу-
щаѧ ѿ зѣниці**: «**нынѣ ѿпусти раба своего вл(а̃)ко по глѣ твоему**» (КЛ, 1168, 190).

Таким образом, по составу парадигмы и типам контекстов **глаголати** в русских летописях маркирован не только стилистически, но и по видовому значению – как глагол речи несовершенного вида.

Мълвити встречается при прямой речи реже остальных локутивных предикатов – в среднем количество примеров варьируется по летописям от 2 до 10 (исключение – КЛ, около 50 контекстов). **Мълвити** употребляется в основном либо в форме имперфекта, либо в сочетании с фазовым глаголом (ср. также **глаголати**), что свидетельствует о наличии в его семантической структуре указания на продолжительность действия, подобно современному *говорити*. Укажем основные употребления **мълвити** – в форме имперфекта и в сочетании с глаголом **начати**:

Моужи же єму єдини молваху: «**кѣже не ѣзди по немъ ѿати перешель земли...**» (КЛ, 1194, 138 об.);

А онъ мълвляше имъ: «**не ходите, мене богъ послушаетъ**» (НПЛ, 1134, 16)

А Нифонтъ тако мълвляше: «**не достоинъ єсть сталъ, вже не благословенъ єсть от великаго свора, ни ставленъ**» (ПВЛ, 149, 26).

Гевргини же видѧ кѡ непокорство к собѣ сжалѣси ѡ погыбели людѣстѣи нача молвити и дѣтем̃ своимъ и болярѡм̃ своимъ: «**не можемъ стояти сдѣ**» (СЛ, 1156, 116 об.);

Миндовгъ же восхотѣ поати свєсть свою за сѧ и нача єи молвити: «**сестра твоя оумираючи велѣла мѣ тѧ поати за сѧ тако рекла ать инаѧ дѣтии не**

цвѣлѣть» и поа ю за сѧ (ВЛ, 1262, 286 об.), цвѣлѣти – ‘заставлять плакать, обижать’ [Срезн. III: 1437];

и начаша Татарове молвити: «знаете ли княжича вашего Володимера» (СЛ, 1237, 160–160 об.).

В форме причастия в функции «второстепенного сказуемого» мѣлвити встретился всего 1 раз – в КЛ:

Улговичи же дру҃гѣи послѣ послаша ко Рюрикови молвачи емоу: «брате намъ с тобою не бѣвало николи же лиха аже есмѣ не оу҃кончали сее зимѣ радю҃ со Всеволодомъ и с тобою и с братомъ твоимъ Давыдомъ» (КЛ, 1195, 237 об.).

Парадигма употреблений глагола мѣлвити указывает на тип основы несовершенного вида. Интересно, что оценки современных исследователей относительно видовой принадлежности устаревшего глагола варьируются: в [Русская грамматика, 1980: §1406], в НКРЯ и Грамматическом словаре [ГС, 1977: 703] он классифицируется как глагол совершенного вида. В употреблении мѣлвити отмечены диалектные различия между летописями – этот глагол широко представлен только в КЛ, что может косвенно свидетельствовать об активизации этого опорного предиката в южной диалектной зоне.

Книжные глаголы повѣстити и вѣщати встретились только при прямой цитации и только в составе оборота дательный самостоятельный – оба примера зафиксированы в книжной ГЛ:

Дьмѣлови же повѣстащоу с нимъ: «сыноу сгрѣшихъ не давъ тобѣ Галича но давъ иноплеменикоу Боудислава льстыца свѣтомъ шболсти бо маажь Бѣтъ восхочеть поидивѣ на на азъ всажоу Половци а ты своими...» (ГЛ, 1227, 255–255 об.);

Уномоу же вѣщавшю сноу: «за первую любовь не могу на нь востати а налѣзи собѣ дру҃ги» (ГЛ, 1211, 249 об.).

Таким образом, летописи XII–XIV вв. показывают, что в древнерусский период строго выдерживалось соответствие между семантикой опорного (вершинного) предиката и семантическими свойствами зависимой цитативной конструкции: при прямой речи решительно преобладают глаголы со значением ‘произнести’.

При косвенной речи³ локутивные опорные предикаты *речи*, *глаголати* и *мълавити* в летописях XII–XIV вв. практически не встречаются, за исключением единичных примеров. Первые надежные употребления локутивных глаголов при косвенной речи отмечены в ГВЛ и датируются второй половиной XIII в. В ГЛ впервые фиксируется контекст, в котором модель *река іако* вводит косвенную речь с абсолютно правильным местоимением 3 л. мн.ч. *іа* ‘их’ в придаточной части:

Того лѣ^т присла Миндовгъ к Данилоу просѧ мироу и хотѧ любви ѡ сватѣ-
ствѣ, тогда же Тевтилъ прибѣже к Данилоу и Жемонть и Іатвазъ река іако
Мндовгъ оубѣди іа серебромъ многимъ (ГЛ, 1253, 275), здесь *іа* ‘их’, указывает на участников речевой ситуации – Тевтила, Жемонта и Ятвагов.

Два менее надежных примера встретились в ВЛ – оба контекста являются дейктически нейтральными. Важная их особенность – употребление *оже*, союзного маркера косвенной речи [Преображенская, 1991: 141], при локутивных опорных предикатах *речи* и *мълавити*:

Хитрѣчи же смотрѣвшѣ тако рекоша оже матежь великъ боудеть в зем-
ли, но Бѣ спѣ^с своею волею, и не бы^с ничто же (ВЛ, 1265, 287 об.);

Телебоуга же еха шбъзирать города Володимѣра а друзѣни молѣвать оже
вы (sic! в Хлебниковском сп. – *аже* бы) и в городѣ былъ но то невѣдомо (ВЛ,
1280, 296).

Появление надежных примеров косвенной речи, которая вводится по модели *река іако*, равно как и появление союза *оже* при локутивных глаголах *речи* и *мъл-
вити*, свидетельствуют о начале разрушения старой модели ввода чужой речи и

³ К косвенной речи здесь мы относим только примеры, построенные по модели с союзами *оже* и *аже*, а также примеры с надежными грамматическими отсылками после союза *іако* (подробнее функции указанных союзов в формировании косвенной речи рассматривается в Главе III). Локутивные глаголы в ряде случаев встречаются при дейктически нейтральных контекстах, например: *Половцѣ которѣи оутѣгли перенти вежами спсошасѧ а которѣи не оутѣгли а тѣхъ взѧша рекоша же ако в тоу рать вежѣ и кони скоти мнози потопли соутъ в Хирин* (КЛ, 1183, 220 об.). При отсутствии дейктических элементов невозможно определить, является ли это пример косвенною речью или прямой речью с *іако*. Примеры с локутивными глаголами при дейктически нейтральных контекстах с *іако* рассматриваются в главе II о союзной прямой речи.

начале действия новой тенденции – унификации опорных предикатов при разных конструкциях цитирования.

Таким образом, в летописях XII–XIV вв. в отношении локутивных глаголов достаточно строго выдерживается правило: они широко используются только при прямой речи и почти не встречаются при косвенной. Первые случаи отступления от правила о локутивных предикатах фиксируются во второй половине XIII в. в летописях юго-западного ареала – ГЛ и ВЛ.

2.3. Реферативные предикаты

Реферативные опорные предикаты (**приде вѣсть**, **повѣдати**, **повѣдѣти**, **сѣказати**, **сѣказывати**) фиксируются в летописях в несколько раз реже, чем локутивные, ср.:

Таблица 2

Реферативные предикаты при прямой и косвенной речи (ПР/КР)

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
(приде) вѣсть	1/2	6/47	1/6	0/5	3/9	1/0
повѣдати	2/0	8/14	0/0	15/7	2/2	0/0
повѣдѣти	0/1	1/3	0/0	1/0	0/0	0/1
сѣказати	0/0	0/2	0/2	0/0	0/2	0/0
сѣказывати	0/0	0/1	0/1	0/0	0/0	0/0
<i>всего</i>	3/3	15/67	1/9	16/12	5/13	1/1

Статистика показывает, что реферативные глаголы, в отличие от локутивных, имеют тенденцию употребляться при косвенной речи и почти не встречаются при прямой. Исключение составляет опорный предикат **повѣдати**.

В первую очередь рассмотрим употребления опорных предикатов, которые зафиксированы главным образом при **косвенной речи**.

Наиболее ярко синтаксические ограничения на тип цитативной конструкции отмечены у глагола **сѣказати** и вторичного имперфектива **сѣказывати** – они зафиксированы исключительно при косвенной речи, при этом основная часть контекстов – это надежные случаи с соответствующими дейктическими отсылками (выделены пунктиром):

И тако посолникъ Изѣславль приѣхавъ и сказа Изѣславоу, вже ѿстоупила его соуть (КЛ, 1147, 127 об.);

То же слышавъ Оулаѣвъ приѣже ко кнѣзю своему Изѣславоу и сказа емоу, вже его ѿстоупили кнѣзи Черниговьскіи и цѣловали на нь хрѣтъ (КЛ, 1147, 126 об.);

То же слышавъ Оулаѣвъ приѣже ко кнѣзю своему ко Изѣславу на Бупон и сказа ему, вже его ѿступили кнѣзи Черниговьскіи и цѣловали на нь крѣ (СЛ, 1147, 105);

внем же ѿшедшимъ Юрьги же имъ сказываше. тако стрѣлци соуть. (ГЛ, 1223, 252 об.);

и сказываютъ ми Смолчанѣ изъимани ажъ братья ихъ не доврѣ с Дѣдомъ (КЛ, 1195, 238).

Отдельно укажем на редкий случай, в котором позицию придаточной части косвенной речи занимает оборот «дательный самостоятельный»:

О си^(X) же Всеславичи^(X) сице естъ тако ск(а)заша вѣдущи пре^(Ж) тако Роговолоду держащу и владѣюще и княжащу Полотьскѣю землю а Володимеру сущу Новѣ городѣ дѣтскѣ сущу еше (СЛ, 1128, 99 об.). ‘...говорили сведущие люди раньше, что Рогволод держал, и владел, и княжил в Полоцкой земле, а Владимир был в Новгороде, малолетний был еще’.

Обратим внимание, что опорные предикаты **сѣказати** и **сѣказывати** в ряду *verba dicendi* являются наименее употребительными – примеры при косвенной речи единичны. Тем не менее их отсутствие при прямой речи нельзя считать случайностью, связанной с низкой частотностью этих лексем. Данные об употребительности

сѣказати и **сѣказывати** в древнерусском подкорпусе НКРЯ таковы: для **сѣказати** обнаруживается 100 вхождений в 13 документах из 14 [НКРЯ: http://www.ruscorpora.ru/help-old_rus.html], т. е. этот глагол сам по себе довольно частотный, однако позиция опорного предиката не является для него основной. **Сѣказывати** в НКРЯ встретился всего 2 раза – это указанные выше контексты из КЛ и ГЛ. Малоупотребительность вторичного имперфектива в летописях XII–XIV вв. ожидаема и объясняется тем, что модель имперфективации на *-ыва/-ива* в памятниках XII–XIII вв. продуктивна главным образом только в южных и юго-западных источниках [Шевелева, 2010: 237–238].

Отметим синтаксические свойства **сѣказати**, указывающие на наличие у него грамматических ограничений на ввод прямой речи. Имеются примеры, в которых **сѣказати** употребляется при вводе прямой речи, но не в качестве непосредственного вершинного предиката, а в позиции глагола основной линии повествования. Непосредственным опорным словом в указанных случаях служит локутивный глагол – **глаголати** и **речи** в форме причастия или аориста:

іакоже сказа ѿ нихъ Мефедии Патаринскъ гла: «Александръ црь Макидонскіи. възыде на восточныа страны до моря...» (ПВЛ, 1096, 86);

Он же сказа ему и рече: «сыночи былъ веселъ съ своею дружиною и шелъ спать здоровъ» (КЛ, 1154, 170).

Другой специфической особенностью **сѣказати** является сильное управление винительным падежом существительного событийной семантики, т. е. такого существительного, которое способно быть номинативным эквивалентом предложения и занимать место придаточной клаузы⁴ [Арутюнова, 1976/2009: 76, 78], ср.:

И скажетъ льсть Черниговскиѣ кнѣзю (КЛ, 1147, 127 об.), 'и скажет, что черниговские князья обманули [его]'; зд. **льсть** 'обман, хитрость; заговор' [Срезн. II: 68];

⁴ Заметим, что локутивные глаголы также имеют объектную валентность, однако она заполняется существительными, связанными с речевой деятельностью, или местоимениями, например: **только имъ то рече**: «пойдите в товары своя а шпаты въ взовоу» (КЛ, 1149, 136 об.); другое же **слово молвити**: «аще кто незаконнѣ мученъ бѹдетъ не вѣнчается...» (КЛ, 1169, 119 об.); **аъ мои посолъ молвити рѣчь мою к ни**^м (КЛ, 1147, 127 об.).

И сказаша имъ свою погыбель (СЛ, 1186, 135), ‘и рассказал им свою беду’ или ‘и рассказал, что с ним случилась беда’ погыбель ‘бедствие’ [Срезн. II: 1027];

И вси бо видивше ю не могу́тъ сказати изрядныа красоты ея златомъ и финиптомъ и всакою добродѣтелью и црѣвнымъ строеньемъ оукрашена (КЛ, 1175, 205 об. – 206), ‘не могут рассказать, насколько изрядна красота её’.

Модель управления сказати хорошо иллюстрируется примером, в котором в однородном подчинении выступает пропозитивное существительное в В.п. и придаточное предложение:

Рюрикъ же хотѣ исправити крѣтѣе целование не хотѣ дати подъ Романомъ волости но стогаше крѣпко за нею но дагаше емоу иноую волость ѡнъ же ее не бреже но хотѣше подъ Романомъ которыѣ же просилъ башеть и бы^ѣ межи ими распра велика и рѣчи и хотѣша мѣжи собою востати на рать... Рюрикъ же призва митрополита Микифора и сказа емоу все крѣтѣе цѣлование к Романови про волость про что же и рать воставаеъ со Всеволодомъ (КЛ, 1195, 236), ‘Рюрик же призвал митрополита Микифора и рассказал ему о крестном целовании к Роману про волость и про то, что война назревает с Всеволодом’.

Таким образом, употребления сказати в летописях XII–XIV вв. подтверждают наличие у этого глагола синтаксических ограничений на тип зависимой конструкции: он имел объектную валентность, которая могла заполняться событийным существительными или придаточным предложением косвенной речи (подробнее о свойствах объектной валентности см. [Апресян, 1995: 125–126; Тестелец, 2001: 162, 173]).

У остальных опорных предикатов с реферативными значениями ограничений на тип зависимой цитативной конструкции не выявлено. Для них употребление при косвенной речи является скорее тенденцией, чем правилом.

Из глаголов, преимущественно встречающихся при косвенной речи, отметим нетематический повѣдѣти (повѣдѣ). По данным НКРЯ, этот глагол был довольно частотным, несмотря на более архаичный тип основы, – 48 употреблений в 10 документах из 14. В исследованных летописях повѣдѣти зафиксирован при косвенной речи в 5 случаях из 7 его употреблений.

В КЛ отмечено 3 примера с повѣдѣти при косвенной речи, из них всего 1 с надежными дейктическими отсылками в придаточной части:

Изяславъ же посла послѣ кѣ братѣ своему Ростиславу Смоленскому. и повѣдѣ ему же самъ ходилъ на Гѣослава на Улгови и оумирилъ с ним (КЛ, 1152, 166).

В остальных двух случаях контексты дейктически нейтральны, но в случае с КЛ маркером косвенной речи может считаться союз уже⁵, ср.:

приѣха кѣ ѿцю своему и повѣдѣ уже Половци прочь пошли (КЛ, 1154, 169 об.);

Изяславъ же поидѣ кѣ Киеву а ко королевѣ послѣ мужъ свои и повѣдѣ ему же Володимиръ съступилъ хрѣстнаго цѣлованиа (КЛ, 1152, 163 об.).

В нескольких случаях повѣдѣти используется для ввода косвенного вопроса в составе прямой речи:

повѣжъ намъ кѣ ксть мою(ж) твою (НПЛ, 1204, 67);

и повѣжыте ны колько васъ. да вѣдѣ по числу на головы (ПВЛ, 971, 27 об.).

В 2 примерах из КЛ и ВЛ этот глагол является непосредственным опорным предикатом при прямой речи:

Гѣославъ же повѣдѣ Иванкови Гюргевичъ Иванови Ростиславичю Берладникоу и дружинѣ свои и Половцемъ дикымъ оумъ своимъ Тюнрако Усоулоуковичъ и братъ его Камосѣ: «се на ма идетъ Изяславъ Мьстиславичъ а промѣшланимъ въ собѣ» (КЛ, 1147, 123).

а повѣж ми то: «сам ли еси в Бѣрестѣ сѣлъ своею волею ци ли велениемъ ѿца своего...» (ВЛ, 1289, 305 об.).

В ГЛ и СЛ повѣдѣти не отмечен.

Из реферативных предикатов наиболее частотными являются устойчивые словосочетания со словом вѣсть (**бысть вѣсть, даде вѣсть, приде вѣсть**) – в

⁵ О союзах косвенной речи в КЛ см. [Шевелева, 2009: 142; Преображенская, 1991: 143], а также разделы о союзах в главах II и III.

древнерусском подкорпусе зафиксировано 228 вхождений в 10 документах из 14. Ярче всего их реферативные свойства проявились в менее книжных КЛ и СЛ – 47 и 9 употреблений при косвенной речи, ниже некоторые примеры:

Бѣ бо ѣмѹ вѣсть уже идеть в помочь ѣмѹ сватъ Володимеръ изъ Галича (КЛ, 1151, 156 об.);

Бѣ бо ѣмѹ вѣсть тогда уже иде^т ѣмѹ в помочь сватъ Володимерко, и пони де противѹ ѣмѹ (СЛ, 1152, 111);

Вѣсть бо приде к немоу уже Ноган передилъ его ко Краковоу прити, и про се бы^с межю има болше нелюбье (ВЛ, 1280, 296 об.).

Предикаты со словом вѣсть встречаются также в более книжных ПВЛ и ГЛ:

Прииде же вѣсть к Олгови, яко сторожеве его изоманѣ (ПВЛ, 1096, 87);

Приде ми вѣсть яко идуть ко мнѣ Бореньдичи (ПВЛ, 1097, 91), здесь местоимение 1 л. грамматически правильно соотносится с местоимением 1 л. в опорной предикации.

Данилови же и Василкоу женоуцоу по немь вѣсть приде яко Тотарове вышли соутъ и-землѣ Оугорское, идоуть в землю Галичкоу, и тою вестью спсеса (ГЛ, 1241, 267).

Устойчивые словосочетания со словом вѣсть в единичных случаях зафиксированы при прямой речи, однако количество примеров с прямыми цитациями заметно меньше, чем с косвенными, ср.:

въ тѹ же нощѣ приде ѣмѹ вѣсть ис Кыева ѿ сестры его Передьславы: «ѿць ти умерлъ а Ѹтополкъ сѣдитъ в Киевѣ пославъ оуби Бориса и Глѣба а ты блюдиса сего по велику» (ПВЛ, 1015, 53);

и въѿ ѣмѹ вѣсть: «братъ ти оумерлъ Вачеславъ а Ростиславъ повѣженъ а Изяславъ Двѣвичъ сѣдитъ Киевѣ а Глѣбъ снѣ твои сѣдитъ в Перетаслави» (КЛ, 1154, 171–171 об.);

приде же вѣсть ко Мьстиславу ѿ а: «Михалко еѿ немошенъ несутъ его на носилахъ а с нимъ дружинты мало...» (СЛ, 1176, 126 об.);

Въ то же лѣто придоша ис Кыева от Всѣволода по брата Святослава вѣсти Кыеву: «а сына моего, рече, примите собе князя» (НПЛ, 1141, 21);

далъ бо бѣ имъ и Михаилъ вѣсть: «Боуда в Пиньскѣ» (ГЛ, 1247, 268 об.).

Таким образом, при косвенной речи преобладают реферативные опорные предикаты **сѣказати**, **сѣказывати**, **повѣдѣти** и **приде вѣсть** – для них по большей части соблюдается корреляция между семантической реферативностью и косвенным цитированием, тем не менее ограничение на тип цитации выявлено только у **сѣказати**, для **повѣдѣти** и **приде вѣсть** оно действует не так строго.

Более сложная картина употребления у опорного предиката **повѣдати** – он встречается при прямой и косвенной речи. Особенность этого глагола состоит в том, что он имел 2 омонимичные основы – совершенного и несовершенного вида [Кукушкина, Шевелева, 1991: 43].

В функции опорного предиката **повѣдати** в древнерусских летописях встречается крайне неравномерно: в НПЛ и ГЛ он вовсе не отмечен, между остальными источниками в употреблении этого глагола имеются отличия.

В ПВЛ **повѣдати** фиксируется только в форме аориста. В 1 случае – при прямой речи:

бѣси же мечтавшѣ имъ повѣдаша: «что ради пришелъ естъ» (ПВЛ, 1071, 66 об.), ‘бесы же, явившись им [Новгородцу и кудеснику], сказали: «Для чего ты пришел?»’, **мьчѣтати** ‘являться’ [Срезн. II:].

В остальных 17 примерах из ПВЛ **повѣдати** вводит союзную прямую речь или дейктически нейтральные контексты – они подробно рассматриваются в главе II в связи с семантикой союза **іако**, приведем некоторые из них:

повѣда іако въ сии днѣ оумреть Ростиславъ іакоже и бы^ѣ (ПВЛ, 1066, 62);
и повѣда имъ еже бѣ ему повѣдалъ Дѣдъ іако брата ти оубилъ (ПВЛ, 1097, 89).

В КЛ, СЛ и ВЛ **повѣдати** зафиксирован в позиции опорного предиката при прямой и косвенной речи, а также при дейктически нейтральных контекстах. Чаше,

чем в остальных летописях, **повѣдати** встречается в КЛ и ВЛ, при этом в КЛ он решительно преобладает при косвенной речи, а в ВЛ – при прямой речи. В случае с **повѣдати** не выявлено корреляции между видовыми свойствами и типом зависимой цитативной конструкции: формы аориста, имперфекта или сочетания с глаголом **начати** свободно встречаются как при прямом цитировании, так и при косвенном, ср.:

а) при прямой речи

И посла вѣсть ко строеви своемуу к Черниговоу ко Іѡрославоу и братъи своен и **повѣда** имъ: «Мѣстислава есмь галъ и полкъ его повѣдилъ, и Двѣвъ полкъ» (КЛ, 1195, 238 об.);

Дѣдъ же има вѣры **нача повѣдати** брату Рюрикови: «Брате, приателеве ми повѣдаютъ, вже Мѣстиславъ хочеть наю гати» (КЛ, 1170, 193 об.);

Кнѣзь же оуразоумѣвъ вѣнде с ними вонъ и **поча** емоу **повѣдати**: «Братъ ти тако моавить (так!): наръжанса самъ и людье наръди возитиса на Вислѣ, ратъ боудеть оу тебе завѣтро» (ВЛ, 1281, 293 об.).

б) при косвенной речи

И послаша к Володимеру **повѣдаша** ему, вже король оуже идеть на нь (КЛ, 1150, 147 об.);

Начаша повѣдати вже в Нѣмцихъ вѣше^д море и потопило землю гнѣвомъ Бѣимъ ... (ВЛ, 1285, 297).

и нача слати къ брату Стѣславу къ Улговичю и къ Всеволодичю Стѣславу велѣ има поити съ собою на Галич то има **повѣдаше** вже на нь хотать поити Киеву (КЛ, 1159, 178 об.).

тогда же **повѣдаше** братъи: (даеть) **даеть** городъ Всеволожь бояромъ и села роздаваетъ (ВЛ, 1287, 298) –несмотря на пропуск изъяснительного союза, на косвенную речь здесь указывает форма 3 л. в зависимой части.

Отдельно отметим редкие случаи с **повѣдати** в форме причастия в функции «второстепенного сказуемого» (по типу **посла река**). Два примера встретились в КЛ

за 1195 г., и оба не книжные – в них наблюдается свойственный разговорной речи переход от косвенной речи к прямой, ср.:

и посла ко Всеволодоу повѣдаа емоу ажъ Романъ прислалъсѧ ко Улгови-
чемь. и поводитъ и на Къѣвѣ. и на все Володимере племя. а тѣмъ брате в Воло-
димери племени старѣи еси насъ ...(КЛ, 1195, 236 об.);

и повѣдаа емоу ажъ есмы состоупилъсѧ Витебска товѣ (КЛ, 1195, 238 об.).

Последний контекст формально устроен как союзная прямая речь, однако в качестве средства связи используется не **так**, а союз **аж**, который широко встречается в косвенной речи.

В одном случае причастие повѣдаа встретилось при прямой речи, и этот пример тоже довольно поздний – конец XII в.:

Всеволодъ же оумиривсѧ съ гарославомъ и посла мужь свои ко Рюриковѣ повѣдаа емоу: «съ гарославомъ есми оумирилсѧ» (КЛ, 1196, 240 об.).

Отметим также, что глагол повѣдати имел ту же модель управления, что и сказати, т.е. мог управлять винительным падежом существительного событийной семантики:

Изяславъ же приде в борзѣ к нему к Бѣлугороду и переправи полкы свои
черезъ мостъ до свѣта ...Борисъ же повѣда ѿцу своему Изяслава (СЛ, 1150,
151); ‘Борис же рассказал отцу своему, что пришел Изяслав’

и тоу присла к нему Володимиръ повѣдаа емоу Игореву оубиство (СЛ,
1147, 130); ‘и прислал к нему Володимир, сообщая, что Игоря убили’, из рассказа
о расправе киевлян над князем Игорем;

то же время привѣгоша из Роуси дѣцкы и повѣдаша емоу Володимира в
Черниговѣ а Изяслава оу Стародоубѣ (КЛ, 1147, 125 об.), ‘рассказали ему, что
Володимир в Чернигове, а Изяслав в Стародубе’.

Из всех зафиксированных в ранних летописях опорных предикатов повѣда-
ти более всего близок к современному употреблению глаголов речи по следующим
признакам: а) он имел видовую пару в виде основ совершенного и несовершенного

вида; б) он мог употребляться в локутивных и реферативных значениях; в) у **повѣдати** не выявлено ограничений на тип цитативной конструкции.

Таким образом, опорный предикат **повѣдати**, в отличие от других глаголов речи, не обнаруживает жесткой корреляции между семантическими свойствами и предпочтительным способом цитирования. Распространение его в качестве опорного предиката цитативных конструкций могло быть первым шагом на пути к стиранию грамматических различий между локутивными и реферативными глаголами речи в летописях южного ареала. Статистические данные показывают, что рост употребительности **повѣдати** отмечен только в южнорусских летописях XII–XIII вв. – КЛ и лингвистически близкой ей ВЛ (о лингвистической близости указанных источников см. работы [Шевелева, 2010: 216; Юрьева, 2013: 144, 146]).

2.4. Иллокутивные предикаты

В современном литературном языке иллокутивные глаголы составляют наиболее обширную группу среди *verba dicendi* – пособия по стилистике рекомендуют широко использовать их в авторской ремарке для устанения однообразия и более точной передачи смысловых и изобразительных оттенков [Розенталь, 1974: 334–335].

В отличие от современной ситуации, в ранних летописях иллокутивные глаголы довольно редко употребляются в позиции непосредственного опорного предиката цитативной конструкции. Это связано с тем, что при необходимости эксплицировать цель чужого высказывания в летописном узусе чаще всего использовался книжная конструкция с двумя глаголами – иллокутивный глагол и локутивный глагол в качестве вершинного предиката конструкции, например:

И прииде ІѦрославъ из Мѣрома къ Мьстиславѣ кланѧасѧ емѣ молашетьсѧ река: «Хрестъ еси челоуалъ ко мнѣ, поиди на Всеволода» (КЛ, 1128, 108 об.);

Тем не менее в летописях выявлено небольшое количество примеров, в которых иллокутивный глагол является непосредственным опорным предикатом цитативной конструкции – всего 63 контекста с прямыми и косвенными цитациями из древнерусских летописей.

Список иллокутивных глаголов, зафиксированных при прямой и косвенной речи в древнерусских летописях, довольно разнообразен (30 лексем), однако в нем отчетливо выделяется несколько лексико-семантических групп с общими синтаксическими свойствами – см. данные в Таблице 3:

Таблица 3

Иллокутивные опорные предикаты при прямой и косвенной речи (ПР/КР)

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
Глаголы диалогической речи						
въпрашати ‘обратиться с вопросом’	1/0	0/0	1/0	2/1	2/0	0/0
въспросити ‘спросить’	0/0	0/0	0/0	1/0	0/0	0/0
испытати ‘спрашивать, разузнавать’	1/0	0/1	0/0	0/0	0/1	0/0
прашати ‘спрашивать’	0/0	4/0	0/0	0/0	0/0	0/0
оупросити ‘спросить’	1/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0
отвѣчати ‘отвечать’	1/0	3/0	4/0	0/0	0/0	3/0
ПР – 24, КР – 3	4/0	7/1	5/0	3/1	2/1	3/0
Глаголы эмоциональной реакции и оценки						
жалити ‘негодовать’	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0
жаловати ‘негодовать’	0/0	1/3	0/0	0/0	0/0	0/0
жаловатисѧ ‘жаловаться’	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0	0/0
винити ‘осуждать’	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0
възрѣпѣти ‘роптать’	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0
капати сѧ ‘раскаиваться’	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0
пожалити си ‘возмутиться’	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0
пожаловати ‘пожаловаться’	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0
похвалити ‘похвалить’	0/0	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0
ПР – 3, КР – 9	0/1	1/7	0/1	0/0	1/0	1/0

Глаголы коммуникативного обязательства						
кѡлѣтисѧ ‘клясться’	0/0	0/0	0/2	0/0	0/0	0/0
показати правьдѣ ‘подтвердить обещание’	0/0	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0
цѣловати крѣ- стѣ ‘целовать крест в знак присяги’	1/0	2/1	0/0	0/0	0/0	0/0
ПР – 3, КР – 4	1/0	2/1	0/3	0/0	0/0	0/0
Глаголы просьбы						
зѡпрашати ‘просить’	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0
испросити ‘просить’	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0
молитисѧ ‘просить’	1/0	1/0	0/0	0/0	0/0	1/0
просити ‘просить’	1/0	2/0	0/0	0/0	0/0	1/0
ПР – 8, КР – 1	2/0	3/1	0/0	0/0	0/0	3/0
Глаголы категоричного волеизъявления						
казати ‘давать наказ’	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0	0/0
нѣдити ‘принуждать’	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0
ПР – 2, КР – 0	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0	1/0
Другие глаголы речи						
вѡбити ‘приглашать’	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0	0/0
позѡвати ‘пригласить’	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0
вѣзѡватисѧ ‘называть себя к.-либо’	0/0	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0
ѡвѡлати ‘заявлять’	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0
молитисѧ ‘молиться’	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0	0/0
обѡдити ‘оклеветать’	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0
ПР – 5, КР – 1	0/0	1/1	0/0	0/0	1/0	2/0
Всего ПР – 45, КР – 18	7/1	15/11	6/4	3/1	4/1	10/0

Как видно из таблицы, иллокутивные предикаты, в отличие от локутивных и реферативных предикатов, по большей части встречаются при цитациях обоих типов. Все же при прямой речи они частотнее, чем при косвенной, поскольку прямая речь является преобладающей формой цитирования в летописях XII–XIV вв.

Полный список иллокутивных предикатов с примерами приведен ниже. Поскольку языковая интуиция носителя современного русского языка не может быть

в полной мере применена к древнерусскому тексту, значения для каждого слова уточняются по словарям, при этом для многозначных лексем приводится только то значение, которое встретилось в контексте с цитацией. Почти все примеры, кроме самых очевидных случаев, сопровождаются переводом на русский язык. Грамматические показатели косвенной речи выделены пунктиром.

Наиболее употребительными иллокутивными предикатами являются **глаголы диалогической речи** – слова со значением ‘спросить, спрашивать’ и ‘ответить, отвечать’. Указанные вершинные предикаты в большей степени проявляют локутивные свойства.

Глагол **отвѣчати** ‘ответить, отвечать’ [Срезн. II: 781] зафиксирован только при прямой речи, ср.:

Ростиславъ же емоу то ѿвѣча братѣ и ѿѣде ако ни в оумѣ своемъ ни на срѣци ми того не было (КЛ, 1147, 136);

Коурилъ же ѿвѣща емоу: «се ли твори возмездье оума своимъ воз добродѣанье» (ГЛ, 1240, 266 об.).

Глаголы со значением ‘спросить, спрашивать’ также используются преимущественно при прямой речи, ср.:

въпрашати ‘обращаться с вопросом, вопрошать’ [СлРЯ XI–XVII, 3: 27]:

и почаша въпрашати живѣхъ [изыманыхъ]: «много ли вашихъ назади» (СЛ, 1169, 121);

въспросити ‘спросить’ [СлРЯ XI–XVII, 3: 27]:

Кондратъ же воспроси ратьныхъ: «кто есть воевода в сени рати» (ВЛ, 1287, 301);

прашати ‘спрашивать’ [Срезн. II: 1374]:

и почаша прошати Күзмице: «къѣ есть оубитъ гѣнъ» (КЛ, 1175, 208);

и начаста его прашати: «ѿ котораго есте становища поѣхали» (КЛ, 1151, 138);

оупросити ‘спросить’ [Срезн. III: 1249]:

оупроси его володимерь: «то веде гала вы рота многажды бо ходивше ротѣ воевасте Рүсьскюю землю то чему ты не училъ снѣвъ своихъ и роду своего не пе-

рестѹпати ротѣ но проливаете кровь хрестыаньскѹ» (ПВЛ, 1103, 96), ‘Спросил его [половецкого вождя] Володимир: «Вы ведь давали клятву! Много раз дав клятву, воевали русскую землю. Почему ты не учил сыновей своих и род свой не преступать клятвы, но проливаете кровь христианскую?»’.

В позиции опорных предикатов при косвенной речи глаголы со значением ‘спросить, спрашивать’ зафиксированы всего в 3 случаях – в КЛ, СЛ и ВЛ, имеющих общие лингвистические особенности, ср.:

испытати ‘разузнавать; спрашивать’ [Срезн. II: 1140]:

пославѣша сторожѣ и испытаста вже Дюрги оу Городци оуже а Изяславъ Киевѣ (КЛ, 1150, 151), ‘...послав сторожей, и разузнали, что Юрий уже в Городце, а Изяслав в Киеве, ср. общее чтение (СЛ, 1151, 110);

Глаголы со значением ‘узнать, узнавать’ относятся к классу слов, подчиняющих косвенный вопрос [Падучева, 1987: 87], на этом основании мы включаем **испытати** ‘разузнавать; спрашивать’ в круг контекстов с чужой речью.

Опорный предикат со значением ‘спросить’ зафиксирован при специальном косвенном вопросе в записи из ВЛ конца XIII в., ср. пример с **въпрашати** ‘обращаться с вопросом, вопрошать’ [СлРЯ XI–XVII, 3: 27]:

Володимеръ же нача вопрашати его ѿ Телебоуѣ како сѧ дѣяло в Ляхохъ и коуда и въходъ его изъ Ляховъ (ВЛ, 1287, 298 об.), ‘и начали спрашивать его о Телебуге, как учинилось у Ляхов...’.

Таким образом, в древнерусских летописях иллокутивные предикаты со значением ‘спросить, спрашивать’ и ‘ответить, отвечать’ имеют синтаксические свойства, как у локутивных глаголов, – в ПВЛ, ГЛ и НПЛ они используются только при прямой речи.

В КЛ, СЛ и ВЛ глаголы со значением ‘спросить, спрашивать’ преобладают при прямом цитировании, но встречаются и при косвенной речи – их появлению при изъяснительном придаточном могла способствовать семантическая близость значений ‘спрашивать’ и ‘узнавать’. При этом глагол **отвѣчати**, семантический конверсив для ‘спрашивать’, в КЛ, СЛ и ВЛ ещё не распространился на конструкцию косвенной речи.

Среди иллокутивных предикатов, зафиксированных при прямой и косвенной речи, также частотными являются глаголы **речи, указывающие на эмоциональные реакции**. В эту группу объединены лексемы со значением ‘каяться’, ‘негодовать’, ‘обвинять’, ‘осуждать’ и ‘хвалить’.

В древнерусских летописях глаголы, описывающие эмоциональные реакции, используются только при прямой речи – см. широкий круг лексем со значением ‘негодовать’:

жалити ‘негодовать’ [Срезн. I: 841], ‘выражать недовольство’ [СлРЯ XI–XVII, 5: 70]

приѣха князь Ярославъ в Новѣгородъ, и нача жалити: «мѹжи мои и братья моя и ваша побита; а вы розѣратилися с Нѣмци» (НПЛ, 1269, 147), ‘Приехал князь Ярослав в Новгород и начал негодовать: «Мои люди и братия моя и ваша побиты, а вы войну с немцами начали»’.

жаловати ‘негодовать’ [Срезн. I: 844], [СлРЯ XI–XVII, 5: 73]:

Андрѣева же дружина приѣздаче к нему жаловахоутъ: «что твориши кѣже и поеди кѣже прочь аже ли доведемъ сорома» (КЛ, 1149, 141 об.), ‘Андреева дружина, приехав к нему, негодовала: «Что творишь, князь, поезжай, князь, прочь, что если проиграем битву»’;

жаловатисѧ ‘приносить жалобу’ [Срезн. I: 843], здесь ‘жаловаться с негодованием’:

Новгородци цѣловавше ко Всеволодѹ Юргевичю крѣтъ и не оуправиша ѡнъ же иде к Торжкѹ в волость и^х и не хоташе взати города бѣша во ѡбѣщалисѧ дань дати... дружина же Всеволожа начаша князю жаловатисѧ: «мы не цѣловатъ ихъ приѣхали ѡни княже Бѣи лжють и тобѣ» и се рекше оудариша в конѣ и взаша городъ мѹжи повазаша а женѹ и дѣти на цитъ и товаръ взаша а городъ пожгоша весь (СЛ, 1178, 130 об.); ‘Дружина Всеволодова начала князю с негодованием жаловаться: «Мы не присягать им приехали, они, князь, Богу лгут и тебе»...’.

Глаголы, описывающие эмоциональную реакцию, могут иметь валентность причины, ср. книжный пример из ПВЛ с опорным словом **възропѣтати** ‘возроптать’ [Срезн. I: 371]:

по семъ же паки възропташа на Моисеа и на Арона еже не бѣ воды (ПВЛ, 986, 37 об.), ‘после этого же снова возроптали на Моисея люди за то, что не было воды’.

Тенденция использовать при глаголах речи, описывающих эмоциональные реакции, придаточное причинно-изъяснительного типа, широко отразилась в КЛ, ср. примеры глаголов со значением ‘жаловаться, негодовать’:

жаловати ‘жаловаться, негодовать’ [Срезн. I: 844], [СлРЯ XI–XVII, 5: 73]:

миръ стоитъ до рати а рать до мира нѣ же на на про то не жалоуи вже есмѣ оустали на рать жалъ бо нѣ есть бра^т своего Игорѣ (КЛ, 1148, 133). ‘... ты же на нас не жалуйся за то, что встали войной’;

пожалити си ‘возмутиться, вознегодовать’ [Срезн. II: 1078]:

и пожалиша си велми Ростиславичи вже ихъ лишаеть Рѹськои земли а братѹ своему Мѣхалкови даеть Кыевъ (КЛ, 1174, 202), ‘и возмутились очень Ростиславичи тому, что их лишает Русской земли, а брату своему Михалку дает Киев’;

пожаловати ‘пожаловаться’ [Срезн. II: 1078], здесь в значении ‘осудить’:

бра^та же вси пожаловаша на Мѣстислава вже оутанвѣсѣ ихъ пѹсти в наворопъ сѣдельникѣ своѣ и кощѣѣ ночь заложивѣсѣ ѡтан (КЛ, 1170, 193), ‘Братья все осудили Мьстислава за то, что пустил в разъезд своих воинов...’.

Изъяснительно-причинные предложения косвенной речи отмечены в КЛ и при других глаголах, связанных с эмоциональными реакциями.

винити ‘обвинять, осуждать’ [СлРЯ XI–XVII, 2: 180]:

и посла посолъ свои к Рюрикови вправлява сѣ во крѣ^тное целованье а Давыда винитъ про Витебскъ аже помогаеть зятю своему (КЛ, 1195, 238 об.), ‘И послал посла своего к Рюрику, оправдываясь в крестоцеловании, а Давида обвиняет за Витебск, за то что [он] помогает зятю своему’;

каятисѣ ‘раскаиваться’ [Срезн. II: 1202]:

и в томъ сѧ каете што есте хотѣли оучинити (КЛ, 1148, 133 об.), ‘и в том раскаиваетесь, что вы хотели учинить’, **что** здесь используется как союзное слово;

а язъ сѧ каю того королю вже есмь тобѣ сръце вередилъ и пакы вже противу сталъ тобѣ (КЛ, 1152, 162), ‘а я раскаиваюсь перед королем в том, что тебе сердце бередил и что против тебя встал’.

похвалити ‘похвалить, отблагодарить’ [Срезн. II: 1314], [СлРЯ XI–XVII, 18: 48]

и похвалиша Бѧ и стѣго Дмитръѧ яко накорми а (ГЛ, 1213, 250), ‘и похвалили Бога и св. Дмитрия за то, что накормил их’.

Таким образом, КЛ отражает расширение семантического состава опорных предикатов при косвенной речи – при этой конструкции активно используются предикаты эмоционального речевого действия. Их распространению способствует семантическая и структурная близость косвенных цитаций с причинно-изъяснительными предложениями (союз **оже** использовался также при предложениях причины и следствия [Срезн. II: 628]).

Глаголы речи, описывающие коммуникативное обязательство (‘обещать’, ‘договориться’), в единичных случаях отмечены при прямой и косвенной речи:

цѣловати крѣстъ ‘целовать крест в подтверждение клятвы, присягать’ [Срезн. III: 1452]:

и крѣтъ к нему цѣлова: «Боле ми того не надобѣ Володимерь (КЛ, 1188, 229 об.);

Тимофею же кленшюсѧ имъ в семъ яко не свѣдоушоу Мьстиславоу ничто же в семъ и приведе бояре вси к нему (ГЛ, 1226, 254), ‘Тимофей же клялся им в том, что Мстислав не знал ничего об этом, и привел всех бояр к нему’.

Для устойчивого словосочетания **показати правду** точное значение в словарях не указано [Срезн. II: 1358–1360], в ГЛ он отмечен в значении ‘подтвердить’:

Ростислав же показа правдоу свою. яко не естъ во свѣтъѣ с Мѧхиломъ (ГЛ, 1240, 266), ‘Ростислав же подтвердил [им], что он не в союзе с Михаилом’.

Отметим, что глаголы коммуникативного обязательства широко распространены при инфинитивном придаточном со значением долженствования (тип *цѣловать крѣсть яко не разлучитися има*), подробно они рассмотрены в Главе III. Другие типы зависимых цитативных конструкций отмечены в единичных случаях: в ГЛ встретилась клауза с книжным оборотом Дательный самостоятельный при глаголе *кѣлѣтисѧ* ‘клясться’ [Срезн. II: 1237], а также изъяснительное придаточное при глаголе *показати правду* – последний пример указывает на обязательство по отношению к настоящему моменту, в отличие от инфинитивной конструкции, обозначающей обязательство исполнить действие в будущем, т. е. после момента речи. Таким образом, опорные предикаты, содержащие модальный компонент обязательства, при прямой и косвенной речи в древнерусский период почти не употребляются, основной сферой их использования были инфинитивные придаточные (см. Главу III).

Отдельную группу иллокутивных предикатов образуют **глаголы просьбы**. Их особенность заключается в том, что они употребляются преимущественно при конструкциях с сослагательным наклонением (тип *почаша просити дабы не воеваль*).

Глаголы просьбы встретились в 4 случаях при прямой речи:
запрашати ‘просить’ [Срезн. I: 939]:

Прѣже своего прѣставлення Саватии съзва владыкѣ Антония и посадника Иванка и всѣ новгородце, и запраша братье свои и всѣхъ новгородьць: «изберете собѣ игүмена» (НПЛ, 1228, 102–102 об.);
молитисѧ ‘просить’ [Срезн. II: 168]:

и поча Давыдъ молитисѧ: «пусти мѧ из города». Стѣполкъ же овѣщасѧ емү и цѣловаста хрестъ межю собою и изыде Дѣдъ из города (ПВЛ, 1097, 92 об.),
 ‘И начал Давыд просить: «Пусти меня из города»...’;

Новгородьци же много моляхүся: «не ходи, княже»; и не можахүть его үати (НПЛ, 1218, 88 об.), ‘Новгородцы же много просили его: «Не ходи, князь»’
просити ‘просить’ [Срезн. III: 1568]:

и пакѣ Олговичи начаша просити оу гарополка: «что нѣ ѿцѣ держалъ при вашемъ ѿци того же и мы хочемъ...» (ПВЛ, 1135, 110 об.);

Фрязи же ѹведавъше яга Исаковиця, воеваша волость около города, просяче ѹ Мюрчюфла: «даи намъ Исаковиця, ото поидемъ къ Нѣмечскүмү цесарю...» (НПЛ, 1204, 68);

В 1 случае встрети́лась конструкция с косвенной речью при глаголе **испросити** ‘просить’ [Срезн. II: 1136]:

Половци же испросиша оу Сѣтослава Игорѧ ать лажеть с ними по Ловьскоу (КЛ, 218, 1180), ‘Половцы попросили Святослава, чтобы Игорь расположился с ними...’.

В списке иллокутивных предикатов встрети́лось всего два каузативных опорных предиката, **указывающих на категоричное волеизъявление** со стороны говорящего. Интересно, что они зафиксированы только при прямой речи и не отмечены при других типах полипредикативных конструкций:

казати ‘приказать’ [Срезн. I: 1175], ‘давать наказ’ [СлРЯ XI–XVII, 7: 17]

и посла с ними сѣна своего Юрьѧ и Бориса Жидиславича воеводоу казавъ имъ Рюрика и Давыда веля имъ изыгнати изъ вчины своей: «а Мьстислава емьше не створите ему ничто же приведете и ко мнѣ» и тако ему казавшю Борисови Жидиславичю и вѣлѣвшю ему ити къ Сѣтославу Всеволодичю како сѧ башь с нимъ свѣщали (КЛ, 1174, 203 об.), ‘И послал к ним сына своего Юрия, и Бориса Жидиславича воеводоу назначив им, и веля им Рюрика и Давида прогнать из отчины своей, «а Мстислава захватив, ничего с ним не делайте и приведите его ко мне», – так он приказал Борису Жидиславичу и повелел ему идти к Святославу Всеволодовичу, как они с ним договорились’. Пример интересен тем, что часть приказа пересказывается повествователем, далее следует немаркированный переход к прямой речи. Функцию опорной предикации выполняет клауза, расположенная в постпозиции **и тако ему казавшю**. Употребление опорного слова после прямой речи – редкий случай для древнерусских летописей.

нѹдити ‘принуждать’ [Срезн. II: 472]; ‘заставлять, притеснять’ [СлРЯ XI–XVII, 11: 438]

женѹ же его, имѣше, приведоша въ святѹю Софию и много нѹдиша ю: «по-вѣжь намъ кде есть мѹж твои», и не сказа о мѹжи своемъ (НПЛ, 1204, 67), ‘Жену же его привели в Софийский собор и много принуждали её [сказать]: «Расскажи нам, где муж твой», и не сказала о муже своем’.

Важно обратить внимание на то, что сфера употребления глаголов распоряжения в древнерусский период не охватывала полипредикативных конструкций. Как показано в примерах выше, даже в позиции при прямой речи этот тип *verba dicendi* в древнерусских летописях почти не употреблялся.

Остальные иллокутивные предикаты не образуют единой лексико-семантической группы – они описывают различные речевые действия, связанные с социальными практиками или политическим этикетом Древней Руси, ср.:

вабити ‘приглашать’ [Срезн. I: 223]

В том же лѣтѣ выбѣже княгини изъ Галича въ Лахи... начаша сѧ слати к ней Сѣтополкъ и ина дружина вабаче ю впѣть: «а князѧ ти имемъ» (КЛ, 1173, 201), ‘...начал присылать за ней Святополк и другая дружина, приглашая её обратно...’, **впѣть** ‘обратно’ [Срезн. II: 702].

позъвати ‘призвать, позвать, пригласить’ [Срезн. II: 1085]

Въ то же лѣто приде князь Мѣстиславиць Всѣволодъ Пльсковѹ, хотя сѣсти опять на столе своемъ Новѣгородѣ, позванъ отаи новгородскими и пльсковскими мѹжи, приятели его: «пойди, княже, хотятъ тебе опять» (НПЛ, 1137, 18–18 об.). ‘Позван тайно новгородскими и псковскими свободными людьми, приятелями его: «Пойди, князь, хотят тебя обратно»’.

Отдельно отметим глагол **възъыватисѧ** ‘называться’ [СлРЯ XI–XVII, 2: 163] – в ГЛ этот глагол употреблен в значении ‘представиться кем-то’:

Андрѣви же на двое боудѹщоѹ ввогда възъывающоусѧ королевѣ есмь ввогда же Татарскимъ держащоѹ неправдоѹ во срѣци (ГЛ, 1255, 277); ‘Андрей же служил на две стороны, то представляясь: «я от короля», то татарским [ставленником], держа неправду в сердце’.

В древнерусский период социальные и религиозные обычаи были связаны с устной традицией [Birnbau, 1991: 132–133], поэтому использование указанных выше предикатов при прямой речи закономерно.

В 1 случае перформативный глагол, маркирующий декларацию официально-го лица [Серль, 1986: 185], использован при косвенной речи, ср. **павлати** ‘заявлять, давать знать, сообщить’ [Срезн. III: 1636]:

Изъяславъ же поида къ Києву а ко королеви посла мужъ свои и повѣдѣ ему же Володимиръ състѹпилъ хрѣтнаго цѣлованиа и рече тобѣ сѧ оуже не ворочати ни мнѣ но толико павлаю ти уже есть състѹпилъ Володимеръ хрѣтнаго цѣлованиа но ты толико не забываи своеѣ слова еже еси реклъ (КЛ, 1152, 163 об.), ‘...но только заявляю тебе, что нарушил Володимир крестное целование, но ты только не забывай своего слова, которое дал’.

Глагол **павлати** содержит реферативный компонент значения – он акцентирует внимание на том, что было сказано, подчеркивая официальный статус сообщения и высокую оценку по параметру истинности [Зализняк Анна А., 1987: 51].. В указанном примере обращает внимание связка 3 л. и порядок слов **уже есть състѹпилъ** – синтаксические особенности указывают на эмфатическое выделение цитируемого сообщения.

К редким типам вершинных предикатов при прямой и косвенной речи относятся глаголы, описывающие религиозные действия:

молитисѧ ‘молиться, обращаться к Богу’ [Срезн. II: 168]:

Влѣзандръ же слышавъ словеса ихъ разгорѣсѧ срдѣцмъ и вниде в цркъв стѣпа Софыа падъ на колѣнѹ предъ олтаремъ нача молитисѧ со слезами: «Бѣ хвалныи и праведныи Бѣ великыи и крѣпкыи Бѣ превѣчныи создавѣи нбо и . ѿ [читается *землю*]...» (СЛ, 1263, 168 об.), ‘Начал молиться со слезами...’.

Глаголы, связанные с религиозными речевыми действиями, как правило, используются в древнерусских летописях с локутивным глаголом в позиции опорного предиката (**молитисѧ река..**)

К единичным случаям относится пример с опорным предикатом, указывающим на недостоверность чужой речи:

обадити ‘наговорить, обвинить’ [Срезн. II: 497], ‘оклеветать, оговорить, обвинить’ [СлРЯ XI–XVII, 12: 10]:

И тѣ обадиста Володимириця братью свою: «и не ими, княже, вѣры братьи наю, сѣть на тя съвѣтали съ чьрниговьскими князи», и тѣмъ є облици рязаньстии князи (НПЛ, 1205, 73), ‘и там оклеветали Володимиричи братию свою: «Не верь, князь, братии нашей, против тебя они сговорились с черниговскими князьями»’.

Опорные предикаты, содержащие компоненты эпистемической оценки, в древнерусских летописях шире используются при модально-осложненных конструкциях с союзной прямой речью, чем при косвенной речи или бессоюзной прямой речи, – подробнее см. Главу II.

Таким образом, в употреблении многозначных иллокутивных предикатов прослеживается следующая закономерность: если иллокутивный глагол употреблен в значении с компонентом ‘произнести’, то при нем используется прямая речь (**жаловати** ‘выражать негодование’), если в значении иллокутивного глагола есть указания на аналитическую передачу чужой речи или причинные связи (**жаловати** ‘жаловаться на что-то’), то он вводит конструкцию косвенной речи.

2.5. Другие типы опорных предикатов

При цитативных конструкциях, помимо глаголов речи, встретились следующие типы опорных предикатов: 1) эмотивные глаголы; 2) глаголы мысли; 3) глаголы, характеризующие тип коммуникации (устной или письменной); 4) глаголы основного действия; 5) существительные в функции опорного слова.

2.5.1. Опорные предикаты, характеризующие эмоциональность чужого высказывания, по семантике ближе всего к локутивным глаголам – они также содержат в своем значении компонент ‘произнести’ и акцентируют внимание на том, как именно было произнесено сообщение – список см. в Таблице 4:

Эмотивные глаголы при прямой и косвенной речи (ПР/КР)

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
възъпити	0/0	1/0	1/0	0/0	1/0	0/0
кликнѹти	0/0	0/0	3/0	0/0	0/0	0/0
плакати	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0	0/0
<i>всего</i>	0/0	2/0	4/0	0/0	1/0	0/0

В древнерусских летописях эмотивные глаголы речи фиксируются в единичных случаях при прямой речи и не встречаются при косвенной:

възъпити ‘закричать, воскликнуть’ [СлРЯ XI–XVII, 2: 302]

и людие Черниговци въспиша къ Всеволодоу: «ты надѣшиша бѣжати в Половцѣ а волость свою погубиши то к чемоу са шпаты воротишь лоуче того встаниса въ високоу мыа своего и проси си мира...» (КЛ, 1139, 112);

плакати ‘плакать’ [СлРЯ XI–XVII, 15: 70]:

и нача плакати над нимъ Күзмице: «гсѣ мои како еси не шчютилъ скѣрныхъ и нечѣстивыхъ пагубоу бинственихъ ворожьбитъ своихъ идущихъ к тобѣ или како са еси не домыслилъ побѣдити ихъ иногда побѣжаа полкы поганыхъ Болгаръ» и тако плакаса (КЛ, 1175, 208 об.);

кликнѹти ‘закричать, завопить; крикнуть’ [СлРЯ XI–XVII, 7: 171]:

шнѣм же кликноувшимъ: «вѣрни есмы Боу и тобѣ гсѣноу нашему изиди с Бжїею помощью» (ГЛ, 1231, 258 об.);

Данило же и Левъ тосноушаса к нимъ кликоста: «великомъ глѣмъ бѣгъ бѣгъ штвазѣмъ» (ГЛ, 1256, 278 об.).

2.5.2. Особенность глаголов мыслительно-речевой деятельности состоит в том, что они могут обозначать как вербализованный процесс мышления, так и результат размышлений [НОС: 1128]. В первом случае они имеют локутивные свойства, поскольку важен процесс, во втором – реферативные, поскольку указывают на результат интеллектуальной деятельности.

Опорные предикаты мыслительно-речевой деятельности при цитативных конструкциях встречаются в летописях довольно редко – не более 10 примеров на источник. Важно, что для них синтаксические различия между локутивными и реферативными значениями выдерживаются довольно четко: глаголы мысли, обозначающие совместное обсуждение или процесс рассуждения, вводят прямую речь; глаголы, обозначающие мнение или решение, появляются при косвенной.

Список встретившихся в летописях глаголов мыслительно-речевой деятельности представлен в Таблице 5.

Таблица 5

Опорные предикаты мыслительно-речевой деятельности
при прямой и косвенной речи (ПР/КР)

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
думати ‘совещаться, обдумывать’	0/0	1/0	1/0	0/0	2/0	0/0
мыслити ‘размышлять’	0/0	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0
положити на умѣ ‘задаться мыслью’	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0	0/0
помыслити ‘подумать’	0/0	1/0	0/0	0/0	1/0	0/0
помышлати ‘размышлять’	1/0	1/0	0/0	0/0	1/0	0/0
съдумати ‘обсудить’	0/0	2/0	0/0	0/0	2/0	0/0
съдоумати ‘решить, договориться’	0/0	0/1	0/0	0/1	0/0	0/0
творити ‘полагать, считать’	0/0	0/1	0/0	0/0	0/1	0/4
всего	1/0	6/2	2/0	0/1	6/1	0/4

Приведем примеры с опорными предикатами, указывающими на мыслительно-речевую деятельность:

думати ‘совещаться, думать, обдумывать’ [СлРЯ XI–XVII, 4: 373–374]:

наши же слышавше дѹмаша: «уже дамъѣ симъ животъ а Половецъ много есть назади а насъ есть мало уже съ с ними начнемъ бити то се намъ бѹдѹтъ первни ворози» (СЛ, 1169, 121);

того же вечера доѹмахоутъ: «камъ поидемъ или ко Ѡсоболюзѣ или на Гѣрьборта или возвратимсѧ в домъѣ своѣ» (ГЛ, 1254, 276 об.).

Обратим внимание на использование в примере с глаголом доѹмати форм 1 л. мн. ч., указывающих на процесс совместного размышления.

мыслити ‘мыслить, размышлять, замышлять недоброе’ [СлРЯ XI–XVII, 9: 332–333]:

и за собою встави градъ Перемышль мыслащоу емоу: «аще сего не приимоу да сего держоу» (ГЛ, 1249, 269);

положити на ѹмѣ – точное значение в словарях не указано, ѹмѣ – ‘мысль’ [Срезн. II: 1211], здесь ‘задаться мыслью’:

он же не хоташе ити изъ Роѹскои земли река имъ тако не могоу ити изъ ѡчѣны своѣѣ и со братью своєю розонтисѧ прилѣжно бо тѣшашетьсѧ хотѧ страдати Ѡ всего срдѣца за ѡтѣчино свою...и се положи на оѹмѣ своємъ: «аще Бѣ приведетъ мѧ сдорового дѣни сѧа то не могоу никакого же Роѹскои землѣ забѹтити» (КЛ, 1178, 214), ‘и задался мыслью: если Бог приведет мне быть здоровым в эти дни, то не могу никак Русской земли забыть’.

помыслити ‘подумать’ [СлРЯ XI–XVII, 17: 40]:

се же слышавъ король части Римское Ѡ полѹнощныѧ страны такое мѹжество кнѣзѧ Ѡлѣксандра и помысли в собѣ: «да поидѹ плѣню ѣ [чит. землю] Ѡлѣксандровѹ» и собра силѹ велью (СЛ, 1263, 168), ‘... и замыслил себе: «Пойду пленю землю Александрову»’;

помышляти ‘размышлять, думать о чем-либо’ [СлРЯ XI–XVII, 17: 43]:

и ѡ собѣ нача помышляти: «еда се право бѹдетъ» (ПВЛ, 1097, 88 об.).

С точки зрения синтаксических различий между локутивными и реферативными значениями интересно употребление глагола сѣдѹмати. При указании на процесс совместных размышлений, совещание, он используется для ввода прямой речи:

съдѹмати ‘сообща обдумать, обсудить’ [СлРЯ XI–XVII, 23: 252]:

Черниговцемъ же бѹющимъ изъ города князи же здѹмавшє: «вси не крѣпко бѹтєса дружина. ни Половци вже с ними не ѣздимъ сами» (СЛ, 1152, 113);

Половци же ти слышавше ѣхавша Глѣба к Переяславлѹ и здѹмаша: «се Глѣбъ ѣхалъ на шнѹ сторону къ шнѣмъ Половцемъ а тамо кмѹ пострати а к намъ не ѣхалъ поидемъ за Кѹевъ возмемъ села и поидемъ с полономъ в Половцѣ» (СЛ, 1169, 120 об.).

При обозначении результата размышлений в значении ‘решить после раздумья, надумать’ [СлРЯ XI–XVII, 23: 252] глагол **съдѹмати** вводит косвенную речь:

Изяславъ же съ браѣмъ Ростиславомъ сдѹмавшѹ вже юже рѣкы сѹ роушають и оугодаша понти розно (КЛ, 1148, 137 об.);

сдѹмали же блхѹтъ тако вже бы имъ всимъ вземше Новъгородокъ тоже потомъ понти в землю Литовскою (ВЛ, 1274, 290 об.).

Отдельного внимания заслуживает глагол **творити** ‘полагать, считать’ [Зализняк, 2004: 260; Срезн. III: 936], который, в отличие от других сентенциальных предикатов, использовался для передачи мнения субъекта и содержал имплицатуру возможной ошибочности чужого мнения, подобно современным глаголам *думать*, *считать*, *полагать* [Зализняк Анна А., 2008: 110], ср.:

но Ярославъ Рюриковъ рѣчи не имашеть вѣрѹ творѹ тако же свѣчатисѹ хотѣть на нь и того дѣла не поустѣшетъ пословъ Рюриковѹхъ сквозѣ свою волость (КЛ, 1196, 239), ‘но Ярослав Рюриковой речи не поверил, считая, что заговор собираются устроить против него...’.

Обратим внимание, что глагол мнения **творити** употребляется в основном при косвенной речи или нейтральных контекстах. Более подробно примеры с этим глаголом будут рассмотрены в Главе II в связи с проблемой выражения субъективной модальности при передаче чужой речи.

2.5.3. В отдельную группу опорных **предикатов, характеризующих тип коммуникации**, можно выделить глагол **сълати** и производные от него (**по-сълати**, **присълати** и др.), которые по основному значению не являются глаголами

речевой деятельности, но достаточно широко встречаются при передаче чужой речи, переданной через посланника. Древняя традиция отправлять послов – это особый тип коммуникативной ситуации: помимо канонических отправителя и адресата, обязательным участником такой ситуации был посланник, который транслировал сообщение от лица отправителя, но не принимал участия в разговоре от собственного имени [Гиппиус, 2004: 185]. Сообщения от посланников составляют значительную часть от общего количества реплик, встречающихся в древнерусских летописях.

Способ цитирования посольских речей в летописи заслуживает отдельного пояснения. В большинстве случаев такие послания вводятся с помощью модели *посла и река, посла и рече*, т. е. в паре с локутивным глаголом *речи* или *глаголати*: *того же лѣта присла великий князь Всеволодъ въ Новъгородъ, река тако: «въ земли вашей рать ходитъ, а князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ...»* (НПЛ, 1205, 72); *Гюргевичъ же присласа Володимиру глаго: «по неволи есмь хрѣтъ цѣловалъ къ Изаславоу вже ма былъ встоупилъ в городъ...»* (КЛ, 1147, 132); *Князь же Святослав присла свои тысяцкыи на вѣче, рече: «не могу быти съ Твърдиславомъ и отънимаю от него посадницъство»* (НПЛ, 1218, 91). Примеры, в которых прямая речь вводится по модели *посла и рече* или *посла река*, довольно частотны: ПВЛ – 60 реплик, КЛ – 120 реплик, СЛ – 29, ГЛ – 30, ВЛ – 27, НПЛ – 15. Тем не менее в ряде случаев *сълати* (*посълати*, *присълати* и др.) употребляются в качестве основного опорного предиката, без локутивного глагола – см. данные в Таблице 6:

Таблица 6

Опорные предикаты со значением ‘послать сообщение через посыльного’ (ПР/КР)

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
высълати	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	2/0
посълати	1/0	3/1	1/0	0/0	0/0	14/0
посълатисѧ	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0	0/0
присълати	0/0	0/0	1/0	0/0	0/0	11/0
сълати	0/0	2/0	0/0	0/0	0/0	0/0
<i>всего</i>	1/0	6/1	2/0	0/0	0/0	27/0

Как видно из таблицы, в большей части ранних древнерусских летописей **сълати** и его производные в позиции непосредственного опорного предиката прямой речи встречается редко. Исключение составляет НПЛ – в этой традиции **сълати** и др. регулярно употребляется при прямой речи без сопровождения локутивных глаголов:

и яко скопиша вое и выслаша из города къ воеводѣ: «пони въ городъ, поемъ съ собою мужъ вячьшихъ» (НПЛ, 1193, 52 об.);

На тѹ же зимѹ приде князь Мьстислав Мьстиславичъ на Тържкѣ и изма дворянѣ Святослави, и посадника оковаша, а товары ихъ кого рѹка доидеть; а в Новѹгородѣ присла: «кланяся (sic!) святѣи Гофни и гробѹ отца моего и всѣмъ новгородьцемъ, пришлъ есмь къ вамъ, слышавъ насилье от князь...» (НПЛ, 1210, 75 об.);

и быша на Плоскѣи, и присла къ немѹ Всеволодъ: «ты ми еси сынъ, а язъ тѣбе отецъ; пѹсти Святослава съ мужи, и всѣ, еже заседеть...» (НПЛ, 1210, 76 об.);

Заметим, что и в других летописях глаголы группы **сълати** встречаются в большинстве случаев при прямой речи:

и посластасѧ къ Изяславоу Игорь: «како то тобѣ золь былъ тако и нама, а держи твердо» (КЛ, 1146, 121 об.);

и нача слати къ гарославѹ: «пѹсти сѣа моего къ мнѣ аль пондѹ на тѣ ра-
тѹю» (КЛ, 1174, 202 об.);

Лестько же посла ко королевѣ: «не хочю части в Галичи, но даи его зѣти
моемоу» (ГЛ, 1213, 249 об.);

потомъ присла Влѣксандръ ко братоу Данилоу и Василю: «не лѣпо ми
есть бѣти кромѣ ваю» (ГЛ, 1232, 260 об.).

Всего в 1 случае послѣлати зафиксирован в позиции опорного предиката при
косвенной речи в КЛ:

Том же лѣтъ посла Ростиславъ ис Кіева Гюргѣ Нестеровича и пакѹна в
насадехъ на Берладники ѡже вахѹтъ Влѣшьѣ вѣзали и постигше ѣ оу Дцина из-
биша ѣ и полонъ вѣзѣца (КЛ, 1160, 180 об.).

Отметим, что опорные предикаты группы сѣлати встречаются только в лето-
писях, допускающих более свободное проникновение книжных черт, — в КЛ и
НПЛ.

2.5.4. В редких случаях прямая речь в летописях вводится **глаголами основ-
ного действия**, которые по своему основному значению не связаны с речевой дея-
тельностью. Как правило, отсутствие глагола речи при предикате основного дей-
ствия при переводе на русский язык можно компенсировать вставкой *со словами*
или *и сказал / и говорит*. В данном случае наблюдается эллипсис глагола речи, ко-
торый легко восстанавливается из внеязыковой ситуации. Такое «сжатое» пред-
ставление информации характерно для книжных древнерусских текстов, напри-
мер, в берестяных грамотах вводящие прямую речь глагольные формы **рекѣтъ, река**
довольно часто опускаются [Гиппиус, 2004: 190]. Пропуск глаголов речи и воспри-
ятия широко встречается и в современной русской разговорной речи. Для этих слу-
чаев Е.Н. Ширяев [Ширяев, 1981: 236] выделяет особый тип синтаксической связи
— недифференцированной опосредованной, когда вторая предикативная единица
является по своему значению распространителем некоторого слова, которого в
первой предикативной единице нет. Как правило, это слово легко восстановить из
контекста, например: *Я оглядываюсь (и вижу) / он стоит*. В работе [Земская, 2011:
142–144] глаголы речи относятся к наиболее частотным «нулевым предикатам»

разговорной речи – они часто остаются невербализованными в контексте, оставляя нереализованную валентность, которая может быть восстановлена из конситуации.

В ранних летописях эллипсис глагола речи отмечен при следующих предикатах основного действия:

Таблица 7

Опорные предикаты основного действия при прямой и косвенной речи (ПР/КР)

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
выгънати	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0
клянѣтисѧ	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0	2/0
погънати	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0	0/0
показати пѹть	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	2/0
поклонитисѧ	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0
поѣхати	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0	0/0
стати	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0
съпрыгати	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0	0/0
творити вещь	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0
<i>всего</i>	0/0	3/0	0/0	0/0	1/0	8/0

Обратим внимание, что примеры с глаголом основного действия в качестве опорного предиката отмечены только в тех памятниках, которые допускают более широкое проникновение не книжных черт, – в КЛ и НПЛ.

Эллипсис глагола речи наблюдается только при прямой речи. В большей части примеров в позиции опорного слова выступают глаголы, обозначающие различные социальные действия, которым сопутствует речевой акт:

выгънати

а тѣхъ, кто ималъ придатъкъ ꙗ Ярославъ, выгнаша изъ Пльскова: «пидите по князи своемъ, намъ есте не братья» (НПЛ, 1228, 105 об.), ‘выгнали [словами]: «идите за князем своим, нам вы не братья»’;

показати пѹть, пѹть казати ‘изгонять’ [Срезн. III: 1736]:

А княжицю Ростиславѹ путь показаша с Торожкѹ кѹ отцевѣ въ Църниговѣ: «како отець твоѣ рекъ былъ въсѣсти на конѣ на воинѹ съ Въздвѣженія и крестъ цѣловалъ, а се уже Микѹлинъ день, съ нас крестное челованіе; а ты понди прочь, а мы собе князя промыслимъ» (НПЛ, 1230, 112 об.), ‘А князю Ростиславу показали путь из Торжка в Чернигов [со словами]...’;
 кланатисѧ ‘посылать поклон, приветствовать’ [СлРЯ XI–XVII, 7: 152]:

Приѣха из Новагорода Олександръ к стѣѣ Бѣѣ в Ростовъ въ средѣ стрѣтныѣа неѣ и кланѣ стѣѣ Бѣѣ и цѣлова крѣтъ чѣтныѣи и кланасѧ епѣпѹ Кирилѹ: «Ѡче стѣѣи твоѣю мѣтѣю и тамо в Новѣгородѣ ѣхалъ кѣмъ здоровъ и сѣмо приѣхалъ кѣмъ твоѣю мѣтѣю здоровъ» (СЛ, 1259, 167), ‘... целовал честный крест и, кланаясь епископу, [произнес]...’;
 поклонитисѧ ‘поклониться, выразить покорность’ [Срезн. II: 1108]:

Бысть на зимѹ, придоша пльсковѣи, поклонишасѧ князю: «ты наш князь» (НПЛ, 1232, 115 об.), ‘пришли псковичи, поклонились князю [со словами]: «Ты наш князь»’;
 съпрыгати — ‘доброжелательствовать, сочувствовать’ [Срезн. III: 805]:
 и съпрыгѣа емоѹ коѹмъ тѣѣсѣчкѣи еѣо: «кнѣже хотѣтъ тѣѣ ѣати» (КЛ, 1140, 113 об.), и сочувствуя ему кум тысяцкий еѣо, [сказал]: «князь, хотят тебя схватить»
 творити вече ‘созвать народное собрание’ [Срезн. I: 499]:

Князь же Мѣстиславъ створи въѣѣѣ на Ярославѣи дворѣѣ: «и поидѣмъ, рече, поидѣмъ мѹж своихъ, вашѣи братѣѣи, и волости своѣи; да не бѹдетъ Новѣи тѣѣргъ Новгородѣмъ, ни Новгородъ Тѣѣржѣкомъ» (НПЛ, 1215, 83), ‘Князь же Мстислав устроил вече на Ярославовом дворѣи [и сказал]: «Пойдем, говорит, поидѣмъ людей своих, вашей братии и волости своей...»’. В данном случае синтаксис цитативной конструкции построен по ситуативному принципу, свойственному разговорной речи: пропуск вершинного предиката, указывающего на переход к прямой речи, компенсируется за счет употребления вводного глагола *рече*.

В 1 случае прямая речь служит пояснением основного действия – пример встретился в Повести о взятии Царьграда фрягами под 1204 г.:

и съгна отця съ прѣстола, а самъ цесаремъ ста: «ты еси слепъ, како можеши царство държати, азъ есмь цесарь» (НПЛ, 1204, 66), ‘и согнал отца с престола, а сам императором стал: «Ты слеп, как можешь царством управлять? Я – царь»’.

Частным случаем эллипсиса глагола речи является употребление в позиции опорного предиката глаголов движения – в исследованных летописях обнаружено всего два примера, оба при прямой речи:

Ѡ короля же и Ѡ Володимера поѣхаша послѣ напередъ к Ростиславѣ братѣ своему: «Зять нашъ король пустилъ ти 10 тысячъ и тако ти молвити кдѣ твоего вѣда а се ти полци...» (КЛ, 1150, 148 об.), ‘от короля и от Володимера поехали послы вперед к Ростиславу брату своему [с сообщением]: «Зять наш король отпустил тебе 10 тысяч...»’;

и се погна изъ города дѣтский его противѣ ему: «не ѣзди княже вѣче ти в городѣ а дружинѣ ти избиваютъ а тебе хотѣтъ лати» (КЛ, 1159, 177 об.), ‘и вот помчался из города отрок навстречу ему [с сообщением]: «Не езд, князь, вече в городе, а дружину избивают, а тебя хотят схватить»’, погнати – ‘быстро поехать’ [Срезн. II: 1026].

2.5.5. **Существительные в позиции опорного слова** при чужой речи представляют отдельный морфологический тип. Ниже в таблице приводятся количественные данные, показывающие частоту их употребительности в разных цитативных конструкциях.

В таблицу включены также данные по слову **вѣсть** – выше они уже рассматривались в связи с реферативными свойствами опорных предикатов, поэтому мы даем их в квадратных скобках. В данном случае нам важна именно морфологическая характеристика опорного слова.

Таблица 8

Существительные в позиции опорного слова при прямой и косвенной речи (ПР/КР)

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
[приде вѣсть]	[1/2]	[6/47]	[1/6]	[0/5]	[3/9]	[1/0]

лъжа	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0
лъсть	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0
перевѣтъ	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0
правѣда	0/0	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0
рѣчь	0/0	0/0	0/0	1/0	1/0	0/0
слово	0/1	0/0	0/0	1/0	0/0	0/0
Всего	0/1	0/1	0/1	2/0	1/0	1/0
Включая опорное слово вѣсть	[1/3]	[6/48]	[1/7]	[2/5]	[4/9]	[2/0]

Статистика показывает, что в целом существительное в позиции опорного слова встречается довольно редко, исключением является слово **вѣсть**.

Интересно то, что и для существительных действует корреляция между локутивными и реферативными значениями. Так, при прямой речи зафиксированы в основном существительные лексико-семантического поля *речь*, ср.:

слово

и посла Володимѣръ ко братоу ко Львови ко сыновцю ко Юрьеви с тѣми слова: «се вама повѣдаю далъ есмь братоу своему Мьстиславоу землю свою и городы...» (ВЛ, 1287, 297 об.);

рѣчь

княгини же вшедши повѣда рѣчь Кондратовоу: «братѣ ти гѣне молвить пошли со мною своего Доунаа ать ми чѣстно и поѣха вбортѣ» (ВЛ, 1287, 300 об.–301);

и оудариша челомъ передъ княземъ Всеволодомъ и сказаша ему рѣчь: «кланяются княже Половци Емакове пришли кьмъ со княземъ Болгарьскымъ вокватъ Болгаръ» (СЛ, 1179, 130 об.).

гласъ — в библейской цитате:

слышалъ собѣ гласъ Гсень ко Выходъносороу цѣрю: «свѣтъ мой да воуде^т ти вгоденъ и неправды твоѣ цѣдротами нищихъ...» (ВЛ, 1288, 302 об.);

При косвенной речи отмечены существительные, указывающие на пропозицию чужой речи с оценкой по параметру истинность/ложность:

се ни джа ти есть вже Романъ Ростиславичъ посылаетъ и Смоленска попа своего къ Изяславу (КЛ, 1161, 183 об.);

а тебе Бѣ избавилъ ѿ великихъ лести вже хотѣли любо гати любо оубити (КЛ, 1147, 131), **лѣсть** — ‘обман, заговор’;

Ростислав же покажа правдоу свою како не есть во свѣтѣ с Михаиломъ (ГЛ, 1240, 266).

Существительное **вѣсть** со значением ‘известие’ также значительно чаще встречается при косвенной речи — наиболее ярко эта тенденция проявилась в летописях с последовательным различием прямой и косвенной речи, т. е. в КЛ, ГЛ, СЛ и ВЛ. Тем не менее корреляция между семантической реферативностью и косвенным цитированием для слов со значением ‘известие, сообщение’ проявляется нестрого — выше уже рассматривались контексты, в которых **вѣсть** вводит прямую речь.

Отдельно отметим пример из НПЛ со словом **перевѣтъ** ‘тайное известие; измена’ [СлРЯ XI–XVII, 14: 218] — оно встретилось при прямой речи:

Идущю Александрю съ многими полки и с новоторжци, сръте и Ратишка с перевѣтомъ: «поступан, княже, брат твой Ярославъ побѣглъ» (НПЛ, 1255, 133 об.), **зд. перевѣтъ** — ‘донос, тайная изменническая передача известия’ [Срезн. II: 901].

В использовании существительных в опорной предикации наблюдается следующая тенденция: в тех летописях, в которых широко представлены надежные примеры с косвенным цитированием, существительные чаще используются при косвенной речи, чем при прямой.

Таким образом, анализ других опорных предикатов показывает, что тенденция к синтаксическому противопоставлению локутивных и реферативных свойств действовала и для глаголов, которые по основному значению не относятся к группе *verba dicendi*. Предикаты с локутивным компонентом значения, в т. ч. эмотивные глаголы и существительные, указывающие на способ произнесения, а также глаголы мысли, обозначающие «внутреннюю речь», употребляются только при прямой

цитации и почти не встречаются при косвенной. Предикаты с реферативными свойствами, т.е. указывающие на результат интеллектуальной деятельности (сентенциальные предикаты, обозначающие результат размышлений; глаголы мнения, некоторые существительные), как правило, вводят косвенную речь.

Глаголы основного действия появляются при цитативных конструкциях крайне редко, как правило, в результате эллипсиса глагола речи. Эллипсис – это явление живой разговорной речи, и отмечен он только при прямом цитировании в летописях, допускающих более широкое проникновение некнижных черт, – КЛ и НПЛ. Пропуск глагола речи чаще всего наблюдается при глаголах, обозначающих социальные действия, которым сопутствует речевой акт, – к ним относятся этикетные действия (например, **кланѣтисѧ**), а также обычаи в сфере деловой коммуникации (**творити вѣче**, **посълати** и пр.).

2.6. Синтаксические свойства глаголов речи в древнерусский период

В данном разделе проанализировано в общей сложности 1820 примеров с прямой речью и 148 контекстов с косвенной речью. В исследованных летописях XII–XIV вв. выявлена следующая корреляция между типами опорных предикатов и цитативными конструкциями:

1. Локутивные глаголы со значением ‘говорить, произнести’ **речи**, **мълвити**, **глаголати** решительно преобладают при прямой речи и почти не встречаются при косвенной, при этом **речи** является нейтральным глаголом авторской ремарки, **глаголати** и **мълвити** маркированы стилистически и по параметру процессуальности, т. е. могут употребляться в значении ‘говорить, рассказывать’;

2. Реферативные предикаты со значением ‘сообщить’ преимущественно встречаются при косвенной речи, но иногда используются и для ввода прямой речи.

Указанная корреляция достаточно строго выдерживается в летописях XII–XIV вв., первые примеры нарушения указанного правила фиксируются в ГВЛ XIII в. – появляются контексты с локутивными предикатами **речи** и **мълвити** при косвенной речи.

Синтаксическая корреляция с типом цитирования наблюдается также у глаголов, по основному значению не входящих в класс *verba dicendi*: предикаты, имеющие локутивную семантику, фиксируются при прямой речи, предикаты с реферативной составляющей в значении – при косвенной речи.

В некоторых летописях наблюдаются отклонения от общего правила – они касаются отдельных лексем:

- **повѣдати** активен в основном в летописях южной диалектной зоны КЛ, ВЛ, а также встречается в СЛ, содержащей южнорусские известия, – этот глагол в равной степени употребляется как при прямой, так и при косвенной речи, в украинском и польском языках однокоренной с ним глагол до сих пор сохраняет активность в узусе;

- **мълвити** также в большей степени характерен для южнорусской летописной традиции – наибольшее число его употреблений отмечено в КЛ и лингвистически близкой ей ВЛ.

Иллокутивные опорные предикаты составляют небольшой процент от общего количества примеров – около 4%, они зафиксированы как при прямой, так и при косвенной речи.

Другие типы опорных слов и эллипсис опорных предикатов составляют всего 1–2% от общего количества цитат. Шире всего они представлены в КЛ и НПЛ, в которых некнижные черты допускаются шире, чем в остальных источниках.

3. Опорные предикаты при прямой и косвенной речи в Никоновской летописи за XIV–XVI вв.

3.1. Глаголы *verba dicendi* в старовеликорусский период

Никоновская летопись за XIV–XVI вв. отражает основные тенденции, которые в конечном итоге привели к переходу от архаичного семантического распределения опорных предикатов к современной супплетивной видовой паре *говорить–сказать* и их свободному употреблению при прямом и косвенном цитировании.

В узусе НЛ за XIV–XVI вв., наряду с архаичными предикатами *речи, глаголати, мълвити, повѣдати, бысть вѣсть* и др.⁶, постепенно распространяются глаголы речи *говорити* и *сказати* в современном значении. В ходе стилистических и исторических изменений в лексике меняется количественное соотношение перечисленных опорных слов. С одной стороны, отмечено распространение опорного предиката *глаголати*, особенно в период так называемого второго «южнославянского влияния». С другой стороны, увеличивается частотность *сказати* и имперфектива *сказывати* при цитативных конструкциях, а также распространение глагола *говорити* в современном значении⁷.

Зафиксированные в НЛ за XIV–XVI вв. опорные предикаты можно объединить в две группы:

а) архаичные, или «традиционные», предикаты речи *речи, глаголати, мълвити, повѣдати, бысть вѣсть* – они широко представлены в летописях домонгольского периода и сохраняются в традиции летописного узуса в старовеликорусский период;

б) глаголы речи *говорити* и *сказати* в современных значениях – включение их в одну группу обусловлено развитием у них семантики локутивных глаголов речи и закреплением в качестве основных, нейтральных по семантике опорных предикатов цитативных конструкций.

В отличие от предыдущего раздела, в котором рассматривалась система употребления опорных слов в период XII–XIV вв., в этом разделе ставится задача установить динамику и основные направления процессов, результатом которых стало современное употребление глаголов речи. Для старовеликорусского периода исследование проводится на материале одного источника – заключительной части НЛ, при этом исследуются три периода, соответствующие публикации НЛ в ПСРЛ XII–XIII тт.: 1362–1424, 1425–1505, 1506–1558. Для каждой группы предикатов

⁶ Глаголы речи в этом разделе и далее при описании данных за великорусский период условно обозначаются в соответствии с более поздней орфографической нормой, между тем в НЛ за период с 1362 по 1558 встречаются вариативные написания (в т. ч. корни *мльв-* и *молв-*, *речи* и пр). Отдельные книжные глаголы записаны в более строгой церковнославянской орфографии (например, *вѣщати*)

⁷ В более ранних памятниках *говорити* встречается в значении ‘кричать, шуметь’: вороны грають, галици *свои рѣчи говорятъ*, орли *восклегють* (Сл. о Мамаевом побоище) [СРЯ XII–XVII, 4: 52], в ПВЛ *говорити* отмечен в значении ‘наговаривать’ – оно реализуется в сочетании с предлогом *на*: *и начаша людѣе говорити на воеводу на коснѣчѣ* (ПВЛ, 1068, 63 об.) [Срезн. I: 530].

анализируются три ключевых параметра – состав лексем, их употребительность и тип конструкции, при которых они встречаются. Как и в случае с древнерусскими летописями, основные тенденции в употреблении опорных предикатов устанавливаются на основе статистических подсчетов. Список лексем и количество контекстов дается в формате прямая речь/косвенная речь (ПР/КР).

3.2. Локутивные предикаты

В НЛ за XV–XVI вв. отмечены те же локутивные предикаты, что и в ранних летописях: *речи*, *глаголати*, *молвити*, *въщати*, *возвъстити*, *возвъщати*, – в составе опорных слов прослеживается преемственность летописного узуса по отношению к более раннему состоянию. В то же время данные НЛ свидетельствуют о том, что архаичные и книжные глаголы, сохраняя употребительность, вовлекаются в активные в живом языке процессы.

В первую очередь обратим внимание на изменение частотности архаичных локутивных предикатов – см. статистику в Таблице 9.

Таблица 9

Архаичные локутивные предикаты при прямой и косвенной речи в НЛ (ПР/КР)

Опорные предикаты	1362–1424	1425–1505	1506–1558
<i>речи</i>	137/4	91/3	32/1
<i>глаголати</i>	186/17	74/28	24/3
<i>молвити</i>	0/0	3/0	1/0
<i>въщати</i>	1/0	0/0	4/0
<i>возвъстити</i>	1/0	0/0	0/1
<i>возвъщати</i>	1/0	1/1	0/1
<i>всего</i>	326/21	168/31	61/4

Из таблицы видно, что по параметру употребительности локутивные глаголы делятся на две группы. К первой можно отнести редкие опорные предикаты *молвити*, *въщати*, *возвъстити*, *возвъщати* – у них не обнаруживается значительных

изменений частотности в сравнении с древнерусскими летописями. Судьба опорного предиката *мълвити* интересна тем, что он, будучи некнижным глаголом речи, в ранний период широко употреблялся только в КЛ и довольно редко (около 10 примеров) в остальных источниках. В НЛ за XIV–XVI вв. он опять на периферии летописного узуса – здесь отмечено всего 4 употребления.

Наиболее частотными в НЛ остаются *речи* и *глаголати*, как и в ранних летописях. Изменения происходят в их употребительности при прямой речи и регистровой маркированности. Если в ранних летописях *речи* использовался как основной нейтральный глагол речи, а *глаголати* как более редкий книжный глагол при вводе библейских цитат, молитв, торжественных речей и т.п. (см. п. 2.1.), то в НЛ за XIV–XVI вв., широко отражающей «второе южнославянское влияние», в целом резко возрастает употребительность *глаголати* в сравнении с *речи*. Оба предиката встречаются как в подчеркнуто книжных, так и в нейтральных контекстах, в зависимости от жанра источника, включенного в летопись. Вот несколько примеров с *глаголати* – как можно заметить, он встречается в тех же формах и конструкциях, что и в ранних летописях, в т. ч. в форме причастия и имперфекта:

Того же лѣта татарове мамаревы прїдоша ратью подѣ градъ подѣ Новосиль глаголюще: «Почто есте воевали Тѣерь?» (НЛ, 1375, 24);

Онъ же шедѣ сказа тестю своему великому князю Олгу Ивановичю Рязанскому глаголя: «прїдоша ко мнѣ изъ Смоленска мои Смолняне, тайно послании нѣкихъ моихъ доброхотовъ» (НЛ, 1400, 184);

и вся Москва веселяшеся Едигѣвой любви къ великому князю Василью глаголюще: «Орда вся въ воли великого князя Василія Дмитреевича, да кого хоцетъ, воюетъ, и наша будутъ вся, и прославимся паче всѣхъ» (НЛ, 1409, 207);

Не токмо же дѣти боярьскіе, но и бояре его глаголаху ему: «Толко, государь, поѣдемъ въ Дмитровъ, ино на тебя никто посмотри не смѣетъ» (НЛ, 1534, 79).

Важно заметить, что *глаголати* в примерах за 1362–1424 гг. появляется в нейтральных в регистровом отношении контекстах – его употребление в НЛ мотивируется не только сакральным содержанием цитаты, но и новыми стилистически-

ми представлениями – например, в причастной конструкции предпочтительнее *глаголати*, чем *речи*.

Речи по-прежнему является основным глаголом, маркирующим отдельные реплики диалога:

И възрѣвъ на бояре своя, и рече имъ: “Вы же бояре мои, съ вами русскую землю держахъ” (НЛ, 1534, 76);

великая княгини рече: «то въдаете вы...» (НЛ, 1534, 79);

Князи же ему рѣша: «аще хочещи срамъ свои покрыти, есть у великого князя градъ Тула на Полѣ» (НЛ, 1552, 190);

Они же рекоша къ нимъ: «изневолилъ насъ царь, и право свое дали есмя ему» (НЛ, 1469, 121).

В отличие от *глаголати*, *речи* активно принимает некнижные формы. Например, в типичной для аориста позиции опорного слова чужой речи в 40 контекстах встречается некнижная форма перфекта (*рекль*, *рекли*) – универсального выразителя прошедшего времени [Горшкова, Хабургаев, 1997: 329–330; Зализняк, 2004: 173–174; Хабургаев, 1991: 46]:

и велможи его рекли: «то намъ отъ него суетно житіе будетъ, а богатство наше будетъ с ыными веселится» (НЛ, 1453, 103);

князь великіи владыцѣ и посадникомъ тако рекль: «чтобы ты, богомолецъ нашъ, и вы, посадницы, нашеа отчины, Великому Новугороду тако ркли...» (НЛ, 1476, 163).

Особый интерес представляют некнижные примеры с утратившим согласование причастием от глагола *речи*, в частности – конструкция *а ркоучи*, довольно редкая даже в гибридных церковнославянских текстах. Как и в ранних летописях, в НЛ примеры с некнижной формой причастия глагола *речи* представлены единичными примерами – таких случаев отмечено всего 3 и все они датируются XV в.:

А къ нимъ опять посла Ростовскаго же архіепископа Васіана и съ нимъ боярь своихъ ...[имена бояр], а ркучи имъ: «пойдите опять на свою отчину, а язъ во всемъ васъ хочу жаловати...» (НЛ, 1480, 198);

и князь великіи послалъ за ними во Ржеву архіепископа Ростовскаго Васіана, да съ нимъ боярь своихъ Василіа ѳедоровича Образца да Василіа Борисо-

вича Тучка, да діака Василіа Мамырева, а ркучи имъ: возвратитесь на свои отчины, а язъ хочу васъ жаловати (НЛ, 1480, 198).

В одном случае не книжная форма утратившего согласование причастия встретила без союза:

Того же лѣта Едигѣи князь Ординьскои прислалъ къ великому князю, тако ркучи: «Слышаніе намъ учинилося таково, что Тахтamyшевы дѣти у тебя, и того ради пришли есмя ратию» (НЛ, 1409, 209).

В одном примере зафиксирована форма прошедшего времени *а рекше*:

а къ великому князю пришедъ ѓрязинъ съ тѣмъ Тривизаномъ, назвалъ его князкомъ Венеційскимъ, а себѣ плѣмянникомъ, а рекше: пришелъ до него своимъ дѣломъ да и гостбою (НЛ, 1472, 142).

Соотношение *речи* и *глаголати* меняется поэтапно. НЛ отражает стилистические установки, связанные со «вторым южнославянским влиянием», уже в части за 1362–1424, содержащей вставные произведения – повесть о Митяе, рассказ о преставлении княгини Василисы, рассказ о преставлении князя Дмитрия Ивановича, одна из версий Жития Сергия Радонежского и т. п. В части за 1362–1424 гг. *глаголати* становится основным опорным словом при прямой речи и по частотности превосходит *речи*. В следующие периоды с XV до начала XVI вв. соотношение этих глаголов возвращается к ситуации, близкой к домонгольскому периоду: наиболее употребительным предикатом снова становится *речи*, *глаголати* встречается чуть реже, но при этом остается одним из самых частотных предикатов.

Колебания частотности самых употребительных глаголов при прямой речи с XIV по XVI вв. отражены в Таблице 10:

Таблица 10

Частотность *речи* и *глаголати* при прямой речи в НЛ

Опорные предикаты	НЛ (1362–1424)	НЛ (1425–1505)	НЛ (1506–1558)
<i>речи</i>	137	91	32
<i>глаголати</i>	186	74	24

Данные в Таблице 10 отражают неуклонное сокращение архаичных *речи* и *глаголати* как основных опорных предикатов в конструкциях с прямой речью. Этот процесс обусловлен не только постепенным уходом этих лексем на периферию узуса, но и общей тенденцией к уменьшению количества прямой речи в текстах (см. Таблицу 9 выше).

В период XIV–XV вв. архаичные локутивные предикаты активно вовлечены в исторический процесс, значимый для формирования современных способов цитирования, – разрушение корреляции между семантическими свойствами глагола и типом цитативной конструкции.

В ранних летописях семантическая локутивность у перечисленных выше глаголов речи довольно строго коррелировала с прямой речью. В НЛ XIV–XVI вв. эта архаичная корреляция сохраняется только у малоупотребительных архаичных предикатов *молвити* и книжного *вѣщати* – они отмечены исключительно при прямой речи и не встретились при косвенной, ср. примеры:

сеиты и молны и паши ему молвили: «аще бы тоѣ вѣру Богъ любилъ. и онъ бы тобѣ еѣ не выдалъ» (НЛ, 1453, 102), из сказания Ивана Пересветова;

и князь великии велѣлъ бояромъ молвити имъ: «взяти ми половину всѣхъ волостей...» (НЛ, 1478, 183);

и владыка и посадники били челомъ, а молвятъ бояромъ так: «мы своимъ государемъ великимъ княземъ урока не чинимъ ихъ государству...» (НЛ, 1478, 181);

и Третьякъ князю Ондрѣю молвилъ: «князя Юрья бояре приводили заперши къ цѣлованью, а сами князю Юрью за великого князя правды не дали: ино то какое цѣ лованіе? то неволное цѣ лованіе» (НЛ, 1534, 78);

Книжный *вѣщати* встретился при вводе молитв и торжественных речей:

Въеводъ же и дѣтеи боярьскихъ государь жалуеъ, и словомъ утвержаеъ да не постыдятся противъ Агарянь, а вѣщаеъ: «агаряне они бо ни Бога имѣють, ни воздаяніа чають; мы же имѣемъ владыку своего Бога Христа...» (НЛ, 1552, 187);

и умильно припадаетъ и въщаетъ: «на тя, Владычнице, уповаю и на мощь призываю...» (НЛ, 1551, 163);

вси едиными усты государю въщаютъ: «готовы есмь государь за вѣру христiанскую и за тебя государь пострадати...» (НЛ, 1552, 188).

Для наиболее частотных опорных предикатов *речи* и *глаголати* ограничение на тип цитативной конструкции уже не действует. Как видно из Таблицы 10, уже в конце XIV вв.: *речи* и *глаголати*, преобладая при прямой речи, довольно часто употребляются и для ввода косвенной речи. Наибольший интерес представляют не книжные контексты с этими глаголами. В ряде случаев надежными показателями косвенной речи служат дейктические отсылки:

сами бо глаголаху, яко было ихъ съ сорокъ тысячъ на бою томъ (НЛ, 1471, 135);

В XV–XVI вв. показателем косвенной речи, помимо дейктических отсылок, может быть также не книжный союз *что*, устраняющий омонимию с союзной прямой речью (подробнее о проблематике см. Главу III):

И жалобныа грамоты и оборони у насъ отъ нихъ просишь и покоя въ томъ намъ отъ тебя нѣтъ никому, а ркучи тако, что ся улусъ истомилъ и выхода взяти не на чемъ (НЛ, 1410, 210);

не вѣсть дрѣжава твоя, царю, аще быхъ реклъ имъ слово о сихъ, како Латыни содѣлали разстояніе святѣй божіей церкви, или како отверглися вѣры православiя, то не могли бы таковыхъ обличеніи на ся слышати (НЛ, 1439, 29);

да не рекут люди, что царь приходилъ на Русскую землю, а Руси не учинилъ ничего (НЛ, 1536–1541, 112);

Дзѣ не обинуаси возглаголю на вы, что естъ сотворили неправду передъ богомъ и предъ великимъ княземъ (НЛ, 1378, 40).

Появление локутивных глаголов при косвенной речи является системным сдвигом. В летописях домонгольского периода локутивные предикаты вели себя подобно маркированному члену оппозиции: они употреблялись только при прямой речи и не отмечены при косвенной. Первые примеры с глаголом *речи* при косвенной речи встречаются только в ГВЛ XIII вв. В НЛ XIV–XVI широко отражаются тенденции, намеченные в ГВЛ XIII в.: локутивные предикаты довольно часто появ-

ляются при косвенной речи. Корреляция между локутивностью и прямым цитированием у *речи* и *глаголати* на данном этапе выдерживается нестроого, но тем не менее все ещё сохраняется: большая часть употреблений этих глаголов все равно приходится на прямую речь, косвенная речь – это стабильные 3% у *речи* и в среднем около 10% у *глаголати*, см. данные в Таблице 11 ниже:

Таблица 11

Соотношение *речи* и *глаголати* при прямой и косвенной речи в НЛ (ПР/КР)

	НЛ (1362-1424)	НЛ (1425-1505)	НЛ (1505-1558)
<i>речи</i>	137/4 ≈ 97/3 (%)	91/3 ≈ 97/3 (%)	32/1 ≈ 97/3 (%)
<i>глаголати</i>	186/17 ≈ 92/8 (%)	74/28 ≈ 73/27 (%)	24/3 ≈ 89/11 (%)

Таким образом, употребление архаичных локутивных глаголов в НЛ второй пол. XIV – первой пол. XVI вв. характеризуется следующими процессами:

- изменение количественного соотношения между *речи* и *глаголати*;
- значительное снижение употребительности локутивных глаголов на фоне общего сокращения количества прямой речи в летописном узусе;
- постепенное разрушение корреляции между локутивностью и прямой речью у наиболее частотных архаичных глаголов речи, у малоупотребительного глагола *мълвити* корреляция с прямой речью по-прежнему выдерживается.

3.3. Реферативные предикаты

Из архаичных реферативных предикатов в НЛ регулярно встречаются устойчивые сочетания со словом *вѣсть*, а также глагол *повѣдати*. Архаичный *сказати*, ранее встречавшийся только в значении ‘рассказать’ рассматривается в группе новых глаголов речи в связи с изменениями его семантико-синтаксических свойств.

У реферативных предикатов, как и у локутивных, отмечается снижение их употребительности к XVI вв. – см. данные в Таблице 12:

Реферативные предикаты при прямой и косвенной речи в НЛ (ПР/КР)

	1362–1424	1425–1505	1505–1558
<i>(приде) вѣсть</i>	1/6	0/27	0/3
<i>повѣдати</i>	0/7	0/8	0/1
<i>всего</i>	1/13	0/35	0/4

Интересно, что корреляция между реферативными свойствами и косвенной речью в НЛ выдерживается у указанных глаголов речи ещё строже, чем в древнерусских летописях. Если в раннедревнерусских памятниках *приде вѣсть* отмечен в ряде случаев и при прямой речи, то в НЛ используется почти исключительно при косвенной речи, ср.:

и се приде ему вѣсть, что идетъ на него нѣкий царь съ Востока (НЛ, 1380, 68).

слышавъ же таковую вѣсть князь великии Дмитреи Ивановичъ, что идетъ на него самъ Тахтмышъ царь во множествѣ силы своя (НЛ, 1382, 72);

Тоя же вѣсны приде вѣсть къ великому князю Василью Васильевичю на Москву, что отпустилъ на него царь Улу-Махметъ дѣтей своихъ (НЛ, 1445, 64);

Того же лѣта приде вѣсть великому князю, что идетъ на нь изгономъ изъ Седи-Ахматовы орды царевичъ Мозовша (НЛ, 1451, 76);

Приде вѣсть, что безбожныи царь хочетъ итти на землю его (НЛ, 1522, 38).

При прямой речи *приде вѣсть* отмечен в НЛ всего лишь в единственном примере:

и тамо изъ Володимеря приде вѣсть къ Ѡотѣю митрополиту: «се приде ратью во Володимеръ царевичъ Талычъ со многою ратью... по твоємъ ишествию на другои день и скоро грядутъ по тебѣ» (НЛ, 1411, 216).

В сравнении с древнерусскими летописями, интересно употребление глагола *повѣдати* в НЛ XIV–XVI вв.: если в ранний период он в равной степени встречался в цитативных конструкциях обоих типов, то НЛ он используется только для

ввода косвенной речи, т.е. как исключительно реферативный глагол. Вот некоторые примеры:

повѣдаа имъ свое пришествіе на Волжское царство, и како воцарися и како супротивника своего и ихъ врага Мамаа побѣди (НЛ, 1380, 69);

повѣдаша же ему, что князь Олегъ Рязаньскій послалъ Мамаю на помочь свою силу (НЛ, 1380, 66);

повѣдающе имъ, что нѣсть противящихся имъ (НЛ, 1451, 76);

повѣдая ему, что иде на него дядя его князь Юрьи Дмитреевичъ и зъ дѣтми своими и со многою силою (НЛ, 1433, 18).

Обратим внимание, что в части НЛ за XIV и XV вв. частотность *повѣдати* при косвенной речи остается стабильной и сопоставима с КЛ и ВЛ (в НЛ – 7 и 8 употреблений, в КЛ и ВЛ – 14 и 7 соответственно), при этом уже в части НЛ за первую половину XVI в. встречается всего 1 контекст с этим глаголом.

Таким образом, данные НЛ показывают, что архаичные реферативные предикаты почти не претерпели исторических изменений: в летописном узусе XIV–XV вв. они сохраняют ту же частотность, что в древнерусских летописях, и в начале XVI вв. выходят из употребления.

Различная судьба архаичных предикатов, локутивных и реферативных, свидетельствует о том, что процесс унификации их синтаксических свойств шел с разной скоростью для разных групп лексем. В этот процесс, с одной стороны, оказываются активно вовлечены наиболее употребительные предикаты *речи* и *глаголати*, отмеченные как при прямой, так и при косвенной речи. С другой стороны, менее частотные глаголы ещё сохраняют в XIV–XVI вв. древнюю корреляцию с соответствующим типом цитации: реферативные *вѣсть* и *повѣдати* – с косвенной речью, периферийный *мълвити* и даже книжный *вѣщати* – с прямой.

3.4. Новые глаголы речи *говорити*, *сказати* и *сказывати*

Ключевым моментом в формировании современных способов цитирования в русском языке стало появление современных глаголов речи – *говорити* и *сказати*, а также не закрепившийся в литературной норме *сказывати*. В НЛ XIV–XVI вв. последовательно отражается процесс распространения указанных опорных предикатов при прямой и косвенной речи. Обратимся к статистическим данным в Таблице 13:

Таблица 13

Новые глаголы речи *говорити*, *сказати*, *сказывати* в НЛ (ПР/КР)

	1362–1424	1425–1505	1506–1558
<i>говорити</i>	0/0	6/2	23/19
<i>сказати</i>	0/2	2/11	3/63
<i>сказывати</i>	0/0	1/2	1/49
<i>всего</i>	0/2	9/15	27/131

Как можно заметить, по употреблению новых глаголов речи в НЛ выделяется три этапа.

Часть НЛ за 1362–1424 отражает ситуацию, близкую к домонгольскому периоду: *говорити* и имперфектив *сказывати* при чужой речи ещё не встречаются. *Сказати* употребляется, как в древнерусских летописях: малое количество примеров, четкая корреляция с косвенной речью.

Рассмотрим два примера с опорным предикатом *сказати* из части НЛ за 1362–1424. В обоих случаях цитативная конструкция построена в соответствии с правилами разговорного синтаксиса. В одном из них имеет место интерпозиция главной клаузы – черта, известная в современной разговорной речи, но не встречающаяся в ранних памятниках⁸:

⁸ Исключение – формы *дѣи* и *рече*, которые, имея просодический статус энклитик, подчиняются другим правилам [Зализняк, 2008: 44–45].

Боляринъ сый, единъ от славных и нарочитыхъ бояръ, богатствомъ многимъ изобилуя, но напоследъ на старость обнища. Как же и что ради обнища, да скажемъ и сіе, яко чястыми хоженми ихъ со княземъ въ Орду и чястыми ратми Татарскими, еже на Русь, и чястыми послы Татарскими, и чястыми тяжкими данми и выходы тяжкими, еже в Орду, и чястыми глады хлѣбными (НЛ, 1392, 128), ср. более упорядоченный «литературный» синтаксис для современного русского языка ‘да скажемъ то, как и почему обнищал: частыми хождениями в Орду...’.

Во втором примере со *сказати* имеет место смешение косвенной и прямой речи, свойственное разговорной речи. Появляется союз *что*, однако замены дейктических отсылок не происходит:

и сказаше ей, что брата нашего крестное цѣлованіе къ намъ сложили, а отецъ нашъ привелъ ихъ къ тому, что хотѣти имъ намъ добра (НЛ, 1400, 183).

Некнижные примеры показывают, что в первой половине XV вв. *сказати* был активен в живом узусе, однако «локутивных» употреблений указанного глагола при прямой речи в НЛ ещё не отмечено.

Распространение новых глаголов речи *говорити*, *сказати* и *сказывати* начинается во второй половине XV в. Часть НЛ за период 1425–1505 содержит несколько вставных повестей более позднего происхождения, в т. ч. сочинения Ивана Пересветова XVI в. – неполную редакцию Повести о взятии Константинополя турками под 1453 г. и Сказание о Махмете-салтане [Клосс, 1980: 268–269; Зимин, 1958: 245, 249]. Наибольший интерес для нас представляют контексты, исключаящие более позднюю вставку, – далее примеры с *говорити*, *сказати* и *сказывати* в первую очередь рассматриваются на материале погодных записей.

Большая часть контекстов с новыми глаголами речи появляется на рубеже XIV–XV вв., и в последующий период их количество активно увеличивается (см. Таблицу 14). Важно, что *говорити*, *сказати* и *сказывати* употребляются без жестких ограничений на тип цитативной конструкции – они встречаются как при прямой, так и при косвенной речи. Остановимся на употреблении каждого из перечисленных опорных предикатов.

Отличие *говорити* от *сказати* и *сказывати* состоит в том, что в качестве глагола речи он с самого своего появления не имел ограничений на тип цитативной конструкции, ср. примеры с цитациями обоих типов:

а) при прямой речи

Послѣ же сихъ биша челомъ, а говорилъ посадникъ Лука ђедоровъ: «господине господарь князь великѣи ...» (НЛ, 1476, 175);

и начать говорити къ воеводамъ вѣликого князя: «князь великѣи отпустилъ мене къ моему сыну» (НЛ, 1469, 122);

татарове же въ градѣ сквернаго Магмета лживаго и съвѣтниковъ его призываютъ къ собѣ на помощь и говорятъ: «вси помремъ за юртъ...» (НЛ, 1553, 217);

и митрополитъ царя государя благословляетъ, а говоритъ государю: «тебе подобаетъ царю на бога упование положить...» (НЛ, 1551, 163).

б) при косвенной речи

а житѣи говорили съ товарищи о томъ, что князя великого мукобране позываютъ Новгородцевъ, а отъ намѣстниковъ да и отъ посадниковъ въ городѣ, и ищутъ на новгородцевъ въ городѣ передъ намѣстникомъ да передъ посадникомъ, а чего на нихъ Новгородци взыщутъ, и они къ Городѣ не отвечиваютъ, а отвѣчиваютъ на городищи. И государь бы князь великѣи пожаловалъ, велѣлъ ихъ судити намѣстнику своему съ посадникомъ въ городѣ (НЛ, 1478, 176);

да съ нимъ послалъ своего челоуѣка Алексѣя Лучина и велѣлъ ему говорити царю, что посла его Михаила Кляпика у себя задержалъ и онъ бы отпустилъ и съ его товарищи (НЛ, 1507, 5);

Укажем также на 12 употреблений *говорити* в значении ‘велеть’ в предложении косвенного волеизъявления, например:

А говорилъ ему Третьякъ ото князя, чтобы поѣхалъ ко князю Юрью служити (НЛ, 1534, 77).

Подробнее особенности передачи волеизъявления в косвенной речи будут рассмотрены в главе III о косвенной речи.

Темпы распространения глагола речи *говорити* в летописном узусе можно оценить по следующим данным: он появляется в конце XV в., и уже в части за

1506–1558 гг. употребления *говорити* в позиции опорного предиката составляют в 30% от общего числа контекстов с прямой речью. Для сравнения укажем, что за период с 1505 по 1558 гг. *речи* отмечен в 42% контекстов с прямой речью, примеры с вершинным предикатом *глаголати* составляют 31% от общего числа прямых цитаций.

Обратим внимание, что новый глагол речи *говорити* появляется в НЛ в той части, которая крайне неоднородна по уровню книжности текста, причем от XV к XVI вв. некнижный компонент только усиливается (подробнее о лингвистических особенностях НЛ см. [Шевелева, 2009а: 7]). Заметим, что с более широким проникновением черт разговорной речи частотность традиционных глаголов речи сокращается, а употребительность новых опорных предикатов значительно возрастает.

Сказати из всех реферативных глаголов домонгольского периода был единственным опорным предикатом, у которого строго выдерживалась корреляция между реферативностью и косвенным цитированием – при прямой речи в ранних летописях он не встретился ни разу. По данным НЛ, древняя корреляция с косвенной речью сохраняется у него вплоть до второй половины XV в. На рубеже XV–XVI вв. у *сказати* появляется новое синтаксическое свойство – употребление при прямой речи. Первые примеры при прямой речи из погодных записей датируются 1478 г.:

велѣлъ ихъ вспросити: «что их соха?». И они сказали: «три обжы соха, а обжа одинъ человекъ на одной лошади ореть; а кто на 3-хъ лошадехъ и самъ третьей ореть, ино то соха» (НЛ, 1478, 184);

Для сравнения – употребления при косвенной речи:

А сторожи цареви сказали, что тѣхъ людеи и сами видѣли, коли въ городъ ѣхали (НЛ, 1541, 113).

Тем не менее резкого увеличения примеров со *сказати* при прямой речи в XV–XVI вв. не наблюдается.

Имперфектив *сказывати* фиксируется в НЛ со второй половины XV в., при этом в позиции опорного предиката он имеет те же синтаксические свойства, что и поздний *сказати* – строгого ограничения на тип цитативной конструкции не отмечено, однако встречается он преимущественно при косвенной речи. Единственный

пример при прямой речи из погодных записей (не-вставных повестей) датируется XVI в., ср.:

и прїѣхали къ намъ станичники наши, а сказываютъ: «видѣли людей многихъ, а идутъ въевати въ нашу землю» (НЛ, 1552, 188);

Для сравнения – контексты с косвенной речью:

а сказываетъ, что идутъ многие люди Крымскіе, а чають ихъ на Резань и х Коломнѣ (НЛ, 1552, 187);

а сказывалъ Непея, что ѣдучи въ Англинскую землю, разбило ихъ корабли на морѣ (НЛ, 1558, 285).

Таким образом, в части НЛ за первую половину XVI вв. при косвенной речи⁹ решительно преобладают глаголы речи: *сказати* – 45%, имперфектив от него *сказывати* – 35%, а также *говорити* – 14%. Архаичные локутивные и реферативные глаголы отмечены всего в 6%, не считая иллокутивных глаголов и частных случаев.

Данные об употреблении новых глаголов речи показывают, что отсутствие ограничения на тип цитативной конструкции – это лишь шаг на пути к стиранию грамматических различий между локутивными и реферативными опорными предикатами. Синтаксические различия между предикатами разных семантических типов все ещё сохраняются даже у лексем, вошедших в активное употребление лишь в XV вв.

Количественное соотношение примеров с *говорити*, *сказати* и *сказывати* при прямой и косвенной речи представлено в Таблице 14:

Таблица 14

Динамика распространения новых глаголов речи в НЛ за XV–XVI вв. (ПР/КР)

	1425–1505	1506–1558
<i>говорити</i>	6/2	23/19
<i>сказати</i>	2/11	3/63
<i>сказывати</i>	1/2	1/49
<i>всего</i>	9/15	27/131

⁹ Указаны коэффициенты от общего количества косвенной речи в НЛ за 1506–1558 гг.

Данные, приведенные в Таблице 14, отражают несколько важных закономерностей:

1. У *говорити* нет ограничений на тип конструкции. В первой половине XVI в. *говорити* употребляется почти в равном соотношении при прямой и косвенной речи – и эта ситуация уже близка к современному употреблению.

2. У *сказати* и *сказывати* в XV–XVI вв. по-прежнему сохраняются свойства реферативных глаголов. Они решительно преобладают при косвенной речи – больше всего эта тенденция заметна в части за 1506–1558 гг. на фоне резкого роста числа употреблений, из-за малого количества примеров данные НЛ за 1425–1505 не так показательны.

3. В XV–XVI вв. количество косвенных цитаций значительно больше, чем прямой речи.

Итак, в первой половине XVI вв. в НЛ представлена система с 3 новыми глаголами речи – *говорити*, *сказати* и *сказывати*. Ограничения на тип конструкции для них уже действуют не так строго, как для архаичных предикатов, однако на уровне пропорций различия между локутивными и реферативными предикатами сохраняются.

3.5. Иллокутивные опорные предикаты

Значимые изменения происходят и в употреблении иллокутивных опорных слов. В НЛ за XV–XVI вв. отмечается две тенденции: постепенное расширение списка иллокутивных лексем и возрастание их частотности при разных типах цитативных конструкций. В этой главе мы рассматриваем иллокутивные предикаты, зафиксированные только при прямой и косвенной речи, другие типы зависимых клауз (модально-осложненные конструкции с инфинитивом и сослагательным наклонением) подробно проанализированы в Главе III.

В списке иллокутивных предикатов, зафиксированных в НЛ за XIV–XVI вв., выделяются несколько лексико-семантических классов – в Таблице 15 глаголы ре-

чи распределены по типам значений, в значительной части их список совпадает с составом иллокутивных предикатов в древнерусский период.

Таблица 15

Иллокутивные предикаты в НЛ за XIV–XVI вв. (ПР/КР)

	1362–1424	1425–1505	1506–1558
Глаголы диалогической речи			
‘спросить, спрашивать’			
<i>вопросити</i> ‘спросить’	1/0	0/0	0/0
<i>вопрошати</i> ‘обращаться с вопросом’	1/0	1/0	0/0
<i>выпрашивати</i> ‘расспрашивать’	0/0	0/0	0/1
<i>выпросити</i> ‘спросить’	0/0	0/0	0/1
<i>испытывати</i> ‘расспрашивать, узнавать’	0/1	0/0	0/0
<i>просити</i> ‘спрашивать’	1/2	0/0	0/0
ПР – 4, КР – 5	3/3	1/0	0/2
‘ответить, отвечать’			
<i>отвѣчати</i> ‘отвечать’	8/0	17/1	9/0
<i>отписати</i> ‘ответить письменно’	0/0	0/0	0/3
ПР – 34, КР – 4	8/0	17/1	9/3
‘отказать’			
<i>отказати</i> ‘ответить отрицательно’	0/0	0/1	0/1
<i>отмолыти</i> ‘отказать’	0/0	0/0	0/4
<i>отречи</i> ‘отказать, отвергнуть’	0/0	1/0	0/0
ПР – 1, КР – 6	0/0	1/1	0/5
‘обсуждать, советоваться’			
<i>совѣтовати</i> ‘вместе обсуждать, советоваться’	1/0	0/0	3/2
<i>посоветовати</i> ‘посоветоваться’	0/0	0/0	0/4

ПР – 4, КР – 6	1/0	0/0	3/6
‘спорить’			
<i>спиратися</i> ‘спорить’	0/0	1/0	0/0
<i>Пререковати</i> ‘противоречить, возражать’	0/0	0/1	0/0
ПР – 1, КР – 1	0/0	1/1	0/0
Глаголы, указывающие на недостоверность чужой речи			
<i>блядословствувати</i> ‘говорить грешное’	0/0	1/0	0/0
<i>вадити на кого-л.</i> ‘клеветать’	0/0	0/0	0/2
<i>оклеветати</i> ‘оклеветать’	0/1	0/0	0/0
<i>скоромолити</i> ‘наговорить на кого-л.’	0/0	0/1	0/0
ПР – 1, КР – 4	0/1	1/1	0/2
Глаголы коммуникативного обязательства			
<i>клятися</i> ‘клясться’	0/0	0/1	0/0
<i>сговоритися</i> ‘договориться’	1/0	0/0	0/0
ПР – 1, КР – 1	1/0	0/1	0/0
Глаголы просьбы и некатегоричного волеизъявления			
<i>бити чоломъ</i> ‘просить’	0/0	1/5	3/10
<i>просити</i> ‘просить’	0/1	0/0	0/0
<i>увѣщевати</i> ‘убеждать’	0/0	0/2	0/2
ПР – 4, КР – 20	0/1	1/7	3/12
Глаголы категоричного волеизъявления			
<i>заповѣдати</i> ‘повелеть, приказать’	0/0	0/2	0/0
<i>приказати</i> ‘приказать, поручить передать что-л. на словах’	0/0	0/0	2/5
<i>приказувати</i> ‘приказывать, поручать на словах’	0/0	0/0	1/9

<i>ПР – 3, КР – 16</i>	<i>0/0</i>	<i>0/2</i>	<i>3/14</i>
Глаголы речи, указывающие на этикетные и религиозные действия			
<i>здравствувати</i> 'приветствовать'	0/0	0/0	1/0
<i>молити</i> 'просить в молитве'	0/0	0/0	1/0
<i>молитися</i> 'молиться'	0/0	0/0	2/0
<i>ублажати</i> 'восхвалять'	0/0	0/0	1/0
<i>утверждати</i> 'поддерживать'	0/0	0/0	0/2
<i>утѣшати</i> 'утешать'	0/0	0/0	1/0
<i>хвалити</i> 'хвалить'	0/0	0/0	1/0
<i>ПР – 7, КР – 0</i>	<i>0/0</i>	<i>0/0</i>	<i>7/2</i>
<i>Всего</i> <i>ПР– 60, КР – 65</i>	<i>13/5</i>	<i>22/14</i>	<i>25/46</i>

Статистика показывает, что в период с XV по XVI вв. употребительность иллокутивных опорных предикатов последовательно возрастает при прямой и косвенной речи, при этом при косвенной речи динамика более яркая – к XVI в. количество косвенных цитаций при иллокутивных глаголах возрастает почти в три раза, в сравнении с данными за XV в., и более чем в 10 раз в сравнении с данными за XIV в.

В XIV–XV вв. иллокутивные предикаты используются при прямой речи чаще, чем при косвенной, как и в древнерусских летописях. В XVI вв. основной сферой употребления иллокутивных предикатов становится конструкция косвенной речи, при прямой речи они встречаются заметно реже.

Как и в древнерусский период, из иллокутивных вершинных предикатов наиболее частотным являются слова, указывающие на различные типы диалогических реплик, – глаголы со значением 'спросить, спрашивать', 'ответить, отвечать' и др. В НЛ за XIV–XVI вв. указанные опорные предикаты употребляются как при

прямой, так и при косвенной речи, однако их распространение на разные типы цитаций происходит с разной скоростью.

Глаголы со значением ‘спросить’ частотнее при косвенной речи, чем при прямой, ср.:

вопросити ‘спросить’ [СлРЯ XI–XVII, 3: 27]:

вопросивъ же: «что ради сътвори sie?» (НЛ, 1392, 149);

вопрашати ‘обращаться с вопросом’ [СлРЯ XI–XVII, 3: 27]:

и вопрошаше ихъ: «кто гдѣ видѣ великого князя Дмитрея Ивановичя, брата моего?» (НЛ, 1380, 62);

выпросити ‘спросить; расспросить’ [СлРЯ XI–XVII, 3: 238]:

выпросити Измаиловыхъ пословъ, что ихъ хотѣніе (НЛ, 1554, 235);

выпрашивати ‘выспрашивать, расспрашивать’ [СлРЯ XI–XVII, 3: 237]:

и выпрашивали о всемъ Романа, какъ нынѣ царь и великій князь съ Крымскимъ живетъ (НЛ, 1558, 292);

испытывати ‘расспрашивать, узнавать’ [СлРЯ XI–XVII, 6: 305]:

и нача испытывати отъ старыхъ исторіи яко царь Батыи плѣнилъ Русскую землю и всеми князьми владѣлъ (НЛ, 1380, 46);

просити ‘спрашивать’ [СлРЯ XI–XVII, 20: 218]:

онъ же просяще, какъ было при древнихъ царѣхъ (НЛ, 1380, 50).

Глаголы со значением ‘отвечать’ в древнерусский период отмечены только при прямой речи (см. Таблицу 3), в НЛ за XIV–XVI вв. они частотнее при прямой речи, но при косвенных цитациях тоже используются:

отвѣчати ‘отвечать на вопрос’ [СлРЯ XI–XVII, 13: 197]:

Князь же великіи владычня челобитья Новгорода не пріа и отвѣща имъ такъ: «Вѣдомо тебѣ, богомолцу нашему, и всему Новгороду...» (НЛ, 1476, 164);

И князь великіи Иванъ отвѣчалъ посломъ Литомскимъ, что взялъ князя Семена и съ вотчиною тою же для нужи, что ихъ нудить приступити къ Римскому закону (НЛ, 1500, 251);

отписати ‘ответить письменно’ [СлРЯ XI–XVII, 13: 299]:

отписати х королю, что промежь государей изначала ходять послы по опаснымъ грамотамъ, а и х королю отъ царя и государя опасная на его послы была же (НЛ, 1557, 278);

И король къ царю и великому князю отписалъ, что всякого покою крестьянского хочетъ, и любо ему царя и великого князя присылка... (НЛ, 1558, 292).

При косвенной речи получают распространение глаголы нового семантического класса, близкие по значению к *отвѣчати*, – иллокутивные глаголы со значением ‘отвечать отрицательно, отказывать’:

отказати ‘ответить отрицательно, отказать’ [СлРЯ XI–XVII, 13: 276]:

И князь великіи Александръ Литовскіи отказалъ къ великому князю съ послы его, что его дщери къ Римскому закону не нудить (НЛ, 1500, 251);

отмолыти ‘отказать, отвергнуть’ [СлРЯ XI–XVII, 13: 276]:

и царь и государь велѣлъ имъ то отмолыть, что то всчалъ король, а не царь и великий князь (НЛ, 1557, 280);

отрѣчи ‘отказать, отвергнуть’ [СлРЯ XI–XVII, 14: 14]:

и князь великіи отрече то: «не быти моему цѣлованію» (НЛ, 1478, 182).

В древнерусских текстах значение ‘обсуждать, советоваться’ выразилось глаголом лексико-семантического поля мыслительной деятельности (*доумати*). В НЛ за XIV–XVI вв. в группе глаголов *verba dicendi* появляется глагол речи *совѣтовать* для указания на совместное обсуждение, обдумывание. Он отмечен при прямой и косвенной речи:

совѣтовати ‘вместе обсуждать что-то, советоваться’ [СлРЯ XI–XVII, 26: 45]:

Воеводы же прочетъ грамоту великого князя, начатъ съ слезами благъ советъ совѣтовать: «Писалъ къ намъ государь нашъ князь велики Иванъ, чтобы межъ нами розни не было» (НЛ, 1541, 106);

посовѣтовати ‘посоветоваться’ [СлРЯ XI–XVII, 17: 204]:

И благочестиваа царицы великаа княгыни Елена о томъ посовѣтовала з боляры, что пригоже у неи быти царю (НЛ, 1536, 102).

В единичных случаях появляются вершинные предикаты, описывающие новый для летописей жанр диалога, – глаголы со значением ‘спорить’:

пререковати ‘противоречить, возражать’ [СлРЯ XI–XVII, 19: 37]:

О семь же нѣциі пререкують, яко гдѣ обрѣташеся тогда тамо хлѣбъ, закону отрицающе, но и опрѣсноки имяше законъ ясти (НЛ, 1443, 45);

спиратися ‘спорить, вести дискуссию’ [СлРЯ XI–XVII, 27: 34]:

латинскіа вѣры доктурѣ спираются з Греки: «на васъ на Грековъ Богъ разгнѣвался неутолимымъ своимъ гнѣвомъ» (НЛ, 1453, 108).

В НЛ XIV–XVI вв. шире используются глаголы, указывающие на **недо-
стоверность чужой речи**, при этом они частотнее при косвенной речи, чем при прямой:

блядословствовати ‘суесловить’ [СлРЯ XI–XVII, 1: 27], здесь ‘говорить грешное’:

рекуще же сице блядословствуя: «такое добро есть к святыни приступати» (НЛ, 1440, 36);

скоромолити ‘наговорить на кого-то’ [СлРЯ XII–XVII, 24: 246]:

скоромолили промежъ князя Андрѣя Углецакого слуга его Образѣцъ, яко хочетъ его князь великіи поимати (НЛ, 1489, 219);

оклеветати ‘клеветать, оговаривать’ [СлРЯ XI–XVII, 12: 326]:

нѣциі же оклеветаша его яко неправо и невѣрно служитъ царю (НЛ, 1389, 98);

вадити на кого-л. ‘клеветать: ложно обвиняя, заниматься подстрекательством’ [СлРЯ XI–XVII, 1: 10]

начаша вадити великому князю и его матери великой княгинѣ на князя Одрѣя, что князь Одрѣй на великого князя и на его мать на великую княгиню гнѣвъ держитъ, что ему вотчины не придали, а хочетъ бѣжати (НЛ, 1535, 91).

Как и в древнерусский период, глаголы речи со значением **коммуникативного обязательства** при прямой и косвенной речи встречаются редко:

клятися ‘давать клятву’ [СлРЯ XI–XVII, 7: 193]:

князь же великіи клялся и небомъ и землею и богомъ и сильнымъ, Творцемъ всея твари, что того ни в думъ у него не бывало (НЛ, 1489, 220);

сговоритися ‘договориться, прийти к совместному решению’ [СлРЯ XI–XVII, 23: 234]:

а съ ними ся зговоря: «пойдите служити Кондрату Прусу воеводѣ Кременьскому и егда язъ приду ко граду, и вы возводѣ ототните, а мостъ положите» (НЛ, 1418, 233).

Основной сферой употребления глаголов коммуникативного обязательства вплоть до XVI в. являются инфинитивные конструкции со значением долженствования (см. Главу III).

Как и в древнерусский период, редким типом опорного предиката при прямой и косвенной речи являются глаголы со значением 'просить' и другие опорные предикаты некатегоричного волеизъявления:

бити челом 'просить' [Срезн. III: 1488]:

и жытіи люди били челомъ сице: «Господине государь князь великіи Иванъ Васильевичъ всея Руси! Язъ, господине, богомолецъ твой, и архимандриты и игумены, и вси священници...тебѣ, своему государю великому князю, челомъ бьют...» (НЛ, 1478, 175);

прислал къ... бити челомъ Исламъ царевичъ, что ис Крыма Саидетъ-Кирѣй царь и Крымскіе люди выслали его, и онъ ходитъ на Полѣ за Дономъ, и князь бы великій пожаловалъ, учинилъ его собѣ сыномъ, а Исламъ бы великого князя назвалъ собѣ отцемъ... (НЛ, 1532, 61);

они же биша челомъ, что отъ страху княже Юрьева Глиньского убійства поѣхали были молитися въ Ковець къ Пречистѣй и съѣхали въ сторону, не зная дороги (НЛ, 1548, 155).

просити 'просить' [СлРЯ XI–XVII, 20: 218]:

и начя тѣхъ просити иже его тверичь били и грабили а язъ у васъ не хочу ничего, а намѣстники моя паки посадите в Торжку (НЛ, 1372, 19), 'и начал у тех просить, кто его тверичей бил и грабил: «А я у вас не хочу ничего, а наместиков моих поставьте опять в Торжке»'.

К предикатам некатегоричного волеизъявления также можно отнести книжный глагол **увѣщевати** 'убеждать, склонять' [Срезн. III: 1128]:

да начаша увѣщевати его да изыдетъ из града и съ царицею (НЛ, 1453, 90).

Как и в древнерусский период, основной сферой употребления глаголов некатегоричного волеизъявления является придаточное предложение с сослагательным наклонением (подробнее в Главе III).

При прямой и косвенной речи в великорусский период начинают распространяться **глаголы категоричного волеизъявления**, связанного с проявлением власти. Опорные предикаты, выражающие распоряжения, становятся частотными в НЛ за XVI в.:

приказати ‘приказать, поручить передать что-л.’ [СлРЯ XI–XVII, 19: 170]:

И великая княгини, берегучи сына и земли, приказала бояромъ: «вчера естя крестъ цѣловали сыну моему великому князю Ивану добра хотѣти, и вы потому и чините» (НЛ, 1534, 78);

а приказалъ князь великіи Иванъ къ Петру воеводѣ, что его жаловати хочеть по тому же, какъ его жаловалъ отецъ (НЛ, 1534, 84);

приказывати ‘приказывать, поручать передать что-л.’ [СлРЯ XI–XVII, 19: 173]:

и приказывалъ ко царю и ихъ мурзамъ, что по ихъ целобитію из Асторохани и на Волгѣ лиха имъ чинити не велѣлъ (НЛ, 1557, 279);

заповѣдати ‘повелеть, приказать’ [СлРЯ XI–XVII, 5: 270]:

царь же заповѣда, да не дѣютъ ихъ некоею бранію, яко да очистятъ рвы и потоци (НЛ, 1453, 85).

Отметим, что при глаголах распоряжения в НЛ преобладают модально-осложненные конструкции с сослагательным наклонением или инфинитивом в придаточной части.

Как и в древнерусский период, при цитативных конструкциях встречаются глаголы речи, связанные с этикетом или религиозными действиями, – в НЛ опорные предикаты этого типа встречаются как при прямой, так и при косвенной речи в части за XV–XVI вв.:

здравствовати ‘приветствовать’ [СлРЯ XI–XVII, 5: 367]:

митрополитъ здравствова великого царя: «Божією милостію радуйся и здравствуй, православный царю Иванне всея Русіи самодръжець, на многа лѣта» (НЛ, 1547, 151);

молитися ‘молиться’

слезы, нача молитися: «О пресвятая Госпоже Богородице Владычице...» (НЛ, 1536, 103);

молити ‘просить с молитвою’ [СлРЯ XI–XVII, 9: 246]:

Бога молити и пречистую Его Богоматерь и великихъ чудотворцовъ, да пошлетъ тобѣ Богъ помощь и утверженіе (НЛ, 1551, 163);

ублажати ‘восхвалять’ [Срезн. III: 1111]:

и блажа ублажаетъ ихъ: «О святіи отцы и пастыріе и учителие нашіа» (НЛ, 1535, 92);

хвалити ‘хвалить, восхвалять’ [Срезн. III: 1364]:

И царь Шигалѣи государеву рѣчь хвалитъ: «Изначала ваша государеи предъ нами правда» (НЛ, 1552, 184);

утѣшати ‘утешать’ [Срезн. III: 1324]:

и всѣхъ государь утѣшаетъ словесы надѣаніемъ: «имамы на Бога упованіе да и на свою правду» (НЛ, 1552, 187);

утверждати ‘укреплять, поддерживать’ [Срезн. III: 1307]

и словомъ утверждаетъ да не постыдятся противъ Агарянь (НЛ, 1552, 187).

Таким образом, основной тенденцией в синтаксических свойствах иллокутивных опорных предикатов стало их активное распространение при косвенной речи. В НЛ за XIV–XVI вв. при косвенных цитациях выявлены следующие типы иллокутивных глаголов, не встречавшихся при этой конструкции в древнерусских летописях: глаголы со значением ‘отвечать’ и ‘отвечать отрицательно, отказывать’, глаголы речи со значением ‘советоваться’, глаголы, указывающие на недостоверность чужой речи ‘клеветать, наговаривать’, глаголы просьбы и распоряжения. Почти все иллокутивные глаголы используются при цитациях обоих типов – прямой и косвенной речи, исключение составляют только опорные слова, указывающие на этикетные и религиозные действия – они отмечены только при прямой речи. Распространение иллокутивных опорных предикатов достигает пика в XVI вв.: на этом этапе количество употреблений при косвенной речи значительно превышает количество примеров при прямой.

3.6. Другие типы опорных предикатов

В данном разделе рассматриваются некоторые частные случаи с опорными предикатами, которые по своим семантическим особенностям не попадают в группу локутивных, реферативных и иллокутивных. Большая часть из них встретилась в ранних летописях: а) эмотивные глаголы б) глаголы мысли в) глаголы, описывающие способ коммуникации – устный или письменный; г) глаголы основного действия; д) существительные в позиции опорного предиката.

3.6.1. Эмотивные глаголы уже рассматривались на материале ранних летописей. В частности, в ранних памятниках установлена корреляция между их локутивной семантикой (акцент на том, как была произнесена чужая речь) и прямой речью. При косвенном цитировании глаголы указанной группы не отмечены. В НЛ за XV–XVI вв. эта корреляция выдерживается уже не так строго, как в ранних источниках. Обратимся к статистическим данным:

Таблица 16

Эмотивные глаголы при прямой и косвенной речи в НЛ (ПР/КР)

	1362–1424	1425–1505	1506–1558
<i>возопити</i>	1/0	2/0	0/0
<i>вопити</i>	1/0	4/0	2/0
<i>возглашати</i>	0/0	2/0	0/0
<i>воскричати</i>	0/0	1/0	0/0
<i>кликати</i>	0/0	1/0	0/1
<i>кричати</i>	0/0	3/1	0/0
<i>плакати</i>	0/0	2/0	0/0
<i>кликнути</i>	0/0	0/0	1/0
всего	2/0	15/1	3/1

Заметим, что эмотивные глаголы по-прежнему преобладают при прямой речи, например:

но убо Греки и прочіи людіе на стѣнахъ сущіи огражшеся дерзостію вопіаху другъ другу: поскоримъ, братіе, на осужденое место (НЛ, 1453, 93);

посемъ же Татарове начаша Руси кликати: кто вы есте? (НЛ, 1447, 72);
и начаша нелѣпаа глаголати и развращенная, и на вече приходящи крича-
ти: не хотимъ за великого князя Московьского (НЛ, 1471, 126);
и приведоша его на вѣче и въскричаша: «перевѣтнике, былъ ты у великого
князя, а цѣловалъ еси ему крестъ на насъ» (НЛ, 1477, 171).

С XV в. эмотивные глаголы появляются при косвенной речи – примеры единичны:

начаша изъ Зарѣчья кричати, что градъ горитъ, а во градъ не видалъ никто (НЛ, 1480, 199)

начаша изъ града вопити и кликати, чтобы великій государь пожаловалъ, мечъ свой унялъ, а бою престати повелѣлъ, а они хотятъ государю бити челомъ и градъ подати (НЛ, 1514, 19).

Таким образом, к XV–XVI вв. для эмотивных глаголов не выявлено ограничения на тип цитативной конструкции: они появляются не только при прямой, но и при косвенной речи.

3.6.2. В НЛ за XV–XVI вв. наблюдается значительное сокращение примеров с глаголами мысли в качестве опорных предикатов цитативных конструкций – отмечено всего 2 случая при прямой речи с глаголами, указывающие на вербализованный процесс размышления, – *смыслити* и *помыслити*:

Бояре же много о томъ думавше смыслиша себѣ сице: «аще мы нынѣ святителя не послушаемъ, не поидемъ ко князю Дмитрію съ сими великого князя дѣтми...» (НЛ, 1446, 69–70);

помысливъ въ себѣ тако: «егда имуть сіи межи собою ратоватися, тогда умалются воиньства ихъ... и мнѣ будетъ время поспешно, кого хочу, воевати...» (НЛ, 1409, 207).

В НЛ за в XV–XVI вв. глаголы мысли приобретают ещё одну регулярную валентность – они употребляются при придаточной инфинитивной конструкции в опативном значении. В приведенных ниже примерах модальность маркируется частицей *бы*:

и начаша мыслити, какъ бы князя великого выняти (НЛ, 1446, 70);

и почаль мыслити, чтобы городъ поставити на Свіяжскомъ устіѣ на Круглой горѣ (НЛ, 1551, 162).

Таким образом, НЛ за XIV–XVI вв. отражает сужение в составе опорных предикатов лексем, которые передают разные аспекты мышления. Некоторые значения, которые в древнерусский период выражались сентенциальными предикатами, в старовеликорусский период маркируются отдельными лексемами, принадлежащими другому лексико-семантическому полю – *verba dicendi*, ср. глаголы, указывающие на совместное обсуждение (*совѣтовати*), совместное решение (*сговоритися*) и т. п.

3.6.3. В древнерусских летописях речи послов передавались в виде прямых цитаций. В Московской Руси значительная часть деловой коммуникации велась в письменной форме. В НЛ за XV–XVI вв. цитируются как устные, так и письменные послания. Если в древнерусский период устные послания передавались в виде прямой речи, то в НЛ за XV–XVI вв. большая часть посланий представлена в форме косвенной речи, см. статистику:

Таблица 17

Глаголы, описывающие способ коммуникации, в позиции опорного слова (ПР/КР)

Опорные предикаты	1362–1424	1425–1505	1506–1558
<i>отпустити</i> ‘послать’	0/0	0/1	0/0
<i>отслати</i>	0/0	0/0	0/1
<i>послати</i>	1/0	0/1	1/7
<i>посылати</i>	0/0	0/0	1/1
<i>прислати</i>	0/0	2/4	0/10
<i>прислатися</i>	0/0	0/1	0/1
<i>писати</i>	8/1	2/1	4/76
<i>всего</i>	9/1	4/8	6/96

Примеры с глаголом *слати* и его производными, широко распространенные в ранних летописях при прямой речи, в НЛ за XIV–XVI вв. единичны, их употребительность при прямом цитировании сокращается, ср.:

а въ Новѣгородъ прислаша: «мы васъ не воюемъ, воюетъ васъ князь Григорей из Заморіа» (НЛ, 1444, 61);

Да послалъ ихъ царь и воеводы къ городу Казани: «правду есте государю учинили, поидите же, покажите свою правду государю, воюйте его недруга» (НЛ, 1551, 165).

К XVI вв. значительно увеличивается количество примеров с глаголом *слати* и др. при косвенной речи – около 20 контекстов:

посла на Москву къ матери и къ митрополиту да и къ сыну своему къ великому князю Ивана Ивановича слыха съ тѣмъ, что отчину свою Великіи Новѣгородъ привелъ во всю свою волю и учинился на немъ государемъ, какъ и на Москвѣ (НЛ, 1478, 187);

И воеводы прислали къ великому государю, что царевичи побѣжали (НЛ, 1533, 72);

И князь велики послалъ съ тѣмъ къ Булату и ко всей землѣ, что ихъ пожаловалъ, вины отдалъ, а воеводъ своихъ съ людьми къ нимъ посылаетъ (НЛ, 1536, 99);

Илья же отслалъ къ воеводамъ, что царь пошелъ тою же дорогою, которую въ землю шелъ... (НЛ, 1536, 111);

а присланы съ тѣмъ, что цѣлованіе къ Новугороду сложили, а сами готови всѣ (НЛ, 1471, 133);

прислалъ къ великому князю намѣстникъ Василей Китай, что пріехалъ въ Торжекъ другой обѣ опасъ отъ владыки и отъ всего Новагорода, Иванъ Ивановъ Марковъ житей (НЛ, 1477, 172).

В одном случае встретился опорный предикат *отпустить* в значении ‘отправить, послать’:

Князь же великіи, отшедъ отъ Курмыша, отпустилъ къ Москвѣ съ сеунчомъ Андрѣя Плещѣва къ матери своей, великой княгинѣ Софьи..., что царь его пожаловалъ, отпусти его на отчину, на великое княженіе (НЛ, 1446, 66).

С развитием письменной коммуникации деловые грамоты вводятся в текст летописи при помощи глагола *писати* (*написати*). Отличие его от других глаголов речи состоит в том, что в структуре его значения в принципе нет противопоставле-

ния между локутивностью и реферативностью. В большей части примеров он встречается при косвенной речи – в НЛ за XVI вв. их число превышает употребления основных глаголов *verba dicendi* *говорити*, *сказати* и *сказывати*. Приведем некоторые примеры:

и повѣле митрополитъ Пимен Михаилу владыцѣ Смоленскому да Сергію архимандриту Спаскому и всякождо аще кто хочетъ писати сего пути шествованіе все, како поидоша и где что случися, или хто возвратитъся или не возвратитъся вспять (НЛ, 1389, 95);

а писалъ въ грамотѣ, что учинился царемъ на Крымъ (НЛ, 1533, 66);

а писалъ князь великій въ грамотѣ, что хочетъ съ царемъ помиритися и царь бы прислалъ своихъ большихъ пословъ добрыхъ людей (НЛ, 1542, 143);

а писалъ къ нему, что въ Азсторохани готово ему пристанище (НЛ, 1556, 272).

При прямой речи *писати* встречается в НЛ XIV–XVI вв. крайне редко:

и велѣлъ на кожахъ писати: «бес таковыя грозы правды в царство не мочно ввести» (НЛ, 1453, 104);

а писалъ царь в грамотѣ: прежде сего хотѣлъ есми с тобою быти в дружбѣ и за нѣкоторыми разѣстояніи то не сталося, и нынѣ с тобою въ крѣпкой дружбѣ хотимъ быти (НЛ, 1537, 119);

Таким образом, в НЛ XV–XVI вв. сообщения делового содержания, главным образом тексты грамот и посланий, цитируются в форме косвенной речи. Глагол *писати* становится в XVI в. самым частотным опорным предикатом.

3.6.4. Одна из ярких инноваций в составе опорных слов цитативных конструкций – это распространение в позиции опорного предиката **глаголов движения**, в этом случае имеет место эллипсис глагола речи, ср. *пришел [и сказал]* [Ширяев, 1981: 236; Земская, 2011: 144]. В древнерусских летописях глаголы движения зафиксированы только при прямой речи. В НЛ за XIV–XVI вв. при прямой речи встретился всего 1 пример:

и приходили Чаваша Арьскаа з боемъ на Крымцовъ: о чемъ де не біете челомъ государю? (НЛ, 1551, 166).

В НЛ за XV–XVI вв. глаголы движения распространились при косвенной речи. Все примеры довольно однотипны и содержат начальную формулу из договорных грамот XV–XVI вв. «...что посылал» (ср. примеры в [Черепнин, 1950]):

придоша на Москву Андрѣй Петровъ да Василей Ивановъ сынъ Болтина, что посылалъ князь великїи съ ними Нѣмецъ Ивана да Виктора на Печеру руды искати серебряныя, и они нашли руду серебряную и мѣдяную в великого князя отчинѣ (НЛ, 1492, 232), ‘пришли в Москву Андрей Петров да Василий Иванов сын Болтина [и сказали], что посылал князь великий с ними немцев Ивана да Виктора на Печору руды искать серебряной, и они нашли руду серебряную и медную в вотчине великого князя’;

придоша послы великого князя на Москву Мануйло Аггеловъ грѣкъ да Данило Мамыревъ, что посылалъ ихъ князь великїи мастеровъ для въ Венѣцію да въ Медіоламъ: они же приведоша на Москву Алевиза мастера стѣннаго и полатнаго и Петра Пушечника и иныхъ мастеровъ (НЛ, 1494, 238), ‘пришли послы [и сказали], что посылал их великий князь за мастерами ... и они привели в Москву ... мастеров’.

приде изъ Царяграда Олеша Голохвастовъ, что посылалъ его князь великїи зъ грамотами къ Турскому Баазитъ Салтану; Салтанъ же, почтивъ его зѣло, отпустилъ къ великому князю (НЛ, 1500, 250);

Того же лѣта приде на Москву великого государя діакъ Володимеръ Семеновъ сынъ Племянниковъ, что князь великїй посылалъ его къ брату своему къ Максимиліану (НЛ, 1518, 30).

В следующем примере чертами разговорного синтаксиса является не только эллипсис глагола речи в опорной предикации, но и переключение в зависимой части с прошедших времен на формы презенса, ориентированные на точку зрения цитируемого лица:

прїѣхалъ къ великому князю изъ Рыльска станичникъ Толмачъ Гавриловъ, что посылалъ его князь Петръ Ивановичъ Кашинъ къ Святымъ горамъ и они до Техъ урочищъ еще не дошли, а наѣхали верхъ-Донца Сѣверского люди многіе Крымскыя и гоняли за ними день цѣль, а идутъ тихо; и тою примѣтою чаяти, царь идетъ (НЛ, 1541, 137).

Отметим, что глаголы движения в позиции опорного предиката встречаются и вне формульных цитаций, начинающихся с фразы «что посылал»:

и пригонилъ къ нимъ туто Дмитрей Андрѣевъ сынъ, что уже князь великіи пошелъ съ Вологды къ Бѣлуозѣру, а оттолъ къ Твери (НЛ, 1446, 72);

пріехали ко царю и господарю отъ воеводъ изъ Сыреньска... голова стрѣлецкой Тимофѣй Тетеринъ да Бархатъ Плещеевъ, что Божіемъ милосердіемъ городъ Сыренескъ взяли (НЛ, 1558, 298);

К великому же князю вѣстницы ускоряють, что царь тары готовитъ, хочеть лѣсти за рѣку (НЛ, 1536–41, 106).

Таким образом, появление глаголов движения в позиции опорного предиката прямой и косвенной речи – это одна из лексико-синтаксических инноваций в структуре предложения косвенной речи в НЛ за XIV–XVI вв.

3.6.5. В НЛ за XIV–XVI вв. существительные в позиции опорного слова по-прежнему встречаются крайне редко, при этом их состав постепенно расширяется, по сравнению с древнерусским периодом – полный список см. Таблицу 18:

Таблица 18

Существительные в позиции опорного слова в НЛ (ПР/КР)

Опорное слово	1362–1424	1425–1505	1506–1558
<i>(приде) вѣсть</i>	[1/6]	[0/27]	[0/3]
<i>гласы</i>	0/0	0/0	1/0
<i>молитва</i>	0/0	0/0	0/1
<i>мысль</i>	0/0	0/0	1/0
<i>наказъ</i>	0/0	0/0	0/1
<i>отвѣтъ</i>	0/0	0/0	0/1
<i>приказъ</i>	0/0	1/0	0/0
<i>слово</i>	0/0	0/0	1/1
<i>совѣтъ</i>	0/0	0/0	0/2

<i>строка</i>	0/0	0/0	1/0
<i>посольство</i>	0/0	1/0	0/0
<i>Всего</i>	0/0	2/0	2/5
В том числе <i>въсть</i>	[1/6]	[2/27]	[2/8]

Из таблицы видно, что опорные предикаты-существительные почти не встречаются в части с 1362 по 1504 гг.:

а гроза турскаго князя велика по приказу его: «Не похочеши умерети на игръ честно съ недругомъ честною игрою за мое государево великое жалованіе» (НЛ, 1453, 106, из вставной повести о взятии Константинополя турками);

а правилъ посольство того же мѣсяца: великому князю отъ царя любовь и братъство, кто будетъ тебѣ, великому князю, другъ, тотъ и мнѣ другъ (НЛ, 1474, 157).

В начале XVI в. наблюдается незначительный рост и разнообразие лексического состава существительных. Интересно, что существительные в позиции опорного слова при прямой речи встречаются в основном в книжных контекстах – при библейских цитатах или молитвах:

и помянулъ Владыкы нашего Христа слово: бдите и молитесь, да не внидетъ въ напасть (НЛ, 1553, 224);

последнюю строку въ Евангелѣи: и будетъ едино стадо и единъ пастырь (НЛ, 1553, 216);

въ многие гласы: Боже милостивый, помози намъ (НЛ, 1552, 190);

и въ молитву подвизаетъ ихъ, да помогутъ ему ходатайствомъ къ Богу и ко пречистѣй Его Матери о прижитіи чадъ (НЛ, 1535, 91);

Существительное в позиции опорного слова косвенной речи в книжном контексте встретилось всего 1 раз:

но ненавидяй добра врагъ діаволъ, иже всегда радуется о погибели челоуѣчѣсти и о кровопролитіи и о межиусобной брани, вложи бояромъ великого князя мысль неблагоу: толко не поимати князя Юрья Ивановича, ино великого князя государству крѣпку быти нелзя, потому что государь еще млад (НЛ, 1534, 77).

Расширение состава существительных в позиции опорных предикатов наблюдается в начале XVI в. при косвенной речи, большая часть контекстов – не-книжные, ср.:

о томъ наказу не было бояромъ, что лихо которое учинить да ни у боярь того въ мысли не было (НЛ, 1552, 176);

и царь и великіи князь велѣлъ посломъ отвѣтъ учинити: государь былъ ихъ пожаловалъ и опасъ на пословъ далъ, ихъ послѣ опасу въевати не велѣлъ... (НЛ, 1558, 297);

Слышали есмя, господине, вашъ блажь свѣтъ, что есте свѣщали государю заодинъ служити и за крестіанство страдати (НЛ, 1536, 107);

дати слово свое правое, что у нихъ нетъ лиха никотораго (НЛ, 1537, 117);

въ Казань послали да Ивана Черемисинова съ тѣмъ словом, на чѣмъ на Москвѣ князи государи били челомъ и на чемъ въ Свіягѣ Чапкунъ и Бурнашь правду давали (НЛ, 1552, 175).

Таким образом, выявлен ещё один лексико-грамматический тип опорных предикатов, которые распространяются при косвенной речи с начала XVI вв. – это существительные, обозначающие разные виды речевой деятельности.

3.7. Основные изменения в употреблении опорных предикатов при прямой и косвенной речи в НЛ за XIV–XVI вв.

В НЛ за XV–XVI вв. отразились следующие изменения в составе опорных предикатов:

- из архаичных глаголов речи сохраняют употребительность только *речи* и *сказати* – опорные предикаты, которые в древнерусский период были «закреплены» за определенным типом цитации, речи использовался только при прямом цитировании, *сказати* – только при косвенном;

- локутивные и реферативные опорные предикаты в XV в. начинают утрачивать ограничение на тип цитативной конструкции: *речи* и *глаголати* широко встречаются при косвенной речи, *сказати* появляется при прямой речи;

- на уровне пропорций противопоставление локутивных и реферативных предикатов сохраняется у некоторых лексем: *речи* и *глаголати* чаще встречаются

при прямой речи, чем при косвенной; *сказати* и *сказывати* – решительно преобладают при косвенной, хотя в единичных случаях встречаются при прямой;

- наиболее близок к современной системе новый глагол *говорити* – он с самого своего появления в летописном узусе почти в равной степени встречается в обоих типах цитативных конструкций, но при прямой речи несколько чаще – видимо, под влиянием процессуальной составляющей в значении этого глагола; в XVI в. этот глагол активно развивает новые валентности, появляясь в конструкциях косвенного повеления. Вероятнее всего, его модель управления постепенно распространяется на все остальные глаголы речи, активные в узусе.

- к XVI в. косвенная речь становится основным полем для инноваций в употреблении опорных предикатов – резко возрастает количество примеров с иллокутивными глаголами речи разных лексико-семантических типов, а также глаголами, указывающими на способ коммуникации (послать, писать и т. п.)

- в позиции опорного слова косвенной речи постепенно распространяются слова, предполагающие разные типы синтаксической связи, – существительные с валентностью содержания, глаголы движения с эллипсисом глагола речи (пришел [и сказал]).

4. Итоги: основные тенденции в употреблении опорных предикатов при прямой и косвенной речи в летописях XII–XVI вв.

Исследование опорных предикатов в конструкциях с чужой речью позволяет выявить механизм формирования современных способов цитирования в русском языке. В летописях XII–XVI вв. основными способами ввода чужого высказывания были конструкции прямой и косвенной речи. В этот период они противопоставлены не только за счет дейктических и анафорических маркеров. Грамматически значимым элементом цитативной конструкции был опорный предикат. При прямой речи решительно преобладали глаголы локутивной семантики – *речи*, *глаголати*, *мълвити*, реферативные и иллокутивные опорные предикаты употреблялись в единичных случаях.

Косвенная речь в древнерусский период была малоупотребительной конструкцией. Она вводилась в основном реферативными предикатами, реже – иллокутивными. Локутивные опорные предикаты при ней не использовались.

Ключевым моментом в формировании современных способов цитирования в русском языке стало постепенное развитие у всех глаголов речи валентностей, позволяющих им присоединять любые из перечисленных выше конструкций. Этот процесс происходил в несколько этапов. В первую очередь перестают синтаксически противопоставляться локутивные глаголы со значением ‘сказать’ и реферативные глаголы со значением ‘рассказать, сообщить’. Ранее всего эта тенденция отражается в юго-западных летописях XIII вв. – ГЛ и ВЛ. В исследованных источниках северо-восточного ареала стирание различий между локутивными и реферативными предикатами наблюдается только в НЛ за период с конца XIV до начала XV вв., когда глаголы *речи* и *глаголати* активно фиксируются как при прямой, так и при косвенной речи.

В XVI в. на смену архаичным предикатам приходят ”новые” глаголы речи *говорити*, *сказати*, *сказывати*. В отличие от современного русского языка, они ещё не составляли видовой пары. *Говорити* употребляется как при прямой, так и при косвенной речи, *сказати/сказывати* – преимущественно при косвенной речи, однако в единичных случаях они появляются и при прямой цитации.

Следующим этапом стало развитие у глаголов речи валентности, позволяющей им присоединять предложения, осложненные модальным значением волеизъявления. НЛ отражает самое начало этого процесса: с глаголом *говорити* отмечено всего несколько таких примеров, со *сказати* и *сказывати* – ни одного.

К XVI в. модель управления *говорити* распространяется на другие типы опорных предикатов: резко расширяется круг лексем, которые используются для ввода чужой речи, – иллокутивные глаголы, существительные, глаголы движения. Перечисленные опорные слова начинают употребляться при придаточных конструкциях разных типов.

ГЛАВА II. *Jako recitativum* и другие типы союзной прямой речи в летописях XII–XVI вв.

1. Союзная прямая речь – гипотезы о происхождении и функциях

В современной разговорной речи распространена особая цитативная конструкция – прямая речь, которой предшествует изъяснительный союз, см. известную реплику из «Ревизора»: *Трактирищик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за старое* [Пешковский, 1938: 431]. В системе литературного языка указанная конструкция является нарушением грамматической нормы: правила предписывают либо устранение союза, либо полное синтаксическое подчинение придаточной части – замену дейктических элементов на нарративные [Валгина, 2000: 208–210; Розенталь, 1989: 151–155, 300].

Появление союза перед прямой речью долгое время рассматривалось исследователями [Пешковский, 1938: 431; Волошинов, 1930: 123] как признак неразвитости косвенного цитирования в русском языке. В более поздних работах прямую речь с союзом стали считать особым средством передачи экспрессивных элементов чужого высказывания или его фрагмента в нарративе – о феномене цитирования в семантике см. [Вежбицка, 1982: 252–253; Падучева, 1996: 355]. В научной литературе прямая речь в позиции после изъяснительного союза называлась по-разному: особый случай придаточности [Чередниченко, 1948: 107], «полупрямая речь» [Гвоздев, 1965: 279], «свободная косвенная речь» [Шмид, 2003: 220], а также как разновидность «несобственно-прямой речи» [Успенский, 1970: 50]. Далее мы будем использовать термин «союзная прямая речь», который указывает исключительно на синтаксическую структуру указанной конструкции, независимо от её нарративных функций.

Примеры союзной прямой речи с **яко** в большом количестве встречаются уже старославянских текстах, ср. [Хабургаев, 1986: 426]: *і паки отъврѣжесѧ съ клатвоужѣ ѣко не зная члвѣка* (Зогр. ев., Мт., XXV); *рече бо ѣко вѣі члѣкъ есмь* (там же, Мт., XXVI).

Среди зарубежных исследователей популярна точка зрения, согласно которой прямая речь, которой предшествует *jako* (в западной терминологии *jako recitativum*), была «синтаксической калькой» греч. *ὅτι recitativum*: указанные союзы

употребляются в сходных синтаксических позициях — они вводят придаточные предложения при глаголах знания и восприятия, а также встречаются при прямой речи: **ВЫ ГЛАГОЛЕТЕ ꙖКО ВЛАСВИМЛѢШИ** — греч. ὑμεῖς λέγετε ὅτι Βλασφημεῖς (Лука X, 36) [Вайан, 1952: 407; Collins, 1996: 34].

Важные данные о происхождении союзной прямой речи с **яко** содержат древнерусские памятники: эта конструкция широко представлена и в тех источниках, которые допускают широкое проникновение некнижных черт, ср. пример из НПЛ [Истрина, 1923: 40–41]: **въ то же лѣто выиде князь Святославъ из Новгорода на Лѹкы, и присла въ Новѣгородъ, яко не хощю ꙗ васъ княжити** (НПЛ, 1167, 34). Особенно показательны контексты из «Русской правды» по списку 1228 г.: **то ити емѹ ротѣ¹⁰ яко не вѣдалъ ксмь** [Карский, 1930: 17]. В настоящее время большинство исследователей считают **яко** при прямой речи общеславянской конструкцией, следы её употребления сохранил совр. союз *якобы*, который до сих пор используется в современных русском и польском языках при цитировании [Daiber, 2009: 379, 382–383; Perelmutter, 2009: 119].

Согласно общепринятой точке зрения, союзная прямая речь возникает на начальной стадии формирования косвенной речи: изъяснительный союз вставляется как грамматический маркер границ авторской ремарки и чужой речи, однако замены отсылок в придаточной части не происходит [Преображенская, 1991: 101–102; Хабургаев, 1986: 426]. В структуре союзной прямой речи исследователи отмечают только изменения формального показателя изъяснительной связи: в древнерусский период использовался **яко**, с XV в. стал употребляться современный союз *что*, ср. пример *Татара же сказаша, что ”мы из графа (sic!) Азова едем для звериного промыслу”* («Сказочная» повесть об азовском взятии и осадном сидении в 1637 и 1642 гг.) [Борковский, Кузнецов, 1963: 483–484; Лопатина, 1979; Отин, 1969].

Некоторые исследователи высказывали предположение о том, что по значению союзная прямая речь с **яко** сближается с модальными частицами и интерпозитивными показателями чужой речи (совр. *говорят* в качестве вводного слова): союз был не только формальным маркером начала цитирования, но и привносил «отте-

¹⁰ **ити ротѣ** — приносить присягу, давать клятву [Срезн. III: 177]

нок небуквальной передачи» [Лопатина, 1979: 435, 437; Отин, 1969: 57]. В словаре [Срезн. III: 1654] для **яко** в позиции перед прямой речью указано значение ‘что мол, что де’ – считается, что современные частицы *мол*, *де* и *дескать* используются для выделения субъективно-модальных компонентов чужого высказывания в нарративе [Падучева, 2011: 13, 18]. С этой точки зрения, замена архаичного формального показателя **яко** на современный *что* привела не только к структурным, но и семантическим изменениям в употреблении союзной прямой речи.

Русские летописи XII–XVI вв. показывают, что в истории этой конструкции происходили более сложные процессы, чем просто замена союзных средств. Анализ формальных особенностей союзной прямой речи позволяет получить новые данные о её роли в формировании современных способов передачи чужой речи. В этой главе рассматриваются основные типы союзной прямой речи в летописях XII–XVI вв., а также эволюция *jako recitativum* – цитаций с союзом **яко**: в древнерусский период после указанного союза преобладала прямая речь, однако с течением времени правило грамматических замен в придаточной части распространяется и на эту конструкцию, тем не менее союз *яко* удерживается в узусе как показатель субъективно-модальных значений при косвенном цитировании.

2. Союзная прямая речь в древнерусских летописях XII–XIV вв.

2.1. Вступительные замечания

Прежде чем перейти к рассмотрению примеров, поясним принципы изложения материала в этом разделе.

К союзной прямой речи мы в первую очередь относим конструкции с изъяснительным союзом, после которого чужое высказывание целиком передано в виде прямой речи с соответствующими признаками – местоимениями 1 и 2 л., обращениями и восклицаниями, порядком слов и т. п.

Особые сложности связаны с контекстами, в которых противопоставление прямой и косвенной речи нейтрализовано из-за отсутствия грамматических признаков способа цитирования – местоимений, наречий, диалогических элементов и т.п. Например, мы не можем однозначно сказать, является ли союзной прямой ре-

чью или же косвенной речью следующий пример: **Приде бо вѣсть в Новѣгородъ яко Свѣи идуть къ Ладозѣ** (НПЛ, 1239, 126 об.). Контексты указанного типа мы называем дейктически нейтральными, или неохарактеризованными. Принято решение объединить их в одну группу с союзной прямой речью на основании общего маркера изъяснительной связи – союза **яко**, поскольку косвенная речь после этого союза в летописях почти не встречается (подробнее о проблематике см. Главу III).

Решение обусловлено тем, что в древнерусских летописях замечена тенденция к формальному различению союзной прямой речи и косвенной речи: при косвенном цитировании преимущественно используются другие союзные средства – **уже, аже, како** (об использовании изъяснительных союзов см. [Преображенская, 1991: 161; Шевелева, 2009: 145–150], а также Главу 3). При союзной прямой речи решительно преобладает союз **яко** – в 160 случаях из 162 контекстов.

Нами зафиксировано всего несколько примеров указанной конструкции с другими союзами. В НПЛ, наряду с **яко**, в одном случае использован редкий диалектный союз **око** [Гиппиус, 2006]. Примеры с **яко** и **око** мы объединили в одну группу на основании их формального сходства – эти союзы отмечены при одних и тех же опорных предикатах в сходных синтаксических позициях, ср.:

- 1) **и цѣловаша новгородци честныи хрестъ, око «не хочемъ у себе държати дѣтии Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловица и Овѣстрата Домажировица»** (НПЛ, 1209, 75–75 об.);
- 2) **Въ се же лѣто ходи Всѣволодъ въ Русь Переяславлю, повелениемъ Яропѣльцемъ, а цѣловавъ крестъ къ новгородцемъ, яко «хочю у васъ умерети»** (НПЛ, 1132, л. 13 об.-14).

Всего в одном случае отмечена союзная прямая речь с союзом **аже** – этот пример мы рассмотрим отдельно от группы контекстов с **яко** и **око**.

В главе о союзной прямой речи мы не рассматриваем контексты со смешением способов цитирования, т. е. такие случаи, в которых чужое высказывание передается как косвенная речь, а затем происходит сбой на прямую, – эти случаи рассмотрены в главе, посвященной структурным особенностям косвенной речи.

Таким образом, основной корпус примеров, которые мы проанализируем в данном разделе, – это союзная прямая речь и дейктически нейтральные контексты с **так** и **око**. Далее термин «союзная прямая речь» используется только в отношении указанных контекстов, если отклонение от указанного принципа не оговаривается специально.

Для понимания функций и семантики союзной прямой речи в ряде случаев необходимо сравнение этой конструкции с другими способами цитирования, поэтому в данном разделе мы включили в рассмотрение употребления **так** при косвенной речи, а также некоторые примеры с бессоюзной прямой речью.

При анализе формальных особенностей цитаций с **так** значимые синтаксические элементы выделены сплошным подчеркиванием, дейктические отсылки – пунктиром, при исследовании модальности мы также используем двойное подчеркивание для выделения семантически значимых элементов.

2.2. Типы контекстов с союзной прямой речью в древнерусских летописях

Собранный нами материал с союзной прямой речью содержит контексты двух типов: книжные (церковные) цитаты и оригинальную чужую речь действующих лиц летописного повествования.

К церковным мы относим цитаты из текстов основного корпуса (Псалтыри, Евангелия, Апостола и др. литургических произведений): в этом случае летописец мог воспроизводить книжные употребления **так** из известного ему церковнославянского оригинала.

Книжные цитаты имеют ряд особенностей, отличающих их от остальных употреблений союзной прямой речи, например использование существительных **слово**, **притѣча** в опорной предикации:

- 3) **да исполнѣтся книжное слово так въсхвалѣть** **Ба** **вси ꙗзыци** (ПВЛ, 898, 11);
- 4) **свѣѣ сѧ над нимъ притѣча єѡаѡльскаѧ так всѧкъ възносѧсѧ смѣритсѧ а смѣрѧсѧ възнесетсѧ и пакы єюже мѣрою мѣрите възмѣритсѧ вамъ** (СЛ, 1206, 144 об.).

По лексическим и грамматическим особенностям церковные цитаты отличаются от оригинальной чужой речи за счет использования особых форм в опорной предикации. Из специфически книжных черт отметим конструкцию *accusativus duplex* и субстантивированные причастия:

- 5) поминага Гѣа глѣаго іако вса моцна вѣроующею (КЛ, 1199, 243 об.);
- 6) разумѣхъ в притчахъ глѣмое іако снѣ вслѣшливѣи в погѣбель бѹдеѣ по-
слѣшливѣи же кромѣ ета бѹдеѣ но паче молитвѣи своя подажъ ми и вѣ
крилу мѣсто (СЛ, 1231, 159).

К числу книжных элементов относятся конструкции с безличной формой глагола *подобати* ‘надлежит, подобает’ [Пичхадзе, 2011: 175–176] в сочетании с инфинитивом:

- 7) подобаше намѣ со Иѡвомъ глѣти іако Гѣви любо тако и бѣѣ казними во
Влѣку познаемъ кгоже мѣи прогнѣвахомъ (СЛ, 1185, 133).

В одном случае в зависимой части книжной цитаты используется причастная клауза:

- 8) ино же (ѡ)снѣе (в Хлебн. таснѣе) и вѣрние послоушьство приведемъ ѡ тебе
ѡ сѣихъ псани рѣное іаковомѣ апѣлмѣ іако вѣративы грѣшника ѡ за-
блоужениа (ВЛ, 1288, 302 об.).

Состав опорных предикатов при книжных цитатах не ограничивается только локутивными глаголами речи. В нескольких случаях встретились иллокутивные предикаты – все они отмечены в ПВЛ. Два контекста зафиксировано в т. н. Речи Философа – вставном фрагменте, содержащем большое количество цитат из текстов основного корпуса [Гиппиус, 2001: 176]:

- 9) и прѣрѣци же проповѣдаша іако водою вѣновленіе вѣдеѣ (ПВЛ, 986, 40 об.);
- 10) и нача проповѣдати іако подобаетъ снѣ члѣвчьскому пострадати (ПВЛ, 986, 40 об.).

В двух случаях иллокутивные опорные предикаты отмечены в цитатах из Ветхого Завета:

- 11) пророцествоваша нѣции іако Валамѣ и Саоулѣ и Канфа и весь паки изг-
наша іако Июда и снѣе Скевани оубо и на недостойнии блѣгѣтвуетъ
(ПВЛ, 912, 16 об.);

12)но и томѹ прѣ^абѹдѹщаго показа и Навходъносоръ законопрестѹпныи но и семѹ паки по мнозѣхъ сѹщн^ихъ посредѣ же града Ѡкры тѣмь тавлѣа іако мнози прекостъни имѹще оумъ предѣмъ образомъ Х^свымъ (ПВЛ, 912, 16 об.).

Контексты с оригинальной чужой речью мы будем называть цитациями, чтобы отличать их от книжных цитат. В цитациях с союзной прямой речью используются те же опорные слова и конструкции, что и при прямой речи, – причастия в функции «второстепенного сказуемого», формы аориста и имперфекта от основных глаголов говорения *речи, глаголати, повѣдати, (бысть/приде) вѣсть* и др., например:

13)И пришѣдъ, створи вѣче въ владычнии дворѣ и рече, яко «не мыслилъ есмь до пльсковичъ грѣба ничегоже; нѣ везлъ есмь былъ въ коровьяхъ дары: паволоки и оwoщъ, а они мя обѣщѣствовали»; и положи на нихъ жалобѹ великѹ (НПЛ, 1228, 104);

14)и вьстаста два волѣхва отъ Іарославѣ глаголюща іако въ свѣмы кто обилье держитъ (ПВЛ, 1071, 65);

15)повѣдаша бо емѹ іако хотѣтъ та погоубити (ПВЛ, 1015, 50);

16)промѣкла бо ся вѣсть вѣше си въ Пльскове, яко везеть оковы, хотя ковати вѣцѣшее мѹжи (НПЛ, 1228, 104).

Количество книжных цитат и оригинальных цитаций среди примеров с союзной прямой речью представлено в Таблице 1:

Таблица 1

Соотношение количества книжных цитат и оригинальных цитаций с союзной прямой речью

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ	всего	
Книжные цитаты	10	6	2	2	7	1	28	15%
Оригинальные цитации	64	19	53	0	10	15	160	85%
<i>всего</i>	74	25	55	2	17	16	188	100 %

Статистика показывает, что из всего корпуса примеров с союзной прямой речью книжные цитаты составляют довольно небольшую часть – всего 15%. В летописях древнерусского периода эта конструкция использовалась главным образом для передачи высказываний действующих лиц – оригинальные цитации составляют 85% всех случаев. Таким образом, количественные данные указывают на то, что употребление союза **такъ** при прямой речи не были в летописном узусе специфически книжной чертой – подавляющее число контекстов нейтральны по параметру книжность.

При анализе грамматических особенностей союзной прямой речи церковные цитаты мы исключили из рассмотрения, далее описаны только те примеры, которые имеют оригинальное восточнославянское происхождение.

2.3. Формальные особенности союзной прямой речи в разных летописных традициях

Данные в Таблице 1 показали, что союзная прямая речь в древнерусских летописях встречается очень неравномерно: в ПВЛ и ГЛ отмечено большое количество примеров (более 50), в КЛ, СЛ и НПЛ их число не превышает 20. В ВЛ союзная прямая речь и вовсе отсутствует.

В этом разделе мы рассмотрим, как частотность союзной прямой речи коррелирует с частотностью других способов цитирования в древнерусских летописях – прямой и косвенной речью. Обратим внимание на то, что при подсчетах к косвенной речи мы относили только примеры с анафорическими грамматическими отсылками в придаточной части – местоимениями и глагольными формами 3 л. Дейтически нейтральные цитации проанализированы как союзная прямая речь.

На основании количественных данных исследованные летописи можно разделить на две группы.

В первую группу мы включили источники с небольшим количеством союзной прямой речи – КЛ и СЛ, а также ВЛ, в которой эта конструкция не отмечена вне книжных цитат. Во вторую группу – ПВЛ, ГЛ и НПЛ. Точные данные приведены в Таблицах 2, 3.

Таблица 2

Соотношение союзной прямой речи и других способов цитирования в КЛ,
СЛ и ВЛ

	КЛ		СЛ		ВЛ	
Прямая речь	658	86%	237	90%	104	86%
Косвенная речь	87	11%	15	6%	17	14%
Союзная прямая речь	19	3%	10	4%	0	0%
	764	100%	262	100%	121	100%

Как видно из Таблицы 2, союзная прямая речь в указанных летописях XII–XIII вв. встречается реже всех остальных способов цитирования – в КЛ и СЛ всего 3–4% от общего количества чужой речи. ВЛ включена в эту группу на следующем основании: в ней наблюдается такое же соотношение прямой речи и остальных способов цитирования, как и в КЛ, – 86:14 (%).

Близость летописных традиций КЛ, ВЛ и СЛ не раз отмечалась исследователями – сходные морфологические и синтаксические особенности выявлены в работах [Шевелева, 2010: 216; Юрьева, 2013: 144–149]. Исследование способов цитирования позволило выделить ещё один общий для них признак: в этих памятниках употребительна модель аналитической передачи чужого высказывания – косвенная речь, построенная по принципу изъяснительного предложения с союзами **уже** и **аже**, ср.:

17)и **приде** **Ѡтѡславоу** **вѣсть** **уже** **Изаславъ** **Мьстислаличъ** **пришелъ** и **горо**^А
ѡго **взѡлтъ** и **всѡ** **аже** **в немъ** **Ѡтѡславе** (КЛ, 1146, 123);

18)и **сказа** **кму** **уже** **кго** **Ѡстѹпили**^{с^А} **кнѡзи** **Черниговьстии** и **цѣловали** на **нь**
крѣ (СЛ, 1147, 105);

19)**вѣсть** **во** **приде** **к нему** **уже** **Ногаи** **передилъ** **ѡго** **ко** **Краковоу** **прити** (ВЛ,
1283, 296 об.).

Союзная прямая речь, отмеченная только в КЛ и СЛ, формально представляет собой другую модель цитирования, отличную от косвенной речи – основным

показателем связи является **іако**, а в зависимой части сохраняется речевой режим интерпретации текста:

20) **ѡн же не хоташе ити из Роускон земли река имѣ іако не мо҃гоу ити изъ ѡчѣны своеѣ и со братью свою розитисѧ** (КЛ, 1178, 214);

21) **токо дѣволъ сѣтоваше вложи бо нѣкоторымъ мужемъ ко в срѣце и начаша гл҃ти кѣмъ рекуще іако Ростиславъ Гюргевичъ подмолвиѧ на тѣ люди** (СЛ, 1149, 107 об.).

О продуктивности косвенной речи с **ѡже** (**аже**) в КЛ, СЛ и ВЛ свидетельствует тот факт, что по этой модели построена большая часть неохарактеризованных контекстов — в них используется опорный предикат со значением ‘сообщить’, указывающий на аналитическую переработку чужого высказывания, а также союзы **ѡже** (**аже**), ср.:

22) **и быѣ вѣсть Гѣославу ѡже Изаславъ бродитсѧ чересъ Десну а Половци воюють** (КЛ, 1150, 181 об.);

23) **приде вѣсть ѡже Глѣбъ шелъ Володимерю инѣмъ путемъ и воуетъ ѡколо Володимерѧ** (СЛ, 1177, 129 об.).

Нейтральные контексты с союзом **іако** встречаются в КЛ и СЛ в единичных случаях. В отличие от примеров с **ѡже** (**аже**), в примерах с **іако** используются опорные предикаты со значением ‘произнести’ **мѣлвити** и **рещи**, которые употребляются исключительно при прямой речи:

24) **глаголютъ бо тако іако Къпанъ ѡдинѣхъ изг҃ыбло на полку томъ . іѣ. тысячъ и быѣ плачь и тѣга в Рѹси и по всеи земли** (СЛ, 1223, 153 об.) ‘говорят, одних только киевлян погибло в бою том десять тысяч, и были плач и горе на Руси и по всей земле’;

25) **и молвѣхутъ іако дѧ естъ подѣстѣпила инни же другоіако молвѣху** (КЛ, 1152, 166 об.), ‘говорили, что [князь] разболелся, а другие иное говорили’;

26) **и оустрѣтоста гости идущѣ (sic! В Х. сп. опущено) противу себе ис Половецъ и повѣдаша имѣ іако Поѣвци стоѧтъ на Хоролѣ** (КЛ, 1184, 222), ‘и встретили купцов, идущих навстречу, и [купцы] сказали, что половцы стоят на р. Хорол’.

Обратим внимание, что нейтральные контексты с **так** отличаются от косвенной речи с **уже** и **аж** по семантике: источник цитируемого сообщения неизвестен, повествователь передает слухи, противоречивую информацию или речь со слов очевидца событий. Формальным указанием на неидентифицированный источник служит опорный предикат 3 л. мн. ч. с неопределенно-личным значением ‘говори-ли, что...’, а также формула «одни говорили X, другие говорили Y» – см. примеры с мест. **ни**(**и**) в 2 случаях из 3.

Таким образом, есть основания предполагать, что в КЛ и СЛ формальному противопоставлению конструкций косвенной речи и союзной прямой речи соответствовали семантически различия.

Вторая группа летописей по своему составу оказывается крайне неоднородной: в неё попали в ПВЛ, НПЛ и ГЛ. Указанные источники различаются по нескольким признакам:

- время создания погодных записей: ПВЛ охватывает период с 852 по 1117 гг., ГЛ – с 1201 по 1260 включительно, НПЛ – с 1016 по 1330 гг., в общей сложности погодные статьи отражают развитие языка от раннедревнерусского (ПВЛ) до позднедревнерусского периода (НПЛ);

- степень книжности: НПЛ допускает широкое проникновение черт живого языка [Гиппиус, 2006; Живов, 1998: 229–231], в то время как в ПВЛ и ГЛ довольно последовательно выдержана ориентация на церковнославянский узус (о лингвистических особенностях ПВЛ см. [Гиппиус, 2001], о ГЛ [Юрьева 2013: 144]).

- место создания: указанные источники отражают разные региональные традиции Древней Руси – Киева, Новгорода и Галича, относящихся к разным диалектным зонам.

Довольно неожиданным выглядит тот факт, что в региональных летописных традиции, удаленных друг от друга географически и хронологически, наблюдается поразительным образом сходная картина употребления основных способов цитирования. Обратимся к статистике, отражающей распределение цитативных конструкций в указанных летописях – см. данные в Таблице 3.

Таблица 3

Соотношение союзной прямой речи и других способов цитирования в ПВЛ, НПЛ и ГЛ

	ПВЛ		НПЛ		ГЛ	
Прямая речь	538	88%	134	90%	150	69%
Косвенная речь	6	1%	0	0%	15	7%
Союзная прямая речь	64	11%	15	10%	53	24%
всего	589	100 %	149	100 %	218	100 %

Как можно заметить, в ПВЛ, НПЛ и ГЛ наблюдается абсолютный примат прямой речи над косвенной: даже среди союзных способов цитирования решительно преобладает союзная прямая речь, при этом косвенная речь либо совсем отсутствует (НПЛ), либо её количество невелико (ГЛ).

Обращает внимание сходство ПВЛ и НПЛ, близких в хронологическом отношении (оба источника содержат погодные статьи за XI вв.): в этих летописях наблюдается практически равное распределение основных способов цитирования – количество прямой речи на уровне 88–90%, союзной прямой речи 10–11%, косвенная речь почти не используется.

В ГЛ, содержащей только статьи XIII в., по сравнению с остальными летописями, значительно меньше бессоюзной прямой речи – всего 69%, зато количество союзной прямой речи значительно выше, чем в ПВЛ и НПЛ.

Основанием для объединения ПВЛ, НПЛ и ГЛ в одну группу стало не только высокая употребительность союзной прямой речи, но и общие системные корреляции этой конструкции с другими способами цитирования. В отличие от летописей первой группы (КЛ, СЛ и ВЛ), в которых союзная прямая речь и косвенная представляют собой две разные модели цитирования, в ПВЛ и ГЛ формальное противопоставление указанных конструкций выражено крайне слабо – отличий в составе предикатов и союзных средств не выявлено, контексты с чужой речью различаются только за счет дейктических отсылок:

а) союзная прямая речь

27) повѣдаша бо єму яко хотѣть тѣ погоубити (ПВЛ, Ипат., 1015, 50);

28) **богаре же пришедше падше на ногоу его просаще млѣти іако согрѣшихом ти
иного князя держахомъ** (ГЛ, 1235, 263);

б) косвенная речь

29) **бѣ во емѹ вѣсть оуже іако хотѣть погубити и** (ПВЛ, Лавр., 1015, 45 об.);

30) **Ростислав же показа правдоу свою іако не естъ во свѣтѣ с Михаиломъ**
(ГЛ, 1240, 266), ‘... что [он] не в союзе с Михаилом’;

Различение союзной прямой речи и косвенной речи осложняется в этих памятниках большим количеством дейктически нейтральных контекстов, про которые нельзя однозначно сказать, являются ли они прямой или косвенной речью:

31) **и повѣдаша ѡзѣ іако Деревляни придоша** (ПВЛ, 945, 22);

32) **приде вѣсть Данилоу во Холмѣ воудѹщую емоу іако Ростиславъ сошелъ
есть на Литвоу со всеми воары** (ГЛ, 1235, 262 об.).

Обратим внимание, что в ПВЛ и ГЛ **іако** является формальным маркером любого изъяснительного предложения, передающего установку или точку зрения субъекта:

33) **и видивъ іако послани(и)** (В Хлебн. списке послани) **сѹть погубить еѹ**
(ПВЛ, 1015, 50);

34) **слышав же Данилъ рѣчи нхъ іако полны сѹть лъсти и не хотѣть по во-
ли еѹ ходити и власть еѹ иномуу предати** (ГЛ, 1240, 266 об.).

Таким образом, в ПВЛ и ГЛ союзная прямая речь формально имеет общую модель построения с косвенной речью, маркером любой конструкции изъяснительного типа служит союз **іако**.

В НПЛ ситуация с различением союзной прямой речи и косвенной речи не совсем ясна – надежных примеров последней не выявлено. В этом источнике при союзной прямой речи и дейктически нейтральных контекстах употребляется **іако** (в одном случае **око**):

35) **и высылаху къ нимъ Югра, лъстьюю рекуще тако, яко «копимъ сребро и
соболѣ и ина чѹдорочья, а не губите своихъ смьрдъ и своѣи дани», а
лъстяще ими, а воѣ копяче** (НПЛ, 1193, 52 об.);

36)И пришьдѣ, створи вѣче въ владычнѣи дворѣ и рече, яко «не мыслилѣ есмь до пльсковичѣ грѣба ничегоже; нѣ везлѣ есмь былѣ въ коробьяхѣ дары: паволоки и овошѣ, а они мѣ обѣществовали» (НПЛ, 1228, 104);

37)Приде вѣсть изъ Рѹси зла, яко хотятъ Татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ (НПЛ, 1239, 135 об.-136).

В некоторых дейктически нейтральных контекстах с яко, как и в КЛ, источник сообщения не идентифицирован, информация носит характер слухов, ср.:

38)и тѹ ѹбиенѣ бысть воевода ихѣ, именемъ Спиридонѣ; а инни творяхѹ, яко и пискупѣ ѹбиенѣ бысть тѹ же (НПЛ, 1239, 126 об.-127) ‘а некоторые считали/утверждали, что...’

39)и новгородци не вѣдяхѹ, кдѣ князь идеть; друзии творяхѹ, яко на Чюдѣ идеть (НПЛ, 1256, 135) ‘... другие говорили, что...’

40)инни же мнози глаголахѹ, яко, полѹпивѣ святѹю Софию, пошлѣ Цесарюградѹ (НПЛ, 1156, 28 об.-29), ‘другие же многие говорили, что...’

Итак, в летописном узусе XII–XIV вв. выявлено две традиции в употреблении союзной прямой речи. Эта конструкция встречается в летописях нерегулярно, при этом между источниками намечаются различия, связанные с разной степенью грамматической противопоставленности союзной прямой речи и косвенной речи. В более книжных источниках, в ПВЛ и ГЛ, указанные конструкции различаются крайне слабо. В КЛ и СЛ, а также в ВЛ они формально отчетливо противопоставлены – здесь союзная прямая речь встречается крайне редко и при этом представляет собой отдельную модель цитирования, которая, вероятно, могла выражать специфическое модальное значение (см. об этом п. 2.6). Признаки модальной семантики у примеров с союзной прямой речью обнаружены и в НПЛ, притом что в новгородской летописи эта конструкция слабо противопоставлена косвенной речи – по соотношению способов цитирования НПЛ ближе всего оказывается к ПВЛ.

2.4. Состав опорных предикатов при *jako recitativum*

В главе I показано, что в древнерусских летописях одним из признаков, различающих прямую и косвенную речь, был опорный предикат. Установлено, что при прямой речи использовались опорные слова, указывающие на процесс произнесения высказывания: глаголы со значением ‘произнести’ (**речи, глаголати, мълвити**), а также глаголы мысли, передающие «внутреннюю речь» (**мьнѣти, помышлати**), при цитировании устных посланий – глагол **посълати** и его словообразовательные производные (см. выше, глава I). У перечисленных предикатов выявлены синтаксические ограничения на тип зависимой цитативной конструкции: они почти не употреблялись при косвенной речи с правильными грамматическими заменами в придаточной части.

При косвенной речи использовались глаголы, указывающие на аналитическую переработку чужого высказывания, – реферативные предикаты со значением ‘сообщить’ **повѣдати, высть вѣсть, съказати**, а также иллокутивные глаголы, эксплицирующие коммуникативную цель (**молити, просити милости** и пр.).

В свете указанных наблюдений интересно проанализировать семантический состав опорных слов при союзной прямой речи – эта конструкция, как считают исследователи (например, [Преображенская, 1991: 101; Daiber, 2009]), отражает начальный этап в формировании косвенной речи.

Полный список лексем, зафиксированных при союзной прямой речи, представлен в Таблице 4. При подсчетах мы учитывали только оригинальные цитации с союзной прямой речью, в том числе дейктически нейтральные контексты с **яко**. В Таблице 4 используется та же классификация, что и в Главе I. Отметим, что глагол **творити** зафиксирован при чужой речи в нескольких значениях – как глагол мысли в значении ‘думать, полагать’ и как глагол речи ‘утверждать (возможно, ложно)’. **Творити** как глагол речи встречается главным образом в новгородских памятниках [Зализняк, 2004: 260] – в Таблице 4 мы указываем это слово два раза в разных значениях.

Таблица 4

Состав опорных предикатов при союзной прямой речи и дейктически
нейтральных контекстах с **яко**

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
локутивные глаголы						
речи	15	7	34	0	1	3
мълвити	0	1	0	0	0	0
глаголати	19	3	3	0	2	2
вѣщати	0	0	1	0	0	0
посълати 'передать уст- ное послание'	0	0	1	0	0	1
писати 'передать пись- менное послание'	1	0	0	0	0	0
сътворити рѣчь	0	0	1	0	0	0
<i>всего</i>	35	11	40	0	3	6
глаголы мысли						
помыслити	0	1	0	0	0	0
помышляти	1	0	0	0	0	0
приати в сърдѣце	0	0	0	0	1	0
мнѣти (сѧ) 'считать'	3	1	4	0	2	0
творити 'полагать, считать'	0	1	0	0	0	0
<i>всего</i>	4	3	4	0	3	0
реферативные глаголы						
съказати	1	0	0	0	0	0
съказовати	1	0	0	0	0	0
съказывати	0	0	1	0	0	0
бысть вѣсть	6	2	0	0	3	4
вѣстьно быти	0	0	1	0	0	0
исповѣдати 'рассказать'	0	0	1	0	0	0
повѣдати	17	2	0	0	0	0
творити 'утверждать' (новг.)	0	0	0	0	0	2
<i>всего</i>	25	4	3	0	3	6

иллокутивные глаголы						
цѣловати крѣсть	0	1	0	0	1	3
запрѣтисѧ ‘отпереться, отказаться’	0	0	1	0	0	0
обѣщеватисѧ	0	0	1	0	0	0
отвѣщати	0	0	2	0	0	0
просити милости	0	0	1	0	0	0
съгадати ‘посоветовать-ся’	0	0	1	0	0	0
всего	0	1	6	0	1	3
<i>Общее количество</i>	64	19	53	0	10	15

Приведенная статистика показывает яркую закономерность: в летописях XII–XIV вв., независимо от региональных различий, при союзной прямой речи решительно преобладают те же опорные предикаты, что и при бессоюзной, – локутивные глаголы речи, глаголати, мѣлвити, например:

41) **И**заславъ же и Ростиславъ приѣхаста къ Вячѣславѹ рекуча ако то сѧ сѹтъ воротили поѣдемъ по нихъ (КЛ, 1151, 166 об.);

42) в та же лѣта седе Гамовитъ во Мазовшѣ посла к нему Данило и Василко рекша ему яко добро видилъ еси ѿ наю и изиди с нами на гатвезѣ (ГЛ, 1251, 272);

43) и посла Блудъ къ гарополкѹ глаголю яко свѣдѣнье твое (ПВЛ, 980, 30);

44) и ини тако молваху яко съ штравы бѣ ему смѣръ (КЛ, 1162, 185 об.).

Укажем также примеры более редких опорных предикатов с локутивными свойствами. В первую очередь отметим церковнославянский глагол **вѣщати**, который в единичных случаях засвидетельствован также при бессоюзной конструкции (см. данные в Главе I):

45) **теща** бо его вѣше вѣрна Соудиславоу кормильчѣя Нездиловаа матерю бо си нарѣчашеть ю вѣща ему яко не можешъ оудержати града сего (ГЛ, 1231, 259).

Глагол **посълати** ‘передать устное сообщение’ встретился при бессоюзной прямой речи всего 2 раза – в НПЛ и ГЛ:

46)и потом Исакъ помысливъ, и въсхотѣ царства, и учяшетъ сына, посылая потан, яко «добро створихъ брату моему Олѣксѣ, от поганыхъ выкупихъ его, а онъ противу зло ми възда, слѣпивъ мя, царство мое възя» (НПЛ, 1204, 64 об.);

47)Мьстиславоу же пославшюу Ѡца своего Тимофѣа яко всюе шкелевал ма еть к вамъ Жирославъ (ГЛ, 1226, 253 об.).

К локутивным мы также отнесли малоупотребительные глаголы речи, для которых тип значения определить трудно, но при этом в контексте они приобретают локутивные свойства, указывая на то, что цитация максимально близко передает оригинал – ‘сказал/произнес речь’, ‘написав так’:

48)Данилъ же моудростью рѣчь свори яко срамотоу имѣшь Ѡ Литвы и Ѡ всихъ земль аще не донде и вратимъ⁶ (ГЛ, 1253, 274 об.);

49)да приносятъ грамоту пишуще сице яко послахъ корабль селико...(ПВЛ, 945, 19).

Союзная прямая речь регулярно встречается в древнерусских летописях при глаголах мысли, которые тоже имеют локутивные свойства, поскольку передают внутреннюю речь персонажа:

50)зде же мнѣшесѧ оканьныи яко зде ми есть жилище (ПВЛ, 983, 32 об.);

51)гораздо оустремишасѧ боеви мнѣ яко не стояти Олговичемъ противу нашеи силѣ (КЛ, 1136, 110 об.);

52)примъ в срѣци си акоже въжену Изъслава и перениму волость совѣ (СЛ, 1149, 107 об.);

53)и переѣха чересь Днѣпръ и помысли во оумѣ своемъ яко Дѣда имоу а Рюрика въженоу изъ землѣ и принимоу единъ власть Роускою и с братъею и тогда мышюсѧ Всеволодоу швиды совѣ (1180, КЛ, 216 об.).

Реферативные предикаты встречаются при союзной прямой речи, как и при бессоюзной, крайне редко. При этом отчетливо проявляется следующая тенденция: реферативные предикаты, указывающие на аналитическую переработку чужого высказывания, встречаются главным образом при дейктически нейтральных кон-

текстах с **яко** и довольно редко фиксируются в контекстах, в которых за союзом следует прямая речь с соответствующими грамматическими отсылками. Примеры последнего типа отмечены главным образом в ПВЛ, а также в ГЛ.

Приведем наиболее показательные случаи из ПВЛ. В двух случаях отмечено слово **вѣсть**:

54) вѣсть приде ему яко отъць твоя оумерлъ (ПВЛ, 1015, 49 об.);

55) и приде Мьстиславу вѣсть яко послалъ ти отъць (ПВЛ, 1096, 87 об.).

В ПВЛ частотны примеры с союзной прямой речью при глаголе **повѣдати** (17 случаев), который имел как локутивные, так и реферативные свойства, например:

56) повѣда ми Двдъ Игоревичъ яко Василко брата ты оубилъ (ПВЛ, 1097, 90);

57) и немъ же пришедшимъ повѣдающимъ Стополку яко створихомъ повеле-
ное (ПВЛ, 1015, 51 об.).

В ГЛ встретилось всего два примера с реферативными предикатами при союзной прямой речи, в обоих случаях использованы редкие лексемы – устойчивое словосочетание **вѣстьно бысть** ‘его известили’ [Срезн. I: 495] и книжный глагол **исповѣдати** ‘рассказать’:

58) и вѣстьно бы ему яко не внидеши во гра (ГЛ, 1240, 265 об.);

59) изнидоша на нѣ гражанѣ пѣшцы и бывшимъ с ними крѣпко и въѣвѣго-
ша из града идоша къ Коурьмѣ исповѣдаша яко гражанѣ крѣпцѣ борются
с нами (ГЛ, 1259, 281).

Обратим внимание, что во всех остальных летописях, кроме ПВЛ и ГЛ, **повѣдати** и другие глаголы со значением ‘сообщить, рассказать’ встречаются в цитациях с союзом **яко** только при дейктически неохарактеризованных контекстах:

60) и повѣдаша Володимироу яко поверженъ есть на торговици (КЛ, 1147, 129);

61) башеть во ему вѣсть яко оуже пошелъ есть митрополитъ (КЛ, 1156, 173 об.);

62) бѣи̑ же и̑ вѣсть ꙗко идеть Гюрги с брато̑ своимъ Вачеславо̑ (СЛ, 1149, 108 об.);

63) приде бо вѣсть в Новъгородъ ꙗко Свѣи идуть къ Ладозѣ (НПЛ, 1239, 126 об.).

Глаголы сѣказати, а также сѣказовати и сѣказывати, которые ни разу не зафиксированы в позиции непосредственного вершинного предиката при прямой речи, в контексте с ꙗко отмечен также только при дейктически нейтральных примерах, причем только в ПВЛ и ГЛ:

64) ꙗкоже сказыють ꙗко великѹ честь пригаль есть от црѣ (ПВЛ, 852, 5 об.);

65) суть же хитро сказыюще ꙗко и дрѹгѹи светъ поведають быти (ПВЛ, 987, 40 об.);

66) ѡнем же ѡшедшимъ Юрьги же имъ сказываше ꙗко стрѣлци соуть (ГЛ, 1223, 252 об.).

Таким образом, реферативные предикаты при союзной прямой речи засвидетельствованы только в самом раннем источнике – ПВЛ, а также в ГЛ, в которой традиция цитирования имеет много общих черт с ПВЛ.

В КЛ, СЛ и НПЛ реферативные глаголы отмечены только при дейктически нейтральных цитациях с союзом ꙗко – собственно при союзной прямой речи опорные слова со значением ‘сообщить’ в этих летописях не используются.

Иллокутивные глаголы при союзной прямой речи регулярно встречаются только в ГЛ – по этому признаку она резко выделяется на фоне ПВЛ и НПЛ, ср. примеры:

67) Мирославоу же заповѣвшоу сѧ ꙗко радомъ Чьрвьна не предасть еси̑ (ГЛ, 1231, 259 об.);

68) богаре же пришедше падше на ногоу его просаще мл̑ти ꙗко согрѣшихом ти иного князѧ держахомъ (ГЛ, 1235, 263).

В остальных летописях иллокутивные глаголы при союзной прямой речи почти не употребляются. Исключением является устойчивое словосочетание цѣловати крестъ (Богородицю и пр.) – 6 примеров с этим опорным словом засвидетельствовано в КЛ, СЛ и НПЛ, приведем некоторые из них:

69) Въ се же лѣто ходи Всѣволодъ въ Русь Переяславлю, повелениемъ Яропѣльцемъ, а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко «хоцю у васъ умерети» (НПЛ, 1132, л. 13 об.-14);

70) и тако пристѣпиша хрѣстное цѣлование на томъ бо цѣловали баше хрѣтъ к нему яко ты намъ кнѣзь еси и данъ ты Бѣ с тобою пожити извѣста никакого до тебе доложити и до хрѣстного цѣлования и тако състѣпиша еже рекше (КЛ, 1159, 177).

Обратим внимание, что примеры с цѣловати крестъ встречаются в древнерусских летописях довольно последовательно: 6 примеров в 3 разных источниках – КЛ, СЛ и НПЛ

Таким образом, исследование состава опорных предикатов при союзной прямой речи выявило следующие закономерности:

- при союзной прямой речи в основном употребляются те же опорные слова, что и при бессоюзной конструкции – локутивные опорные предикаты и глаголы «внутренней речи»;
- состав опорных слов ещё раз подтверждает сходство традиций ПВЛ и ГЛ: в этих летописях при союзной прямой речи довольно свободно употребляются не только локутивные, но и реферативные глаголы;
- в КЛ и СЛ последовательно выдержаны грамматические различия между локутивными и реферативными глаголами: локутивные глаголы чаще встречаются при союзной прямой речи с соответствующими дейктическими маркерами, реферативные предикаты только при дейктически нейтральных контекстах;
- по составу опорных предикатов НПЛ оказывается ближе к традиции, отраженной в КЛ и СЛ, чем к ГЛ и ПВЛ: реферативные предикаты в НПЛ зафиксированы только при нейтральных контекстах с яко, как в КЛ и СЛ, другая общая черта – союзная прямая речь при иллокутивных глаголах цѣловати крестъ;
- ГЛ резко отличается от остальных источников по составу опорных слов – в этом памятнике при союзной прямой речи отмечены все типы опорных предикатов.

2.5. *Jako recitativum* как модальная цитативная конструкция: основные типы субъективной модальности

При цитировании повествователь может передавать не только содержание чужого высказывания, но и свое отношение к чужому сообщению или его источнику. Круг значений, связанных с выражением позиции повествователя, относят к субъективной модальности [Козинцева, 2007: 36–47; Падучева, 1996: 299].

Субъективно-модальные значения исследователи, как правило, объединяют в две категории:

- эпистемическая оценка – оценка сообщения по параметру истина/ложь, степени достоверности, а также уверенности/неуверенности говорящего в истинности сообщения [Плунгян, 2011: 352];
- эвиденциальность – указание на источник сведений говорящего [Якобсон, 1957/1972; Aikhenvald, 2004].

Некоторые исследователи употребляют термин эвиденциальность в широком смысле – под ним понимают как отношение к источнику информации, так и эпистемические значения [Lyons, 1977]. В работе [Плунгян, 2003] замечено, что указанные семантические категории в языках мира, как правило, связаны друг с другом плавными переходами.

В русском языке выражение отношения говорящего к чужой речи не является грамматически обязательным. Различные субъективно-модальные смыслы при цитировании передаются лексическими или синтаксическими средствами. Перечислим наиболее распространенные типы субъективной информации и способы их выражения:

- недостоверность или неуверенность повествователя в истинности цитируемого сообщения, союзы *будто*, *будто бы*, *якобы* [Козинцева, 1994: 96; Храковский, 2007];
- непрямая засвидетельствованность, сообщение передано с чужих слов – в русском языке выражается с помощью вводных слов и конструкций (*по словам очевидцев*, *как сообщали очевидцы*) [Aikhenvald, 2004];

- пересказывательность – источник сообщения неважен, неизвестен или неидентифицирован, информация передана с чужих слов – средства выражения в русском языке:

а) изъяснительные придаточные, подчиненные модусному глаголу в неопределенно-личной форме 3 л. мн. ч., например *говорят, что*;

б) в предложениях с модусным глаголом в составе вводного оборота, например *Петров, говорят, поправился* [Козинцева, 1994: 96];

в) указания на опосредованно полученную информацию *по слухам, как сообщалось* [Падучева, 2011].

- эмфатическое пересказывание – сопровождается выражением более или менее сильного недоверия со стороны повествователя к содержанию передаваемого утверждения или прямого несогласия с тем, что он пересказывает [Маслов, 1981: 271].

Вместо термина эмфатическое пересказывание в русском языке закрепилось более широкое понятие дистанцирование [Арутюнова, 1992: 45; Баранов, 1994]: оно охватывает любые случаи, в которых повествователь не может нести эпистемической ответственности за содержание высказывания. Считается, что средством дистанцирования в современном русском языке являются частицы-«ксенопоказатели» (термин из работы [Арутюнова, 1992: 47]) *де, дескать, мол*. Высказывались предположения о существовании семантических различий между *дескать* и *мол*: *дескать* отражает нежелание говорящего брать на себя ответственность за чужое высказывание, между тем как *мол* – свидетельство того, что за какие-то фрагменты чужого высказывания говорящий готов разделить ответственность с автором цитаты [Баранов, 1994: 116]. В настоящее время принято считать, что частицы *де, дескать* и *мол* являются грамматическими маркерами цитирования – с их помощью повествователь может указать на то, что ответственность за истинность чужой речи несет цитируемое лицо [Падучева, 2011].

В исторической грамматике высказывались предположения о том, что в древнерусском языке средством маркирования субъективной информации в контекстах с цитациями был союз *такъ* [Лопатина, 1979: 435; Срезн. III; Perelmutter, 2009]. Исследованные древнерусские летописи XII–XIV вв. содержат новый и до-

вольно интересный материал, который позволяет ответить на вопрос о функциях и модальных значениях союза **іако** при чужой речи.

Главная проблема при исследовании модальности заключается в том, что в тексте не всегда имеются прямые указания на отношение повествователя к содержанию или источнику цитируемого сообщения. Чтобы избежать субъективности в толковании цитаций с **іако**, необходимо найти надежные регулярные признаки, указывающие отношение повествователя к содержанию или источнику чужой речи.

Важным системным признаком является сфера употребления союза **іако** в летописях: есть памятники, в которых контексты с **іако** противопоставлены изъяснительным конструкциям с **уже/ажє** (КЛ и СЛ), и памятники, в которых **іако** — это основной показатель изъяснительной связи, независимо от типа конструкции.

Наличие у **іако** модальных значений наиболее вероятно в той ситуации, когда имеется формальное противопоставление между цитациями, содержащими модально-оценочные значения, и цитациями, передающими нейтральное сообщение о факте. Оппозиция изъяснительных конструкций с **іако** и **уже (ажє)** наиболее отчетливо проявилась в КЛ и близкой ей СЛ. Сравним два примера из КЛ при глаголе **повѣдати**:

и посластасѧ къ Изяславу и повѣдаста ємү уже Гюрги идеть на нь и Сѣтославъ Улговичъ приде (sic! в Х. сп. опущено) **с нимъ** (КЛ, 1149, 137 об.) ‘они [два брата] послали к Изяславу и сообщили, что Юрий идет на него [Изяслава] и Святослав Олегович придет с ним’

и оустрѣтоста гости идоуць (sic! в Х. сп. опущено) **противоу себе ис Половецъ и повѣдаша имъ іако Поѣвци стоятъ на Хоролѣ** (КЛ, 1184, 222) ‘... и рассказали купцы, что Половцы стоят на Хороле’.

В первом случае цитируется нейтральное сообщение о факте, истинность которого не подвергается сомнению. Второй пример представляет собой один из самых распространенных типов эвиденциальных контекстов — непрямая засвидетельствованность, т. е. сообщение, переданное со слов очевидцев, в данном случае купцов, которые видели половцев у реки Хорол. Таким образом, в КЛ и СЛ имеют-

ся системные признаки, указывающие на семантические различия между изъяснительными конструкциями с союзами **уже** (**ажѣ**) и **такѡ**.

Следует уточнить, что наличие в летописи оригинальных цитаций с союзами **уже** и **такѡ** само по себе ещё не свидетельствует о грамматической оппозиции между ними. В гибридном языке летописей появление **такѡ** при чужой речи может быть мотивировано не только особой семантикой, но также рядом других нелингвистических обстоятельств: например, установкой летописца на книжность и его стремлением подражать текстам основного корпуса. Союз **такѡ** мог быть скопирован летописцем при вставке фрагмента из другой летописи, в которой **такѡ** употребляется во всех типах изъяснительных предложений. Чтобы исключить случайные факторы, важно найти подтверждения тому, что субъективная модальность присутствует в цитатах с **такѡ** регулярно.

Доказательством наличия у **такѡ** модальных значений могут быть лексико-семантические признаки, эксплицирующие недостоверность цитируемого сообщения, сомнения повествователя в его истинности или его нежелание разделять эпистемическую ответственность за содержание высказывания. К грамматическим признакам субъективной модальности относят опорные предикаты соответствующей семантики (*солгал, будто...*), неопределенно-личные предложения в опорной предикации (*говорят, что*) или др. указания на расхождение позиции повествователя и цитируемого лица [Арутюнова, 1992; Козинцева, 1994]. Исследование семантики контекстов с **такѡ** мы построим в первую очередь на выявлении лексико-синтаксических признаков, маркирующих отношение повествователя к цитируемому сообщению. Важными критериями являются их повторяемость в цитациях с **такѡ** и однотипность ситуаций, в которых они встречаются.

Впрочем, мы допускаем наличие примеров с **такѡ**, в которых нет надежных лексико-синтаксических или контекстуальных признаков, указывающих на отношение повествователя, поскольку субъективная модальность относится к группе значений, которые выражаются факультативно. Указанные примеры мы выделили в группу неясных случаев. В вопросе о модальности союза **такѡ** решающее значение для нас будет иметь баланс надежных и неясных случаев.

В первую очередь рассмотрим цитации из тех источников, в которых признаки субъективной модальности проявились наиболее ярко. При разборе примеров лексико-семантические признаки субъективной модальности в контексте выделены двойным подчеркиванием, в сложных случаях дается перевод и комментарий. Отдельно рассмотрим употребления союзной прямой речи в ПВЛ и ГЛ, в которых **яко** является показателем любой изъяснительной конструкции.

2.6. *Jako recitativum* как средство выражения субъективной модальности в Киевской и Суздальской летописях

В КЛ и СЛ выявлены следующие типы субъективной модальности в цитациях при глаголах речи и мысли: эвиденциальность, дистанцирование, эпистемическая модальность. При этом наблюдается следующая корреляция между типом дейктических отсылок в придаточной части и семантикой конструкции: дейктически нейтральные контексты выражают, как правило, эвиденциальные значения, примеры с **яко** при прямой речи – дистанцирование. Для сравнения в рассмотрение включена группа примеров, в которых **яко** употребляется в модальном значении при косвенной речи. Ниже цитации с **яко** сгруппированы по типам субъективной модальности.

Союз **яко** в дейктически нейтральных контекстах как эвиденциальный указатель на опосредованно полученную информацию

Рассмотрение примеров с субъективной модальностью начнем с тех случаев, в которых семантика **яко** наиболее очевидна. В КЛ, СЛ и НПЛ имеется группа дейктически нейтральных контекстов с **яко**, в которых в опорной предикации указывается на то, что повествователь цитирует сообщение, полученное им от других людей, т. е. опосредованно, «через третьи руки» [Козинцева, 2007; Плунгян, 2011].

Внутри этой группы можно выделить несколько семантических подтипов – пересказывательность и непрямая засвидетельствованность.

Контексты с семантикой пересказывательности описывают следующую речевую ситуацию: источник сообщения неидентифицирован или же их несколько, чужая речь носит характер слухов, догадок, людской молвы, повествователь был участником (адресатом) речевого акта, который он цитирует. Эта группа примеров содержит ряд регулярных грамматических признаков, соответствующих особенностям описанной речевой ситуации.

В наиболее очевидных случаях во вводящей предикации имеется лексическое указание на то, что информация получена по слухам и была противоречивой, см. использование местоимений *ини(и)*, *нѣци(и)* в следующих примерах:

- 1) *ини глѹть тако се сѹтъ ѿ ниѹже Мѣфодии Патомьскыи епѣпъ свѣдѣтельствѹетъ тако си сѹтъ ишли ис пѹстыниѣ Етриевьскыи сѹще межю востокомъ и сѣверомъ* (СЛ, 1223, 153);
- 2) *и воцаница с виномъ юже нѣции мнѹхѹ тако бѣ Лѣонова епѣпа прѣѣ бывшаго в Ростовѣ* (СЛ, 1211, 148 об.), ‘...и воцаница с вином, про которую некоторые думали, что она принадлежала епископу Леону, бывшему ранее [епископом] в Ростове’.

Обратим внимание, что в примере (2) модальная семантика маркирована не только за счет неопределенно-личных местоимений, но и посредством опорного предиката *мынѣти* (сѣ) с путативным значением ‘полагать, считать; утверждать (возможно, ложно)’ – он содержит дополнительное указание на то, что об истинности зависимой пропозиции ничего не известно [Апресян, 2009: 266].

Другой способ указания на информацию, полученную по слухам, – с помощью модусного глагола речи 3 л. мн. ч. в значении ‘говорили, что; рассказывали, что’. Неопределенно-личная форма указывает на неидентифицированный, неизвестный источник сообщения, например:

- 3) *глѹтъ бо тако тако Къпанъ ѿдинѣхъ изгѣвло на полкѹ томъ . і . тѣи|сѣчь . и бѣи плачь и тѹга в Рѹси и по всей зѣмли* (СЛ, 1223, 153 об.), ‘говорят, что одних только киевлян погибло в бою том десят тысяч, и был плач и горе в Руси и по всей земле’.

Интересный пример с ярко выраженной эвиденциальной модальностью встретился в КЛ в рассказе о внезапной смерти князя Владимира Галичского (Владимирко), отступившего от крестного целования с киевским князем Изяславом. Описывая конфликт Владимира с послом Петром Бориславичем, летописец излагает версию, согласно которой князь Владимир умер от болезни (др.-рус. *дѣна* – болезнь брюшной полости), однако намекает и на другие обстоятельства – о наказании за клятвopеступление и ссору с Петром Бориславичем¹¹:

4) и такоже съѣха Петръ съ княжа двора и Володимиръ понде к божници къ сѣмѹ ѿпѣсѹ на вечернюю и такоже бѣи на переходѣхъ до божници и тѹ види (sic! в Хлеб. списке видѣ) Петра гадѹща и порѹгасѹ емѹ и рече поѣха мѹжь Рѹскии вѣнчмавѹ всѹ волости и то рекѹ иде на полати и ѿпѣвѹи вечернюю Володимиръ же ѿ божници такоже бѣи на томѹ мѣстѣ на степенѹ идеже порѹгасѹ Петрови и рече ѿле тѣ нѣкто ма оудари за плече и не може с того мѣста ни мало постѹпити и хотѣ летѣти и тѹ подѣхѹтиша и подѣ рѹцѣ и несоша и въ горенкѹ и вложиша и въ оѹкропѹ [‘в теплую воду’] и молвахѹтъ тако дѣна естъ подѣстѹпила нини же дрого тако молѣвлахѹ (КЛ, 1152, 166 об.).

Синтаксически более сложный пример встретился в рассказе об убийении Игоря Ольговича киевлянами. Изяслав, узнав о случившемся, раскаивается, что не уберег Игоря от мести киевлян Ольговичам. В тексте сказано, что Изяслав боится людской молвы: и тоѹ присла к нему Володимиръ повѣдаѹ емоѹ Игореву оубиство Изяславъ же слышавѹ то и прослезивсѹ и рече аще бѣхѹ вѣдалѹ вже сѹко семоѹ бѣти то аче бѣи ми и далече того влѹсти ѿслати а могѹ бѣхѹ Игорѹ съвлѹсти и рече Изяславъ своѹи дроѹжинѣ то мнѣ естъ порока всѹкоѹ ѿ людѹи не оѹити (КЛ, 1147, 130), ‘и сказал Изяслав своей дружине: «Мне не избежать упреков от людей»’, *порокъ* – ‘порицание, упрек’. Интересен ответ дружины о неизбежности слухов – в опорной предикации используется инфинитив со значением неизбежности:

¹¹ Подробно этот эпизод рассматривается в работе [Лихачев, 1947: 234–236].

- 5) и рѣша емоу моужю его без лѣпа ѡ немъ печаль имѣши уже людемъ речи яко Изяславъ оуби и или повѣлелъ оубити но то кнѣже Бѣ вѣдаеть и вси людье яко не ты его уже хрѣстѣ к тобѣ цѣловавши и пакты стоупиша и лъстью надъ тобою хотѣли оучинити и оубити хотѣше (КЛ, 1147, 130), ‘...зря о нем печалишься и том, что люди [неизбежно] будут говорить, что это Изяслав убил или повелел убить. Но то, князь, Бог знает и все люди, что не ты его [убил], что, дав присягу на кресте, опять они [Ольговичи] от неё отступили, и хотели заговор устроить, и убить тебя хотели’.

Помимо примеров с пересказывательной семантикой, в КЛ и СЛ встречается другой тип эвиденциальных значений – непрямая засвидетельствованность: в этом случае цитируются сообщения со слов очевидцев, «из третьих рук» [Козинцева, 1994]. В данном случае подчеркивается, что повествователь рассказывает о событии, в котором он не участвовал, следовательно, он не может взять на себя ответственность за истинность чужой речи. Примеры указанного типа встретились только в КЛ и СЛ – всего 4 случая:

- 6) и оустрѣтоста гости идоушѣ противоу себе ис Половецѣ и повѣдаша имѣ яко По^авци стоятъ на Хоролѣ (КЛ, 1184, 222), ‘и встретили купцов, идущих им на встречу из Половецких земель, и [купцы] рассказали им, что Половцы стоят на реке Хорол’;
- 7) члѣвци же блѣвѣрнии приходаше взимахоу ѿ крове его и ѿ прикрова соущаго на немъ на тѣлѣ его на спѣние себе и на исцѣление и покрывахоу^т наготоу телесе его своими ѡдежами и повѣдаша Володимироу яко поверженъ естъ на торговици и посла тѣ^ицьского и приѣха види повержена Игорѣ мртѣвого и посла тѣ^ицьского и приѣха види повержена Игорѣ мртѣвого (КЛ, 1147, 129) – из рассказа об убийстве Игоря: ‘благоверные же люди, приходя [к его телу] взяли части покрова, бывшего на нем, и прикрыли наготу телес его своими одежами, и [эти очевидцы] рассказали Владимиру, что [Игорь] брошен на торговой площади’;
- 8) Половецѣ котории оутѣгли перенти вежами спсошасѣ а которѣи не оутѣгли а тѣхъ взаша рекоша же ако в тоу рать вежѣ и кони скоти мнози по-

топли соуть в Хирии (КЛ, 1183, 220 об.), ‘половцы, которые успели перейти в кибитках, спаслись, а те, которые не успели, тех взяли в плен, и рассказали [очевидцы], что в ту битву многие шатры и кони утонули в Хирии’.

Отдельно отметим пример, в котором передаются впечатления очевидцев землетрясения – в отличие от остальных контекстов, в опорной предикации используется глагол восприятия **мынѣтисѧ**:

9) и свѣѣна поклѣбаша^ѣ и лю^ѣкѣ мно^ѣ изумѣша^ѣ и мнѣхутсѣ та^ѣ ѣко голова
о^ѣвишла ко^ѣго и^ѣ ѣко дру^ѣгѣ къ дру^ѣгѣ глѣху не вси бо ра^ѣмѣва^ѣ дивна^ѣ то^ѣ
чю^ѣсе (СЛ, 1230, 157), ‘и многие [бывшие в церкви св. Богородицы во Вла-
димире] помутились рассудком и подумали (им показалось), что...’.

Таким образом, в КЛ и СЛ выявлены распространенные в языках мира типы маркирования эвиденциальных значений – информация, полученная по слухам или же со слов очевидцев событий. Средством выражения эвиденциальности были дейктически нейтральные контексты с **так**. Особенность примеров этой группы – регулярное повторение грамматических признаков, характеризующих опосредованный источник сообщения: неопределенно-личные местоимения **нѣци(и)**, **мѣно-зи**, **друзи(и)**, **ни(и)**, опорный предикат в 3 л. мн. ч.

Союзная прямая речь с **так** как средство дистанцирования говорящего от ответственности за содержание чужого высказывания

Дистанцирование, или отстранение говорящего от ответственности за содержание сказанного, сложнее всего поддается семантическому анализу, поскольку потребность в отстранении от чужой точки зрения может возникать в большом количестве ситуаций и мотивироваться разными обстоятельствами. При этом, в отличие от значений эвиденциальности, которые обычно выражаются одновременно лексическими и лексико-синтаксическими маркерами [Козинцева 1994: 94], отстранение почти не маркируется специальными средствами – во многих случаях необходимо знание всей речевой ситуации. Как правило, поводом для дистанциро-

вания может служить несогласие говорящего с цитируемым лицом, отрицательное отношение к сказанному [Баранов, 1994: 116] или же резкое расхождение в идейной, этической, эстетической и социальной позиции [Арутюнова, 1992: 45–50]. Для того чтобы выявить перечисленные значения во многих случаях проводится анализ всей ситуации, в которой произнесено чужое высказывание [Баранов, 1994; Падучева, 2011].

Современные методы толкования не всегда возможно применять к анализу древнерусских текстов из-за отсутствия прямых данных о том, что подразумевал повествователь. В случае с **яко** объективным критерием, указывающим на наличие субъективной модальности, может считаться наличие двух обстоятельств:

- отношение автора к содержанию чужой речи можно определить из контекста – как правило, имеет место резкое расхождение этических позиций;
- повторяемость и однотипность ситуаций, в которых наблюдается расхождение этических позиций.

Обращает внимание тот факт, что дистанцирование наблюдается только в контекстах с **яко** при союзной прямой речи. В КЛ и СЛ можно выделить несколько типов ситуаций, в которых имеются мотивы для несогласия повествователя с цитируемым лицом или отстранения от эпистемической ответственности за чужую речь.

Отстранение повествователя от суждений, противоречащих христианской этике

Наиболее яркий случай дистанцирования повествователя от высказывания цитируемого лица наблюдается в литературном клише, связанным с представлением о том, что распри князей мотивированы происками дьявола. Наиболее ранний пример – в КЛ:

- 10) только дьяволъ сѣтоваше вложи во нѣкоторыѣ мѣже кѣо в срѣце и начаша глѣти кѣмү рекуще яко Ростиславъ Гюргевичъ подмолви^а на тѣ люди и Берендичи и Кианты а хотѣлъ сѣсти Къѣевѣ а пүсти и къ ѡцю то твои ворогъ и ѡць кѣо держиши и на свою головү (КЛ, 1149, 106 об.).

Следующий пример использования названного литературного клише связан уже с другим эпизодом: в 1217 г. Глеб Рязанский организовал убийство своих братьев на княжеском съезде:

- 11) здумаѡъ в свое^м ѡканьѣмъ помыслѣ имѣа поспѣшника брата своего Костантина и с ним^м дьавола иже єю прельсти своимъ злокозньствомъ в помыслѣ има вложь рекшема има ѡко избѣевѣ си^х а сами примевѣ єдина всю власть (СЛ, 1217, 150 об.);

Это известие имеет общие чтения с НПЛ под 1218 г., которое и считается первичным - сообщение в СЛ вставлено с ошибкой в дате [Письменные памятники, 2003: 74–75].

В указанных примерах союзная прямая речь содержит описание тщеславных планов, противоречащих этической (христианской) позиции повествователя.

Отстранение летописца – всеведущего повествователя от высказываний,
противоречащих основной линии повествования

В ряде случаев союзная прямая речь с ѡко фиксируется в ситуациях, когда пропозиция чужой речи противоречит предшествующему или дальнейшему ходу событий.

В КЛ в начале статьи 1135 г. сообщается, что черниговские князья Олегови-чи (Всеволод и Изяслав) первыми начали войну, не согласившись с решением Яро-полка отдать Юрию Долгорукому княжение в Переяславле Южном, после чего Ольгови-чи обвинили Юрия и Ярополка в развязывании конфликта:

- 12) Юрьн испроси оу брата своего Ярополка Переяславль а Ярополку дасть Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою но не всю и про то за-
ратишася [‘начали войну’] Олговичи иде Ярополкъ съ братьєю своею и Юрьн и Андрѣи на Всеволода на Олговича и поимаша ѡколо горо- да Чернигова села Всеволодъ же не изиде противу битьсѡ и еще во вѡху Половци не пришли к нему Ярополкъ же постога нѣколко дѣни оу Черниго- ва и възратисѡ в Киевъ и распусти вои а со Всеволодомъ никака же владивъсѡ ни мира с нимъ створивъ и Половцемъ пришедшимъ

къ Всеволоду Всеволодъ же съ братьею своею и съ Изяславомъ и
Стополкомъ Мьстиславичема и поидоша воююще села и городы Пе-
реяславьской власти и люди съкуще доже и до Киева придоша и Городецъ
зажгоша на стго Андрѣа днь въздоху по шнои сторонѣ Днѣпра люди ем-
люще а другъна съкуще нѣ оутѣгшимъ перевестисѣ имъ нѣлзѣ бо
баше перевестисѣ крами и плениша же и скота бещисленое множество...
бѣи в томъ межи има прѣ велика злоба идаху слово рекоуче Олеговичи
іако вѣи начали есте перво насъ гоубити (КЛ, 1135, 110 об.).

Последнее заявление Олеговичей расходится с начальной фразой статьи, за которую повествователь несет эпистемическое обязательство: летописец уже указал, что именно Олеговичи развязали войну и начали кровопролитие, несмотря на роспуск войска Ярополком. При цитировании речи Олеговичей у повествователя возникает потребность в отстранении от ответственности за содержание чужого высказывания, противоречащего его собственному рассказу.

В другом примере наблюдаем конфликт точек зрения повествователя и цитируемого лица. Отказ князя по-разному мотивирован во вводящей предикации и чужой речи, «не хочу» vs «не могу»:

13) он же не хоташе ити из Роуьскон земли река имъ іако не могу ити изъ
вѣнѣи своеѣи и со братьюю своею розойтисѣ (КЛ, 1178, 214).

Обратим внимание, что в примерах этой группы пропозиция чужой речи является утверждаемой, относится к существующему положению дел и может быть оценена по параметру истинности.

Рассмотрим рассказ из КЛ о ссоре Святополка с Всеволодом – в этом известии конструкция союзной прямой речи с іако употреблена два раза подряд. Конфликт имеет предысторию: Всеволод захватил Глеба, сына Святослава. Святослав, узнав, что союзник Всеволода Давыд Ростиславич охотится на Киевской стороне Днепра, решил напасть на него:

14) Сѣославъ распольсѣ гнѣвомъ и раждѣсѣ гаростію и размѣсли во оумѣ
своемъ река іако мьстилъсѣ вѣхъ Всеволодоу но не лзѣ Ростиславичи а
тѣ ми во всемъ пакостѣти в Роуьскон землѣ а въ Володимирѣи племени кто

ми ближни тотъ добръ в то же время ходашеть Дѣдъ Ростиславичъ по Днѣпроу в лодяхъ ловы дѣла а Сѣтославъ ходашеть по Черниговской сторонѣ ловы дѣла противу Дѣдѣви и тогда Сѣтославъ сдоумавъ с княгинею своею и с Кочкаремъ милостыникомъ своимъ и не поведѣ сого (sic! в X. сп. сего) моужемъ своимъ лѣпшимъ доумы своимъ и авьѣ оустрѣмивсѣ Сѣтославъ на рать про Глѣба сѣна своего и не оудержавсѣ ѿ гнѣвности перестоупѣ крѣтъ и перѣѣха чересъ Днѣпръ (КЛ, 1180, 216);

- 15) и помысли во оумѣ своемъ тако Дѣда имоу а Рюрика въженоу изъ землѣ и приемоу единѣ власть Роускою и с братьею и тогда мыщюсѣ Всеволодоу швидѣи своѣ Бѣ бо не любитъ въскопа мысли нашиа возносащаго смираетъ Сѣтославъ же изъима дружиноу его и товары его и възворотисѣ и еха к Вышегородоу и грѣши Сѣтославъ помысли своего (КЛ, 1180, 216 об.).

В первом случае (пример 14) имеет место отстранение повествователя от тщеславных планов героя: осуждение мыслей Святослава контекстуально поддержано цитатой из Библии – см. двойное подчеркивание. Во втором случае имеется указание на несостоявшиеся планы и раскаяние князя Святослава, решившего захватить власть в Киеве. В данном случае имеется несколько поводов для отстранения повествователя от цитат героя: несоответствие этической позиции и расхождение планов героя с дальнейшим объективным ходом событий, т.е. знание «всеведущего повествователя», что планам героя не суждено сбыться.

Ситуация «невыполненного обещания»

Как и в предыдущей группе примеров, здесь имеет место несоответствие высказываний цитируемого лица дальнейшему объективному ходу событий сюжетной линии. В контексте «нарушенного обещания» всеведущий летописец знает, что оно не будет выполнено. Наиболее ярко дистанцирование проявляется в примере, в котором имеется прямое указание на нарушение присяги:

16) и тако пристѹпиша хрѣстное цѣлование на томъ бо цѣловали баше хрѣтъ к нему іако ты намъ кнѣзь еси и даи ны Бѣ с тобою пожити извѣта никакогоже до тебе доложити и до хрѣстного цѣлованиа и тако състѹпиша еже рекше (КЛ, 1159, 177).

В указанном контексте **іако** маркирует пропозицию чужой речи – присягу, про которую уже известно, что она нарушена. Характерно использование в вводящей предикации плюсквамперфекта, который может иметь значение ретроспективного сдвига и отмененного результата. Таким образом, **іако** в приведенном контексте является средством отстранения всеведущего повествователя от ответственности за обязательство, которое не будет исполнено.

Обратим внимание на то, что цитации с **іако**, имеющие признаки дистанцирования, – это специфическая особенность КЛ, в близкой ей СЛ отмечен только один пример, и тот представляет собой литературное клише.

Союз **іако** как показатель эпистемической оценки: оппозиция знание vs мнение

Одним из значений, относящимся к полю субъективной модальности, является эпистемическая оценка повествователем чужой речи по параметру истина/ложь: говорящий как бы снимает с себя ответственность за истинность сказанного, поскольку соответствующая информация не входит в его личную сферу и он не может выступить ее гарантом [Плунгян, 2011: 352].

С эпистемической оценкой связана одна из оппозиций, свойственная современному русскому языку: противопоставление фактивных предикатов со значением ‘знать’ и путативных со значением ‘считать’. Знание принадлежит к классу фактивных предикатов, важнейшим свойством которого является пресуппозиция истинности знания, мнение не предполагает истинности того, что человек считает [Апресян, 2009: 65–66].

В КЛ и СЛ выявлены примеры, в которых союз **іако** используется как средство маркирования эпистемической оценки при путативных предикатах. В отличие от других типов субъективной модальности, сферой реализации этого значения является косвенная речь. История союзных средств косвенной речи подробно рас-

сматривается в следующей главе, в этом разделе мы рассмотрим только те примеры, которые важны для понимания эволюции субъективно-модальных употреблений союза **іако**.

Особенность КЛ и СЛ – отчетливо выраженное формальное противопоставление примеров косвенной речи с фактивной и нефактивной пропозицией. При глаголах со значением ‘знать’ употребляются союзы **уже** или **аже**:

а того не вѣдаше уже оуже Изаславъ вшелъ в Чернии Клобоукы (КЛ, 1150, 144);

ведаѣм аже того братъ твои не казалъ ни велѣлъ творити но мы хочем оубити Игоря (СЛ, 1147, 105 об.).

При цитировании мнения, которое может быть ошибочным, используется союз **іако**. В древнерусских летописях отмечено два путативных предиката: книжный **мынѣти** и древнерусский **творити** ‘полагать, считать’, ср.:

17) **Мьстиславъ же мынѣвъ іако** повѣжени сѣтъ и тако возматюшася дружина Мьстислава (КЛ, 1180, 218);

18) **Романъ же** поча слатися къ Ѡцю своему жалюгася про волость **мынѣвъ іакоже** смолвивъся со Всеволодомъ Ѡгалъ у него волость (КЛ, 1194, 236 об.);

19) **Володимеръ же** **мнѣ іако** к нему идоути и ста исполнивъся передъ городомъ (КЛ, 1144, 116 об.).

20) **Мстиславъ Къіевскыи и Мстиславъ Торопичскыи и Черниговскыи и прочии князи** здумаша ити на ны **мнѣше іако** ти пондѣѣ к нимъ и послашася в Володимеръ к великому князю Юргю (СЛ, 1223, 153 об.);

В одном из контекстов имеется прямое указание на заблуждение цитируемого лица:

21) **и не вѣды** **лѣст ихъ мынѣвъ іакоже** сѣ ему ѡбѣщалѣ (КЛ, 1189, 230 об.) ‘и не знал об обмане их, считая [ошибочно], что они [поступят так], как обещали’.

Глагол **творити** в значении ‘полагать, считать’ встретился всего в 1 примере с косвенной речью из КЛ:

- 22) но ярославъ Рюриковѣ рѣчи не имашеть вѣрѣ творѣ яко же свѣчатисѣ хотѣти на нѣ и того дѣла не поусташеть пословъ Рюриковѣхъ сквозѣ свою волость (КЛ, 1196, 239); ‘но Ярослав не поверил речи Рюрика, полагая, что они хотѣть заговор против него устроить, и поэтому не пустил рюриковых послов через свою волость’.

Обратим внимание, что опорные предикаты мнения встречаются также в контекстах с эвиденциальной семантикой – см. примеры с чужой речью, переданной со слов очевидцев в §3.2.1.

Особое место занимают два примера из КЛ, в которых при путативных глаголах употребляется книжная причастная конструкция:

- 23) вси чернии клобоучи. с радостію великою всеми своими полкы. гюрги же т ого не вѣдаше. но творашеть ако тако тѣ волость заемъ тамо же и есть а того

не вѣдаше (КЛ, 1150, 144) ‘...Юрий того не знал, он считал [ошибочно], что захватил всю ту волость’

- 24) и возвратисѣ ко своимъ мнѣвѣ яко оуже побѣдивъ Влгѣ а не вѣдѣти свои^х побѣжденных^х (КЛ, 1195, 238 об.), ‘и вернулся к своим, [ошибочно] считая, что уже победил Олега, не зная, что союзники потерпели поражение’.

Таким образом, в КЛ и СЛ имеются примеры модального употребления союза яко при косвенной речи как показателя эпистемической оценки.

Неясные случаи

Контекстуальные указания на модальные смыслы в цитациях с яко имеются не во всех случаях. В отдельную группу мы выделили примеры, в которых нет надежных признаков субъективной модальности. Их можно объединить в несколько групп.

Первую группу составляют употребления яко в дейктически нейтральных контекстах при опорном предикате приде (бысть) вѣсть. В КЛ и СЛ при устойчи-

вых выражениях со словом **вѣсть** в подавляющем большинстве случаев употребляются союзы **оже** и **ажє**, например **бѣ бо ємѹ вѣсть ѡже идеть в помочь ємѹ сватъ Володимеръ изъ Галича** (КЛ, 1151, 156 об.). Однако имеется несколько примеров, в которых при указанном опорном предикате используется союз **іако**, приведем их все:

- 25) **башеть бо ємѹ вѣсть іако оуже пошелъ естъ митрополитъ** (КЛ, 1156, 173 об.);
- 26) **бывшю кмѹ на Перепетовьскомъ поли бы^ѣ кмѹ вѣсть іако не дождавъ Половци сонма ѣхали воевать и воюють** (СЛ, 1169, 119 об.- 120 об.);
- 27) **бы^ѣ же и^ѣ вѣсть іако идеть Гюрги с брато^ѣ своимъ Вячеславо^ѣ** (СЛ, 1149, 108 об.);
- 28) **а не башеть кмѹ вѣсти іако на Москвѣ полци Тотарьскиа и Андрѣи кнзъ** (СЛ, 1294, 171).

В указанных контекстах не обнаружено надежных признаков, которые бы позволили объяснить мотивацию употребления **іако** при опорном слове **вѣсть** в КЛ и СЛ.

Отдельно отметим ещё два употребления **іако** в цитативных контекстах при других опорных предикатах:

- 29) **и бы при вечерѣ пришедъ конюшни повѣда кнзю своему Игореву іако ждеть его Лаворъ** (КЛ, 1185, 227);
- 30) **Изяславъ же и Ростиславъ приѣхаста къ Вячьславу рекуча ако то сасуть воротили поѣдемъ по нхъ** (КЛ, 1151, 166 об.).

Таким образом, в группу неясных случаев попали примеры, в которых нет надежных признаков, указывающих на отношение повествователя к цитируемому сообщению.

Вторую группу примеров, в которых семантика **іако** остается не до конца ясной, составляют цитации с союзной прямой речью при опорном предикате **цѣловати крѣсть**.

Один из контекстов с этим опорным словом мы уже рассматривали выше как пример дистанцирования при нарушении присяги. Тем не менее союзная прямая речь при **цѣловати хръстѣ** встречается и в тех случаях, когда цитируемое лицо сдерживает обещание:

- 31) Дюрди же затворисѣ в Городци с дѣтьми своими выючимъ же сѣ имъ из города на многы дѣи тѣжко бы емѹ зане не быѣ помочи емѹ ни ѿкоуду же и цѣлова к нимъ хръстѣ ѿко нду оуже боуждалю и ѿступи (в Хлеб. отступиша) ѿ него прочь Дюрдин же встави сѣна своеѣ Глѣба в Городци а самъ иде боуждалю из Городка (КЛ, 1151, 160 об.), ср. тот же контекст в (СЛ, 1152, 112 об.).

Обратим внимание на то, что Юрий Долгорукий сдержал обещание и отправился в Суздаль – летописец отдельно упоминает об этом.

В следующем примере также нет контекстуальных указаний на неискренность говорящего или на нарушение обещания, т. е. возможных признаков субъективно-модальных значений :

- 32) послаша по Ростислава Смоленскѹ вѣвѣче и Киевѹ на столъ цѣвовали бо вѣхѹ к немѹ хръстѣ преже ѿко тобѣ его ищемъ (КЛ, 1159, 180).

Таким образом, в 8 случаях из 32 семантика примеров с **ѿко** остается неясной.

Подведем итоги наблюдениям, выделив основные типы цитативных контекстов с **ѿко** в КЛ и СЛ.

В первой части Таблицы 5 посчитаны все примеры со значением эвиденциальности, дистанцирования или эпистемической модальности, неясные случаи выделены в отдельную рубрику. Общие чтения в КЛ и СЛ при рассмотрении примеров мы рассматривали вместе, при подсчетах они учитывались отдельно.

Таблица 5

Семантические типы контекстов с **јакѡ** в КЛ и СЛ

	КЛ	СЛ	всего
Примеры с субъективной модальностью			
Эвиденциальные контексты (пересказывательность)	2	3	5
Непрямая засвидетельствованность – дейктически нейтральные контексты	3	1	4
Союзная прямая речь – дистанцирование	6	1	7
Союз јакѡ при путативных глаголах	7	1	8
<i>Всего</i>	18	6	24
Неясные случаи			
Дейктически нейтральные контексты при предикатах со словом вѣсть и др.	4	3	7
Союзная прямая речь при предикате цѣловати крьсть	2	1	3
Союз јакѡ при причастных конструкциях	2	0	2
<i>всего</i>	6	4	12
Общее количество употреблений	26	10	36

Как видно из Таблицы 5, соотношение контекстов с признаками модальной семантики **јакѡ** и неясных случаев составляет 24 к 12. Таким образом, системные и контекстуальные признаки, а также статистические данные свидетельствуют о том, что в КЛ и СЛ союз **јакѡ** в цитативных конструкциях в большинстве случаев использовался для выражения субъективной модальности.

2.7. *Jako recitativum* как средство выражения субъективной модальности в Новгородской первой летописи старшего извода

По типам употребления союза **јакѡ** НПЛ занимает особое положение среди остальных исследованных летописей. Формальные особенности цитаций с **јакѡ**

сближают её с ПВЛ и ГЛ, отражающими более архаичную систему способов цитирования по сравнению с другими источниками: в НПЛ почти не встречается косвенных цитаций, из изъяснительных союзов решительно преобладает **іако**, не прослеживается тенденции к различению цитативных конструкций за счет опорных предикатов. В то же время в НПЛ есть ряд черт, общих с КЛ и СЛ: использование союза **уже** при вершинных предикатах знания и восприятия на участках, отражающих южнорусские языковые черты (см. [Гиппиус, 2006: 170–175]). По частотности союзной прямой речи с **іако** НПЛ также близка КЛ и СЛ – от 10 до 20 употреблений, в то время как в ПВЛ и ГЛ количество примеров этой конструкции составляет 50–60 случаев.

В первую очередь мы рассмотрим те цитации с **іако** из НПЛ, в которых есть очевидные указания на субъективную модальность, т. е. отношение повествователя к источнику или содержанию чужого сообщения надежно маркировано.

В 3 примерах из НПЛ **іако** используется при нейтральных контекстах, содержащих грамматические признаки «пересказывательной» семантики: указанием на цитирование слухов служат местоимения **инии**, **друззи**. В двух примерах из трех отмечен глагол **творити**, который в новгородских источниках используется как глагол речи с путативным компонентом значения ‘утверждать (возможно, ложно); считать’ [Зализняк, 2004: 260], ср.:

33) **И тѹ ѹбиенъ бысть воевода ихъ именемъ Спиридонъ а инии творяху, яко и пискѹпъ ѹбьенъ бысть тѹ же** (НПЛ, 1239, 126 об.–127), ‘И там был убит воевода их именем Спиридон, а некоторые утверждали, что и епископ был убит там же’

В другом примере с опорным предикатом **творити** летописец прямо поясняет, что новгородцы не знали, куда ушел их князь, и что в летописи сообщаются лишь слухи и догадки, высказанные некоторыми людьми – см. местоимение **друззи**:

34) **и новгородци не вѣдяху, къѣ князь идеть; друззи творяху, яко на Чюдь идеть** (НПЛ, 1256, 135), ‘...новгородцы не знали, где князь, некоторые утверждали, что он идет на Чудь’.

В указанных контекстах наблюдается сочетание признаков эвиденциальной семантики и эпистемической модальности: повествователь не уверен в истинности сообщения, полученного по слухам.

Отметим также пример, в котором, наряду с семантикой «пересказывательности», наблюдается дистанцирование повествователя от содержания цитируемого сообщения:

35) инии же мнози глаголаху яко полу́пивъ святѹю Софию пошлъ Цесарюграду; и много глаголаху на нь, нъ собе на грѣхъ. О семъ бы разумети кому́ждо насть: которыи епископъ тако украси святѹю Софию, притворы испьса, кивотъ створи и всю извѣну украси; а Пльскове святого Спаса церковь създа камянѹ, другѹю въ Ладозѣ святого Климента. Мьню бо, яко не хотя богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на ѹтехѹ гроба его, отведе и Кьевѹ, и тамо прѣставися (НПЛ, 1156, 28 об.-29), ‘другие же многие говорили, что, ограбив собор Святой Софии, пошел в Царьград’, полу́пити – ‘ограбить’ [Срезн. II].

В указанном примере, помимо цитирования слухов о разграблении Нифонтом св. Софии, повествователь выражает свое несогласие с людской молвой: летописец выступает на стороне Нифонта, опровергая обвинения и слухи.

В эту же группу контекстов можно включить пример из рассказа о битве на Калке, который также встречается в разных редакциях в СЛ и ГЛ, ср. пример из НПЛ:

36) инии же глаголють, яко се сѹть, о них же Мефодии, Патомьскыи епископъ, съвѣдѣтельствѹеть, яко си сѹть ишли ис пѹстыни Естреньвская, сѹще межн въстокомъ и сѣверомъ (НПЛ, 1224, 95 об.-96).

По версии В. А. Кучкина, рассказ мог быть известен архиепископу Антонию, вернувшемуся в 1225 г. из Перемышля, и был включен в новгородской обработке во владычную летопись [Памятники письменности, 2003: 75].

Таким образом, в трех названных употреблениях **яко** при нейтральных контекстах чужая речь имеет надежные признаки эвиденциальной семантики.

Перейдем к тем примерам, в которых **яко** вводит прямую речь – в КЛ и СЛ в указанном типе контекстов последовательно наблюдалось значение дистанцирова-

ния, мотивированное несоответствием пропозиции чужой речи объективному ходу повествования или расхождением позиций повествователя и цитируемого лица. В НПЛ у цитаций с **так**о при прямой речи выявлено несколько значений.

В одном случае имеет место расхождение позиций повествователя и цитируемого лица при вводе высказывания, противоречащего христианской этике, в рассказе об убиении рязанских князей. Общее чтение имеется в НПЛ и СЛ:

37) **Томъ же лѣтъ Глѣбъ, князь Рязаньскыи, Володимиричъ, наѹченъ сы со-
тоною на ѹбиство, сдѹмавъ въ своемъ оканьнѣмъ помыслѣ, имѣя по-
спешника Костянтина, брата своего, и с нимъ диявола, юже и прѣлѣсти,
помыслъ има въложи, рѣкшема има, яко избѣе снхъ, а сама примѣва
власть всю** (НПЛ, 1218, 88 об.–89);

В настоящее время чтение из НПЛ признается первичным – подробную аргументацию В. А. Кучкина см. [Памятники письменности, 2003: 74–75].

В 1 случае встречается контекстуальное указание на недостоверность чужого высказывания – ср. слово **лѣстьба** ‘обман’ в опорной предикации:

38) **и высылаху къ нимъ Югра, лѣстьбою рекѹще тако, яко «копимъ сребро и
соболи и ина ѹзорочья, а не гѹбите своихъ смърдъ и своен дани», а лѣстя-
ще ими, а вое копяче** (НПЛ, 1193, 52 об.–53) ‘Прислала югра посланника, ко-
торый обманул, сказав, что, дескать, копим серебро, и соболи, и другие
украшения, а не губите своих смердов и своей дани’.

В указанном примере **так**о употреблен как маркер эпистемической оценки – показатель недостоверности зависимой пропозиции, подобно современным союзам **якобы** и **будто**. Таких употреблений союзной прямой речи в КЛ и СЛ не отмечено. Союз **так**о как показатель эпистемической оценки в указанных летописях встречается только при путативных предикатах в конструкции с косвенной речью.

В НПЛ зафиксировано два употребления **так**о при прямой речи в контексте «нарушенного обещания», как и в КЛ (пример в статье 1156 г.): указанный тип речевой ситуации создает мотивацию для дистанцирования «всеведущего» повествователя от ответственности за содержание присяги или обещания, о которых ему известно, что они не будут исполнены. Интересен пример из НПЛ о том, как Всеволод Мстиславич пытался променять княжение в Новгороде на Киевский стол:

- 39) Въ се же лѣто ходи Всѣволодъ въ Русь Переяславлю, повелениемъ Яропѣльцемъ, а цѣловавъ крестъ къ новгородцемъ, яко хоцю ѹ васъ ѹмерети. И рече Гюрги и Андрѣи: «се Яропѣлькъ, братъ наю, по смерти своей хоцетъ дати Киевъ Всеволоду, братану своему»; и выгониста и ис Переяславля (НПЛ, 1132, л. 13 об.-14).

Здесь используются формы причастия прош. вр. цѣловавъ крестъ с ретроспективным и уступительным значением: Всеволод отправился в Переяславль Южный по приказу брата Ярополка, хотя ранее дал присягу новгородцам княжить у них до конца жизни. Далее следует пояснение, что Всеволод надеялся после смерти Ярополка получить княжение в Киеве и нарушил обещание, данное новгородцам. Таким образом, в этом примере наблюдается расхождение пропозиции чужой речи и объективного положения дел.

В другом примере из НПЛ в Повести о взятии Царьграда фрягами Исаакий пообещал своему брату Алексею отказаться от притязаний на императорский трон, за это Алексей выпустил его сына из заключения. Исаакий не сдерживает обещание и пытается совершить переворот:

- 40) и дѣръзну Исакъ молитися о сынѹ своему, дабы его испустилъ ис твѣрди прѣдъ ся; и ѹмоли брата Исакъ, и приеста извѣщение съ сыномъ, яко₁ не помыслити на царство, и спущенъ бысть ис твѣрди и хожашеть въ своей воли. Цесарь же Олъкса не печяшеся о немъ, вѣря брату Исакѹ и сыновн его, зане приеста извѣщение; и потом Исакъ помысливъ, и въсхотѣ царства, и ѹчяшеть сына, посылая потан, яко₂ «добро створихъ брату моему Олъксѣ, от поганыхъ выкупихъ его, а онъ противу зло ми възда, слѣпивъ мя, царство мое възъя» (НПЛ, 1204, 64 об.).

Обратим внимание на следующий порядок изложения событий: яко₁ используется при цитировании присяги – значение принятого обязательства маркировано при помощи конструкции яко+инфинитив, далее яко₂ фиксируется при цитате с союзной прямой речью, которая и содержит нарушение данной присяги. Основания для дистанцирования наблюдаются во втором случае: яко₂ в позиции при прямой

речи выступает как средство отстранения всеведущего повествователя от ответственности за обязательство, которое не будет исполнено цитируемым лицом.

Следует отметить, что рассмотренный эпизод об Исакии и Алексее является частью вставной Повести о взятии Царьграда фрягами. Исследователи считают, что она имеет южнорусское происхождение [Мещерский, 1954: 133–135; Шахматов, 1938: 211–212]. Таким образом, данное употребление **іако** в контексте со значением дистанцирования от обязательства, которое будет нарушено, является ненадежным новгородским употреблением этого союза.

К контекстам со значением дистанцирования мы также относим пример с **іако**, встретившийся при описании мятежа – в данном случае может иметь место отстранение летописца от позиции участников конфликта, ср.:

41) И недосыти бы зла, нѣ еще боле того: възмятеся весь городъ, и поидоша съ вѣща въ оружи на тысячьского Вяцеслава, и розграбиша дворъ его и брата его Богуслава и Андреичевъ, владычня стольника, и Давыдковъ Софнискаго, и Бѣдимировъ; а на Душильця, на Липньскаго старостѣ, тамо послаша гравитъ, а самого хотѣша повѣсити, нѣ ѹскоци къ Ярославу; а женѣ его яша, рекуче, яко «ти на зло князя водятъ». И выстѣ мятежь въ городѣ вѣликъ (НПЛ, 1228, 106 об.).

Употребление **іако** при прямой речи здесь может иметь прагматическое значение – дистанцирование летописца от высказываний героев, провоцирующих беспорядки, противоречащие этической позиции повествователя.

Таким образом, в 7 примерах из НПЛ мы наблюдаем признаки субъективно-модальной семантики – некоторые типы употреблений цитативного **іако** имеют параллели в КЛ и СЛ. К ним относятся эвиденциальные контексты с пересказывательной семантикой, а также контекст «нарушенного обещания».

Теперь перейдем к цитациям с **іако**, семантика которых менее очевидна. Особое место занимают примеры с **іако** и **око** при прямой речи, содержащей категорический отказ следовать определенной линии поведения. В 2 случаях из 3 этот отказ дается под присягой, в позиции опорного предиката используется устойчивое сочетание **цѣловати крѣстъ** ‘давать присягу’. В отличие от контекста «нару-

шенного обещания», в котором подчеркивается обязательство говорящего выполнить в будущем действие, отказ непосредственно соотнесен с моментом речи, ср.:

42) **Въ то же лѣто выиде князь Святославъ из Новагорода на Лѹкы, и присла въ Новѣгородъ, яко «не хоцю ѹ васъ княжити». Новгородѹци же цѣловавъше святѹю Богородицю, яко «не хоцѣмъ его», идоша прогнать его съ Лѹкъ... И съложишася на Новѣгородъ Андрѣи съ смолянны и съ полоцянны, и пѹти заяша, и сълы изъмаша новгородскыя вьсьде, вести не дадѹще Кыевѹ къ Мьстиславѹ; а Святослава силою мѣстяце въ городъ, а то слово рекѹще: «нѣтѹ вамъ князя иного, развѣ Святослава»** (НПЛ, 1167, 34);

43) **и цѣловаша новгородци честьныи хрѣстъ, око «не хоцѣмъ ѹ себе държати дѣтти Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловиця и Овъстрата Домажировиця»** (НПЛ, 1209, 75–75 об.).

Обратим внимание на некнижные особенности указанных примеров. В одном случае **яко** при прямой речи отмечен после глагола **посълати** в значении ‘послать с сообщением’ – здесь наблюдается типичный для устного дискурса эллипсис глагола речи (подробнее о **посълати** см. Главу I). В другом примере встретился специфически новгородский союз **око** в той же позиции, что и **яко**.

Интересно, что примеры с **яко** при цитировании отказа, данного под присягой, встречаются не только в НПЛ, но и в древнейшем списке «Русской правды» 1228 г. – памятнике, допускающем широкое проникновение некнижных черт: **то ити емѹ ротѣ яко не вѣдалъ ксмь; аже кто не вѣдаа чюжь холопъ ѹсрачетъ или вѣсти дѣкть любо държитъ оѹ себе идет ѿ него то ити емѹ ротѣ яко не вѣдалъ ксмь вже естъ холопъ** [Карский, 1930: 17] ‘а идти ему к присяге, что «я, мол, не знал, что он холоп»’.

Появление союзной прямой речи при опорных предикатах **цѣловати крьстъ** и **ити ротѣ**, обозначающих обязательство, может быть связано с их семантическими особенностями. В самом деле, в отличие от большей части иллокутивных слов (например, **просити милости, запрѣтиса, отвѣщати, съгадати** и др.), опорный предикат **цѣловати крьстъ** ‘давать присягу’ накладывает на говорящего иллоку-

тивное обязательство говорить только достоверную информацию. При цитировании повествователю необходимо разграничить свою сферу ответственности (эпистемическое обязательство [Падучева, 2011]) и коммуникативное обязательство цитируемого лица. Можно предположить, что в примерах с **цѣловати крѣстѣ** союзы **іако** и **око** при прямой речи используются как модальное средство дистанцирования, подобно современным частицам *мол* и *де*.

Стоит также обратить внимание на то, что конструкция союзной прямой речи при цитировании отказа позволяет сохранить иллокутивную модальность чужого высказывания (слово равно действию), а также экспрессию, связанную с цитированием именно категоричного отказа.

Отметим, что примеры с союзной прямой речью при предикате облигаторной семантики **цѣловати крѣстѣ** – это регулярный тип употребления **іако**, одна из общих черт в традициях КЛ, СЛ и НПЛ. Обратим внимание на однотипность указанных контекстов и самих цитаций: при опорной предикации **цѣловати крѣстѣ іако** прямая речь в зависимой части сохраняет дейктические отсылки чужой речи 1, 2 л., но лишена диалогических элементов – восклицаний, обращений, эмфатического порядка слов и пр. Союзная прямая речь, как правило, состоит из одной утвердительной клаузы, ср. **яко «не хоцѣмъ его»**, **яко «не хоцю ѱ васъ княжити»** и др. Указанные особенности можно рассматривать как признаки полупрямого цитирования и приблизительного пересказа: повествователь некоторым образом трансформирует чужое высказывание в соответствии со своими коммуникативными задачами, выделяя главное и опуская несущественное [Плунгян, 2008: 7]. Сохранение дейктических местоимений в придаточной части без изменений делает всю конструкцию более экспрессивной и акцентирует точку зрения цитируемого лица – такие контексты обладают потенциалом для развития субъективно-модальных значений. Поскольку примеров союзной прямой речи при предикатах обещания **цѣловати крѣстѣ** встретилось всего несколько, с надежностью определить семантику указанного типа употребления на данной стадии невозможно. Случаи с союзной прямой речью при предикате **цѣловати крѣстѣ** мы относим к неясным.

Ещё одна черта, сближающая НПЛ с традициями КЛ и СЛ, – наличие дейктически нейтральных примеров с опорным словом **вѣсть** без контекстуальных признаков модальной семантики. В НПЛ отмечено 4 случая:

- 44) **Князь же постоявъ на Дѹбровнѣ вѣспятися в Новѣгород, промѣкла бо ся вѣсть вѣше си въ Пльсковѣ яко везеть оковы хотя ковати вѣцъшее мѹжи** (НПЛ, 1228, 104); **промѣкнѹти** – ‘промчаться’ (см. [Срезн. II: 1545]);
- 45) **Приде бо вѣсть в Новѣгородъ яко Свѣи идѹтъ къ Ладозѣ** (НПЛ, 1239, 126 об.);
- 46) **И приде вѣсть въ Пльсковъ яко взяша Нѣмци Изборьскъ** (НПЛ, 1240, 127 об.);
- 47) **Приде вѣсть изъ Рѹси зла яко хотять Татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ** (НПЛ, 1257, 136).

Поскольку при цитациях в НПЛ встречается только союз **яко**, контексты с **приде вѣсть** формально никак не противопоставлены другим изъяснительным предложениям – в НПЛ нет признаков противопоставления модально-осложненных цитаций и цитаций с фактивной пропозицией за счет разных союзных средств. Кроме того, возможная эвиденциальная семантика (источник сообщения неизвестен) в указанных контекстах никак дополнительно не маркируется лексическими указателями, в отличие от других контекстов, содержащих слухи или расхождение позиций повествователя и цитируемого лица. Таким образом, надежных и регулярных подтверждений эвиденциальной семантики в контекстах с **приде вѣсть** не выявлено.

В заключение перечислим основные типы контекстов с **яко** из НПЛ в Таблице 6, в которой учтены все примеры со значением эвиденциальности, дистанцирования или эпистемической модальности. Примеры при опорных предикатах **приде вѣсть** и **цѣловати крѣсть** выделены в отдельную рубрику неясных случаев.

Типы цитативных контекстов с **іако** в НПЛ

Тип контекста	Количество приме- ров
Примеры с субъективной модальностью	
Эвиденциальные контексты (пересказывательность)	4
Дистанцирование	4
Союз іако как показатель недостоверности	1
Неясные случаи	
Союзная прямая речь при цѣловати крьсть	2
Нейтральные контексты при приде вѣсть	4
Всего	15

Сопоставление семантических типов в НПЛ с данным КЛ и СЛ (см. Таблицу 5, 6), показывает, что в НПЛ наблюдается более узкая сфера употребления **іако**: некоторые употребления здесь не встречаются, например, сообщения от очевидцев, нет грамматического противопоставления путативных и фактивных опорных предикатов. Модальная семантика союза **іако** здесь проявляется менее очевидно, чем в КЛ и СЛ: соотношение маркированных и неясных случаев в НПЛ составляет 9 к 6.

Таким образом, НПЛ по способам передачи чужой речи занимает промежуточное положение между разными группами древнерусских летописей: с одной стороны, по соотношению разных типов цитативных контекстов (союзная прямая речь встречается значительно чаще, чем косвенная) и преобладанию союза **іако** в любых типах изъяснительных предложений, она близка ПВЛ и ГЛ, с другой стороны – в НПЛ в ряде случаев довольно ярко проявляется модальная семантика контекстов с **іако**, как в КЛ и СЛ.

2.8. *Jako recitativum* в Повести временных лет и Галицкой летописях

В статье [Perelmutter, 2009] высказано предположение, что союз **іако** в контекстах с чужой речью был средством выражения модально-оценочных значений при цитировании уже в таком раннем памятнике древнерусского летописания, как

ПВЛ. Наши данные о формальных особенностях цитаций с **так** позволяют уточнить это предположение.

В отличие от ситуации, наблюдаемой в КЛ и СЛ, во всех примерах из ПВЛ используется один и тот же союз **так** – при союзной прямой речи, нейтральных контекстах или же косвенной речи. В ПВЛ не выявлено грамматических различий между цитациями с фактивной пропозицией (*знаю, что*) и цитациями, в которых имеются признаки ненадежности информации или источника (*считал, что/будто; говорят, что/будто* и др.). Ключевая особенность ПВЛ – большое количество цитаций с **так** и всего несколько примеров с косвенной речью. Перечисленные формальные признаки указывают на то, что функции и семантика **так** в наиболее раннем из рассмотренных источников отличались от употреблений этого союза в древнерусских летописях XII–XVI вв.

С точки зрения Р. Перельмуттер, уже в части ПВЛ за X–XI в. **так** последовательно использовался для выражения отношения повествователя к содержанию или источнику чужого сообщения [Perelmutter, 2009: 121, 124].

Рассмотрим подробнее аргументы исследователя. Все контексты с **так**, зафиксированные в ПВЛ, Р. Перельмуттер разделила на два типа, в которых, с её точки зрения, имеются признаки субъективной модальности: к первому относятся контексты, в которых наблюдается разного рода мотивация для дистанцирования [Perelmutter, 2009: 121], ко второму типу – такие употребления **так**, в которых этот союз является средством ранжирования говорящих, например при цитировании представителей другой веры или низкого социального статуса [Perelmutter, 2009: 124].

Отметим, что в ПВЛ действительно есть группа примеров с **так** с очевидными контекстуальными указаниями на расхождение позиций повествователя и цитируемого лица. Приведем наиболее яркие из них, которые действительно могут быть диагностическими контекстами при выявлении различных видов дистанцирования, контекстуальные признаки выделены двойным подчеркиванием (часть примеров подробно рассматривается также в работе [Perelmutter, 2009: 116–122]):

- отстранение повествователя от высказываний, противоречащих христианской этике

типа значений **іако** – ранжирование участников цитируемого речевого акта, то оно для славянских языков является довольно «экзотичным». В эту группу Р. Перельмуттер включает довольно разнородные примеры. Например, в неё входит чужая речь действующих лиц чужой веры или более низкого социального статуса [Perelmutter, 2009: 122], например:

56) **ркоша же послании іако придохомъ к нему и въдахомъ дары и не позръ на нас** (ПВЛ, 971, 28);

57) **Придоша Болгаре въры Бохъмичи глаше іако ты князь** (ПВЛ, 983, 33 об.).

Отметим, что данные исследованных нами летописей XII–XIII в. не содержат примеров, которые могли бы подтвердить предположение о наличии у **іако** функций ранжирования говорящих.

В группу с т. н. «ранжированием» попали примеры, в которых источник сообщения неизвестен – при глаголах речи в неопределенно-личной форме или при предикате **придѣ вѣсть**:

58) **и приде ему вѣсть іако Печенезѣ объемъ стогати Києвъ** (ПВЛ, 1034, 56 об.);

59) **и бысть вѣсть грѣкомъ іако изовиле море** (ПВЛ, 1143, 57 об.);

60) **и приде ему вѣсть іако Улегъ на Клязьмѣ** (ПВЛ, 1096, 87 об.).

Особенность указанных примеров состоит в том, что в них отсутствуют контекстуальные признаки субъективной модальности, поэтому с надежностью определить тип значения **іако** в данном случае вряд ли возможно.

Отметим, что в ПВЛ встречается довольно много примеров, в которых семантика

іако остается неясной – в контексте нет указаний на дистанцирование, пересказывательность или недостоверность пропозиции чужой речи, например:

61) **Володимиръ повелѣ исковати лжици сребраны гаси дружинѣ рекъ сице іако серебромъ и златом не имамъ налести дружины** (ПВЛ, 996, 47 об.);

62) **се слышавше новгородци и рѣша Ярославѣ іако заоутра перевеземься** (ПВЛ, 1016, 53 об.);

63) *Внѣ же рече ꙗкоже* (в Хлеб. сп. *яко*) и *вы первѣ мене побѣдили есте* (ПВЛ, 1074, 72 об.).

Таким образом, в ПВЛ наблюдается специфическая ситуация с употреблением *яко*: в ней довольно регулярно встречаются примеры союзной прямой речи с надежными признаками субъективной модальности, но при этом частотны т. н. неясные случаи – контексты, в которых семантика никак специально не выражена.

Формальные признаки и особенности употреблений союза *яко* указывают на то, что в ПВЛ *яко* в некоторых контекстах использовался как семантически нейтральный маркер изъяснительной связи (например, в изъяснительных предложениях и нейтральных контекстах), тем не менее под влиянием синтаксического окружения он мог развивать и модальные значения. Отметим, что конструкция союзной прямой речи сама по себе обладает высоким потенциалом для развития модальных значений у союзного средства. Этот способ цитирования занимает промежуточное положение между прямой и косвенной речью: с одной стороны, изъяснительное средство указывает на частичную аналитическую переработку чужого высказывания в соответствии с целями нарратива, как в косвенной речи, с другой стороны, возможность использования элементов прямой речи позволяет сохранить без изменений экспрессивность, модальность и иллокутивные смыслы чужого высказывания [Волошинов, 1930].

Таким образом, рассмотренные употребления цитаций с *яко* согласуются с наблюдениями об архаичности системы способов цитирования в ПВЛ. В ситуации, когда модель косвенной речи с последовательными заменами отсылок ещё не сложилась, *яко* при нейтральных контекстах без признаков субъективной модальности используется как формальный показатель связи. При прямой речи он легко развивает модальные значения дистанцирования, поскольку сохранение экспрессивности чужой речи в формально зависимой части позволяет сохранять в том числе установку на чужую точку зрения. При этом *яко* выступает как маркер коммуникативного рубежа между позицией поговорителя и позицией цитируемого лица.

В ГЛ, близкой по многим признакам ПВЛ, употребления *яко* при цитативных контекстах имеют признаки «окнижнения» способов цитирования. Как и в

ПВЛ, в ГЛ диагностические контексты субъективной модальности грамматически не отличаются от высказываний с фактивной пропозицией, ср.:

- 64) Приѣхав же Данило и рече имъ почто оужасываетеѣ не вѣсте ли яко война безъ падшихъ мртвѣхъ не бываетъ (ГЛ, 1254, 275 об.);
- 65) быѣ же вѣдомо странамъ прихѣ его всимъ ис Татаръ яко Бѣ спсѣ есть его (ГЛ, 1250, 271 об.).

Надежные указания на субъективно-модальные смыслы в цитациях с яко в ГЛ встречаются нерегулярно. В двух случаях этот союз отмечен при косвенной речи при путативном глаголе при цитировании чужого мнения, возможно ошибочного:

- 66) Фила же строашеѣ на врань мнѣше же во яко никто можетъ стати противу емоу на врань (ГЛ, 1219, 251);
- 67) видивъ то Мѣстиславъ Нѣмѣи мнѣвъ яко Данилъ воденъ бѣиѣ потче и самъ в нѣ (ГЛ, 1219, 252–253);

Всего в 1 примере встречается эпистемическое указание на недостоверность чужого сообщения:

- 68) имѣахоу во лестъ во срдцѣ своемъ яко предати хотахоу гѣдоу свою и градъ спсѣнъ же ими бѣиѣ (ГЛ, 1202, 245 об.).

Цитаций с яко с признаками дистанцирования в ГЛ не выявлено. Более того, в ГЛ есть контексты с яко, в которых субъективная модальность исключена – семантика иллокутивного опорного предиката несовместима со значениями дистанцирования, эпистемической модальности или эвиденциальности, ср.:

- 69) Ростислав же показа правдоу свою яко не есть во свѣтѣ с Михаиломъ (ГЛ, 1240, 266).

Формальные особенности контекстов из ГЛ указывают на то, что в большей части случаев яко используется как формальный маркер границ чужой речи в подражание книжным текстам с более архаичной системой способов цитирования.

2.9. Признаки формального сближения конструкций союзной прямой речи и косвенной речи в древнерусских летописях

В КЛ и СЛ, в которых союзная прямая речь и косвенная речь грамматически противопоставлены, наблюдается ряд признаков, указывающих на формальное сближение этих конструкций. Во-первых, в этих летописях выявлены примеры грамматически правильной косвенной речи, в которых **так** употребляется в модальном значении: это контексты с путативными опорными предикатами **мьнѣти** и **творити** – появление правильных грамматических замен в придаточной части могло происходить вследствие семантической близости глаголов мнения другим глаголам ментально-перцептивной семантики, например, **увѣдати** и пр., при которых в зависимой предикации регулярно используются анафорические элементы [Шевелева, 2009: 145–150]. Таким образом, в летописях XII–XIII вв. **так** начинает использоваться как средство выражения модальной семантики не только в рамках конструкции союзной прямой речи или неохарактеризованных контекстах, но и при косвенном цитировании.

Второе направление сближения союзной прямой речи и косвенной речи – унификация союзных средств, тем более что специфическая модальность поддерживается в союзной прямой речи за счет допустимости в придаточной части экспрессивных элементов. Например, в современном русском языке при союзной прямой речи и косвенной речи используется один и тот же союз *что*, тем не менее модальность у этих способов цитирования разная: косвенная речь – это средство встраивания в свой дискурс аналитически переработанного чужого высказывания, союзная прямая речь позволяет сохранять при этом экспрессивность чужой речи при некоторых элементах аналитической обработки [Падучева, 1996; Подлесская, 2009: 294].

С точки зрения унификации союзных средств в конструкциях с чужой речью особое место занимает пример из КЛ, в котором при прямой речи используется союз **аж**, который в этом памятнике широко представлен в разных типах изъяснительных конструкций:

70) Рюрикъ же посла к Романови повѣдаѣ емоу **аж** Всеволодъ просить подѣ тобою волости а жалоується на мене про тебе (КЛ, 1195, 236).

Обратим внимание на то, что пример с **ажѣ** довольно поздний – он относится к заключительной части КЛ (КЛ охватывает события 1118–1200 гг.). Если на всем протяжении текста союзная прямая речь и косвенная речь формально противопоставлены за счет разных союзных средств, то в примере 1195 г. мы наблюдаем новую тенденцию: при прямой речи появляется тот же союз, что и при остальных изъяснительных конструкциях.

Признаки формального сближения союзной прямой речи и косвенной речи отмечены только в КЛ, в остальных летописях мы их не наблюдаем.

Интересные данные по истории союзной прямой речи и средствам передачи субъективной модальности содержит ВЛ, имеющая много общих черт с КЛ [Шевелева, 2010; Юрѣва, 2013]: этот источник отличается от всех остальных летописей древнерусского периода тем, что в нем полностью отсутствуют примеры союзной прямой речи, а союз **іако** отмечен только в двух книжных цитатах.

Мы обратили внимание на два контекста с союзом **уже** и маркером **бы** из ВЛ, в которых при переводе на современный русский язык используются средства субъективной модальности. Важно, что указанные контексты имеют те же лексико-синтаксические признаки, что и цитаты с **іако** из КЛ и СЛ. В одном случае цитируется мнение, в опорной предикации используется древнерусский глагол **творити** – ср. перевод:

71) и рче епѣпоу браѣрци Лве княже ци без оума ма творишь уже быхъ не разоумѣлъ сеи хитрости ци мала ть рци свога земля **уже** Берестыа хочешь а самъ держа княжениа три Галичкое Перемышльское Бельзское да нѣтоу ти сыти (ВЛ, 1288, 302) ‘разве безумцем меня считаешь, будто бы не понял я твоей хитростию, разве мала, скажи, тебе своя земля, Берестье хочешь, а сам владеешь тремя княжествами, Галицким, Перемышльским и Белзским, и все тебе мало’.

В указанном примере модальная семантика при путативном глаголе в отсутствие союза **іако** маркируется другими средствами – при помощи формы сослагательного наклонения в зависимой предикации.

Ещё более интересен контекст, в котором повествователь пересказывает слухи – типичный пример эвиденциального значения, при этом в примере есть ука-

зания на ненадежный характер информации – используются формулы ‘другие говорят’, но то не вѣдомо:

72) Телевоу҃га же е҃ха шьѣзирать города Володимѣра а дру҃зѣи молѣвати

оже вы (в Хлеб. сп. бы) и в городѣ былъ но то не вѣдомо (ВЛ, 1283, 296)

‘а другие говорили, будто бы и в городе был, но это неизвестно’.

Указанный пример – это своего рода «темное место» в Ипатьевском списке из-за описки. Более правильным кажется чтение из Хлебниковского списка: как и в примере с глаголом **творити**, оптативный показатель **бы** и форма сослагательного наклонения в указанном контексте выражает эвиденциальную семантику, подобно современному показателю *будто бы*, выражающему близкий комплекс значений [Плунгян, 2003: 323].

2.10. Итоги: основные типы употребления союзной прямой речи в древнерусских летописях

Исследователи по-разному объясняли механизм формирования союзной прямой речи. По мнению А. М. Пешковского, союзная прямая речь в современном русском языке образуется по модели косвенной речи с нарушением нарративной проекции: появляется маркер изъяснительной связи, однако грамматических замен форм лица и времени в придаточной части не происходит. Отсутствие замен исследователь связывает с отсутствием «согласования времен» и нерегулярностью грамматического правила перехода от прямой речи к косвенной [Пешковский, 1938: 431]. Согласно точке зрения М. Н. Преображенской, в древнерусский период изъяснительный союз появлялся между авторским планом и прямой речью как грамматический маркер коммуникативного рубежа – перехода от нарратива к речевому режиму [Преображенская, 1991: 100–103].

Решительное преобладание локутивных опорных слов при союзной прямой речи в древнерусских летописях указывает на то, что указанная конструкция изначально строилась по модели бессоюзной прямой речи, в которой показатель **яко** стал использоваться как формальный маркер изъяснительной связи и границы между авторским повествованием и чужой речью. Таким образом, подтверждается предположение исследователей [Преображенская, 1991; Хабургаев, 1986] о том,

что в эволюции способов цитирования союзная прямая речь соответствовала начальному этапу и представляла собой «промежуточную» структуру.

Исследование показало, что архаичная по своей структуре конструкция с союзной прямой речью по-разному использовалась в древнерусских летописях.

Наиболее архаичная ситуация отражена в ПВЛ, НПЛ и ГЛ: в указанных памятниках почти не встречается косвенной речи, а **іако** выполняет функцию универсального показателя изъяснительной связи, который употребляется при любых типах опорных предикатов.

В КЛ и СЛ наблюдается более продвинутая ситуация с развитием способов цитирования: в этих источниках продуктивна модель косвенной речи с союзами **ѡже** и **аже**, союзная прямая речь с **іако** представляет собой отдельную модель цитирования, которая используется в ограниченном числе случаев. При этом большая часть употреблений **іако** довольно однотипна – это эвиденциальные контексты при пересказе слухов и сообщений очевидцев, различные виды дистанцирования (например, **цѣловати крѣсть**). В заключительной части КЛ выявлены признаки, указывающие на формальное сближение косвенной речи и союзной прямой речи. Во-первых, эта **іако** в модальном значении используется в конструкции косвенной речи для выражения эпистемических смыслов, во-вторых, союз **аже**, один из основных показателей косвенной речи, появляется при прямой речи. Выявленные признаки указывают на начало перестройки системных отношений между этими конструкциями.

Отметим, что в древнерусских памятниках известны системы цитирования, в которых союзная прямая речь отсутствует. Примером может быть ВЛ (1261–1292), в которой основным и единственным способом аналитической передачи чужой речи является модель косвенной речи с **ѡже**, при этом субъективная модальность при цитировании выражается при помощи оптативного показателя **бы**.

3. Союзная прямая речь в Никоновской летописи за XIV–XVI вв.

3.1. Типы контекстов с союзной прямой речью в старовеликорусский период

По мнению исследователей, в структуре союзной прямой речи почти не произошло изменений, за исключением смены изъяснительного показателя: с утратой ко в позиции перед прямой речью стал употребляться современный союз *что* [Лопатина, 1979; Отин, 1969]. Между тем в современном русском языке прямая речь в конструкции с союзом *что* не передает тех субъективно-модальных значений, которые выявлены у союзной прямой речи с ко в КЛ и СЛ, а также в НПЛ. Таким образом, смена изъяснительного показателя сопровождалась изменениями в её семантике.

По данным древнерусских летописей, союзная прямая речь с *яко* в некоторых памятниках выходит из употребления уже в позднерусский период: в юго-западной ВЛ, схожей по многим параметрам с КЛ и СЛ, она не используется, субъективно-модальные значения передаются при помощи *бы*. В НЛ великорусского периода, напротив, указанная конструкция удерживается в узусе вплоть до XVI в., наряду с новым типом союзной прямой речи – с изъяснительным показателем *что*.

Как и в древнерусский период, в НЛ за XIV–XVI вв. союзная прямая речь отмечена в контекстах двух типов – в книжных цитатах из священных текстов и в цитациях, содержащих чужую речь действующих лиц повествования.

НЛ за XIV–XVI вв. последовательно отражает перестройку архаичной союзной прямой речи и постепенное формирование современных способов цитирования: изменяется семантика и сфера употребления союза *яко*, при прямой речи появляется современный союз *что*.

Чтобы выявить динамику указанного процесса, мы рассмотрели отдельно три группы примеров с союзной прямой речью:

- книжные цитаты с *яко*:

Петръ же паки отвержеся съ клятвою, яко "не знаю челоуѣка" (НЛ, 1389, 106);

- оригинальные цитации с *яко*:

и приде вѣсть къ великому князю Дмитрею, яко "Митяй твои вскоре поставися на мори" (НЛ, 1378, 40);

- оригинальные цитации с союзной прямой речью нового типа – с современным изъяснительным показателем *что*:

и сказала ей что брата нашего крестное цѣлованіе къ намъ сложили, а отецъ нашъ привелъ ихъ къ тому, что хотѣти имъ намъ добра (НЛ, 1400, 183).

К союзной прямой речи нового типа мы также отнесли примеры, в которых цитируется волеизъявление с использованием формы сослагательного наклонения – формальными маркерами этой конструкции является показатель *что* в сочетании с частицей *бы*, которые образуют фонетическое слово:

Да всѣ били целомъ о томъ, чтобы въ низовъскую землю къ берегу службы намъ, новгородцемъ, не было, а которые рубежи сошлись здѣсь съ Новгородскими землями, и по своихъ государей повелѣнию мы, отчина ... ради того боронити (НЛ, 181, 1478).

Показатели *что* и *бы*, образуя единое фонетическое слово, тем не менее иногда встречаются в дистантной позиции [Булаховский, 1950] . Поскольку как самостоятельный союз сочетание *что(бы)* используется в XIV–XV вв. нерегулярно, примеры со *что(бы)* мы относим к разновидности союзной прямой речи с союзом *что*.

В употреблении союзных средств в при прямой речи наблюдается следующая закономерность: в книжных цитатах встречается только союз *яко*, в оригинальных цитациях – *яко* и *что*. Рассмотрим динамику употреблений союзной прямой речи в разных типах контекстов, а также функции и семантику *яко* в поздний период на материале НЛ XIV–XVI вв.

3.2. Книжные употребления *jako recitativum* в НЛ за XIV–XVI вв.

По сравнению с древнерусскими летописями, НЛ XIV–XVI вв. содержит значительно больше книжных цитат: если в древнерусских летописях они составляли в среднем 15% от общего числа употреблений *яко* при чужой речи, то в НЛ – около 42% контекстов, см. данные в Таблице 7:

Таблица 7

Соотношение книжных цитат и некнижных цитаций с *яко*

	книжные цитаты	оригинальные цитации
союзная прямая речь	12	10
дейктически нейтральные контексты	38	37
косвенная речь	0	22
<i>всего</i>	50	69

Статистика показывает, что собственно союзной прямой речи (с дейктическими отсылками и диалогическими элементами), содержащей книжные цитаты, отмечено всего 12 случаев. Часть из них составляют цитаты из Библии, ср.:

*Петръ нача же ротися и клятися яко "не знаю челоуѣка" (НЛ, 1389, 106);
и помяну Петръ глаголь Иисусовъ реченный ему якоже прежде даже пятель
не возгласить, трикраты отвержеся мене" (НЛ, 1389, 107);*

*и пророкомъ своимъ рекль еси яко хотѣниемъ не хочу смерти грѣшнику, но
еже обратится и живу быти (НЛ, 1453, 91);*

*Июда же не усомнѣся и не рече тако, яко не царь есми, ни отъ рода царска:
како царю сопротивлюся (НЛ, 1481, 210);*

К книжным контекстам мы также отнесли союзную прямую речь в цитатах из правил Соборных и Апостольских, помещенных в НЛ под 1399, 1440 и 1443 гг., ср.:

сице же священники зовяше ихъ князей церковныхъ яко "тіи глаголаше великіа слуги божіа и честнѣе наипаче насъ суть" (НЛ, 1399, 176);

*ложнѣ положиша двадесять четвертое правило глаголюще сице яко
просвуду повелѣваемъ того же дне быти, благопріатно се (НЛ, 1443, 44);*

*пишетъ бо къ Костянтинградскому патріарху сице глаголя, яко кровь
ядятъ въ Гречестѣй землѣ и въ самомъ томъ Костянтинѣградѣ, и еже ты не*

можешу отъщи въ Гречестѣй землѣ и въ самомъ томъ Костянтинѣградѣ, како Фрязину глаголешу, яко да давлению отъсѣчетъ ясти? (НЛ, 1443, 48);

исповѣдаться имъ яко «отъ законныя къ своему подружію бесѣды, да не отсюду взаконенному и благословенному отъ Бога пришествіемъ своимъ браку до-саждати нудимъся» (НЛ, 1443, 51);

и се толкуя, божественный Златоустъ глаголетъ, яко тебѣ лѣпно есть научити и рѣщи, мнѣ же лихву попустити (НЛ, 1443, 49);

повѣда намъ святой Симеонъ о святей Четверодесятници явльшаяся ему и глаголаше, яко младець сый еще и стоа на первомъ мѣстѣ стоанія моего, слышахъ яко не сохраняють челоуѣци святую Четверодесятницу, но сырѣ ядятъ и яица (НЛ, 1443, 49–50).

Обширную группу употреблений *яко* в книжных цитатах составляют нейтральные контексты – библейских цитат встретилось всего 3:

забыша смиренныя мудрости, яко Богъ даетъ смиреннымъ благодать (НЛ, 1377, 27) – Послание от Иакова 4:6;

и се есть истинное слово, яко нетлѣнными вѣнцы увязошася от Христа Бога (НЛ, 1380, 64), другое чтение: и се есть истинное твое слова, яко нетлѣнными вѣнцы от Христа Бога вѣнчашася (НЛ, 1380, 66);

и сіа вся желаннаа получивъ, давидьски рещи, яко многую корысть обрѣтъ, радовашеся (НЛ, 1398, 179).

Большая часть дейктически нейтральных цитат – это выписки из Дейний Соборов и «Тактикона» Никона Черногорца в статьях 1437–1443 гг.:

и якоже божественная писанія сказуютъ, яко опрѣснокъ зъ горчицами на Пасху повелѣваше законъ (НЛ, 1443, 45);

глаголетъ же тамо сице яко яже убо сотворяють, жидовѣствующе, суть сіа: еже о бесквасныхъ тѣхъ согрѣшеніе, еже давлению тѣмъ ясти, еже стрищи тѣмъ брады, еже поститися в суботы...(НЛ, 1443, 46);

и паки въ томъ же посланіи той же киръ Петръ патріархъ глаголетъ о бесквасныхъ, яко озлобляется и любопрящеся супротивляется глаголюще, отъ святыхъ апостолъ Петра и Павла бесквасныхъ прейти преданія сходитъ (НЛ, 1443, 46);

и о семъ убо глаголетъ киръ Петръ патріархъ Антіоіускіи, яко не вси послушаютъ слово папино (НЛ, 1443, 49);

глаголю же, епископовъ презвитеровъ и діаконовъ, яко лѣпо есть святымъ епископомъ, и священникомъ Божіимъ, левгитомъ, служащимъ божественнымъ освященіемъ, въздержателемъ быти (НЛ, 1443, 52);

но сіе отъ святыхъ Отець глаголемаго шестаго собора узаконено бысть, глаголющихъ въ 12 правилъ, яко не суть противляющеса Апостолъ установленымъ сіе глаголетъ, но о спасеніи и на лучшее преспѣаніе людемъ промышляюще, и еже не дати зазоръ нѣкіи на священническіи чинъ (НЛ, 1443, 53);

но убо речетъ кто яко и у насъ епископи жены не имеютъ, но сіе отъ святыхъ Отець глаголемаго шестаго собора узаконено бысть, глаголющихъ въ 12 правилъ, яко не суть противляющеса Апостолъ установленымъ сіе глаголетъ, но о спасеніи и на лучшее преспѣаніе людемъ промышляюще (НЛ, 1443, 53);

глаголя же яко Латыни совѣщеваютъ, яко Христосъ на вечеръ бесквасная яде (НЛ, 1443, 45);

и тако начяша глаголати, яко отъ Отца и Сына исходитъ духъ святой въ едино начало, и опресноки служити и иныя многіа ереси (НЛ, 1443, 56).

Как можно заметить, дейктически нейтральные цитаты из деяний Соборов и Правил Апостольских, как и союзная прямая речь, строятся по одной и той же модели: в позиции опорного предиката используется *глаголати*, другие глаголы встречаются крайне редко.

Обратим внимание на важную закономерность, характеризующую книжные цитаты: основная сфера употребления *яко* – при прямой речи и нейтральных контекстах, как и в ранних текстах. Косвенная речь не используется при цитировании текстов, имеющих сакральный статус.

Таким образом, *яко* в книжных цитатах мы считаем отдельным типом употребления этого союза, который используется в первую очередь как грамматическое средство ориентации на образцы при цитировании сакральных текстов. Кроме того, *яко* мог использоваться как одна из архаичных черт.

Книжные цитаты с *яко* встречаются в НЛ неравномерно. Динамика их употребления отражена в Таблице 8:

Распределение книжных цитат в НЛ XIV–XVI вв.

	1362–1424	1425–1505	1506–1558
Союзная прямая речь	4	8	0
Дейктически нейтральные контексты	8	30	0
<i>всего</i>	12	38	0

Статистика показывает, что основной «пик» в употреблении союзной прямой речи в книжных цитатах приходится на XV в. – на ту часть, которая содержит максимум книжных фрагментов. Примеры представляют собой цитаты из Деяний Соборов и Апостольских правил, а также «Типикона» Никона Черногорца – все они помещены под 1437, 1440 и 1443 г. Интересно, что с завершением периода «второго южнославянского влияния» книжные цитаты с *яко* перестают использоваться – в части за первую половину XVI вв. не отмечено ни одного примера, несмотря на то, что НЛ – это официальный свод Московской Руси, созданный в рамках мероприятия метрополичьей кафедры [Клосс, 1980: 52].

Таким образом, выявлена следующая динамика в употреблении союзной прямой речи с *яко* в книжных контекстах: эта конструкция используется для цитирования канонических текстов вплоть до XV в. (в период «второго южнославянского влияния»), но уже к первой половине XVI в. указанный «книжный» тип употребления союза *яко* выходит из употребления в НЛ по мере того, как летописание становится более некнижным.

3.3. Основные типы цитативных конструкций с *яко* в НЛ за XIV–XVI вв.

В отличие от книжных цитат, *яко* в оригинальных цитациях сохраняется в летописном узусе НЛ заметно дольше – примеры встречаются вплоть до XVI вв.

Оригинальные цитации в великорусский период отличаются от книжных тем, что сфера употребления союза *яко* в них значительно шире: он встречается не только при прямой речи или дейктически нейтральных контекстах, но и при косвенной речи. Приведем примеры основных типов цитативных контекстов с *яко*:

- союзная прямая речь

Тоя же осени ноября прииде Татаринъ изо Орды на Москву повѣдаа великому князю Василю Дмитреевичю, яко князь велики Ординьскіи Едигеи хочетъ воевати землю твою (НЛ, 1408, 205);

- нейтральные контексты

и нѣциі глаголаху о нихъ яко истопоша, друзіи же глаголаху яко отъ разбойникъ избіени суть (НЛ, 1389, 101);

- косвенная речь

сами бо глаголаху, яко было ихъ съ сорокъ тысячъ на бою томъ (НЛ, 1471, 135).

Количественное соотношение цитативных конструкций с *яко* в НЛ за XIV–XVI вв. представлено в Таблице 9:

Таблица 9

Соотношение цитативных контекстов с *яко* при передаче оригинальных цитаций

	1362–1424	1425–1505	1506–1558
Союзная прямая речь	5	3	2
Нейтральные контексты	17	12	8
Косвенная речь	5	7	10
<i>всего</i>	27	22	20

Статистика отражает несколько хронологических закономерностей в употреблении *яко*:

- со второй половины XIV до первой половины XVI в. количество примеров с указанным союзом постепенно убывает;

- в первую очередь сокращается число примеров с *яко* при прямой речи и нейтральных контекстах;

- вопреки общей тенденции к снижению частотности указанного союза, на всем протяжении XIV–XVI вв. наблюдается незначительное, но последовательное возрастание примеров с *яко* при косвенной речи.

Таким образом, НЛ, общерусский летописный свод, показывает, что архаичная конструкция союзной прямой речи с *яко* в великорусский период постепенно выходит из употребления, причем как при передаче книжных цитат, так и в оригинальных цитациях. Тем не менее союз *яко* сохраняется в других типах контекстов – при косвенной речи. Отметим, что смена сферы употребления союза *яко* наблюдается на фоне общей тенденции к распространению косвенной речи как основной формы цитирования в летописном узусе (подробнее см. в Главе III).

3.4. Семантика *яко* при оригинальных цитациях в великорусский период

В древнерусский период установлено соответствие между семантикой *яко* и типом цитативных конструкций, при которых этот союз употреблялся: при прямой речи он, как правило, выражал дистанцирование, при нейтральных контекстах – эвиденциальные значения пересказывательности и не прямой засвидетельствованности, при косвенной – эпистемические значения недоверности, неуверенности в истинности цитируемого сообщения.

В НЛ за XIV–XVI вв. с развитием тенденции к постепенной утрате союзной прямой речи и распространением *яко* при косвенной речи соответствие между семантикой и типом цитативной конструкции сохраняется, но соблюдается уже не так последовательно, как в древнерусский период.

Семантика оригинальных цитаций с *яко* далее рассматривается по типам субъективно-модальных значений, которые у этого союза выявлены в ранних летописях.

Союз *яко* при прямой речи как показатель дистанцирования

В древнерусских цитациях с *яко* при прямой речи во многих случаях наблюдалось дистанцирование повествователя от содержания чужой речи – как правило, при передаче чужих высказываний, противоречащих этической, социальной или

политической позиции летописца, а также в тех случаях, когда пропозиция чужой речи резко не совпадала с дальнейшим или предшествующим объективным ходом повествования.

В НЛ за XIV–XVI вв. по-прежнему встречаются примеры, в которых у *яко* при прямой речи сохраняется значение дистанцирования. Наиболее очевидно «отстранение» повествователя от позиции цитируемых лиц проявляется в тех случаях, когда содержание чужой речи резко противоречит этическим нормам, например:

Любляху же піанство зѣло, и егда гдѣ наѣзжаху пиво и медъ и вино, упивахуся безъ мѣры, и ѣздяху пьяни и глаголюще въ себѣ каждо ихъ яко «можетъ единъ от насъ на сто татариновъ ѣхати, по истиннѣ никто же можетъ противу насъ стати» (НЛ, 1377, 27).

Помимо указания на неправомерное поведение русских воинов, здесь имеет место параллель с древнерусскими текстами – осуждение летописцем тщеславных мыслей цитируемых персонажей, уверенных в своей победе.

Дистанцирование повествователя в нескольких случаях выражено в виде оценочных комментариев, сопровождающих цитации. Так, при описании московского восстания, возникшего после пожара 1547 гг., отстранение от «безумных речей» мятежников, устроивших расправу над князьями и боярами, маркировано в опорной предикации (выделено двойным подчеркиванием):

Того же Мѣсяца 26 въ недѣлю, на пятыи день послѣ великого пожару черные люди града Москвы отъ великіе скорби въсколебашася, яко юроди и пришедъше въ градъ и на площади убиша каменіемъ царева великого князя боярина князя Юрья василіевича Глиньского и дѣтеи боярьскихъ много побиша а людеи княже Юрьевыхъ безчислено побиша. И животъ княжеи розграбиша ркуще безуміемъ своимъ, яко вашимъ зажигаіемъ дворы наши и животы погорѣша (НЛ, 1547, 154).

Дистанцирование от речей мятежников также имеет параллель в древнерусских летописях – см. цитации с союзной прямой речью в ст. списке НПЛ, ср. *а же-нѹ его яша, рекѹче, яко «ти на зло князя водятъ»*.

Интересен пример с союзной прямой речью из эпизода, описывающего ссору духовника Дмитрия, “нареченного” митрополита Митяя, с Дионисеем Суздальским:

Митяй же нареченный митрополитъ видя себя осрамлена, и умышленіе его бездѣлно бысть, и сице Митяй смутися и возколебася; ещё же къ тому нѣциі безумніи чловѣци съсориша и совраждоваша нареченному митрополиту Митяю на Діонисія епископа Суждальскаго, а Деонисію на Митяя. И тако нареченный митрополитъ Митяй посла къ Деонисію епископу Суждалскому глаголя: «почто, пришедъ въ градъ, ко мнѣ не пришелъ еси поклонитися и благословитися, и сице не чествовалъ мя еси и пренебрегъ, якоже нѣкоего отъ послѣднихъ суща? Не вѣси ли, кто есмь азъ? власть имамъ и в тебѣ и въ всей митрополіи». Дионисей же епископъ Суждальскый, вѣставъ, иде къ нему, и пришедъ, рече ему: «присылалъ еси ко мнѣ глаголя яко власть имамъ на тебѣ; но убо не имаше власти на мнѣ никоеяже, и тебѣ убо подобало пріити ко мнѣ и поклонитися и благословитися отъ мене: азъ бо есмь епископъ, ты же попъ» (НЛ, 1378, 38).

В отличие от других примеров, в которых имело место отстранения повествователя-летописца, в данном контексте персонаж цитирует другого персонажа, выражая несогласие с его точкой зрения. В указанном примере имеет место коммуникативная неоднородность: фразу *яко власть имамъ на тебѣ* можно понимать двояко, ср. *Ты ко мне прислал, сказав, что я над тобой имею власть*. Местоимение *я* в данном контексте может отсылать как к говорящему, так и к адресату. Использование субъективно-модального маркера *яко*, разграничивающего установку говорящего и цитируемого лица, может служить средством указания на то, что фраза *яко власть имамъ на тебѣ* принадлежит не говорящему (митрополиту Суздальскому), а отсылает к словам адресата (Митяя), с которым говорящий категорически не согласен.

В одном примере наблюдается расхождение политических позиций летописца-повествователя и митрополита Исидора, выступившего за Флорентийскую унию, неприемлемую для Московского государства:

Тоя же вѣсны прииде Исидоръ на Русьскую землю и идяше къ Москвѣ и глаголаше тако, яко соединилися есмя на семъ великомъ соборѣ восточныя церкви съ западными (НЛ, 1440, 40).

В НЛ за XIV–XVI вв. также встречаются примеры, в которых имеет место отстранение “всеведущего повествователя” от чужой речи, пропозиция которой не соответствует дальнейшему развитию событий. В летописи описан эпизод, когда татарские и русские войска одновременно отступили, неправильно представив себе картину боя и решив, что за ними гонятся противники, – буквально “разбежались в разные стороны”, ср.:

... А наши мняху Татаръ за ними рѣку перешедшихъ и за ними женуть, и придоша на Кременецъ. Князь же великѣи съ сыномъ и з братьею со всеми воеводами поидоша къ Боровску; глаголаша, яко «на тѣхъ полехъ бои съ ними поставимъ», и слушающе злыхъ челоуѣкъ сребролюбцевъ, богатыхъ и брюхатыхъ, предателей христѣанскихъ, а норовниковъ бесерменскихъ, иже глаголютъ «побѣжи, не можеша съ ними стати на бои»... И бѣ дивно тогда совершися Пречистые чюдо: едни отъ другихъ бѣжаху и никто же женяху (НЛ Шумил., 1481, 201–202).

В данном примере употребление союзной прямой речи с *яко* может быть связано как с дистанцированием летописца от цитации, содержащей заблуждение, так и с выражением несогласия с теми, кто советовал великому князю отступить, – см. оценочную характеристику, выделенную двойным подчеркиванием.

В следующем контексте с *яко* приводится речь князя Василия Васильевича, которого Дмитрий Шемяка выпустил из плена. “Всеведущий” летописец высказывает подозрения в том, то, что раскаяние князя Василия неискреннее – см. двойное подчеркивание и указание на недоверие со стороны очевидцев:

А князь великѣи предъ нимъ смиряшеся, и во всемъ вину самъ на себя возлагая, яко “и не сіе мнѣ пострадати было, грѣхъ моихъ ради и безаконіи многихъ и преступленіи въ крестномъ цѣлованіи предъ вами...” Сія же и ина многа изглагола, имѣже нѣсть числа и писати не мощно. Глаголющу же ему, слезамъ текущимъ отъ очію его, якоже быстринамъ, якоже вѣсѣмъ сущимъ ту дивитися таковому смиренію и умиленію, и плакахуся вси смотрящеи его (НЛ, 1447, 71).

Далее следует рассказ о скором походе Василия Васильевича на Дмитрия Шемяку: *Въ лѣто 6956 князь великїи Василей Васильевичъ поиде на князя Дмитрея на Шемяку къ Галичю и пришедъ со многою силою, ста на Костромѣ.*

Таким образом, в 6 случаях из 10 союзная прямая речь с *яко* имеет признаки субъективно-модальной семантики.

Примеры из НЛ показывают, что союзная прямая речь с *яко* в значении дистанцирования употребляется в узусе НЛ вплоть до первой половины XVI в., при этом их количество сократилось по сравнению с древнерусским периодом.

Союз *яко* при нейтральных цитатах как показатель эвиденциальности

Самую обширную группу цитаций с *яко* в НЛ, как и в древнерусский период, составляют эвиденциальные контексты – в эту семантическую группу мы включали только те примеры, в которых эвиденциальность грамматически маркирована при помощи специальных показателей, а также те употребления, у которых выявлены общие контекстуальные особенности.

В НЛ за XIV–XVI вв. встречаются те же типы эвиденциальных значений, что и в древнерусских летописях:

а) пересказывательность – цитируемое сообщение получено по слухам, поэтому повествователь не может разделять эпистемическое обязательство с теми, кого он цитирует (источник во многих случаях неидентифицированный или их несколько);

б) непрямая засвидетельствованность – цитируется сообщение, полученное со слов очевидца, эпистемическую ответственность за истинность этого сообщения несет цитируемое лицо, а не повествователь.

По сравнению с древнерусским периодом, в НЛ за XIV–XVI вв. наблюдается значительное возрастание количества примеров с эвиденциальными значениями. Почти во всех контекстах имеются лексические признаки, указывающие на цитирование опосредованной информации.

Шире всего *яко* используется для выражения «пересказывательной» эвиденциальности. Для указания на то, что сообщение носит характер слухов, использует-

ся модель с неопределенно-личными местоимениями *нѣции*, *инии*, *мнози* и т.п. ('некоторые люди говорили, что; поговаривали, что'):

и потомъ начяша нѣции глаголати яко есть татарове в поле и царевичъ Арапша крыется в нѣкихъ мѣстехъ (НЛ, 1377, 27);

мнози же о семъ глаголаху, яко видѣніе видѣ въ церкви (НЛ, 1473, 153);

*уже глаголютъ нѣции, яко нѣкогда во единъ от дніи по божественной ли-
торгіи видѣша мнози надъ каменной церковію Рожества пречистыя Богородица
славныя обители честнаго архимандритства* (НЛ, 1491, 229);

*Глаголютъ же нѣции, яко въ Дорогомиловской той церкви отъ древнихъ
лѣтъ были бяху священныя ризы чудотвориваго святителя Леонтіа, и отъ то-
го времени не обрѣтошася тамо и нигдѣже индѣ и донынѣ, на увѣрене пре-
славнаго чудеси* (НЛ, 1522, 42);

*глаголаху бо мнози, яко мнози его дѣти боярскыя говорили ему, чтобы
князь поѣхалъ въ Дмитровъ* (НЛ, 1534, 79);

Эвиденциальные употребления встречаются не только в основном повество-
вании, но и во вставных повестях:

*повѣдаша нѣции яко исперва не царь бѣ, ни сынъ царевъ, ни племяни цар-
ска, ни княжѣска, ни боарска, но тако отъ простыхъ нищихъ людей отъ Заяцкихъ
Татаръ, отъ Самархіускіа земли* (НЛ, Повесть о Тимур-Аксаке, 1395, 158);

Значение пересказывательности ярче всего проявляется, когда летописец ис-
пользует особый риторический прием для передачи противоречивых сообщений
«одни говорили X, другие говорили Y». Указанная «формула» встречается и в
древнерусских летописях – в НЛ она использована всего 3 раза, при этом все при-
меры датированы концом XIV в.:

*И яко близъ Царяграда бывши, яко видѣти уже Царьградъ близъ суца, и
внезапу Митяй разболѣся въ корабли и преставися на мори. Нѣции же повѣда-
ша яко корабль той стояше на единомъ мѣстѣ и не поступаа съ мѣста, ни сѣмо
ни тамо, а иніи мнози корабли плаваху мимо его сѣмо и овамо, и единъ той лютѣ
томимъ, аки Іоны ради* (НЛ, 1378, 38);

*инии глаголаху о Митяе яко задушиша его инии же глаголаху яко морь-
скою водою умориша его, понеже и епископи вси, и архимандриты, и игумены, и*

священницы, и иноцы, и вси бояре и людѣе не хотяху Митяя видѣти въ митрополитѣхъ, но единъ князь велики хотяше (НЛ, 1378, 40);

и нѣциі глаголаху о нихъ яко истопоша, друзіи же глаголаху яко отъ разбойникъ избіени суть (НЛ, 1389, 101).

Грамматическим средством указания на слухи, неидентифицированный источник сообщения, в нескольких случаях служит опорный предикат в неопределенно-личной форме 3 л. мн.ч. наст. вр. ‘говорят, что’, ср.:

глаголютъ бо, яко было судовъ тѣхъ великихъ 100 и 80, а по человѣкъ въ суднѣ и поболѣ (НЛ, 1471, 142);

глаголютъ бо тако, яко когда изгорѣлъ бѣше, егда злочестивый царь Тактамышъ, взявъ лѣстію градъ Москву (НЛ, 1472, 146).

и брани бывши съ самодръжавнымъ великимъ воеводою Волошскимъ Иваномъ Мирчомъ, и множество неизреченно кровемъ излитіе идѣже краль Марко и Константинъ погиблися. Глаголютъ же яко блаженный Марко рече константину (НЛ, 1392, 150).

Помимо рассмотренных выше типов маркирования пересказывательности, в НЛ выявлены примеры с общими контекстуальными особенностями, которые можно рассматривать как эвиденциальные признаки. Все они содержат указание на то, что цитата основана на нескольких сообщениях – обратим внимание на слово *вѣсти*, *вѣстници* во мн. ч.:

и се паки придоша иныа вѣсти глаголюще яко Мамай неложно грядетъ с великою яростію на мнозѣ силѣ (НЛ, 1380, 49);

и се убо намъ вѣсти приходятъ яко не точію Московскую силу взять, но и отъ иныхъ странъ многи силы пріатъ и готовится на тя (НЛ, 1402, 189–190);

и се паки начяша поновлятися вѣсти яко Мамай неотложно хочетъ ити на великаго князя (НЛ, 1380, 51);

и того же дни придоша вѣстници, яко поганіи они Татарове и з безбожнымъ царемъ ихъ (НЛ, 1522, 42).

Указанные контексты объединяет общая импликатура, близкая к значению «пересказывательности»: об одном и том же событии поступало несколько сообщений из разных, возможно противоречивых, источников – в одном случае

есть прямое указание на их противоречивость (*иная вѣсти*), во всех примерах сделан акцент – на разную степень актуальности поступивших сообщений (*начаша поновлятися вѣсти, того же дни, и се*).

Отдельно отметим пример, в котором есть прямое указание на то, что источник чужой речи – это людская молва:

и промчеша слово то повсюду яко Витовтъ Кестутъевичъ со многими силами идетъ на Темиръ-аксака царя мимо Смоленскъ (НЛ, 1396, 162).

Помимо значения пересказывательности, в НЛ регулярно встречаются примеры другого эвиденциального типа – не прямой засвидетельствованности, т. е. сообщений, переданных со слов очевидцев или непосредственных участников событий:

приидоша ко мнѣ изъ Смоленска мои Смолняне тайно послану отъ нѣкихъ моихъ доброхотовъ повѣдающе яко мнози хотятъ мене видѣти на отчинѣ и дѣдинѣ моей (НЛ, 1400, 184);

Глаголаху же, уже тогда в плѣненіи томъ бывшеи и потомъ избѣжаша, сице сказахъ глаголюще яко толикое множество богатства снесоша, порты драгіа и вещи многоцѣнныа, складше, яко сѣнныа копны, пожгоша, не могуще бо вся та вземше съ собою понести (НЛ, 1411, 216) ‘те, которые были в плену и потом сбежали, рассказали, что...’.

Вѣдаяше бо извѣстно отъ сущихъ у него Русскихъ плѣнниковъ, яко невѣроятно тако скоро снитися вкупѣ таковому многуму воинству, и третіе посла (НЛ, 1522, 43).

Интересно, что сообщения «от очевидцев» встречаются в том числе в цитациях более книжного содержания, например, при цитировании житий Сергия Радонежского и Пафнутия Боровского:

прилучишабося нѣциі тамо въ то время неложные свидѣтели глаголюще яко егда Сергіи причастися Божественныхъ таинъ, тогда исполнися вся церкви благоуханія (НЛ, 1392, 132);

Тои же Никита да иніи отъ братей, ученици Пафнотіевы, повѣдаша, яко ни пѣти ниже конархати, никтоже обрѣтеша надгробная, но единъ точію отъ

ученикъ его Инокентей именемъ, той со многими же слезами надгробная про-
глагола (НЛ, 1477, 170).

Особое место занимает пример, встретившийся в Послании Никона Черно-
горца под 1443 г.:

*паки о таковемъ патріарсъ сказаша ми и уніи нѣци, яже отай тѣмъ бы-
ваемая о мясохъ, яко не предъ всѣми ядыше мясо* (НЛ, 1443, 48).

Несмотря на формальные признаки эвиденциальных значений (неопределен-
но-личные местоимения, указание на очевидцев), мы не можем рассматривать ука-
занный пример как надежный эвиденциальный контекст. Послание Никона Черно-
горца – это вставная часть, насыщенная книжными приметами и содержащая
большое количество книжных цитат. Яркая черта в Послании Никона – употребле-
ние *яко* по книжному типу: он является основным изъяснительным союзом, часто-
тен при союзной прямой речи. Таким образом, в указанном примере союз *яко* мог
оказаться при сообщении «от очевидцев» в результате простого совпадения, без
всяких семантических экспликаций. Этот пример мы не учитывали при подсчетах
субъективно-модальных употреблений *яко*.

Отдельно отметим несколько новых особенностей в контекстах с эвиденци-
альными значениями. В древнерусских летописях семантика пересказывательности
и не прямой засвидетельствованности выявлена только у дейктически нейтральных
цитаций. В НЛ встретилось несколько эвиденциальных контекстов, построенных
по модели косвенной речи – соответствующие дейктические отсылки выделены
пунктиром.

сами бо глаголаху, яко было ихъ съ сорокъ тысячъ на бою томъ (НЛ, 1471,
135);

*глаголють бо бывшеи тамо, яко съ пять тысячъ ихъ толко бѣ, но видѣше
многое воинство ихъ и положъше упованіе на Господа Бога и пречистую Его Ма-
терь и на правду своего государя* (НЛ, 1471, 135);

*Избъено ихъ бысть многое множество: самимъ бо глаголющимъ имъ, яко
дванадесять тысячъ изгибе ихъ на боехъ тѣхъ, а изыманыхъ руками болѣ двою
тысящъ* (НЛ, 1471, 135).

Интересно, что здесь используется конструкция со значением приблизительного количества (*съ сорокъ тысячъ, съ пять тысячъ*) – говорящий точно не знает. Все три примера эвиденциальных контекстов с *яко* при косвенной речи зафиксированы в одном и том же эпизоде – в рассказе о войне Ивана III с новгородцами в конце XV в. Подчеркнем, что указанных случаев слишком мало, чтобы говорить о новых функциях союза *яко*. Тем не менее их можно рассматривать как первый шаг на пути разрушения корреляции между дейктическим типом контекста и его семантикой. По сравнению с древнерусским периодом, в конце XV в. намечается новое направление развития: союз *яко* может выражать эвиденциальные значения независимо от типа цитирования в зависимой части – союзной прямой речи, косвенной речи или неохарактеризованного контекста.

Среди рассмотренных эвиденциальных контекстов особый интерес представляют случаи, в которых, наряду с *яко*, используется современный субъективно-модальный показатель *де*. В одном случае он встретился в «пересказывательном» контексте – при передаче предания об основании церкви Иоанна Предтечи на Бору, одной из первых церквей, построенных в Москве:

глаголютъ же яко то прѣваа церковь на Москвѣ, на томъ дѣѣ мѣстѣ боръ былъ, и та цѣрковь въ томъ лѣсу срублена, то же де тогда и соборнаа церковь была при Петрѣ митрополитѣ и дворъ митрополичь туто же былъ, гдѣ нынѣ дворъ княже Ивановъ Юрьевича (НЛ, 1461, 114), *Товорили, будто это была первая церковь в Москве, на этом месте, говорят, бор был...’;*

Второй пример с показателем *деи* встретился в сообщении «от очевидцев» – пленников, захваченных с целью получения информации о противнике:

и сказаша языки, яко того ради поиде царь на Русь: сказали ему въ Крыму, что царь и великій князь съ всѣми людми въ Казани; и какъ прииде близко Резани, и взялъ станичникѣвъ, и тѣ сказали, что великій государь на Коломнѣ, а ждетъ царя, а хочетъ с нимъ за православіе прямое дѣло дѣлати. И царь деи хотѣлъ оттолѣ возвратитца въ Крымъ, князи же ему рѣша: «аще хоцещи срамъ свои покрыти, есть у великого князя градъ Тула на Полѣ...» (НЛ, 1552, 190).

Указанный пример имеет сложную коммуникативную структуру: помимо сообщения о крымском царе, хане Девлет-Гирее, оно содержит ещё несколько вы-

сказываний от других лиц. Частица *деи* указывает на то, что маркированная часть пропозиции относится к информации, полученной от языков. Таким образом, частица *деи* выполняет здесь функцию разграничителя чужой установки (чужого сообщения) и авторского повествования, маркируя продолжение цитации, полученной от очевидцев – языков.

Союз *яко* при прямой речи как показатель эпистемической модальности

Яко как показатель недостоверности или неуверенности говорящего в истинности сообщения встречается как в древнерусский период, так и в НЛ за XIV–XVI вв. Главное отличие поздних употреблений от ранних – тип цитативной конструкции, в которой реализуется эпистемическое значение. В древнерусский период *яко* со значением недостоверности отмечен как при прямой речи, так и при косвенной – в НЛ эпистемическая семантика у *яко* наблюдается только при косвенной речи и нейтральных контекстах.

Недостоверность или неуверенность говорящего в истинности цитируемого сообщения довольно часто маркирована при помощи опорного предиката. Как в древнерусский период, в НЛ за XIV–XVI вв. сохраняются употребления *яко* при путативном глаголе *мнѣти*:

мняше бо Митяй на Сергия яко совѣтоваше он Алексѣю митрополиту не благословляти Митяя (НЛ, 1378, 38);

мня, яко единомыслено съединилися Сергій с Дионисиемъ, не хотяще поставленіа его в митрополиты (НЛ, 1378, 38);

мнѣвъ же Митяй яко Сергіи совѣтова Алексѣю митрополиту не благословити его по себѣ въ митрополиты (НЛ, 1392, 143);

мняще яко устрашатся ихъ татарове (НЛ, 1382, 74);

мняще, яко градъ взять уже (НЛ, 1471, 136);

мняще яко берегъ даяху имъ Русь и хотятъ съ ними битися (НЛ, 1480, 201).

В НЛ также отмечено три случая с *яко* при косвенной речи, передающей сообщение, не являющееся истинным. Эпистемическая оценка чужой речи эксплици-

рована в значении опорного предиката – в каждом из примеров речь идет о клевете и обмане:

нѣци же оклеветаша его яко неправо и невѣрно служитъ царю (НЛ, 1389, 98);

ему же завидяще клеветаху на нь яко неправу служитъ ему (НЛ, 1392, 149);

Того же лѣта скоромолили промежъ князя Андрея Углицкаго, слуга его Образец, яко хочетъ его князь великіи поимати (НЛ, 1489, 220).

Обратим внимание, что примеры *яко* в контекстах с эпистемической модальностью относятся к редким типам употребления и в части НЛ за XVI в. уже не встречаются.

Неясные случаи

В отдельную группу мы выделили примеры, в которых отношение повествователя к содержанию чужого сообщения не маркировано контекстуально, надежные признаки субъективной модальности отсутствуют.

Как и в ранних летописях, особую сложность представляют случаи с опорным предикатом (*приде*) *вѣсть*, а также глаголами речи в неопределенно-личной форме. В первую очередь рассмотрим примеры с союзной прямой речью:

*и приде вѣсть къ великому князю Дмитрею, яко "Митяй твои вскоре пре-
ставися на мори"* (НЛ, 1378, 40);

*Тоя же осени, Ноября, приде Татаринъ изо Орды на Москву, повѣдаа великому князю Василію Дмитреевич, яко «князь велики Ординьскіи Едігей хочетъ
воевати землю твою»* (НЛ, 1409, 205).

Указанные контексты имеют эвиденциальные признаки: в первом случае передаются слухи о гибели митрополита Митяя во время путешествия его в Царьград. Во втором случае цитируется сообщение от “очевидца”. Тем не менее надежно установить эвиденциальную семантику в указанных контекстах невозможно, поскольку в них нет других грамматических указаний на опосредованный характер информации или ненадежность источника, например, неопределенно-личных местоимений и пр.

Отдельно отметим дейктически нейтральные примеры с *приде вѣсть*:

того же лѣта приде вѣсть къ великому князю, яко допoлнa царь Ахматъ идетъ со всею Ордою (НЛ, 1480, 200, Шумил.);

и учинися вѣсть в городъ, яко царь православный приближаетца (НЛ, 1552, 190).

В указанных примерах есть предпосылки для эвиденциальной семантики: источник сообщения неидентифицирован. Тем не менее надежных признаков, указывающих на то, что сообщение носит характер слухов, в этих контекстах нет: не совсем понятно, цитируется ли в данном случае молва или же военное донесение.

В другом неясном примере в позиции опорного предиката встретился глагол *возвѣстити* в неопределенно-личной форме:

и возвѣстиша ему, яко 100 и 10 шатровъ остана пусти (НЛ, 1392, 152);

Неопределенно-личную форму глагола мы рассматривали как признак пересказывательности. В данном случае все же не совсем ясна надежность источника сообщения – донесение или сообщение, полученное со слов очевидцев или по слухам. Кроме того, в указанном примере *яко* может быть использован не для выражения модальности, а как примета книжного языка – в сочетании с книжным глаголом *возвѣстити*.

В отдельную группу мы выделили цитации без признаков субъективной модальности. Их отличительная особенность – высокий “регистрационный” статус чужой речи. Например, в двух случаях содержится назидание социуму быть защитниками христианской веры, ср.:

Они же вси единодушно возопиша яко готови есмя по Христѣ пострадаѣти за христѣанскую вѣру и за твою обиду (НЛ, 1380, 52);

*Великіи в благочестіи царь государь князь великіи Иванъ Василіевичъ вся Русіи видѣ убо христіанство поплѣнено и многы крови христіаньскыа проливаемы и многымъ церквамъ святымъ запустѣніе: от кого убо сіа бысть нестерпимыя бѣды? Глаголю же, яко (в др. списках *якоже*) вся сіа бысть злая отъ безбожныхъ Казаньскихъ Срацынъ* (НЛ, 1551, 162).

В указанных примерах нет признаков, выражающих отношение повествователя к цитируемому сообщению: нет оснований для дистанцирования, неуверенно-

сти в истинности или ненадежности источника чужого сообщения. В отличие от других цитаций с *яко* при прямой речи, чужая речь в данном случае имеет религиозное значение. Назидательная установка предполагает ориентацию на книжный узус [Живов, 1998: 239], *яко* в данном случае мы рассматриваем как примету книжного языка, которая повышает значимость вставленной цитации, – прецедентом этого употребления могли служить книжные цитаты.

Отдельно отметим цитацию, содержащую предсказание преп. Зосимы Соловецкого его ученикам (она читается только в Шумиловском списке):

преподобный плакашеся и не едяше и ученикомъ своимъ извѣсти, яко за гордыню ихъ отсѣчени имуть быти главы ихъ, еже и сбысться (НЛ, 1471, 138).

Указанная цитация содержит установку на книжность, т. к. имеет сакральный смысл – предсказание, сделанное св. Зосимой, см. также книжный оборот *имуть быти*. Особенность её заключается в том, что это единственный пример исключительно книжного употребления *яко* при косвенной речи.

В ряде случаев использование союза *яко* может быть исключительно «стилистической» особенностью вставной части. Например, в «Повести о взятии Константинополя турками», которая считается поздней вставкой XVI в. [Клосс, 1980], отмечено несколько контекстов контекста, в которых опорный предикат использован в неопределенно-личной форме или имеются указания на неизвестный источник сообщения:

и тако умышляющимъ имъ, сказаша царю, яко уже турки взыдоша на стѣну и одолѣвають гражанъ (НЛ, 1453, 89);

днемъ же тріемъ минувшимъ, сказаша окаанному турку, яко пушка она веліа сліяся добръ (НЛ, 1453, 88);

о царици же бывшу велику испытанію, сказаша Салтану, яко великій дукась и великіи domestikъ и анактось и протостраторовъ сынъ Анрѣй и братаничь его Асанъ ѿ дома Палеологовъ и епархъ градскіи Николай отпустиша царицю въ корабли (НЛ, 1453, 97);

нѣциі же въ нихъ добръ знающе градъ сказоваху ему величество града и пространство и яко не коснется имъ смрадъ (НЛ, Повесть о взятии Константинополя турками, 1453, 87);

и *нѣци* сказаша, *яко* самъ царь въ сердци своемъ възнесся (НЛ, Повесть о взятии Константинополя турками, 1453, 94).

Обратим внимание на их общую «стилистическую» особенность, выделяющую их на фоне остальных примеров с *яко*, – использование глагола *сказати* в сочетании с *яко*. В основном погодном повествовании НЛ этот союз встречается только при архаичных глаголах *речи*, *глаголати*, *бысть вѣсть*.

Таким образом, употребления *яко* в «Повести о взятии Константинополя турками» имеют признаки подражания книжным текстам. По этой причине указанные контексты мы не рассматриваем как надежные примеры субъективно-модальных употреблений *яко*.

Эволюция модальных значений союза *яко* в великорусский период

Обобщим итоги наблюдений над употреблениями *яко* в оригинальных цитациях, представив данные о частотности различных типов субъективно-модальных значений в Таблице 10. Неясные случаи при подсчетах выделены в отдельную категорию.

Таблица 10

Соотношение типов субъективно-модальных употреблений *яко*
в НЛ XIV–XVI вв.

	1362–1424	1424–1505	1506–1558	<i>всего</i>
Союзная прямая речь с <i>яко</i> в значении дистанцирования	2	3	1	6
Пересказывательность	19	14	8	41
Косвенная речь при <i>мнѣти</i>	4	3	0	7
Косвенная речь со значением недоверности	2	1	0	3
Неясные случаи	4	7	1	12

Из 69 оригинальных цитаций с *яко* признаки субъективной модальности выявлены в 57 случаях (82%). Статистика показывает, что *яко* активнее всего использовался как субъективно-модальный показатель в конце XIV в., однако к XVI в. модальные цитации с *яко* постепенно выходят из употребления.

В узусе НЛ за XIV–XVI вв. ранее всего этот союз утрачивает эпистемические употребления: указания на недостоверность или сомнения в истинности чужого сообщения – в первой половине XVI в. примеров этого типа уже не встречается.

Отметим интересную закономерность: с утратой у *яко* эпистемических значений, в НЛ появляется новый показатель недостоверности – союз *будто*. В современном русском языке этот дискурсивный маркер используется для ввода сообщения, который говорящий не признает своим или в достоверности которого сомневается [Русская грамматика, 1980: §2777]. Это же значение обнаруживается и в примерах из НЛ – показатель *будто* отмечен всего в 4 случаях, все они зафиксированы в первой половине XVI в.

сказа, что будто присылалъ по него князь Борисъ братъ его, а говорить ему, чтобы съ нимъ ѣхалъ ко князю, а князь будто ему присылалъ чтобы къ нему ѣхалъ, а къ нему хотятъ будто многіе люди (НЛ, 1534, 78);

а сказалъ князю, что будто бояре великого князя ѣдутъ князя имати (НЛ, 1537, 118).

Обратим внимание на то, что в НЛ за XIV–XVI вв. *будто* используется именно как дискурсивный маркер, а не полноценный союз. Функцию показателя изъяснительной связи в указанных примерах выполняет современный союз *что*. Подробнее примеры с *будто* рассматриваются в главе IV.

3.5. Союзная прямая речь с другими формальными показателями

В НЛ прямая речь в зависимой части после изъяснительного союза встречается в двух разновидностях. К первой мы относим случаи, в которых зависимая часть целиком излагается в форме прямой речи – только этот тип контекстов мы будем называть союзной прямой речью.

Вторая разновидность – это цитации смешанного типа, когда чужое высказывание сначала цитируется по модели косвенной речи, а потом происходит сбой на прямую речь (ниже выделено пунктиром), например: *И царь с Алексіемъ къ великому князю прислалъ бакшея своего Базека з грамотою битичеломъ о томъ, чтобы князь великии пожаловалъ, взялъ съ нимъ миръ по старинѣ и дружбу, какъ было съ отцемъ его съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Руси, а посла его Михаила Кляпика съ товарищи часа отпущу, да и тѣхъ людеи, которые на бою въ наши руки попали* (НЛ, 1507, 5).

Цитации смешанного типа мы рассмотрим в главе об эволюции структуры косвенной речи. В этом разделе также исключены из рассмотрения дейктически нейтральные цитации с союзами *что* и *чтобы* – в современной системе цитирования они относятся к косвенной речи (обоснование см. в [Подлеская, 2009: 298]).

Статистика показывает, что прямая речь после современных союзов *что*, *чтобы*, а также после книжного *дабы* в НЛ за XIV–XVI вв. была довольно редким способом передачи чужой речи – см. данные в Таблице 11:

Таблица 11

Прямая речь в позиции после изъяснительного союза в НЛ за XIV–XVI вв.

	1362–1424	1425–1505	1506–1558	всего
<i>что</i>	2	4	4	10
<i>что(бы)</i>	3	2	3	8
<i>дабы</i>	0	0	1	1
<i>всего</i>	5	6	8	19

При подсчетах учтены только те примеры, в которых после изъяснительного союза следует прямая речь с соответствующими диалогическими элементами – обращениями, дейктическими отсылками, восклицаниями и пр. Как видно из Таблицы 11, в НЛ за XIV–XVI вв. союзная прямая речь после современных союзов встречается в единичных случаях, независимо от периода и типа союзного сред-

ства. Заметим, что в некоторых древнерусских летописях архаичная конструкция союзной прямой речи с *яко* была одной из самых частотных цитативных конструкций. Таким образом, по сравнению с ранними летописями, в узусе НЛ за XIV–XVI вв. наблюдается сокращение союзной прямой речи – как способ цитирования она уходит на периферию летописного узуса.

Самый ранний пример с прямой речью после современного союза *что* отмечен в самом начале XV в. – в статье 1400 г.:

и сказаше ей что брата нашего крестное цѣлованіе къ намъ сложили, а отецъ нашъ привелъ ихъ къ тому, что хотѣти имъ намъ добра (НЛ, 1400, 183).

Союзная прямая речь современного типа встречается при наиболее распространенных в XV–XVI вв. опорных предикатах *говорити* и *сказати*, а также при глаголе *писати*:

Послѣди же всѣхъ сихъ рѣчей Яковъ Коробъ говорилъ, что господине, билъ челомъ господарю великому князю...(НЛ, 1478, 176);

Они же сказаша то великому князю, что тотъ Тривизанъ посланъ къ тебѣ, великому князю, отъ дюки Венеціискаго Николы Трона съ челобитіемъ и съ поминки, чтобы ты пожаловалъ послалъ того Тривизана къ царю Болшіа Орды съ своимъ посломъ (НЛ, 1473, 152);

писал князь великій въ грамотѣ, что "по многomu прошенію брата нашего Саипъ-Гирѣя царя Крымскаго послалъ напередъ своего посла, а ты къ намъ не пошлешь своихъ пословъ добрыхъ людей" (НЛ, 1539, 128);

Архаичные опорные предикаты при союзной прямой речи с показателем *что* отмечены всего в 2 случаях в части НЛ за XV в.

Тоя же зимы мѣсяца Генваря въ 2 день Полскіи король Ягайло Олгердовичъ и Литовскіи князь велики Витовтъ Кустутъевичъ и князь Семень Лугвенъ Олгердовичъ вскинуша грамоты розметныа на Новгородъ, рекуще что были есте нанялися намъ на томъ, аще къ намъ сложатъ нѣмцы крестное целованіе и миръ и докончаніе, а вамъ было такоже къ нѣмцемъ сложити крестное целованіе и миръ и докончаніе, а съ нами быти заединъ, и мы о томъ къ вамъ посылали пановъ Немира и Ниновіа Братошича, стоите ли въ томъ словѣ (НЛ, 1413, 220);

и повѣдавъ имъ мысль свою и речи великого князя, что «кладеть на мнѣ и на васъ, моихъ дѣтехъ» (НЛ, 1472, 145).

В 2 случаях отмечен иллокутивный глагол *отвѣчати*, в древнерусский период распространенный только при прямой речи, ср.:

и князь великѣи велѣлъ имъ *отвѣчати* такъ по первому *отвѣту*, что посылали Назара да Захара, а называли есте насъ государи, и мы потому и пословъ своихъ послали въспросити васъ, какова хотите нашего гсударства, и вы того у насъ запрѣлися (НЛ, 1478, 179);

великій гсударь Василій Максимиліанову послу Жыдимонту *отвѣщаль* своими бояры, что для брата своего избраннаго цѣсаря Максимиліана с Жыхдимонтомъ королемъ польскимъ миру хотимъ, какъ намъ будетъ пригоже (НЛ, 1517, 26).

В 1 примере встретился *послати* в значении 'послать с сообщением':

и начатъ посылати къ князю Ивану съ тѣмъ, что, рекшы, царь на томъ отпустилъ великого князя, а онъ царю цѣловаль, что царю сидети на Москвѣ и на всѣхъ градахъ русскихъ и на нашихъ отчинахъ, а самъ хочетъ състи на Твери (НЛ, 1446, 67).

Специфической чертой XIV–XVI вв. являются примеры с прямой речью после целевого союза *что(бы)*¹² – в XIV–XVI вв. он представлял собой соединение союза *что* с частицей *бы* сослагательного наклонения [Булаховский, 1950: 317]. В 1 случае встретился более книжный союз *да(бы)* – он также представляет собой сочетание книжного показателя *да* и сослагательного *бы*, последний во многих случаях сохраняет согласование по числу (*да...бы*, *да...быша*).

Первые примеры с прямой речью после союзов *да(бы)* и *что(бы)* относятся к тому же периоду, что и первые примеры прямой речи после союза *что* – на ру-

¹² В древнерусских летописях примеров союзной прямой речи после целевых союзов не встречается. В современном русском языке при передаче повеления в косвенной речи нарушений в грамматических отсылках не отмечено даже за пределами строгой письменной речи. Например, фраза *Мама сказала сыну: Вынеси мусор!* при переводе в косвенную речь требует использования местоимения 3 л. *Мама сказала сыну, чтобы он вынес мусор*. Неправильно: **Мама сказала сыну, чтобы ты вынес мусор*. Таким образом, союзная прямая речь после целевых союзов – это грамматическая особенность XV–XVI вв.

беже XIV–XV вв. Обратим внимание на то, что в позиции опорного предиката наиболее ранних употреблений целевых союзов при прямой речи используются архаичные локутивные глаголы *речи* и *глаголати*:

съ любовію и миромъ отпусти рекъ ему: дабы естя вси, князи братеники, выѣхали ко мнѣ съ любовію по опасу, а что будетъ промежи васъ слово, или какова прѣя, и вы на меня съшлитесь, аки на третей, и язъ васъ право разсужу" (НЛ, 1396, 162);

И новгородскіа посадники, и тысяцкіа, и боаре весь Великіи Новѣгородъ со слезами биша челомъ господину своему Ивану владыцѣ глаголюще тако: чтобы еси, господине, великому князю Василію Дмитреевичю благословленіе и добро слово за насъ, за свои дѣти, за великіи Новѣгородъ далъ (НЛ, 1398, 169);

и паки такъ рече владыка Иванъ великому князю: чтобы еси, господине сыну княже великіи, мое благословленіе и слово добро принялъ, а съ Новгородское челобитѣе, отъ Нова бы еси города, отъ мужей волныхъ нелюбіе отложилъ, а принялъ бы еси ихъ по старинѣ (НЛ, 1398, 169);

и челомъ бѣя и глаголя, чтобы волной царь пожаловалъ, пошелъ на Московского великого князя со всею Ордою своею, а язъ отселѣ со всею землею своею (НЛ, 1471, 124).

Всего в 1 примере встретилось опорное слово *повѣствовати*:

Того же лѣта посла князь велики Василей Дмитреевичъ Московскіи за Волокъ на новгородскіа пригороды на Двину боаръ своихъ Андрѣа Албердова з дружиною и ко всей Двинской землѣ повѣствуя имъ такъ чтобы естя ялися за великого князя Василія Дмитреевича Московскаго, а отъ Новагорода бы естя отступили, а князь велики отъ Новагорода можетъ васъ боронити и стоати за васъ (НЛ, 1398, 168).

В более поздних примерах за XV–XVI вв. союзная прямая речь после целевого показателя *что(бы)* отмечена при передаче просьб и распоряжений:

Да всѣ били челомъ о томъ, чтобы въ низовъскую землю къ берегу службы намъ, новгородцемъ, не было, а которые рубежи сошлись здѣсь съ Новгородскими землями, и по своихъ государей повелѣнію мы, отчина ... ради того боронити (НЛ, 181, 1478);

Да били челомъ, "чтобы" государь пожаловалъ, далъ намъ Шигалѣя царя, занже Шигалѣй царь земли Казанской не грубилъ ничего, да лихѣ люди которого для дѣла надъ нами учинили; и инѣ" (НЛ, 1531, 55);

А писал царь въ грамотѣ, "чтобы" князь великій, нашего ради прошенія и дружбы для великыа и любовнаго братства, намъ бы ся еси въ томъ недругомъ не учинилъ, насъ ради х Казани воеводъ своихъ не посылалъ, а съ Сава-Кирѣемъ царемъ нашего ради великаго прошенія помирился" (НЛ, 1538, 122);

а правилъ к великому князю челобитіе и говорилъ отъ царя, "чтобы" похотѣлъ князь великій съ государемъ нашимъ быти въ крѣпкой дружбѣ и въ братствѣ по тому же, какъ былъ отецъ твои с отцемъ моимъ и со мною (НЛ, 1541, 134);

В одном примере прямая речь после показателя *что(бы)* содержит письменное распоряжение:

А пиша имъ, чтобы" всѣ князи земель тѣхъ и панове честниі и бисупи и вся земля, гдѣ ни придетъ царевна, стрѣчали бы есте ее и читили и кормъ давали (НЛ, 1472, 147).

Примеры из НЛ показывают, что в великорусский период допускалось употребление элементов прямой речи (мест. 1 и 2 лица, обращений) в придаточной конструкции с сослагательным наклонением. Указанные употребления становятся возможными с расширением функций и семантики сослагательного наклонения. По наблюдениям Л. А. Булаховского, в старовеликорусский период сослагательное наклонение широко использовалось не только для выражения просьб или пожеланий, но и для передачи долженствования или повеления в 3 л., см. примеры [Булаховский, 1950: 288–289]: *Чадѡ, люби мнишеский чин, и страннии пришельцы всегда бы в дому твоѡм питалися* (Домострой, 64), *Жену учи всякому страху божіѡму... и всякой порядне умела бы сама – и печи, и варити, и всякую домашнюю порядню умела* (Домострой, 64), *Чужую кровлю крой, а своя б не капала* (Старинный сборник, 2577).

В древнерусский период придаточная конструкция с сослагательным наклонением использовалась только при косвенном цитировании с регулярной заменой грамматических элементов. В старовеликорусский период замены местоимений и

других дейктических слов становятся в этой конструкции нерегулярными, появляется новая синтаксическая модель – союзная прямая речь с союзом *чтобы*. Появлению этой конструкции способствовало развитие у сослагательного наклонения в старовеликорусский период нового типа употреблений – он стал использоваться в независимой синтаксической позиции не только в оптативном значении, но и в функции косвенного побуждения [Плунгян, 2003: 319] в контекстах с прямой и союзной прямой речью.

4. Выводы: история конструкции союзной прямой речи в русских летописях XII–XVI вв.

Исследование союзной прямой речи с *такко* на материале летописей XII–XVI вв. позволило получить новые данные по нескольким темам, широко обсуждаемым в работах по проблемам передачи чужой речи:

- место союзной прямой речи среди остальных способов цитирования;
- происхождение союза *такко*, его семантика и связь с современным союзом *якобы*;
- формирование и развитие грамматических показателей субъективной модальности.

Союзная прямая речь, наряду с прямой и косвенной речью, встречается в русских летописях на протяжении всего рассматриваемого периода с XI до первой половины XVI в.

При сопоставлении формальных и семантических особенностей этой конструкции установлено, что союзная прямая речь с *такко* по-разному употреблялась в региональных летописных традициях XII–XIV вв. Различия проявляются на уровне системных корреляций с другими способами цитирования. В русских летописях XII–XIV вв. выявлено несколько систем цитирования, в зависимости от наличия/отсутствия союзной прямой речи.

1. Система с двумя основными моделями цитирования – прямой и союзной прямой речью. Особенность этой системы – абсолютный примат прямой речи над косвенной. Косвенная речь встречается непоследовательно, в единичных слу-

чаях. По структурным особенностям союзная прямая речь с **такко** занимает в этой системе промежуточное положение между прямой и косвенной речью: состав опорных предикатов этой конструкции ближе к прямой речи, союзное средство – то же, что в изъяснительных придаточных, **такко** является универсальным показателем изъяснительной связи. Союзная прямая речь частотна, при этом отмечено большое количество дейктически нейтральных контекстов с **такко**. Единичные примеры косвенной речи формально очень слабо противопоставлены союзной прямой речи – только за счет грамматических отсылок в придаточной части. Указанный тип соотношения выявлен в ПВЛ, НПЛ и ГЛ.

Система, в которой преобладают только прямая и союзная прямая речь, без развитой модели косвенной речи, встречается в языках мира, как правило, в устном дискурсе, а также в памятниках письменности с более архаичной письменной традицией [Есперсен, 1958: 348]. Как замечено в работе [Успенский, 1970: 50]: союзная прямая речь – это явление, относящееся к речи, а не к языку, продукт «случайной речевой интерференции». По мнению [Есперсен, 1958: 348], прямая речь после изъяснительного союза возникает в результате «забывчивости» человека и его неспособности сохранить неизмененную точку зрения в условиях спонтанной и неподготовленной устной речи.

Между тем союзная прямая речь с **такко**, будучи промежуточной конструкцией между прямой и косвенной речью, обладает большим потенциалом для развития субъективно-модальных значений. Локутивный предикат и элементы прямой речи позволяют повествователю сохранить экспрессивность чужой речи, изъяснительный показатель указывает на некоторую степень аналитической переработки чужого высказывания, как в случае с косвенной речью. Признаки субъективно-модальной семантики у союзной прямой речи с **такко** выявлены в ПВЛ, однако встречаются они крайне нерегулярно.

Более последовательно модальная семантика указанной конструкции проявляется в НПЛ, которая охватывает более поздний период, чем ПВЛ, – вплоть до XIV в. По типам значений союзной прямой речи НПЛ близка к КЛ и СЛ. Примеры из НПЛ интересны тем, что они являются очень некнижными – в ряде случаев встречается диалектный союз **око**, имеются примеры этой конструкции, сходные с

примерами из памятниках деловой письменности – «Русской правдой» по древнейшему списку. Можно предположить, что НПЛ отражает живые употребления союзов **іако** и **око**, которые в новгородском диалекте удерживались в узусе дольше, чем на остальной территории (свидетельства этого имеются в берестяных грамотах, см. [Зализняк, 2004: 260]).

Особое место занимает ГЛ – надежных признаков субъективно-модальных значений у этой конструкции почти не встречается, в некоторых случаях они исключены. Способы цитирования в ГЛ, как и некоторые другие грамматические элементы, имеют черты намеренного «окнижнения» – последовательной ориентации на книжные тексты. Можно предположить, что союзная прямая речь используется в ГЛ в большом количестве как особый признак книжности – более архаичный и престижный.

2. Система с тремя регулярными моделями цитирования – прямая речь, союзная прямая речь с іако, косвенная речь, построенная по модели с союзами вже и аже. Особенность этой системы – четкая противопоставленность способов цитирования.

В этой системе союзная прямая речь с **іако** и косвенная речь формально отчетливо различаются за счет использования разных союзных средств (**іако** vs **вже**, **аже**), разных типов опорных предикатов – локутивные при союзной прямой речи, реферативные при косвенной. Косвенная речь встречается значительно чаще, чем союзная прямая речь с **іако**. Формально они представляют собой две разные модели цитирования с разными функциями. Косвенная речь используется для передачи аналитически переработанного высказывания и встречается часто. Союзная прямая речь с **іако** используется для семантически более сложного вида цитирования: с её помощью передается не только пропозиция чужого высказывания, но и отношение повествователя к содержанию или источнику цитируемого сообщения – эвиденциальные и эпистемические значения, дистанцирование. Семантика конструкции последовательно коррелирует с типом дейктических отсылок – союзная прямая речь выражает дистанцирование, нейтральные контексты – эвиденциальную семантику. Союз **іако** имеет довольно узкую сферу употребления в косвенной речи – как показатель эпистемической модальности, неуверенности в истинности цитируемой

пропозиции. Цитации с **яко** встречаются редко, но регулярно. Система с противопоставлением союзной прямой речи и косвенной наблюдается в КЛ и СЛ.

Употребления союзной прямой речи с **яко** в КЛ и СЛ – это яркий пример того, как союзная прямая речь из «факта речи» становится «фактом языка» – специализированной цитативной конструкцией для выражения субъективно-модальных значений. Между тем «разговорные» примеры союзной прямой речи, возникшей в результате нарушений проекции косвенной речи, также встречаются – это единичные случаи, в которых прямая речь появляется после союза **ажѣ**, маркера косвенной речи.

3. Система с двумя синтаксическими моделями цитирования – прямой и косвенной речью с изъяснительным союзом *уже* (*ажѣ*), без «промежуточной» конструкции союзной прямой речи. Субъективно-модальные значения выражаются морфологическими средствами – формами сослагательного наклонения в придаточной части. Система указанного типа выявлена в ВЛ. По сравнению с системами 1 и 2, система 3 типологически наиболее близка способам цитирования в современном русском литературном языке.

Система способов цитирования в НЛ за XIV–XVI вв., общерусском летописном своде, сохраняет, с одной стороны, преемственность по отношению к традиции передачи чужой речи в КЛ и СЛ, с другой стороны, отражает новые тенденции, обусловившие переход к современным моделям цитирования.

В первую очередь отметим те черты, которые являются общими для древнерусского и великорусского периодов. Во-первых, в НЛ за XIV–XVI вв., как и в древнерусских летописях, сохраняются две синтаксические модели, противопоставленные за счет союзных маркеров: нейтральная косвенная речь с союзом *что* и модально-осложненная конструкция с союзом *яко*. В НЛ за XIV–XVI вв. отмечены те же семантические типы контекстов с цитативным *яко*, что и в древнерусских летописях: при союзной прямой речи этот союз маркирует дистанцирование, при дейктически неохарактеризованных контекстах – эвиденциальность, при косвенной речи –недостоверность, относящуюся к полю эпистемической модальности. Во-вторых, союзная прямая речь, как в КЛ и СЛ, в НЛ за XIV–XVI вв. бывает двух ти-

пов: в составе субъективно-модальной конструкции с союзом *яко* и как «явление речи» после союза *что* – в последнем случае союзная прямая речь возникает в результате нарушения дейктической проекции в придаточной части и не имеет регулярного модального значения, хотя и является более экспрессивной конструкцией, чем аналитическая косвенная речь.

Новые тенденции в системе способов цитирования в НЛ за XIV–XVI вв. являются продолжением процессов, отмеченных в ВЛ: в XIV–XVI вв. вырабатывается универсальный современный показатель изъяснительной связи *что* (в ВЛ *уже* или *ажѣ*), развиваются морфологические и лексические средства маркирования субъективно-модальных значений. К XVI в. союз *яко* постепенно выходит из употребления: в части НЛ за первую половину XVI вв. он регулярно отмечен только в эвиденциальных контекстах со значением пересказывательности (*говорили, что*). В контекстах с эпистемическими значениями в XVI в. появляется современный маркер *будто*, который в этот период употребляется всегда после союза *что* – союзная связь в изъяснительном предложении становится более дифференцированной: союз *что* маркирует изъяснительные отношения, частица *будто* – модальное значение недоверности. С середины XV в. в НЛ получает распространение частица-ксенопоказатель *де*, которую относят к маркерам дистанцирования. Таким образом, в НЛ за XV–XVI вв. отмечена тенденция к более четкому грамматическому различению разных типов субъективно-модальных значений: если в древнерусский период *яко* использовался как многозначный союз, который выражал, в зависимости от синтаксического окружения, разные типы субъективной модальности, то в старовеликорусский период появляются отдельные дискурсивные маркеры для каждого типа значений: в части за XVI в. *яко* маркирует эвиденциальность, *будто* – эпистемическую модальность, *де* – дистанцирование.

По соотношению архаичных и новых черт в системе способов цитирования исследованная часть НЛ за XIV–XVI в. отчетливо разделяется на две части. В части за вторую половину XIV до второй половины XV в. сохраняется преемственность с древнерусскими летописными традициями КЛ и СЛ: наряду с косвенной речью, регулярно фиксируются модально-осложненные цитации с *яко* в тех же значениях, что и в ранний период. Новые тенденции наиболее отчетливо проявляются в части

НЛ со второй половины XV до середины XVI в.: сокращается количество примеров с *яко*, сужается сфера употребления этого союза, появляются современные маркеры субъективной модальности *будто* и *де*.

Отметим, что современный союз *якобы*, этимологически родственный древнерусскому *яко*, в НЛ за XIV–XVI вв. ещё не встречается. Данные письменных памятников показывают, что *якобы* появляется значительно позже, чем *будто*, наиболее ранний пример отмечен в Повести о Фроле Скобееве XVII–XVIII в.: *И сказала Аннушке, под видом другим того дому служителей, яко бы прислала тет-ка по нея из монастыря* (пример цитируется по работе [Молотков, 1956: 132–133]). *Якобы* возникает с появлением нового морфологического способа маркирования субъективно-модальных значений – формы сослагательного наклонения (*говорили, будто бы/якобы X сделал Y*). Таким образом, в поздний период истории русского языка проявилась тенденция, сходная с той, что наблюдалась в ВЛ XIII в.: для передачи субъективно-модальных значений в придаточной части используется форма сослагательного наклонения.

ГЛАВА III. Конструкции косвенного цитирования в летописях XII–XVI вв.

1. К проблеме формирования конструкций косвенного цитирования в русском языке

Косвенная речь, наряду с прямой, является категорией не только грамматики, но и дискурса [Падучева, 1996: 335–336; Collins, 1996: 21–23].

Как категории дискурса, прямая и косвенная речь представляют собой две основные стратегии встраивания чужого высказывания в нарратив. При прямой речи повествователь стремится к так называемой ”дословной передаче”, вставляя чужую речь как синтаксически автономный эпизод со своим внутренним сюжетом. При косвенной речи чужое высказывание подвергается аналитической переработке в соответствии с целями и особенностями нарратива. Впервые различия между прямой и косвенной речью как категориями повествования описаны в работе [Волошинов, 1930: 112, 117] – указанное противопоставление довольно часто обозначают латинскими терминами *oratio recta* и *oratio obliqua* [Есперсен, 1958: 338], *de dicto* и *de re* [Coulmas, 1986: 1]. Сопоставляя стратегии цитирования, можно сказать, что целью использования прямой речи при цитировании является передача текста «**как** было сказано», а косвенной речи – смысла «**что** было сказано» (о различиях в стратегиях передачи чужой речи см. также [Подлесская, 2009: 292]).

Как грамматическая категория косвенная речь представляет собой набор правил грамматической адаптации чужой речи в соответствии с синтаксическими условиями нарратива. Подробно они описаны в работах [Есперсен, 1958: 340–346; Падучева, 1996: 343]:

- 1) вставляется подчинительный союз, чужая речь и повествование соединяются в один текст;
- 2) в языках с «согласованием времен» происходит согласование времен и наклонений;
- 3) перестраиваются дейктические отсылки – дейктические местоимения, наречия места, времени и т. д. заменяются на анафорические;
- 4) экспрессивно-диалогические элементы в косвенную речь не переводятся.

В устной речи и художественной литературе не все из указанных правил последовательно соблюдаются: различные отступления от правил приводят к разнообразию синтакстических моделей цитирования [Волошинов, 1930: 312]. Наглядным примером «промежуточной» цитативной конструкции является союзная прямая речь, рассмотренная в Главе 2. В письменной речи прямое и косвенное цитирование регулируются правилами орфографии и пунктуации [Валгина, 2000: 210], подробнее о семантике кавычек см. [Зализняк Анна А., 2007]. Наиболее последовательно правила косвенной речи соблюдаются в кодифицированной письменной речи и традиционном нарративе [Есперсен, 1958; Падучева, 1996: 343].

В современном русском литературном языке косвенная речь представляет собой придаточные предложения изъяснительного типа с союзами *что* и *чтобы*, где слова автора – это главная часть, а чужая речь – придаточная часть сложноподчиненной структуры, при передаче чужой речи этим способом происходит сообщение только содержания чужой речи, без сохранения её структурных и всех лексических особенностей [Крылова и др., 1997: 237]. В косвенной речи могут быть переданы субъективно-модальные компоненты, выражающие отношение повествователя к чужой речи, – при помощи специальных союзных средств *будто*, *якобы*, *как* и пр. (полный список см. в [Русская грамматика, 1980, II: §2804]).

Отличительная особенность косвенного цитирования в русском языке – отсутствие классического «согласования времен». В русском языке представлено относительное употребление временных форм: в придаточной части используются формы настоящего-будущего и прошедших времен с точки зрения субъекта, чью речь (мысли) передает повествователь [Бондарко, 1971: 113–115]. Указанная закономерность в употреблении глагольных форм встречается не только при передаче чужой речи, но и при передаче мысли, чувства, восприятия – любой установки [Пешковский, 1938: 431–432; Costello, 1961: 489–496].

Вопрос о степени грамматической развитости косвенного цитирования в современном русском языке был впервые поставлен в работе [Пешковский, 1938: 431–432]. На основании того, что в русском языке классическое «согласование времен» отсутствует, а различного рода нарушения правил косвенной речи встречаются достаточно часто, среди исследователей сложилось представление о «безусловном примате прямой речи в русском языке» и неразвитости признаков кос-

венной речи [Волошинов, 1930: 125], ср. выводы [Пешковский, 1938: 431–432]: «разграничение прямой и косвенной речи находится у нас на самой ранней стадии развития».

В работах по лингвистической типологии показано, что степень грамматической противопоставленности прямой и косвенной речи значительно варьируется в языках мира, при этом прямая речь относится к языковым универсалиям, а косвенная нет: известны языки, в которых косвенная речь отсутствует (см. [Li, 1986: 39–40]). Исследования по психолингвистике показали, что в тех языках, в которых модели косвенной речи развиты, овладение ими происходит значительно позднее, чем прямой речью [Romaine, Lange, 1991: 268; Подлесская, 2009: 298].

Исследователи не раз отмечали корреляцию между грамматической развитостью косвенной речи и эволюцией повествовательных форм в литературной традиции [Волошинов, 1930: 148–150; Есперсен, 1958: 348–349; Падучева, 1996: 353]. Косвенная речь как форма повествования наиболее всего соответствует целям и особенностям традиционного нарратива – рассказу о некоторых событиях, в котором порядок появления ситуаций в тексте соответствует их хронологическому порядку появления в действительности (определение нарратива по В. Лабову цитируется по [Падучева, 1996: 337; Плунгян, 2008а: 16]). Отметим, что в истории русского литературного языка традиционный нарратив складывается с появлением летописания в XI вв.

Вопреки сложившимся представлениям о неразвитости косвенной речи в русском языке, исследования по исторической грамматике свидетельствуют о том, что первые примеры косвенного цитирования зафиксированы уже в древнейших русских памятниках [Лопатина, 1979: 437]. В некоторых летописях XII–XIV вв. косвенная речь, построенная в соответствии с грамматическим «правилом» О. Есперсена, уже широко представлена – она оформлена по модели других изъяснительных предложений со специфической последовательностью временных форм – см. данные по КЛ и СЛ в работе [Шевелева, 2009: 145–150].

Исследованные нами летописи XII–XVI вв. содержат обширный материал, позволяющий не только проследить основные этапы формирования косвенной речи в истории русского языка, но и получить новые данные об истории этого процесса. Вопреки сложившей в научной литературе традиции рассматривать историю кос-

венной речи исключительно как историю изъяснительного предложения с предикатом в финитной форме [Лопатина, 1979; Отин, 1969], в этом разделе предметом исследования стали также модально-осложненные конструкции, которые использовались для аналитической передачи чужого высказывания.

В летописном узусе XII–XVI вв. выявлено 3 типа сложноподчиненных предложений, регулярно используемых для передачи содержания чужого высказывания:

- косвенная речь

и приде Ѣтославоу вѣсть уже Изаславъ Мьстислаличъ пришесть и горо^а его вѣзати и вса яже в немъ Ѣтославе (КЛ, 1146, 123);

- придаточная инфинитивная конструкция с модальным оттенком долженствования

и на томъ хрѣтъ чѣтъныи цѣловаста яко не разлѣчити има ни въ добръ ни въ злѣ но по ѡдному мѣсту бѣти (КЛ, 1150, 152);

- конструкция с сослагательным наклонением, выражающим волеизъявление

молашеть бо сѣа своего со слезами авы ихъ ѡину^д не искоренилъ (КЛ, 1173, 200).

Исследование показывает, что современная модель косвенного цитирования с союзом *что* возникает в процессе перестройки и постепенной унификации указанных синтаксических конструкций.

В настоящем исследовании используется традиционное для грамматических описаний понимание косвенной речи – это синтаксически организованная чужая речь, оформленная по принципу изъяснительной связи и вмещенная в синтаксические рамки придаточного предложения [Русская грамматика, 1980: §2804].

Существует традиция употребления термина косвенная речь в широком смысле для обозначения всех типов изъяснительных предложений, в которых передается установка – речь, а также чьи-то чувства, мысли, расчеты, ожидания, опасения и т. д. [Пешковский, 1938: 431]. Косвенная речь и указанные типы предложений в современном русском языке построены по одной синтаксической модели: после глаголов знания и восприятия (например, *слышать, видеть, думать* и пр.),

как и после глаголов речи, используется союз *что*, в придаточной части преобладает относительное употребление времен – темпоральные формы интерпретируются относительно точки зрения субъекта пропозициональной установки [Бондарко, 1971: 113–115].

В данном разделе основное внимание уделено косвенной речи в узком смысле: подробно рассматривается история изъяснительных предложений, используемых для передачи чужого высказывания. Для выявления некоторых специфических особенностей в формировании косвенной речи привлекаются придаточные предложения с опорными предикатами знания и восприятия (**слышати, видѣти** и пр.) [Бондарко, 1971: 113–115]. Во-первых, уже в ранний период предложения указанного типа и косвенная речь имели общие грамматические черты – союзные средства и относительное употребление времен [Шевелева, 2009: 150]. Во-вторых, в летописях встречаются смежные случаи, в которых опорный предикат обозначает одновременно сентенциальный и иллокутивный акт – для таких примеров выделение косвенной речи из группы изъяснительных предложений проблематично, например, контексты с опорными словами **винити** ‘осуждать’ (**а Давыда винить про Витевьскъ аже...**), **капати съ** ‘(а **казъ съ каю_того... шже**)’ – подробнее указанные примеры рассматриваются в Главе I.

Таким образом, в этом разделе различаются несколько терминов. Термин «косвенная речь» употребляется в узком понимании для обозначения разновидности изъяснительного предложения, передающего содержание чужой речи. Термин «косвенное цитирование» применяется ко всем сложноподчиненным конструкциям (косвенная речь, инфинитивная и оптативная конструкции), которые используются для аналитической передачи чужой речи и соответствуют правилу грамматических замен – с анафорическими элементами в зависимой части. Контекст, содержащий конструкцию косвенного цитирования, называется «косвенной цитацией».

2. Структурные особенности косвенной речи в древнерусских летописях

Древнерусские летописи XII–XIV вв. отражают разные стадии развития косвенной речи, в зависимости от того, насколько последовательно выдерживаются следующие критерии:

- регулярность замены личных форм на анафорические в придаточной части;
- отсутствие сбоев в дейктической проекции – немотивированных и немаркированных переходов от косвенного цитирования к прямой речи;
- синтаксический порядок использования глагольных форм времени и наклонения в придаточной части.

Ранее исследователи отмечали, что древнерусские летописи значительно различаются по степени грамматической развитости в них косвенного цитирования. В КЛ и СЛ отмечена косвенная речь, построенная по той же модели, что и предложения с опорными предикатами знания и восприятия [Шевелева, 2009: 145–150]. В ПВЛ, напротив, грамматическое разграничение прямой и косвенной речи нередко затруднительно [Гиппиус, 2001: 179]. Рассмотрим, насколько последовательно и регулярно грамматические признаки косвенной речи выдерживались в исследованных нами древнерусских летописях.

2.1. Анафорические отсылки как признак косвенной речи

Из основных признаков косвенной речи в древнерусский период наиболее надежны анафорические местоимения и личные формы глагола 3 л., отсылающие к субъектам действия опорной предикации. В данном разделе поставлена задача выяснить, насколько регулярно в придаточной части при глаголах речи используются анафорические отсылки – признак синтаксического подчинения. Для решения поставленной задачи проанализированы контексты с чужой речью трех типов:

- надежные примеры с косвенной речью (КР) – в придаточной части использованы анафорические отсылки (выделены пунктиром):

прииде же вѣсть к Ѡлгови яко сторожеве его изоманѣ (ПВЛ, 1096, 87);

- дейктически нейтральные контексты (ДН) – в придаточной части отсутствуют грамматические отсылки:

и бѣвши^м имѣ въ Оуѣска (sic! У Карамзина у Ожѣска (на Окѣ)) бѣ^с имѣ вѣсть уже вѣшелъ из Рязани Романъ Игоревичъ с полко^м и бѣтѣся с лоденикы оу Ѡлгова (СЛ, 1207, 146 об.);

- союзная прямая речь (СПР) – в придаточной части представлены элементы прямой речи (выделены пуктиром):

привѣже к немуѹ Половчинѹ его именемъ Актан рекыи яко Батыи воро-
тилъсѧ есть изо Оугорѹ и Ѡрадиѹ есть на та два богатырѧ возискати тебе
Манѹмана и Балаа (ГЛ, 1241, 267 об.).

Развитое грамматическое подчинение предполагает, что количество надежных примеров с косвенной речью больше, чем количество примеров с союзной прямой речью, т. е. КР > СПР [Преображенская, 1991: 107]. В системе, в которой конструкции гипотаксиса находятся в стадии формирования, ситуация обратная: контексты с союзной прямой речью преобладают над косвенной речью, СПР > КР [Есперсен, 1958: 343, 348].

Количественное сопоставление указанных типов контекстов показывает, что в древнерусских летописях представлены системы обоих типов – точные данные см. в Таблице 1:

Таблица 1

Соотношение дейктически охарактеризованных и неохарактеризованных
контекстов с чужой речью древнерусских летописях

	Союзная прямая речь (СПР)		Дейктически нейтр. (ДН)		Косвенная речь (КР)	
ПВЛ	45	57,0%	30	38,0%	4	5,1%
КЛ	10	9,6%	55	52,9%	39	37,5%
ГЛ	43	64,2%	17	25,4%	7	10,4%
ВЛ	0	0%	9	69,2%	4	30,8%
СЛ	4	17,4%	15	65,2%	4	17,4%
НПЛ ст.	7	46,7%	8	53,3%	0	0%

Статистика показывает, что в исследованных летописях встречается три типа соотношения:

- 1) Тип СПР > ДН > КР представлен в летописях с более книжной и архаичной традицией – в ПВЛ и ГЛ;
- 2) Тип ДН > КР ≥ СПР отмечен в КЛ, а также близких ей СЛ и ВЛ;

3) В НПЛ ст. косвенная речь отсутствует, ДН≈СПР.

Таким образом, если рассматривать регулярность использования анафорических отсылок как основной признак косвенной речи, то наиболее прогрессивная ситуация наблюдается в КЛ, СЛ и ВЛ, между которыми выявлено много общих черт. В ВЛ противопоставление косвенного цитирования прямой речи реализовано наиболее последовательно – в этой системе отсутствует СПР. Более архаичная ситуация отмечена в НПЛ ст. и ПВЛ – здесь надежных примеров косвенной речи почти нет. Система, отраженная в ГЛ, близка ПВЛ: количество косвенной речи в ГЛ чуть выше, чем в ПВЛ, однако все ещё незначительно, несмотря на хронологическую разницу.

По количеству «маркированной» косвенной речи в процентном выражении древнерусские летописи образуют неоднородную группу: их можно расположить на шкале, крайними точками которой являются НПЛ ст. и КЛ.

Коэффициент косвенной речи с надежными анафорическими элементами

НПЛ ст.	ПВЛ	ГЛ	СЛ	ВЛ	КЛ
0%	5%	10%	17%	31%	38%

Интересная закономерность выявлена при сравнении количества дейктически нейтральных контекстов в летописях (ДН): в летописях с большим количеством косвенной речи – в КЛ, СЛ и ВЛ, неохарактеризованных контекстов тоже много (> 50%), в летописях, в которых надежных примеров косвенной речи почти нет (ГЛ и ПВЛ), неохарактеризованных контекстов мало – см. данные ГЛ и ПВЛ:

ГЛ	ПВЛ	НПЛ ст.	КЛ	СЛ	ВЛ
25%	38%	53%	53%	65%	69%

Интересно, что по количеству нейтральных контекстов НПЛ ст. оказывается ближе КЛ, по количеству косвенной речи – ПВЛ. Таким образом, НПЛ ст. занимает промежуточное положение между архаичной системой и более развитой системой цитирования в XII в.

Для нейтральных контекстов существует проблема определения типа цитации – считать их союзной прямой речью или косвенной речью. В настоящем исследовании решающее значение придается типу союзного средства.

В ПВЛ, НПЛ и ГЛ, в которых надежных примеров косвенной речи почти не встречается, все неохарактеризованные цитации с союзом рассмотрены как разновидность количественно преобладающей конструкции *jako recitativum* – без обязательной замены отсылок чужой речи после союза **іако**.

В КЛ и СЛ нейтральные цитации с **іако** рассмотрены как *jako recitativum*, нейтральные контексты с **оже** или **аже** – как косвенная речь, поскольку косвенная речь и союзная прямая речь в указанных летописях грамматически противопоставлены, ср.:

рекоша же <u>ако</u> в тоу рать вежѣ и кони	и бы ^ѣ вѣсть Стѣславѣ <u>уже</u> Изяславѣ
скоти мнози потопли соутъ	бродитса чересъ Десну а Половци во-
(КЛ, 1183, 220 об.)	юють (КЛ, 1150, 181 об.)

Особенности нейтральных контекстов с **іако** рассмотрены в главе II, в данной же главе к косвенной речи относятся только те нейтральные контексты, в которых используются союзы **оже** и **аже**.

2.2. Изъяснительный союз как грамматический маркер косвенной речи

В древнерусских летописях используется 4 изъяснительных союза – **уже**, **аже**, **іако** и **како** [Борковский, Кузнецов, 1963: 483; Шевелева, 2009: 145–150].

Ранее всего в церковнославянских памятниках письменности, а также в древнерусских летописях появляется изъяснительный союз **іако** [Вайан, 1952: 407; Истрина, 1923: 40]. До недавнего времени считалось, что **іако** был исключительно книжным: эта точка зрения представлена в работах [Обнорский, 1946: 68, 69; Борковский, Кузнецов, 1963: 483] и др.

Между тем имеются данные, указывающие на то, что **іако** употреблялся и в живой речи. Этот союз отмечен в берестяных грамотах бытового содержания [За-

лизняк, 2004: 393]. Из не книжных употреблений **іако** наибольший интерес представляет грамота № 752, в которой он встретился в изъяснительной функции: **а товѣ вѣдѣ ако есть не годѣнъ**, букв. ‘а тебе я знаю, что не любо’, где **вѣдѣ** – восточнослав. форма 1 ед. наст. от нетематического глагола **вѣдѣти** [Зализняк, 2004: 249–251]. Этимологически родственные **іако** союзы *ак, як* встречаются в современных северно-русских и западных говорах, а также в других восточнославянских языках – украинском и белорусском, при этом наблюдается тенденция сближения их семантики с совр. союзом *как* [АОС, 1: 64; Добровольский, 1914: 1019; Зализняк, 2004: 393]. Сохранение следов **іако** в современных диалектах, использование *якобы* при цитировании в совр. русском и польском языках, большое количество не книжных цитаций с **іако** при прямой речи в древнерусских летописях (подробнее в Главе II) свидетельствуют о том, что **іако** мог быть принадлежностью не только книжного, но и живого узуса.

Изъяснительное значение у древнерусских союзов **ѡже** (ст.-сл. **ѣже**) и **аже** развивается, по-видимому, позднее, чем у **іако**: в раннедревнерусский период **ѡже** и **аже** чаще всего фиксируются в функции условных союзов [Гиппиус, 2006: 173–174]. В памятниках XII в. союзы **оже**, а затем и **аже** начинают употребляться как показатели изъяснительной связи [Булаховский, 1950: 310; Преображенская, 1991: 163]. К концу XIV в. в большей части говоров Центра и северо-западной диалектной зоны изъяснительные союзы **оже** и **аже** утрачиваются – в этот период получает распространение современный союз *что* [Борковский, Кузнецов, 1963: 482]. В псковских говорах **аже** употреблялся дольше, чем на остальной территории, – вплоть до XV в., ср. пример из Псковской 3-ей летописи [ПОС, 1: 52]: *И Трофимъ на Москву приехалъ месяца августа въ 1, аже князь великои всь посполу съ братьею и съ князи и съ всею силою стоитъ у Коломны, а толко до его за одинъ день въ само заговение вышель* (Строевск., 1472, 51). Отметим, что изъяснительные союзы, образованные ещё в дописьменную эпоху при помощи частицы *же* (ст.-сл. **ѣже**, др.-рус. **оже**), в настоящий момент сохранились как показатели косвенной речи в западнославянских языках: в чешском, польском и словацком до сих пор употребля-

ется изъяснительный союз *же*, этимологически родственный древнерусским союзам *ажѣ* и *оже* [Мистрик, 1985: 108; Широкова, 1961: 256].

Союз *како* в древнерусских текстах, как правило, встречается в значении носительного слова ‘каким образом’, но в ряде случаев он отмечен и в изъяснительной функции – главным образом в новгородских памятниках [Срезн. I: 1180], а также в более поздних грамотах XIII–XIV вв., ср.: *ты самъ ведаешъ, какъ то не тако есть миръ доконцанъ* ‘ты сам знаешь, что не так мир заключен’ [Зализняк, 1981: 100–101].

Прежде чем перейти к описанию диахронических изменений в употреблении изъяснительных союзов, укажем на некоторые структурные особенности, с ними связанные.

Во-первых, изъяснительный союз был обязательным элементом структуры косвенной речи. Исключением можно считать 1 пример из ВЛ, однако и он не вполне надежен, поскольку в зависимой части отсутствуют анафорические отсылки:

Володимеръ же бѣ назадѣ стоа оу города своимъ полкомъ и начаша емоу повѣдати всѣкъ во лѣсѣ полнъ люди и товара не взиманъ во бѣ некоторою же ратью зане твердъ баше велми (ВЛ, 1280, 293).

За исключением указанного примера конца XIII в. в древнерусских летописях бессоюзные конструкции косвенной речи не употреблялись.

Значительно реже, чем в современном русском языке, использовались союзные слова. Союз *како*, который в позднерусский период используется как изъяснительный союз (см. ниже раздел про инфинитивные конструкции), при косвенной речи отмечен только в функции союзного слова ‘каким образом’ – корреляций со степенью книжности или диалектными особенностями источников у этого союза не выявлено, ср. примеры из КЛ и СЛ:

Изяславъ же пришедъ къ Киеву и посла къ брату своему Ростиславу Смоленску и повѣда ему како сѣ с королемъ видилъ въ здорovyи и како Бѣ пособилъ има побѣдити (КЛ, 1152, 163 об.–164), ‘...и рассказал ему, как виделся с королем в добром здравии и как Бог помог им победить’;

и повѣда имъ како бѣ жали ѿ града (СЛ, 1187, 136), ‘и рассказал им, как бежали от города’.

Таким образом, при косвенной речи **како** в функции нейтрального по семантике изъяснительного союза в древнерусских летописях не встречается.

В этом разделе мы рассмотрим только те союзы, которые использовались исключительно как маркеры изъяснительной связи – **іако**, **оже** и **ажє**. Поскольку **оже** и **ажє** – это этимологически родственные союзы, далее они называются же-союзами в тех случаях, когда речь идет про их общие синтаксические свойства и позиции.

Частотность древнерусских изъяснительных союзов указана в Таблице 2 – при подсчетах рассматривался широкий круг изъяснительных предложений как при глаголах речи, так и при прочих глаголах установки:

Таблица 2

Союзы в изъяснительных предложениях

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ ст.	всего
іако	59	16	50	1	15	9	150
оже	6	135	2	43	61	6	253
ажє	0	16	0	0	3	2	21
всего	65	167	52	44	79	17	424

Из Таблицы 2 видно следующее распределение изъяснительных союзов:

- союз **іако** решительно преобладает в летописях с более архаичной традицией – в ПВЛ и ГЛ, в которых косвенная речь встречается крайне редко, союз **оже** в указанных источниках отмечен в единичных случаях, а **ажє** отсутствует;

- модель с же-союзами получила распространение в КЛ, СЛ и ВЛ, в которых косвенная речь употребляется регулярно, союз **іако** здесь имеет ограниченную сферу употребления (КЛ и СЛ) или же вовсе не отмечен (ВЛ);

- в НПЛ ст., в которой косвенной речи нет, преобладает **іако**, как в ПВЛ и ГЛ, чуть реже встречается **оже** и в единичных случаях **ажє**, как в южнорусской традиции. Таким образом, выявлена корреляция между тем, какой изъяснительный

союз используется в летописи, и степенью грамматической развитости косвенной речи. В ПВЛ и ГЛ, летописях более книжной ориентации, решительно преобладает союз **такѡ** – здесь косвенная речь грамматически слабо отличается от союзной прямой речи. В источниках, в которых более частотны *же*-союзы, косвенное цитирование грамматически четко противопоставлено прямой и союзной прямой речи.

Конкуренция моделей с союзами **такѡ** и **оже/ажѣ** в процессе формирования косвенной речи

Древнерусские летописи позволяют проследить динамику распространения модели изъяснительного предложения с *же*-союзами в летописях с разной степенью грамматической развитости косвенной речи. Для выявления системных особенностей и направлений диахронических процессов косвенная речь рассматривается в сопоставлении с семантическими смежными изъяснительными предложениями – придаточными при опорных предикатах знания и восприятия (**оувѣдати**, **оуслышати**, **видѣти** и др.), с одной стороны, и цитациями с союзной прямой речи – с другой. Исследование показывает, что формирование косвенной речи происходило в результате распространения модели с изъяснительными союзами **оже** и **ажѣ** и сопровождалось сужением сферы употребления изъяснительного **такѡ** вплоть до полной его утраты. Исследованные древнерусские летописи отражают разные стадии указанных процессов.

1. Памятники с грамматически слабым противопоставлением прямой и косвенной речи (Повесть временных лет и Галицкая летопись)

Для целей данного исследования значимым текстологическим «швом» в ПВЛ является статья 1091-ого г., разделяющая Начальную летопись до 1090-х гг., и последующие погодные записи рубежа XI–XII вв. Древнейшая часть ПВЛ отличается более архаичной синтаксической организацией с преобладанием паратаксиса, в части после 1091 г. наблюдается бóльшее разнообразие синтаксических конструкций, подробнее см. [Гиппиус, 2001: 179; Гиппиус, 2008: 3]. Исследование по-

казало, что между указанными частями также имеются различия в способах передачи чужой речи и маркировании изъяснительной связи.

В древнейшей части ПВЛ до 1090-х гг., восходящей к Начальной летописи, представлена система, в которой союз **іако** является основным показателем изъяснительной связи, независимо от типа конструкции. Этот союз используется как при предложениях с опорными предикатами знания и восприятия, так и контекстах с чужой речью – основные типы употреблений и их соотношение представлено в Таблице 3:

Таблица 3

Употребления союза **іако** при цитировании

Тип контекста	Количество примеров
Предложения с чужой речью, в том числе:	
– союзная прямая речь и посла къ Ѧсколдѹ и Дирѹ гл҃а іако гостѣ єсмы идемъ въ Грѣкы ѿ Ѡлга (ПВЛ, 882, 9 об.)	64
– нейтральные контексты: повѣдаша ємѹ іако Ѡлегъ оузвратилъсѧ єсть (ПВЛ, 1096, 87);	23
Предложения знания и восприятия и оувидѣ Ѡлгъ іако Ѡсколдъ и Дирѣъ кнѣжита (ПВЛ, 882, 9 об.)	56

Важно, что среди контекстов с чужой речью до 1090-х гг. полностью отсутствует косвенная речь. Союз **іако** в этой системе используется как своего рода формальный маркер границы плана повествования и плана чужой речи, он указывает на смысловую связь частей, однако не предполагает грамматической трансформации. По наблюдениям исследователей, система с большим количеством союзной прямой речи, но «без косвенной речи» свойственна языкам с ранней письменной традицией [Есперсен, 1958: 349].

Заключительная часть ПВЛ (с 1090-х гг.) для данного исследования интересна тем, что отражает самые ранние признаки формирования косвенной речи.

Во-первых, в части ПВЛ 1090-х гг. фиксируются первые примеры косвенной речи – цитации с анафорическими отсылками после союза **ѡако**:

прииде же вѣсть к ѡлгови ѡако сторожеве его изомманѣ (ПВЛ, 1096, 87);

мнѡ ѡако вбогасѡ его (ПВЛ, 1096, 87 об.).

Во-вторых, в статьях 1090-х гг. появляются первые употребления модели с союзом **оже**. Почти все они отмечены в рассказе об ослеплении Василька Теребовльского под 1097 г. и имеют общие чтения в Ипатьевском и Лаврентьевском списках:

се слышѹ уже идеть Володимерь и Отополкъ на Дѣда (ПВЛ, 1097, 91; Лавр. 1097, 89 об.);

се азъ слышю уже мѡ хочеть Дѣд давати Лѡхомъ (ПВЛ, 1097, 91; Лавр. 1097, 89 об.);

и ради сѹтъ уже межи нами рать до нѣѣ ѡселѣ имѣмьсѡ (ПВЛ, 1097, 88; Лавр. 1097, 86 об.).

В одном примере изъяснительный **уже** встретился в статье 1111 г.:

но се дивно мѡ брате уже смердовъ жалѹете и ихъ конии а сего не помышляюще уже на веснѹ начнеть смердъ тотъ врати лошадыю тою и приѣхавъ Половчинъ оударить смерда стрѣлою и поиметь лошадыкѹ и жонѹ его и дѣти его и гѹмно его зажжеть (ПВЛ, 1111, 99; ПВЛ-Л, 1103, 97 об.).

Отдельно отметим употребление изъяснительного **уже** в тексте договора с греками, который помещен под 945 г.:

и от тѣхъ оувѣмы и мы уже съ миромъ приходѡтъ (ПВЛ, 945, 19; Лавр. 945, 12).

В научной литературе не раз высказывались предположения о том, что тексты договоров Руси с греками в ПВЛ, в том числе под 945 г., были вставлены в текст на позднем этапе редактирования летописи (подробнее об этой проблематике см. [Хабургаев, 1994: 158–160; Шахматов, 1908: 100–103; Успенский, 2002: 39;

Истрин, 1925: 389–391; Якубинский, 1953: 89–91]). Союз **ѡже**, распространившийся в изъяснительной функции только в памятниках XII–XIII в., в тексте договора 945 г., возможно, является признаком поздней редакторской правки на рубеже XI–XII вв.

Рассмотренные примеры показывают, что сфера употребления изъяснительного союза **ѡже** в поздней части ПВЛ довольно узкая – только в предложениях при предикатах восприятия (**слышати**, **ѹвѣдати**) и эмоциональной реакции (**радѣ**, **дивѣно**). Важно, что при передаче чужой речи **ѡже** ещё не используется – на тех же участках текста ПВЛ при цитациях отмечен исключительно союз **ѡко**:

но се повѣдаю ти по истинѣ ѡко наведе на мѧ Бѣ за мое оузвышенѣ ѡко приде ми вѣсть ѡко идуть ко мнѣ Бореньдичи и Печенѣзи и Торци (ПВЛ, 1097, 91).

Таким образом, данные ПВЛ имеют важное значение для истории формирования косвенной речи. В древнейшей части, возводимой к Начальной летописи, отражена архаичная система способов цитирования, в которой используется всего две конструкции: бессоюзная прямая речь и прямая речь, которой предшествует изъяснительный союз (*jako recitativum*) – основной показатель изъяснительной связи.

Первые признаки, предшествующие формированию грамматической модели косвенной речи, наблюдаются в статьях, продолжающих Начальную летопись с 1090-х гг.:

- в этой части отмечены единичные цитации с анафорическими отсылками после союза **ѡко** – они являются первыми надежными примерами косвенной речи;
- появляются первые употребления новой модели изъяснительного предложения – с союзом **оже** и регулярными признаками грамматического подчинения в придаточной части, однако сфера её употребления на этом этапе ограничена – только при предикатах знания и восприятия.

Более архаичная система способов передачи чужой речи, в которой показателем изъяснительной связи служит союз **іако** и преобладает союзная прямая речь, представлена в ГЛ, ср. примеры и соотношение контекстов в Таблице 4:

Таблица 4

Употребления союза **іако** при цитировании в ГЛ

Тип контекста	Количество
Предложения с чужой речью, в том числе:	
– союзная прямая речь слъшавъ же Данило и Василко ратное пришествие его помоли- стася Боу начаста свирати вое и посласта Кондратови ре- коуце <u>іако тебе дѣла изидоша на наю Лахове</u> (ГЛ, 1249, 269 об.)	60
– нейтральные контексты: приде вѣсть Данилоу во Холъмѣ боудущю емоу <u>іако</u> Ростис- лавъ сошелъ есть на Литвою со всеми воары (ГЛ, 1235, 262 об.)	17
– косвенная речь: Ростислав же показа правдоу свою <u>іако не есть</u> во свѣтѣ с Михиломъ (ГЛ, 1240, 266). Фила же строшесѣ на брань мнѣше же во <u>іако</u> никто можетъ стати противоу емоу на брань (ГЛ, 1219, 251).	4
Предложения знания и восприятия оувѣдав же се Миндого <u>іако хотѣть</u> емоу помогати Бѣни дворанѣ и пискоупъ и всѣ вон Рижкаѣ (ГЛ, 1251, 274);	33

Парадоксальное сходство юго-западной ГЛ XIII в. с древнейшей частью ПВЛ может быть обусловлено более книжным характером ГЛ [Юрьева, 2013: 144], по сравнению с другими летописями XII–XIII вв. Исследователи не раз отмечали распространенность **іако** и союзной прямой речи *jako recitativum* в канонических

текстах. В строгой книжной традиции архаичные синтаксические конструкции, в том числе способы передачи чужой речи, сохраняются на протяжении длительного времени [Живов, 2004: 50; Успенский, 2002: 14, 101].

Таким образом, система, представленная в древнейшей части ПВЛ и книжной ГЛ имеет архаичные черты и отражает ранний этап развития сложноподчиненного предложения: между авторским планом и планом чужой речи появляется универсальный формальный маркер изъяснительной связи **ѣако**, однако правила грамматических замен на этом этапе ещё не выработано.

Решающее значение для формирования косвенной речи в древнерусском летописании имело распространение модели с союзом **оже** на различные типы изъяснительных предложений и вытеснение из области цитирования модели с **ѣако**, после которого грамматическая переработка чужого высказывания не была обязательной.

2. Памятники с грамматически развитой моделью косвенной речи – Киевская, Суздальская и Волынская летописи

КЛ, СЛ и ВЛ последовательно отражают перераспределение функций союзов **яко**, **оже** и более позднего **ажѣ**. В результате указанных процессов происходит сужение сферы употребления союза **ѣако** вплоть до полной его утраты и появление древнерусской модели косвенной речи с **же**-союзами.

По употреблению союзов **оже**, **ажѣ** и **ѣако** между КЛ и СЛ, с одной стороны, и ВЛ – с другой, выявлены диахронические различия, значимые для истории косвенной речи.

В КЛ и СЛ, как и в заключительной части ПВЛ, встречаются союзы **оже** и **ѣако**, в более поздний период появляется **ажѣ**, при этом меняется их количественное соотношение и сферы употреблений.

В указанных летописях XII–XIII вв. наиболее частотным является **оже**. Если в заключительной части ПВЛ он употреблялся в единичных примерах и только в

придаточных при предикатах знания и восприятия, наряду с **такѡ**, то в КЛ и СЛ он распространился на все типы предложений при предикатах установки, а также на реферативные глаголы речи ‘рассказать, сообщить’, близкие предикатам установки по внутренней форме (ср. **вѣдати, оувѣдати** → **вѣсть, повѣдати, повѣдѣти**) и по семантическим свойствам (фактивная пропозиция ‘узнать, что’ → ‘сообщить, что’) – ср. данные в Таблице 5:

Таблица 5

Употребления изъяснительного союза **оже** в КЛ и СЛ

	КЛ	СЛ
Контексты с чужой речью, в том числе		
– нейтральные цитации	40	4
– косвенная речь	27	4
Придаточные предложения при предикатах знания и восприятия	68	53

Количественные данные показывают, что основной сферой употребления союза **оже** являются придаточные предложения при глаголах знания и восприятия – наиболее частотны они в КЛ, а в СЛ и ВЛ указанные употребления решительно преобладают над всеми остальными, например:

оувѣдавъ же Мьстиславъ Изяславичъ ѡже идеть на нь (КЛ, 1148, 133);

Половци же оуслышавше Рүсь ѡже пришли на нѣ ради быша надѣющеся на силү (СЛ, 1185, 133 об.);

В КЛ, СЛ и ВЛ модель с **оже** распространилась частично и на область цитирования – аналитическую передачу чужой речи при глаголах со значением ‘рассказать, сообщить’, примыкающих к классу предикатов знания и восприятия семантически (указание на фактивность пропозиции), а также по внутренней форме (ср. **повѣдати, вѣсть** и **оувѣдати**):

и послаша к Володимерү повѣдаша ему ѡже король оуже идеть на нь (КЛ, 1150, 147 об.);

и пребывшю кѣмѣ тѣ нѣколико дѣни бѣѣ кѣмѣ вѣсть уже Рязаньстии князи свѣщалисѣ сѣѣ со Улговичи на нѣ а идѣть на лѣстѣ к нѣмѣ (СЛ, 1207, 145 об.).

По модели с **уже** в КЛ, СЛ и ВЛ построены дейктически неохарактеризованные цитации:

и бѣѣ вѣсть Бѣславѣ уже Изяславѣ бродитсѣ чересѣ Деснѣ а Половци воюють (КЛ, 1150, 181 об.);

и бѣвшимъ имѣ въ Оужеска. бѣѣ имѣ вѣсть уже вышелѣ изъ Рязаня Романѣ Игоревичѣ с полкомъ и бѣетсѣ с лоденикѣ оу Улгова (СЛ, 1207, 146 об.).

Поскольку неохарактеризованные цитации строятся по модели с **уже**, развивается регулярное грамматическое противопоставление между косвенной речью и союзной прямой речью с **так**: в случае отсутствия грамматических отсылок цитации противопоставлены за счет разных союзных средств.

Отметим, что в КЛ модель с **уже** распространилась шире, чем в СЛ, – в КЛ косвенная речь с **уже** употребляется при цитировании речевых актов, связанных с негативной эмоциональной реакцией и оценкой, – при опорных предикатах **жаловати**, **винити**, **каятися**, **пожалитися**, **пожаловати**. Полный список примеров см. в Главе I, укажем один из них:

братѣ же вси пожаловаша на Мѣстислава уже оутанвѣсѣ нѣхѣ пѣсти в наворопѣ (КЛ, 1170, 193);

Таким образом, в КЛ расширение сферы употребления модели с **уже** отражено шире, чем в СЛ, что указывает на южную диалектную зону как «очаг» распространения модели с **уже** и формирования косвенной речи.

Изъяснительная функция у союза **аж** появляется позднее, чем у **уже**: **уже** регулярно используется уже в ПВЛ и ранних статьях КЛ и СЛ, в то время как почти все примеры с изъяснительным **аж** относятся к концу XII вв. Этот союз отмечен в КЛ и СЛ редко, указанные источники отражают самую начальную стадию развития у **аж** изъяснительного значения.

Типы употреблений **ажѣ** в КЛ и СЛ показывают, что его распространение в придаточных предложениях шло по тому же пути, что и у **оже**, – в первую очередь при предикатах знания и восприятия, а затем при реферативных глаголах речи, см. Таблицу 6:

Таблица 6

Употребления изъяснительного союза **ажѣ** в КЛ и СЛ

	КЛ	СЛ
Придаточные предложения при предикатах знания и восприятия	11	3
Контексты с чужой речью, в том числе		
– нейтральные цитации	3	0
– косвенная речь	3	0

В КЛ регулярные примеры с союзом **ажѣ** появляются только после 1175 г. – этот союз преобладает при предикатах знания и восприятия:

и слыша ѿ некого ажѣ брата его князь велѣлъ казнити и оустрѣмиса дѣяволимь наоучениемь (КЛ, 1175, 207).

К концу XII в. **ажѣ** в КЛ распространился на контексты с косвенной речью – при предикатах со значением ‘сообщить, рассказать’:

а вѣсть ны правага естъ ажѣ вежи Половецкѣа восе за полъ днѣ а великого ѡздоу нѣтоутъ (КЛ, 1187, 227 об.);

и сказываютъ ми и ѿмолнѣ изъимани ажѣ братьѣа ихъ не добръ с дѣдомъ (КЛ, 1195, 238).

В северо-восточной СЛ **ажѣ** встретился только в изъяснительных предложениях при предикатах знания и восприятия. Наиболее ранний пример отмечен в составе прямой речи:

рекоша же Къпане ведаѣмъ ажѣ того братъ твои не казаль ни велѣль тво-
рити но мы хочѣмъ оубити Игорѣ (СЛ, 1147, 105 об.).

Интересно, что в общем чтении СЛ с КЛ союз **ажѣ** пропущен¹³. Этот кон-
текст с изъяснительным **ажѣ** за 1147 г. представляет собой единичный случай,
остальные употребления изъяснительного **ажѣ** в СЛ отмечены только в начале XIII
в. под 1206 и 1215 гг. Важно, что в контекстах с косвенной речью **ажѣ** в СЛ не от-
мечен. Таким образом, в южнорусской КЛ круг его употреблений в XII–XIII вв.
шире, чем в северо-восточной СЛ.

Анализ количественных данных показал, что наиболее активное распростра-
нение модели с *же*-союзами наблюдается в КЛ: в этом источнике **оже**, а позднее и
ажѣ распространяются почти одновременно как при глаголах знания и восприятия,
так и при реферативных предикатах и становятся моделью косвенной речи с обяза-
тельными анафорическими элементами в придаточной части. Указанное направле-
ние развития представлено и в СЛ, однако этот источник отражает менее продви-
нутое состояние, чем КЛ: косвенная речь в СЛ употребляется редко.

Данные КЛ и СЛ также указывают на то, что в условиях экспансии *же*-
союзов сфера употребления **такѡ** значительно сокращается. Происходит дифферен-
циация их функций – **оже** и **ажѣ** используются главным образом в контекстах с
фактивной пропозицией ('знаю, что', 'сообщить, что'), а **такѡ** употребляется как
маркер субъективно-модальных значений (цитирование слухов, недостоверность,
дистанцирование). Семантика **такѡ** подробно рассмотрена в Главе II, в этом разделе
укажем только количественные данные, отражающие сужение сферы употребления
этого союза в изъяснительных предложениях – см. Таблицу 7 :

¹³ ср. в КЛ: и рече имъ Володимиръ того въ брата мои не велѣль Игорѣ влюдоути
сторожи а мы поидемъ къ братоу нъи велѣль рекоша же Кипане мы вѣдаемъ оже не
кончати добромъ с тѣмъ племени(мъ) ни вамъ ни (КЛ, 1147, 128).

Употребления изъяснительного **іако** в КЛ и СЛ

	КЛ	СЛ
Предложения при глаголах знания и восприятия	7	11
Косвенная речь	9	4
Союзная прямая речь	11	5

Статистика показывает, что **іако** используется в КЛ и СЛ в изъяснительных предложениях значительно реже, чем **оже** или **аже**.

В главе II показано, что основной сферой употребления **іако** в КЛ и СЛ остается союзная прямая речь с субъективно-модальной семантикой, а также косвенная речь с **іако** в модальных контекстах при глаголах мнения (**мнѣти іако**, **творити іако**), содержащих импликацию недоверия.

В данном разделе нам интересна группа контекстов, при которых наблюдаются колебания в употреблении **же**-союзов и **іако** – это предложения при опорных предикатах восприятия (**оувѣдати**, **услышати**), а также косвенная речь при опорном предикате **бысть вѣсть**. Указанные типы контекстов являются семантически близкими: они могут подразумевать как фактивную пропозицию (я знаю, что; сообщили, что), так и нефактивную, в случае цитирования слухов и неизвестного источника ('я знаю по слухам'). Первый случай предполагает использование нейтрального союза (**оже** или **аже**), во втором случае ненадежность источника чужой речи может быть обозначена при помощи **іако**, который в КЛ и СЛ регулярно употреблялся в контекстах с пересказывательной семантикой ('говорят, что'). Отметим, что при предикатах **оувѣдати**, **услышати**, **бысть вѣсть**, допускающих колебания в выборе союзного средства, наблюдаются колебания в выборе союза, преобладает **оже** (см. примеры выше), однако в небольшом числе случаев встречается **іако**, ср.:

Ідрославъ же слышавъ іако стоитъ Киевъ безъ князя пограбленъ Улговици и приѣха въпѣть Киеву на гнѣвъхъ (КЛ, 1178, 205).

и тако оувѣдѣвше Улговици іако Андрѣви не быѥ помощи ѿ братьѣ (СЛ, 1132, 101 об.);

быѥ же и^ѣ вѣсть іако идеть Гюрги с брато^ѣ своимъ Вячеславо^ѣ (СЛ, 1149, 108 об.).

Примеры с **іако** при опорном предикате **бысть вѣсть** в Главе II рассмотрены как семантически неясные случаи именно по причине нейтрализации значений пересказывательности и фактивности.

Таким образом, в КЛ и СЛ наблюдается тенденция к семантической дифференциации двух моделей с изъяснительными союзами: союзы **оже** и **аже** становятся нейтральными маркерами изъяснительной связи союз **іако** используется для выражения дополнительных субъективно-модальных значений.

Важные данные для истории косвенной речи содержит ВЛ XIII в., в которой наблюдается наиболее последовательное грамматическое разграничение прямой и косвенной речи:

- в ВЛ не встречается промежуточных способов цитирования, союзная прямая речь¹⁴ не используется;

- ВЛ отражает окончательную утрату архаичного союза **іако** вне канонических цитат.

Отметим, что же-союзы различают разные списки ВЛ – в Ипатьевском списке используется исключительно **ѡже**, в более позднем Хлебниковском списке **аже**, ср. пример с разночтениями:

Бѣранда же росмотровъ (sic! в Хлеб. сп. **расмотрив**) **твердость корода** (sic! в Хлеб. сп. **города**) **ѡже** (в Хлеб. сп. **аже**) **не мощно взѣти его тѣм же и нача молвити** (ВЛ, 1261, 283 об.).

В ВЛ, как в КЛ и СЛ, используется модель с союзом **оже** в косвенной речи и изъяснительных предложениях смежных типов:

¹⁴ В ВЛ **іако** при прямой речи отмечен всего 1 раз в книжном контексте, содержащем цитату из канонического текста: **вѣде же іако аще не тѣломъ но дѣмъ показываетъ ти Гсъ всѣ си** (ВЛ, 1289, 304 об. – 305).

вѣсть бо приде к нему уже Ногаи передилъ его ко Кракову прити (ВЛ, 1283, 296 об.);

и вѣсть приде имъ уже оуже Татаровѣ попередили к Новоугородъкоу (ВЛ, 1277, 291 об.);

и видиша уже села горать а Лаховѣ воюють (ВЛ, 1268, 288);

Кроме того, в ВЛ XIII в. наблюдается дальнейшее распространение изъяснительной модели с союзом **оже** на новые типы контекстов с чужой речью. Помимо аналитической передачи чужой речи, модель с **оже** в ВЛ используется при предикатах, при которых в раннедревнерусских летописях она не использовалась:

- при локутивных глаголах, см. контексты **рече оже**, **мѣлвити оже**..., невозможные в раннедревнерусский период (подробнее Глава I);

- в контекстах с модальными значениями пересказывательности или недоверности **мѣлвяхуть оже бы** ..., **творити оже бых**... (Глава II).

Таким образом, в ВЛ завершились тенденции, отмеченные в КЛ и СЛ: вышел из употребления союз **іако**, не используется конструкция союзной прямой речи, сфера употребления косвенной речи, построенной по модели с **оже**, расширяется: косвенная речь с **уже** используется при глаголах с реферативной и локутивной семантикой, а также для передачи мнения и субъективно-модальных значений.

3. Новгородская первая летопись по Синодальному списку

В НПЛ ст. картина употребления изъяснительных союзов близка системе, отраженной в поздней части ПВЛ, при этом имеются грамматические черты, близкие киево-суздальской традиции.

В первую очередь укажем на более архаичные особенности, имеющие сходство со способами цитирования в ПВЛ.

Во-первых, общей чертой для ПВЛ и НПЛ ст. является преобладание союза **іако** в изъяснительных предложениях при глаголах знания и восприятия, например:

И **яко** услышано бысть се, **яко** Всеволодъ Пльсковѣ съ братомъ Святопѣлкомъ, и мятежь бысть великъ Новогородѣ (НПЛ ст., 1137, 18 об.). Первый союз **іако** имеет временное значение: ‘и когда узнали то, что Всеволод в Пскове...’;

үрозүмѣвъ, яко си сългаша имъ (НПЛ ст., 1232, 115 об.).

Архаичной чертой НПЛ ст. является отсутствие косвенной речи с анафорическими отсылками в зависимой части, несмотря на более поздний по сравнению с ПВЛ хронологический период, отраженный в НПЛ ст. (XI–XIV вв.). Исключением можно считать пример, в котором союз **яко** употреблен в изъяснительно-причинном значении:

Новгородѣци же, пришѣдъше Новѣгородѣ, створиша вѣче на посадника Дмитра и на братью его, яко ти повѣлѣша на новгородѣцихъ сребро имати, а по волости кѣры брати, по кѣпцемъ виру дикую, и повозы возити, и все зло (НПЛ ст., 1209, 74–74 об.), ‘Новгородцы... устроили вече (‘мятеж’) против посадника Дмитра и его братьи, что те распорядились брать с новгородцев серебро, а с волости кур, а с купцов виру дикую, и повозы возить...’.

В придаточной части грамматически правильно для косвенной речи использовано указательное местоимение 3 л. **ти** и форма 3 л. **повелѣша**, однако по структурным особенностям указанный контекст построен как придаточное причины:

- в отличие от других конструкций с чужой речью, опорный предикат в данном случае не является первичным глаголом речи, слово **вече** использовалось в НПЛ ст. не только для обозначения собрания, функционировавшего как место распространения информации, но и как синоним мятежа [Гранберг, 2006: 49];

- зависимая часть не только заполняет валентность опорного слова, но и семантически относится со всей опорной предикации, т. е. имеет расчлененную структуру, свойственную предложениям причины, а не дополнительным придаточным – основной модели косвенной речи [Русская грамматика, 1980, II: 541–542].

Таким образом, указанный контекст с **яко** по своим структурным особенностям в большей степени соответствует придаточному причины, чем косвенной речи.

Другой архаичной особенностью НПЛ ст. является количественное преобладание конструкций союзной прямой речи с **яко** (модель **присла...яко не хочу ү васъ княжити**) над косвенной речью. Неохарактеризованные цитации в НПЛ ст. не противопоставлены союзной прямой речи с **яко** за счет разных формальных по-

казателей, в отличие от летописей с более последовательным различением прямого и косвенного цитирования, ср.:

И приде вѣсть въ Пльсковъ, яко взяша Нѣмци Изборскъ (НПЛ ст., 1239, 127 об.).

Из черт, близких традициям КЛ и СЛ, отметим регулярные примеры с цитациями, в которых **яко** выражает модальные значения (см. Главу II), а также разнообразие изъяснительных союзов — **яко**, **оже** и **аже**.

Союз **уже** отмечен в 6 случаях — в основном в той части, в которой прослеживаются традиции южнорусского летописания при летописце архиепископа Антония с 1211 по 1226 гг. [Гиппиус, 2009: 186; Гиппиус, 2006: 170–175].

Тъгда же увѣдавше Татари, оже идуть рѹсстии князи противу имъ, и прислаша послы, къ рѹсскимъ княземъ (НПЛ ст., 1224, 97 об.–98);

Изъяснительный союз **аже** в НПЛ ст. появляется почти на 100 лет позднее, чем в КЛ и СЛ, только после 1255 г.:

не вѣдаяше во, аже о немъ мысль злу свѣщаша самого яти, а посадничество дати Мухалкѹ (НПЛ ст., 1255, 134);

слышалъ есмь, аже Ярославъ идетъ на Новъгородъ со всею силою своею (НПЛ ст., 1270, 148 об.–149).

В НПЛ ст. выявлены не только хронологические различия в употреблении изъяснительных союзов **яко**, **оже** и **аже**, но и распределение указанных формальных показателей по разным типам изъяснительных конструкций — точные данные представлены в Таблице:

Таблица 8

Употребление изъяснительных союзов в НПЛ ст.

	яко	оже	аже
Придаточные предложения при предикатах знания и восприятия	13	6	3
Контексты с чужой речью, в том числе			
– нейтральные цитации	4	0	0
– косвенная речь	(1)	0	0
– союзная прямая речь	11	0	0

Как видно из Таблицы, в НПЛ ст., как и в ПВЛ, предложения при предикатах знания и восприятия представляют собой семантическую область, в которой наблюдаются колебания в употреблении союзов **іако**, **оже** и **аже**, – такая же ситуация наблюдалась в более поздней части ПВЛ (т. н. Печерской летописи), при этом в контекстах с цитациями используется только **іако**, после которого грамматические преобразования происходят нерегулярно.

В НПЛ ст. на всем протяжении XII–XIV вв. сохраняется переходная ситуация: происходит развитие модальных значений у **іако** в контекстах с чужой речью, появляются **же**-союзы при предикатах знания и восприятия, однако средств для аналитической передачи чужой речи в НПЛ ст. так и не выработано:

- не действует правило обязательного грамматического подчинения в цитациях с союзом **іако**;
- не получила распространения модель с **оже** и **аже**, после которых анафорические отсылки используются регулярно.

Итак, древнерусские летописи показывают, что формирование косвенной речи в древнерусский период происходило в несколько этапов, значительную роль в этом процессе сыграла смена союзных средств:

1. В летописях с наиболее архаичной системой цитирования использовался союз **іако** – он был универсальным средством маркирования изъяснительной связи, независимо от типа конструкций. При передаче чужой речи этот союз не требовал грамматических преобразований придаточной части – замена личных форм прямой речи на анафорические отсылки косвенной речи в синтаксически зависимом контексте происходят нерегулярно. Косвенная речь почти не встречается в системах, в которых основным изъяснительным средством был **іако**, – указанные системы представлены в древнейшей части ПВЛ и ГЛ, более книжной, чем прочие летописи XII–XIII вв.

2. К XII–XIV вв. впервые появляется модель изъяснительного предложения с союзом **оже**, который ранее использовался в других функциях. Интересно, что на

начальной стадии придаточные с **оже** употребляются только при опорных предикатах знания и восприятия. Важно, что на начальном этапе модель с союзом **оже** не охватывает цитирования – этот же путь развития прошел союз **аже**, появившийся в КЛ и СЛ на рубеже XII–XIII вв. С первым появлением *же*-союзов при предикатах знания и восприятия наблюдаются колебания между **оже** и **аже**, при цитациях используется исключительно **так** без признаков грамматического преобразования придаточной части (при союзной прямой речи или нейтральных контекстах). Особенности указанной системы – преобладание союза **так**, единичные и нерегулярные примеры с косвенной речью, колебания в употреблении *же*-союзов и **так** при опорных словах знания и восприятия. Система с указанными чертами представлена в заключительной части ПВЛ и в НПЛ ст.

3. В КЛ и СЛ XII–XIII вв. модель с союзами **оже** и **аже** и анафорическими грамматическими элементами в придаточной части распространилась не только на предложения знания и восприятия, но и на сферу аналитической передачи чужой речи при реферативных предикатах ‘сообщить, рассказать’ и иллокутивных глаголах речи – распространение указанной модели привело к значительному возрастанию примеров косвенной речи. Сфера употребления союза **так** значительно сужается, по сравнению с более архаичными системами цитирования в ПВЛ и НПЛ ст.: в КЛ и СЛ **так** используется при союзной прямой речи, при других типах изъяснительных предложений, в том числе при косвенной речи, наблюдается дифференциация семантики и функций изъяснительных союзов: *же*-союзы употребляются как нейтральные маркеры изъяснительной связи, **так** используется при указании на субъективно-модальные значения (‘будто бы’, ‘мол’, ‘якобы’).

4. ВЛ отражает систему, в которой сложилось бинарное противопоставление прямой речи и косвенной речи, построенной по модели с союзом **оже** и регулярными анафорическими отсылками в придаточной части. Модели полупрямого цитирования (союзная прямая речь) и специфические субъективно-модальные показатели в ВЛ не используются. Расширяется сфера употребления косвенной речи: помимо реферативных глаголов речи, модель с **оже** используется при локутивных глаго-

лах (речи оже, мълвити оже) и предикатах мнения, имеющих импликатуру недо-
стоверности (творити оже бы).

2.3. Синтаксический режим интерпретации указательных местоимений

В древнерусский период в косвенных цитациях почти не встречается анафорических указательных местоимений пространственного дейксиса. Отметим всего 1 пример с наречием дальнего дейксиса из всего корпуса исследованных контекстов:

в то же верема приде вѣсть к Вячеславу и ко Изаславу оже Володимеръ Галичскыи воротилъся в Галич а Андрѣи Гюргевич и Володимеръ Андрѣевич тѹда ѣдетъ ѿ него на оустье Припети къ ѿцю своему на двѣхъ боженку (КЛ, 1151, 152).

Интересно, что почти все употребления указательных слов в придаточной части косвенной речи – это местоимения и наречия ближнего дейксиса, вопреки правилу, требующему использования дальнего дейксиса с точки зрения повествователя [Падучева, 1996]. В древнерусских летописях слова, указывающие на пространственный дейксис, появляются в косвенной речи только в КЛ и СЛ, при этом они используются в синтаксическом режиме, будучи ориентированными на точку зрения субъекта подчиняющего предиката, ср. пример из КЛ:

и вземше оу ннхъ вѣсть аже Половци дѣища вдалѣ лежать и стада о сѣи сторонѣ Днепра по Роускои и вѣхаша чересъ ночь (КЛ, 1193, 234 об.);

По наблюдениям Г.А. Хабургаева, местоимение **сь** употреблялось в древнерусских текстах преимущественно в прямой речи как средство выделения наиболее близкого к персонажу предмета [Хабургаев, 1990: 227]. При переходе к косвенной речи в придаточной части требуется замена дейктического **сь** на анафорическое местоимение **тъ**. Таким образом, **сь** в приведенном примере ориентировано на точку зрения персонажа и его представления о пространстве, но не на точку зрения повествователя.

Возможна здесь и другая интерпретация: если имеется в виду та сторона Днепра, на которой находится летописец, т. е. в данном случае пространственные

представления субъекта установки и повествователя совпадают. Характерно, что в косвенной речи ближний дейксис **о сѣи сторонѣ Днѣпра** порождает двусмысленность, от которой летописец стремится избавиться, вводя следом уточнение, – **по Роускои**.

Другие примеры показывают, что местоимения ближнего дейксиса используются не только в косвенной речи, но и в других предложениях ПУ, например, при опорных предиктах **видѣти** и **слышати**:

Володимеръ же то видѣвъ уже Киане бѣжати а сѣмо Чернии Клобуци за нѣи ѣдутъ и речъ льсть есть бѣти тѣ Изаславѣ нѣгдѣ полкы своими в горахъ (КЛ, 1150, 146). В данном случае местоимение **сѣмо** ‘сюда’ указывает на то, что полки Черных Клобуков идут по направлению ко князю Владимиру. Отметим, что в данном случае в придаточной части все дейктические отсылки употреблены в синтаксическом режиме – см. личное местоимение за **нѣи**.

Отметим также пример из СЛ, вводимый глаголом ментально-перцептивной семантики: в нем наречие «ближнего дейксиса» **сѣмо** также используется с ориентацией на точку зрения субъектов установки – в данном случае Мстислава и Ярополка:

слѣша же Мстиславъ и Ярополкъ и здумаста с дружиною своєю повелѣша Ярополкѣ ити противѣ с полкомъ своимъ оусрѣтше и битиса с нимъ не пустаще и сѣмо Володимерю и Бѣжимъ промышломъ минустанъ в лѣсѣхъ (СЛ, 1176, 126 об.); Наречие ‘сюда’ ориентировано на точку зрения владимирских князей – об этом свидетельствует уточнение летописца **сѣмо Володимерю** – ‘сюда во Владимир’.

Слѣшав же король уже идутъ князи вси Русстиѣ на Галичъ а ѿселѣ идутъ Ляхове (СЛ, 1206, 144). Наречие **ѿселѣ** ‘отсюда’ указывает на пространственное окружение, близкое не повествователю, а субъекту восприятия – королю.

Отдельно укажем на пример, в котором нарушением правил косвенной речи является использование дейктической частицы **се** ‘вот’, отсылающей к точке зрения персонажа и являющееся эгоцентрическим элементом (о вторичных эгоцентриках см. [Падучева, 1996: 281]):

и понде къ Проньскѹ слышав же Чюръ Мнхилъ вже кмѹ стрыеве изи-
мани а ѿць кмѹ мерт[в]ъ а се на нь рать идеѣ (sic!) он же ѹбогавъсѧ бѣжа ко
тѣсти своѹмѹ Черниговѹ (СЛ, 1207, 146).

Таким образом, в древнерусских летописях указательные местоимения и
наречия в придаточной части в целом используются довольно редко – отмечено
всего 6 случаев, при этом в 5 из них в зависимой части отмечены слова ближнего
дейксиса, и только в 1 примере использовано наречие дальнего дейксиса (тоѹда).

Указанная ситуация о том, что правило замены дейктических элементов на
анафорические в косвенной речи в отношении указательных местоимений ещё не
действовало – они употребляются в синтаксическом режиме и интерпретируются
относительно точки зрения субъекта ПУ.

2.4. Особенности структуры придаточной клаузы косвенной речи

Отличительная особенность косвенных цитаций в древнерусских летописях
– довольно слабая развитость однородного подчинения. В большей части примеров
косвенной речи придаточная часть состоит из одной клаузы:

то же слышавъ Оулѣвъ прибѣже ко князю своѹмѹ ко Изяславѹ на Бѹпон
и сказа кмѹ вже кѹго Ѡстѹпилисѧ князи Черниговьстии и цѣловали на нь крѣъ
(СЛ, 1147, 105);

в то же веремѧ приде вѣсть Болеславѹ братѹ его Индрихови Ѡ брата
Межьскы вже идѹтъ Прѹси на землю ихъ (КЛ, 1141, 149).

Когда придаточная часть оказывается распространенной, наблюдаются раз-
личного рода нарушения грамматической проекции. Например, сбой с относитель-
ного употребления глагольных форм на нарративное:

и тоѹ приде к нима вѣсть вже Володимиръ Двѣвичъ и Бѣславъ Ѡлго-
вичъ стоита въ своихъ Вѣтичѣхъ ѹжидаюча и зрача сто сѧ (в Хлеб. списке что
сѧ) тамо оѹчинить межю Гюргемъ Изяславомъ а к нима не идоста такоже бѹхо-
ѹтъ срекли всиѣ снѧтисѧ на оѹсть Мѣдвѣдици (КЛ, 1148, 135–135 об.).

Особую группу примеров образуют случаи с разного рода коммуникативной
неоднородностью – когда коммуникативные рубежи, переходы от нарратива к

прямой речи, в высказываниях с разной ролевой структурой грамматически никак не обозначены, вопреки принципам связности текста [Гиппиус, 2004: 185, 190].

В древнерусских летописях всего отмечено 6 случаев немаркированного перехода от косвенной речи к прямой:

- 1) и посла ко Всеволодоу повѣдаѡ емоу ажь Романъ прислалъсѡ ко Улгови-
чемъ и поводити и на Къѣвъ и на все Володимере племя а тѣмъ брате в
Володимери племени старѣи еси насть а доуман гадан в Роускон земли и в
своеи чести и в нашей (КЛ, 1195, 237);
- 2) и не любяхоутъ сего Улговичи браѣа Всеволожа и поропташа на нь
уже любовь имѣеть съ Мьстиславичи съ шюрьами своими а с нашими
ворогъи и всажалъсѡ ими около а намъ на безголовие и безъмѣстѣе
(КЛ, 1142, 115 об.);
- 3) и зва и Ярославъ къ Лоучьскоу и рѣша емоу воаре его прими Лоуческъ
зде ими князѡ нхъ вномоу же ѡвѣщавшоу яко приходитъ зде млѣвоу
створити сѣмоу Николѣ и не могу тогѡ створити (ГЛ, 1227, 255), ‘он же
отвечал, что приходитъ сюда помолиться св. Николаю и «не могу совершить
этого» [того, о чем попросили]’;
- 4) и посла с ними сѡа своего Юрья и Бориса Жидиславича воеводоу казавъ
имъ Рюрика и Давыда велѡ имъ изыгнати изъ вчины своей а Мьсти-
слава емше не створите ему ничто же приведете и ко мнѣ и тако ему ка-
завшю Борисови Жидиславичю и вѣлѣвшю ему ити къ Стѣславу Всево-
лодичю како сѡ башь с нимъ свѣщали (КЛ, 1174, 203 об.);
- 5) яко приде вѣсть к великому князю Юрию Володимеръ взѡтъ и цркъи
зворънаѡ и епѣпъ и княгини з дѣтми и со снохами и со внучатъи вгнемь
скончашасѡ а старѣишаѡ сѡа Всеволодъ с братомъ внѣ града Увита люди
извиты а к тобѣ идутъ (СЛ, 1237, 161 об.).

В одном случае «грамматическая неправильность» немаркированного пере-
хода к прямой речи устраняется при помощи глагола **рече** в интерпозиции:

- 6) Томъ же лѣтѣ поиде князь Мѡханлъ въ Църниговъ къ братѣи, поимѡ съ
собою новгородце Богуслава Гориславиця, Сбыслава Якуновиця, Домаша

Твѣрдиславиця, Глѣба, посадниць сынѣ, Михаилка Микифоровицъ 2, Михалѣя Прикупова; а сына своего Ростислава остави Новѣгородѣ. «А мнѣ, рече, даи богѣ исправити правда новгородская, тоже от вас пояти сына своего» (НПЛ ст., 1229, 109–109 об.).

Обратим внимание на то, что нарушения дейктической проекции и немаркированные переходы от косвенного цитирования к прямой речи составляют небольшой процент всех косвенных цитаций – 6 примеров из 58, т. е. около 10%.

3. Модально-осложненные конструкции косвенного цитирования в летописях XII–XIV вв.

3.1. О семантике инфинитивной конструкции

В древнерусских летописях, наряду с косвенными цитациями, построенными по модели предложения ПУ, используется инфинитивная конструкция, построенная по схеме «изъяснительный союз/союзное слово+субъект в Д.п.+предикат в инфинитиве», например:

и на томѣ хрѣтѣ чѣтъныи целоваста яко не разлучити има ни въ добрѣ ни въ злѣ но по ѡдному мѣсту быти (КЛ, 1150, 152).

Вопрос о семантике этой конструкции решался неоднозначно. Отмечалось, что независимый инфинитив, как правило, имеет модальное значение долженствования или оптативности [Буслаев, 1869: 148], однако в ряде случаев мог использоваться и для выражения футуральной семантики. А. А. Потебня первым заметил, что древнерусские придаточные инфинитивные клаузы переводятся на современный русский язык формами будущего времени [Потебня, 1874: 362]. Примеры употребления инфинитива для обозначения событий в будущем с различными модальными компонентами смысла были зафиксированы Л. А. Булаховским в московских памятниках деловой письменности: *Се язѣ рабѣ божий Панкратѣ Ченей, пишу сию грамоту душевную в конце живота; а бил мя Михайла Скобельцин большой с своими людѣми... а бил мя у своего села, а поити ми с ихъ рук, а долгу ми дать (Духовная Панкрата Ченей, 1482)=*”а я пойду умру от их рук” [Булаховский, 1950: 296].

По наблюдениям А.А. Потебни, семантика инфинитивной конструкции определялась в зависимости от грамматических характеристик глагола-связки и синтаксической позиции. В синтаксически независимой позиции неопределенная форма может выражать значения долженствования и неизбежности по отношению к прошлому, настоящему и будущему, ср. примеры из работы [Потебня, 1874: 355–365], для которых мы даем свой перевод:

зѡ ѣсть наши^м головамъ да намъ ѣсти деревянными лѣжницами а не сребрянными (Лавр., 996, 43 об.)	‘Лихо нашим головам, что нам приходится есть деревянными ложками, а не серебряными’
---	--

то мнѣ ѣсть пророка всакого от людей не ѱйти, тѣмъ ѣсть рѣчи: Изаславъ велѣлъ оубити (Ип., 35)	Мне не избежать осуждения людей (предопределенность, неизбежность по отношению к будущему)
---	---

Данилови и Василковѣ съѣхати вѣ съ высокихъ горъ (Ип. 172;)	Предстояло, нужно было съехать с высоких гор
---	---

Товѣ было въѣхавши въ Кіевъ брата моего ѣти (Ип. 41)	Тебе нужно было, заехав в Киев, захватить брата моего
---	--

К указанным примерам А. А. Потебни можно добавить примеры из КЛ со связкой в форме будущего времени, см. наш перевод:

Игорь же рече с братьею своею вже ны боудеть не бившисѧ возворо- титисѧ то соромъ ны боудеть поущен сѣрти (КЛ, 1195, 223 об.)	...если нам придется, не сразившись, возвратиться, то будет нам стыд пуще смерти
--	---

а кони мои не могоуть аже ми боудеть нынѣ поѣхати то толико ми боудеть на дорозѣ встати (КЛ, 1195, 224)	... если мне придется сейчас поехать, то придется остаться на дороге
--	---

При цитировании инфинитивная конструкция регулярно используется для передачи коммуникативного обязательства – при глаголах, выражающих долженствование. В синтаксически зависимой позиции при инфинитивной конструкции связка не используется: как и другие глагольные формы, неопределенная форма в

составе косвенной речи интерпретируется в синтаксическом режиме, относительно момента речи субъекта ПУ. При глаголах коммуникативного обязательства инфинитивная конструкция всегда выражает действие, следующее за моментом речи, ср.:

и цѣловаша стѣго Спса на томъ іако не послатисѧ къ Всеволодичю Новѣгороду (КЛ, 1164, 186 об.), ‘и целовали икону святого Спаса, что не отправят послов к Всеволоду в Новгород’;

А къ ѿцю моему хрѣтитъ цѣловавшѧ на томъ іако имѣти ма кнѣземъ собѣ до живота моего (КЛ, 1161, 182 об.), ‘и присягали отцу моему, что возьмете меня к себе князем на всю мою жизнь’.

Далее мы рассмотрим основные структурные особенности инфинитивной конструкции как средства косвенного цитирования.

3.2. Изъяснительные союзы при инфинитивной конструкции

При придаточной инфинитивной конструкции употребляются преимущественно два союза – **іако** и **како**, же-союзы встречаются только в КЛ и близкой ей СЛ.

Древнерусские летописи отражают постепенную утрату союза **іако** в позиции перед инфинитивными конструкциями, при этом в летописях более книжной ориентации, таких как ПВЛ и ГЛ, из всех изъяснительных союзов при инфинитивной конструкции используется только **іако**, в остальных источниках на месте **іако** появляется **како** или же-союзы, ср. данные в Таблице 9:

Таблица 9

Изъяснительные союзы при придаточной инфинитивной конструкции

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ ст.
іако	7	38	2	0	2	5
како ‘что’	0	5	0	3	2	5
оже	0	3	0	0	1	0
аже	0	2	0	0	0	0

В более книжных источниках, ПВЛ и ГЛ, союзы **іако** и **како** различаются по семантике. Союз **іако** используется как нейтральный изъяснительный союз, например:

тѣхъ бо пророци прорькоша **іако** богъ родитисѧ (ПВЛ, 986, 34);

семѹ Дѣдѹ класѧ Бѣгъ **іако** от племени єѣ родити Бѣ (ПВЛ, 986, 38);

и повѣдаше Нои **іако** быти потопѹ (ПВЛ, 986, л. 35 об.);

повѣдан людемъ **іако** на пѧть лѣтъ Днепрѹ потещи вспѧть а землямъ перестѹпати на иные мѣста (ПВЛ, 1071, 64 об.);

то по что глѧта **іако** не оумьрѣти нама (ПВЛ, 1071, 66);

клаласѧ во бѣста **іако** ѡставшю в животѣ племени єго любовь имѣти (ГЛ, 1203, 246);

бѣ бо клѧтвою клаласѧ ѡ Бѣѣ великою к Романови и ко княгинѣ єѣ **іако** добывшоѹ ємоѹ землѣ Немѣцкоѧ дати ємоѹ всю Романови (ГЛ, 1257, 279 об.).

Союз **како** при инфинитивной конструкции в ПВЛ и ГЛ употребляется только в значении союзного слова ‘каким образом’:

и оустави въ монастыри своемъ **како** пѣти пѣниѧ монастырскаѧ (ПВЛ, 1051, 60), ‘...каким образом петь пение монастырское’

и поучивъ ихъ **како** провоти (sic!) постѣное время въ молитвахъ ношнихъ и дневныхъ (ПВЛ, 1074, 67 об.), ‘и научив их, каким образом проводить время поста в ночных молитвах и дневных’;

Данилови же ѡ семь веселоѹ боудѹщю а ѡ мостѣ печаль имѣющоѹ **како** Днѣстръ переити (ГЛ, 1229, 256 об.), ‘а о мосте был печален, [думая], каким образом перейти Днестр’;

и придоша во станѹ гадающимъ **како** поити к городу на бѡи (ГЛ, 1229, 256 об.), ‘и пришли в станы, обсуждая, каким образом пойти к городу на бой’;

Данилъ же снемсѧ с Болеславомъ мѣслаше **како** проити землю Ѡпавскоѹ (ГЛ, 1254, 275), ‘Данил же, соединившись с Болеславом, размышлял, каким образом пройти княжество Опавское’.

В летописях, которые более широко отражают гибридные языковые черты летописного узуса, встречаются как более книжный союз іако, так и другие древнерусские союзы.

В КЛ союз іако при инфинитивной конструкции решительно преобладает.

и цѣловаша сѣго Ѧпса на томъ іако не послатисѧ кѣ Всеволодичю Новѣгороду (КЛ, 1164, 186 об.);

А кѣ Ѡцю моему хрѣтъ цѣловавшѧ на томъ іако имѣти ма кнѣземъ собѣ до живота моего (КЛ, 1161, 182 об.);

и оурядивъ ю и приводи Володимѣра ко хрѣтоу и моужи Галичкына на семь іако емоу не искатъ подѣ братомъ Галича (КЛ, 1187, 228 об.);

уже к нама хрѣтъ цѣлуешѧ іако ти на наю лиха не замыслити а вѣ всако поѣдевѣ к тобѣ (КЛ, 1170, 193 об.);

а извѣстимсѧ и ѣще іако на семъ пути ни тажи имѣти ни которого же извѣта ни іасти но во правдоу сии поутъ сходити и с противными сѧ бити (КЛ, 1147, 127);

но на то^м цѣлуи хрѣтъ іако ти в томъ въ всемъ оустояти и Києва подѣ Вячеславо^м и подѣ Изяславомъ не искати (КЛ, 1151, 160);

а извѣсти ми сѧ іако ти его не іавити никомуже (КЛ, 1161, 183).

В НПЛ ст. союз іако встречается при инфинитивной конструкции в половине случаев, при этом в 3 примерах из 5 этот союз отмечен во вставной повести о взятии Царьграда фрягами под 1204 г., которая имеет общие черты с традицией КЛ, ср.:

а Мюрчюфла вѣше высадилъ ис тѣмьнице Исаковиць, и приялъ извѣщеніе, яко не искати подѣ Исаковичемъ царства, нѣ вѣсти подѣ нимъ (НПЛ ст., 1204, 67 об.);

и прияста извѣщеніе сѣ сыномъ, яко не помыслити на царство, и спущенъ бысть ис твѣрди и хожашеть въ своен воли (НПЛ ст., 1204, 64 об.);

Цесарь нѣмечьскыи посла кѣ папѣ въ Римъ, и тако увѣчаста, яко нѣ воевати на Цесарьградъ, нѣ якоже рече Исаковиць (НПЛ ст., 1204, 65 об.);

человали бо бяху хрестъ честьныи къ Мьстиславѹ съ всѣми новгородци, яко всѣмъ одинакымъ быти, Володиславъ Завидиць, Гаврила Игоревиць, Гюрги Ольксиниць, Гаврильць Милятиниць, и съ женами и съ дѣтьми (НПЛ ст., 1229, 107 об.);

а тамо ѿздивъ Лазоръ Монсевичъ водилъ всѣхъ ихъ къ крестѹ, пискѹ повъ и божиныхъ дворянъ, яко не помогати имъ колыванцемъ и раковорцемъ (НПЛ ст., 1268, 144).

Наряду с яко, в 1 примере из НПЛ ст. при инфинитивной конструкции встретился специфически новгородский союз око:

и тѣ оканьныи воевода цѣловавъ крестъ честьныи къ Мьстиславѹ и къ обѣма князема, око ихъ не избити, нѣ пустити ихъ на искупъ, и сълга оканьныи: прѣда ихъ, извязавъ, Татаромъ (НПЛ ст., 1224, 98 об.).

Союз како в изъяснительном значении впервые отмечен в СЛ в статье 1151 г. – в составе прямой речи:

Гюрги же уста Перетаславъ з дѣтми своими Изаславѹ же присылающе к нему крѣ кси цѣловалъ како ти ити Гуждалю чему на ма ведешь Половци (СЛ, 1151, 112).

В летописном повествовании изъяснительный союз како распространяется в конце XII – начале XIII вв., ср. примеры из КЛ:

потом же Володимѣрци оутвердивъшесѧ с Ростиславичема крѣтныимъ цѣлованиемъ како не створити има никакого зла городу (КЛ, 1175, 210 об.);

и води и крѣтоѹ како емоѹ не востати на рать до радоѹ и самъ челова на том же (КЛ, 1195, 237 об.);

Всеволодичъ князь Черниговьскѧ с братью своею перестоупивъ крѣтное цѣлование на чемъ же башеть оумовилъ с Рюрикомъ и крѣтъ к нему целовалъ како не воеватисѧ до радоѹ (КЛ, 1195, 238);

а тѣи нѣи еси близъ а целоѹи с нами крѣтъ како ти сѧ с нами не воевати доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ любо сѧ оуладимъ любо сѧ не оуладимъ (КЛ, 1195, 237 об.).

а к тѣсти своему Рюрикови крѣтъ вѣшетъ целовалъ передъ тѣмъ како сѣмоу Улговичъ боле того лишити а въ его волѣ бѣти и зрѣти на нь (КЛ, 1196, 239 об.).

Обратим внимание, что в НПЛ ст. како в изъяснительном значении появляется значительно позднее, чем в КЛ и СЛ – все примеры с этим союзом при инфинитивной конструкции относятся в НПЛ ст. ко второй половине XIII в.:

и цѣловаша святѹю Богородицю меншини, како стати всѣмъ, любо животъ, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину (НПЛ ст., 1255, 133 об.);

И бысть въ вятшихъ свѣтъ золъ, како повѣти меншини, а князя въвести на своей воли (НПЛ ст., 1255, 134);

и умыслиша свѣтъ золъ, како ударити на городъ на онѹ сторону, а дружини озеромъ на сѹ сторону; и възъбрани имъ видимо сила Христова, и не смѣша (НПЛ ст., 1259, 137 об.);

вложи семѹ въ сердце, соимя съ себе ризѹ, обѣщася богу на 3 лѣта, како прияти риза своя, а устава мнишьскаго не остане (НПЛ ст., 1265, 141);

и докончаша съ княземъ Мѣхиломъ, како не въступатися ни по одному: понеже не вѣдяху князя Юрья, кдѣ есть, и придоша пакы в Новгород (НПЛ ст., 1318, 161);

и докончаша с Мѣхиломъ княземъ миръ, како ити въ Орду обѣма, а брата Юрьево и княгину пѹстити (НПЛ ст., 1318, 161).

Отметим, что в более поздней ВЛ, содержащей повествование только за вторую половину XIII в., при инфинитивной конструкции используется только како:

и докончаша с горожаны како города имъ не имати а своѣ боарѹ вѣимати (ВЛ, 1277, 292);

цѣлоуи ко мнѣ крѣтъ на томъ како ти не ѿати ничего^ж (ВЛ, 1287, 299 об.);

обѣщавсѣ имъ дарми великими и волостями а самѣхъ води ко крѣтоу какъ вы не передати города Болеславоу (ВЛ, 1289, 306 об.).

Таким образом, в древнерусских летописях отмечено следующее соотношение союзов **іако** и **како**. В летописях с более книжной и архаичной традицией, ПВЛ и ГЛ, указанные союзы противопоставлены семантически: **іако** используется как универсальный изъяснительный союз, **како** как союзное слово ‘каким образом’.

В КЛ и СЛ **како** выполняет функцию изъяснительного союза, сближаясь по семантике с **іако**. При инфинитивных конструкциях различия между ними становятся регистровыми, в позиции при предложениях косвенной речи (ПУ) указанные союзы употребляются в разных значениях, **како** используется как союзное слово.

В КЛ отмечена тенденция к распространению модели с *же*-союзами, которая активна в сфере придаточных косвенной речи ПУ, на другие все типы ситаксических структур с изъяснительной связью – в том числе и на инфинитивные конструкции:

и крѣтъ к нѣмоу целовалъ ажь (ажь - sic!, в Хлебниковском списке – ажѣ)
емоу под нимъ не ѿдати никоу же (КЛ, 1195, 236);

тъи же тоѣ зимѣ не всѣлѣи има имъ вѣрѣи ажѣ имъ стати на всеи воли
нашей (КЛ, 1196, 239);

хрѣтъ есмѣ браѣ на тоѣ целовали уже бѣти вамъ со мною (КЛ, 1149, 136
об.);

вѣи еста ко мнѣ хрѣтъ цѣловала на томъ уже вѣи брата Игоря не иска-
ти (КЛ, 1148, 133 об.).

Особенность КЛ – использование при инфинитивной конструкции книжного союза **іакоже**:

цѣлѣю крѣтъ и къ княгиги вашей іакоже ми на ваѣ не позрѣти лихомъ
ни на патровъ свою (КЛ, 1171, 195 об.);

и крѣтъ ко мнѣ целовалъ іако же имъ Кѣева подъ тобою не искати ни
подъ братомъ твоимъ Дѣдомъ Смоленска (КЛ, 1196, 240 об.);

и крѣтъ цѣловавъ іакоже ему не подозрѣти волости подъ дѣтми его пре-
стависа князь Мьстиславъ (КЛ, 1172, 199);

и Рюрикъ и Дѣдъ цѣловали крѣтъ іакоже взати имъ волость оу Мьсти-
слава по своен воли (КЛ, 1169, 190 об.);

и оутвердися іакоже за ѡдинъ мѹжь бѹти (КЛ, 1153, 167 об.);

баше бо тако оурядилъсѧ іакоже Володимѣра Іѡрославича Галичькаго
сестричича Михалькова дати Ростиславичемъ и пѹстити и къ ѡцѹ а Ростисла-
вичемъ пѹстити Всеволода и Іѡрополка и всю дружинѹ (КЛ, 1174, 203).

По особенностям употребления изъяснительных союзов при инфинитивной конструкции к КЛ близка СЛ – в СЛ инфинитив в придаточной части встречается редко, при нем отмечены союзы іако, како и оже:

и потомъ Володимерци оутвердивъшесѧ с Ростиславичема крѣтнѹмъ
цѣлованьѣмъ іако не створити има в городѣ никакого зла (СЛ, 126, 1175);

цѣловаша крѣтъ Рюрикъ къ Ѡлговичемъ и Ѡлговичи к Рюрику како имъ
понти всѣмъ к Галичю (СЛ, 1205, 143 об.).

мы вѣдаемъ ѡже не кончати добро^{мъ} с тѣмъ племенѣ^{мъ} ни ва^{мъ} ни на^{мъ} коли
любо (СЛ, 1147, 105 об.).

Данные менее книжных летописей, КЛ, СЛ и ВЛ показывают, что к концу XIII в. іако постепенно выходит из употребления при инфинитивной конструкции. В этой позиции появляется либо древнерусский союз како в изъяснительном значении, как в ВЛ, либо же-союзы – в период активного распространения же-модели, как в КЛ.

Интересно, что распределение союзов при инфинитивных конструкциях в НПЛ ст. ближе к традициям КЛ, СЛ и ВЛ: како используется как изъяснительный союз. Отметим, что сходные с КЛ черты в употреблении союзов появляются в более поздней части НПЛ ст.

3.3. Состав опорных предикатов при инфинитивной конструкции

Инфинитивная конструкция широко использовался в древнерусских летописях при косвенном цитировании – в общей сложности отмечено около 100 примеров, значительная часть из них приходится на КЛ (66 примеров) и НПЛ ст. (17

примеров). Выявлено два типа её употреблений: 5 примеров ($\approx 5\%$) при глаголах речи, не указывающих на иллокутивные функции (далее – нейтральные глаголы речи (в т.ч. локутивные и реферативные), и 96 контекстов ($\approx 95\%$) при предикатах-комиссивах, обязывающих говорящего к совершению действия, заявленного в пропозиции придаточной части. Точные данные представлены в Таблице 10:

Таблица 10

Семантические типы опорных предикатов при инфинитивной конструкции

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ ст.	всего
КОМИССИВЫ 'обещать'; 'заключать до- говор'; 'подтверждать'	2	66	5	3	5	15	96
Нейтральные глаголы речи	2	0	1	0	0	2	5
<i>всего</i>	4	66	6	3	5	17	101

Рассмотрим подробнее, какие иллокутивные и модальные значения передавала инфинитивная конструкция косвенной речи при опорных предикатах указанных типов.

Как показывает статистика, основная сфера её употребления – это цитирование перформативного обязательства говорящего осуществить действие, заявленное в пропозиции, после момента речи. Иллокутивное обязательство маркируется с помощью опорных предикатов нескольких семантических подтипов: а) 'давать присягу, обещать', сущ. 'присяга, обещание' – 74 примера; б) 'заключить договор, решить', сущ. 'договор, решение' – 18 примеров; в) 'подтвердить', сущ. 'подтверждение' – 4 примера.

Наибольшее количество примеров отмечено при опорных словах, обозначающих присягу и обещания, таких как **цѣловати крѣсть**, **клятисѧ**, **обѣщатисѧ**, **обѣщеватисѧ**:

сдѹмавъ Ідрославъ Всеволодичъ князь Черниговъскіи с братъкю своею перестоупивъ крѣтное цѣлование на чѣмъ же башеть оумолвилъ с Рюрикомъ и крѣтъ к нему целовалъ како не воеватисѧ до радоу (КЛ, 1195, 238);

бѣ во клѧтвою клалсѧ ѡ Бѣ великою к Романови и ко княгинѣ еѣ тако довывшоу емоу землѣ Немѣцкоѧ дати емоу всю Романови (ГЛ, 1257, 279 об.);

вложи семѹ въ сердце, сонмя съ себе ризѹ, обѣщася богѹ на 3 лѣта, како пріяти риза своя, а устава мнишьскаго не остана (НПЛ ст., 1265, 141 об.);

Ѡпижа же приде вѣнѣць носѧ ѡбѣщевасѧ тако помощь имѣти ти (sic! В Хлеб. сп. ти опущено) Ѡ папы (ГЛ, 1255, 277).

Обратим внимание, что в указанных примерах инфинитив обозначает действие, которое должно быть исполнено после момента речи в прошлом, тем самым эта конструкция фактически маркирует ещё и значение «будущего в прошедшем». Указание на следование события после момента речи в прошлом прослеживается во всех употреблениях придаточной инфинитивной конструкции.

В отдельную группу выделены контексты, в которых несколько субъектов пропозициональной установки берут обязательство следовать определенной линии поведения в будущем. В качестве опорных предикатов используются глаголы со значением ‘заключить договор, решить’: доконьчати миръ ‘порешить, уговориться’ [Срезн. I: 693], оугадати ‘уговориться’ [Срезн. II: 1131], сѡвѣщатисѧ ‘сговориться, составить заговор’ [Срезн. III: 684], сѡдѹмати ‘сговориться, заключить союз’ [Срезн. III: 699], оувѣчати ‘уговориться’ [Срезн. III: 1127], уладитисѧ ‘уговориться; заключить договор’ [Срезн. III: 1194], оумълвити ‘уговорить, условиться’ [Срезн. III: 1214], оурадитисѧ ‘договориться, условиться’ [Срезн. III: 1262]. Вот несколько примеров:

Индикта лѣта 14, новгородѹци призваша плъсковиче и ладожаны и сдѹмаша, яко изгонити князя своего Всеволода (НПЛ ст., 1136, 17);

и сѣдши^ѧ имъ на кдино^ѧ мѣстѣ и оуладишасѧ кдѣ что своѧ познавше лицѣ^ѧ имати (СЛ, 1149, 108 об.);

Цесарь нѣмечьскіи посла къ папѣ въ Римъ, и тако увѣчаста, яко нѣ воевати на Цесарьградъ (НПЛ ст., 1204, 65 об.);

баше бо тако оурадилъся такоже Володимѣра Ярославича Галичькаго сестричича Михалькова дати Ростиславичемъ и пустити и къ ѿцю а Ростиславичемъ пустити Всеволода и Ярополка и всю дружинѹ (КЛ, 1174, 203).

Отметим также примеры с существительными в позиции опорного предиката:

и ѹмыслиша свѣтъ золъ, како ударити на городъ на онѹ сторону, а дружини озеромъ на сѹ сторону (НПЛ ст., 1259, 137 об.).

В редких случаях используются комиссивы со значением ‘подтвердить, подтверждать’ – говорящие подтверждают следование ранее выбранной линии поведения, ср. пример с опорным словом извѣститиса ‘удостоверить, подтвердить’ [Срезн. I: 1045]:

а извѣстиса и ѿще ако (в Хлеб. сп. тако) на семъ пути ни тажи имѣти ни которого же извѣта ни части но во правдоу сии поутъ сходити и с противными са бити (КЛ, 1147, 127).

Показательно, что существовали специальные термины, подтверждающие обязательство следовать ранее принятому решению:

а Мюрчюфла бѣше высадилъ ис тѣмънице Исаковиць, и приялъ извѣщеніе, яко не искати подъ Исаковицемъ царства, нѣ блѹсти подъ нимъ (‘и принял уверение, что он не будет претендовать на царство...’) (НПЛ ст., 1204, 67 об.), из Повести о взятии Царьграда;

потом же сдоумавъ со снѣмъ и ѿпоустѣи и а поручникъ бы^ѣ Левъ тако вѣрноу емоу [емоу] быти (ГЛ, 1255, 277 об.), ‘...а поручитель был Лев, что...’.

При нейтральных глаголах речи, не маркирующих иллокутивные функции, инфинитивная конструкция в придаточной части имеет другое модальное значение – указание на неизбежность события, обозначенного в пропозиции (все контексты содержат пророчества):

и повѣдаше Нои тако быти потоу (ПВЛ, 986, 35 об.);

тѣхъ бо прѣрци прорькоша тако Бѣ^ѣ родитиса (ПВЛ, 986, 34);

то по что глта тако не оумрѣти нама (ПВЛ, 1071, 66);

Тако во Мефодии глаголетъ, яко скончаниу врѣменъ явитися тѣмъ, яже загна Гедѣонъ, и поплѣнятъ всю зѣмлю отъ вѣстокъ до Ффранта (НПЛ ст., 1224, 96);

повѣдан людѣмъ тако на пать лѣтѣ Днѣпру потѣши въспать а зѣмлямъ переступати на ина мѣста (ПВЛ, 1071, 64 об.);

повѣдахоутъ бо емоу волхвѣ Оугорьскыа тако оузрѣвшоу Галичъ не быти емоу живоу (ГЛ, 1226, 254).

Отметим, что при нейтральных глаголах речи инфинитивная конструкция, как правило, обозначает неконтролируемую ситуацию. Это же значение отмечено при глаголах ментально-перцептивной семантики, например:

мѣи вѣдаюмъ вже не кончати добро с тѣмъ племенѣмъ ни ва^{мъ} ни на^{мъ} коли любо (СЛ, 1147, 105 об.), общее чтение см. в (КЛ, 1147, 128);

а вѣи вѣдаета вже намъ съ Гюргемъ не оужити (КЛ, 1149, 139 об.);

И бысть на заутрьѣ, увидѣ князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ, яко уже взятъ быти граду, внидоша въ церковь святую Богородицу (НПЛ ст., 1238, 123 об.).

Таким образом, значение придаточной инфинитивной конструкции интерпретируется по-разному в зависимости от семантики опорного предиката. При предикатах-комиссивах инфинитив в зависимой части выражает долженствование и используется для передачи в косвенной речи коммуникативного обязательства. При нейтральных глаголах речи и ментально-перцептивных опорных словах инфинитивная конструкция обозначает ситуацию, которая неизбежно осуществится после момента речи.

3.4. Конструкция с сослагательным наклонением как модель косвенного цитирования

В ранний период сослагательное наклонение использовалось исключительно для выражения оптатива [Легоцкая, 2009: 123], в средневеликорусский период оно широко встречается в косвенной речи при цитировании разных типов волеизъявления [Булаховский, 1950: 288, 290]. Сослагательное наклонение до сих пор исполь-

зуются для цитирования волеизъявления разной степени категоричности – от просьб до приказов, ср.: *Я даю вечеринку, и дамы требуют, чтобы я непременно пригласил и Беликова, и Вареньку* (А.П. Чехов) [Булаховский, 1955: 321]; *Уходя, мать говорила детям, чтобы они никому не открывали дверь* [Зализняк Анна А., 1991: 71].

Уже в ранний период сослагательное наклонение использовалось для передачи волеизъявления в косвенной речи: в придаточной части использовалась составная форма *l*-причастия основного глагола и вспомогательного глагола **бы** (в древнейших памятниках он был изменяемым **быхъ, быша**, впоследствии превратился в частицу **бы**), например:

Пострижѣся въ скимѹ архіепископѹ Монси, по своен воли, и много молиша и новгородци всѣм Новымьгородомь с поклономь абы паки сѣлѣ на своемь престолѣ, и не послуша (НПЛ ст., 1330, 166 об.).

Форма **бы** имела тенденцию сращиваться с союзными средствами, поэтому во многих случаях придаточное предложение вводится показателями **абы** и **да(бы)** – **дабы** считается книжным союзом [Борковский, Кузнецов 1963: 501–502; Булаховский, 1950: 317]. Указанные союзы употребляются при косвенном цитировании почти в равном соотношении, ср. данные в Таблице 11:

Таблица 11

Союзы **абы** и **дабы** при косвенном цитировании

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ ст.	всего
абы	0	8	2	2	2	3	17
да(бы)	5	5	7	0	4	0	21

Как можно заметить, в летописях с более книжной традицией решительно преобладает **дабы** – в ПВЛ и ГЛ, в летописях, в которых допускается больше не-книжных черт, частотнее **абы**, к ним относятся НПЛ ст. и ВЛ. КЛ и СЛ в этом отношении занимают промежуточное положение, поскольку в них разница в количестве примеров с **абы** и **дабы** незначительна.

Исследование показывает, что в древнерусских летописях конструкция с сослагательным наклонением довольно редко используется для косвенного цитирования – в среднем не более 10 примеров на летопись. Точные данные см. в Таблице 12:

Таблица 12

Конструкция с сослагательным наклонением при предикатах просьбы

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ ст.	всего
предикаты просьбы	5	13	6	2	9	3	38

Сослагательное наклонение имело узкую сферу употребления: оно отмечено только при опорных словах, выражающих просьбу. Приведем их полный список с примерами:

молити

молашеть во сна своего со слезами абы ихъ ѿинуъ не искоренилъ такоже
преже Бодома и Гомора (КЛ, 1173, 200);

молитисѧ

Оубъенъ бы^ѣ ц^рь великыи Филипъ Римскыи совѣтомъ брата королевое
(sic! В Хлеб. сп. королевая) молашесѧ сестрѣ дабы емѹ нашла помощни-
ка (ГЛ, 1207, 247);

напоминатисѧ ‘обращаться с требованиями; призывать’ [Срезн. II: 310]:

и напоминасѧ емоу Володимиръ ѡ томъ много абы емоу воротилъ челядь
ѡнъ же не вороти (ВЛ, 1280, 295);

поуживати ‘убеждать, уговаривать’ [Срезн. II: 1184]:

Володимеръ же слашетьсѧ ко Стѣславоу Всеволодичю и ко Рюрикови Ро-
стиславичю поуживаѧ ихъ к собѣ да быша кмоу помоглѣ (КЛ, 1185,
226);

просити

и почаша Грѣци миръ просити да бы не воевалъ Грѣцькои земли (ПВЛ,
912, 12);

просахоуся да бы к нимъ прислалъ Кондратъ Пакослава и Мьстиоуга (ГЛ, 1229, 256 об.);

умолити ‘упросить, умолить’ [Срезн. III: 1208]:

да быша оумолили короля а бы не стогаъ на немъ и волѣ королевъ не створилъ (КЛ, 1152, 162 об.).

Существенно то, что в древнерусский период сослагательное наклонение не употреблялось для передачи более категоричных видов волеизъявления – распоряжений или приказов.

К предикатам, выражающим просьбу, можно отнести глагол **сълати (ся)** и его приставочные производные. Сами по себе они не указывают на иллокутивную цель сообщения, однако регулярно фиксируются в значении ‘отправить послов с просьбой’. Ни в одном из примеров послание не имеет характер категоричного волеизъявления, адресату не обязательно его выполнять:

посълати

ї посла къ Володимеру да бы помогъ ему (ПВЛ, 1093, 80 об.);

Василко же свирашетъся во Володимерѣ а Данило в Холмѣ посласта ко Лвови абы поѣхалъ к нимъ (ГЛ, 1259, 280 об.);

посълатися ‘отправить послание с просьбой’ [Срезн. II: 1278]:

іако єдинъими оусты мнозѣ рекоша послемся к Васильєви попови на Цѣковицю абы былъ намъ игоуменъ и оуправитель стадоу черноризиць Фѣдосьєва манастира Печерьского (КЛ, 1182, 220);

присълати ‘послать послов с просьбой’ [Срезн. II: 1469]:

прислаша (в Хлебн. сп. присла же) Миндовгъ к Данилоу пришлю к тобѣ Романа и Новгородцѣ а бы пошелъ ко Возваглю Ѡтоуда и къ Къєвоу (ГЛ, 1257, 280).

Отдельно отметим 2 контекста с опорным предикатом **велѣти** ‘выражать желание, волю’ [Срезн. I: 242] – этот глагол, в отличие от современного русского языка, указывал на простое волеизъявление, не связанное с социальной иерархией или проявлением власти и не обязывающее адресата к исполнению воли говорящего. Обратим внимание, что в обоих примерах из летописей цитаты при глаголе

велѣти сопровождаются комментарием, из которого следует, что адресат не исполнил воли цитируемого лица:

Романъ же оулюбивъ свѣтъ ихъ и послоушавъ ихъ и поѣха на Межькоу со снѣци его с Казимеричи... Межька же приславъ противоу емоу и не хоташе битисѧ с нимъ но велашеть Романови абѣи и оуладилъ со снѣци его Романъ же не послоушавъ ихъ и ни моужии своихъ (КЛ, 1195, 237), ‘...Мешко же, отправив к нему послов, не хотел биться с ним, но выразил Роману желание, чтобы [Роман] помирил его с сыном, Роман же не послушал ни их, ни своих воинов’.

И посла князь Иванъ свои послы, а новгородци от себе владыку Моисия и Аврама тысячьского къ князю Олександрѹ въ Пльсковъ, веляче емоу, абы пошеа въ Орду, и не послуша (НПЛ ст., 1328, 165 об.), ‘И послал князь Иван своих послов, а новгородцы от себя владыку Моисея и тысяцкого Авраама к князю Александру в Псков с пожеланием, чтобы [Александр] отправился в Орду, и не послушал их [Александр]’.

Таким образом, конструкция с сослагательным наклонением в косвенной речи выражала только оптативную семантику и не использовалась для передачи категоричных видов волеизъявления (приказы передавались посредством составного сказуемого в рамках простого предложения, например, **а полко^м повелѣ по собѣ ити**). Семантика предикатов просьбы полностью соответствовала семантике сослагательного наклонения в придаточной части – маркирование желаемого действия.

3.5. Колебания в выборе модальной формы в придаточной части косвенной речи

Исследование показало, что в древнерусский период инфинитивная конструкция и сослагательное наклонение употребляются в косвенной речи в семантически различных типах ситуаций. Приведем статистические данные, отражающие распределение указанных модальных конструкций при разных типах опорных предикатов:

Таблица 13

Типы опорных предикатов при инфинитивной конструкции и конструкции с
сослагательным наклонением

	инфинитив	сослагательное наклонение
Нейтральные глаголы речи ‘говорить, сообщать’	5	0
комиссивы ‘обещать, давать присягу’; договориться, заключить договор’; ‘подтвердить’	96	0
предикаты просьбы ‘просить, требовать’	0	32
<i>всего</i>	101	32

Указанное распределение выдерживается довольно последовательно, однако в единичных случаях встречаются колебания в выборе зависимой формы – их мы рассмотрим отдельно, при подсчетах они не учитывались.

В КЛ и СЛ имеются чтения, которые различаются употреблением форм в придаточном предложении при глаголе **възбранати** ‘запрещать’ [Срезн. I: 337–338]:

митрополитъ же много възбранаше и^{м̃} и Лазарь ты́сачскыи и Рагѹило
Володимеръ ты́сачскыи яко не оубити Игорѡ (СЛ, 1147, 105) – Ср.: митропо-
литъ же възбранаше (sic! В Хлеб. сп. возбранаше) имъ и Лазорь ты́сачкои и
Рагоѹило Володимеръ ты́сачкои како бѣша не оубили Игорѡ (КЛ, 1147, 128
об.).

Колебания в выборе зависимой модальной формы могут быть связаны с семантической структурой глагола **възбранати** ‘запрещать’. Осуществление ситуации предполагается после момента речи, высказывание содержит обязательства для адресата, тем самым значение этого глагола соотносится с семантикой инфинитивной конструкции. В то же время **възбранати** ‘запрещать’ имеет компонент, указывающий на волеизъявление, которому семантически соответствует форма сослагательного наклонения.

Отметим также один пример с инфинитивной конструкцией в диагностическом контексте сослагательного наклонения – при опорном предикате просьбы:

и повѣдаста молебу Кыянъ такъ створити миръ и блюсти земли Рускои и брань имѣти с погаными (ПВЛ, 1097, 90 об.).

Менее надежны следующие два примера:

а^{тъ} радъ оучинимъ о Рускои землѣ да бы оборонили землю Русьскую ѿ поганыхъ (ПВЛ, 1096, 84 об.);

бѣ во Стополкѣ съ Володимеромъ радъ имѣлъ тако Новугороду быти Стополчю и посадити снѣ свои Володимеру (ПВЛ, 1102, 94 об.), радъ в значении ‘договор’ [Срезн. III: 234–235].

В примере из ПВЛ за 1096 г. сослагательное наклонение можно интерпретировать в целевом значении ‘давайте договор заключим о русской земле, чтобы оборонить русскую землю от язычников’, или же на выбор сослагательной формы в придаточной части могла повлиять ирреальная пропозиция опорной предикации (форма а^{тъ} оучинимъ).

Исследование древнерусских летописей показало, что зависимая инфинитивная конструкция и придаточное предложение с сослагательным наклонением были четко противопоставлены не только формально – за счет разных союзных средств и разных типов опорных слов, но и семантически, передавая разные модальные значения. Тем не менее при появлении в позиции опорного предиката слов с более сложной семантической структурой, содержащей одновременно компоненты долженствования и волеизъявления (например, ‘запрещать’), наблюдаются колебания в выборе модальной формы в придаточной части.

3.6. Итоги: конструкции косвенного цитирования в древнерусских летописях

Итак, в летописях XII–XIV вв. для косвенного цитирования использовалось несколько конструкций, каждая из которых имела собственную семантику. Помимо предложений ПУ, для передачи коммуникативного обязательства употреблялась инфинитивная придаточная конструкция со значением долженствования, для пере-

дачи некатегорического волеизъявления – конструкция с сослагательным наклонением в придаточной части.

В древнерусский период придаточная инфинитивная конструкция и придаточное с сослагательным наклонением были грамматически четко противопоставлены по формальным и семантическим критериям: это две разные модели цитирования, с разными союзными средствами и разными значениями. Единичные колебания в выборе формы предиката зависимой части возникают в тех случаях, когда семантика опорного слова имеет сложную структуру.

Наиболее надежным признаком косвенного цитирования в древнерусский период были анафорические отсылки – местоимения и глагольные формы 3 л., отсылающие к субъекту установки опорной предикации. Правило использования анафорических отсылок в придаточной части последовательно действовало в предложениях ПУ, а также в модально-осложненных конструкциях. Регулярное употребление форм 3 л. появляется в косвенной речи позднее, чем в других моделях косвенного цитирования.

Древнерусские летописи отражают разные стадии развития косвенной речи в русском языке.

В летописях с более архаичной и более книжной традицией (ПВЛ и ГЛ) примеров косвенной речи с правильными дейктическими отсылками почти не встречается. Грамматические признаки косвенной речи, отличающие аналитическую передачу чужого высказывания от других типов предложений, в указанных источниках выражены слабо: здесь используется модель с универсальным изъяснительным союзом **іако**.

Специальная модель косвенного цитирования выявлена в КЛ и близкой ей в лингвистическом отношении летописях – СЛ и ВЛ. Исследование показало, что она формируется по той же модели, что и изъяснительные предложения при предикатах знания и восприятия. Перечислим основные грамматические признаки, отличающие косвенные цитации от других способов передачи чужой речи:

- изъяснительные союзы **уже** и **ажє**, употребляющиеся только при предикатах знания и восприятия и косвенных цитациях и почти не встречающиеся при других цитативных конструкциях – при союзной прямой речи или придаточной инфинитивной конструкции;

- регулярные анафорические отсылки – местоимения и глаголы 3 л.;
- отсутствие или незначительное количество союзной прямой речи и других нарушений дейктической проекции;
- специфическая последовательность времен – в опорной предикации и нарративе используются повествовательные формы аориста, имперфекта, плюсквамперфекта, в зависимой части – формы презенса и перфекта, принадлежащие плану речи;
- изъяснительный союз был обязательным элементом конструкции – примеров с правильными дейктическими отсылками косвенной речи и одновременно бессоюзной связью не выявлено.

К указанным признакам стоит добавить выявленное в главе I противопоставление прямой и косвенной речи за счет опорных слов: при прямой речи используются локутивные глаголы, при косвенной – реферативные.

Таким образом, в КЛ, СЛ и ВЛ уже существовала специфическая древнерусская модель косвенной речи. Тем не менее ряд признаков указывает на незавершенность процесса формирования косвенной речи: не действовало правило дальнего дейксиса – в придаточной части используются пространственные указания ближнего дейксиса в синтаксическом режиме, т. е. ориентированные на субъекта установки, а не на нарратора;

НПЛ ст. занимает особое положение среди древнерусских летописей – косвенная речь в ней отсутствует, модель изъяснительного предложения имеет более архаичные черты: как в ПВЛ, используется союз *іако*, в зависимой части преимущественно используются нарративные глагольные формы. При этом по употреблению союзных средств НПЛ ст. сближается с киевской традицией, особенно в части за XIII в.: появляются *же*-союзы, како в изъяснительном значении при инфинитивной конструкции.

4. Изменения в структуре косвенной речи в старовеликорусский период

НЛ за XIV–XVI вв. показывает, что основные процессы, связанные с формированием современной модели косвенной речи с союзом *что*, происходили в старовеликорусский период.

В работах по исторической грамматике сложилось представление о второстепенности косвенной речи как способа цитирования: «Конструкция косвенной речи вторична и появляется в памятниках позднее, чем конструкция прямой речи. В памятниках XII–XIV вв. она встречается редко. В более поздних памятниках её употребление возрастает, но по-прежнему более распространена конструкция прямой речи» [Лопатина, 1979: 438–439]. Между тем в НЛ за XIV–XVI вв. отражает резкое увеличение конструкций косвенной речи и последовательное сокращение прямой речи: см. данные в Таблице 14:

Таблица 14

Соотношение прямой речи и конструкций косвенного цитирования в НЛ за XIV–XVI вв.

	1362–1424	1425–1505	1506–1558
Косвенная речь	84	105	278
Придаточная инфинитивная конструкция	26	56	101
Придаточная конструкция с сослагательным наклонением	39	75	162
Прямая речь	355	256	133

Из Таблицы видно, что в конце XIV– первой половине XV вв. соотношение способов цитирования близко к древнерусскому состоянию: прямая речь преобладает, косвенное цитирование используется значительно реже. Но уже к первой половине XVI в. конструкции косвенного цитирования встречаются в 4 раза чаще, чем прямая речь. С увеличением частотности конструкций косвенного цитирования активные изменения происходили в их структуре.

4.1. Анафорические отсылки

В части НЛ за вторую половину XIV в. модель косвенной речи имеет ту же структуру, что и в древнерусских летописях: бо́льшая часть примеров – это дейктически неохарактеризованные контексты:

и нача испытывати отъ старыхъ исторіи яко царь Батыи плѣнилъ Русскую землю и всеми князьми владѣлъ (НЛ, 1380, 46).

Однако уже в конце XIV в. наблюдается тенденция к более последовательному и регулярному использованию анафорических отсылок в придаточной части:

слышавъ же таковую вѣсть князь великіи Дмитрей Ивановичъ что идетъ на него самъ Тахтмышъ царь во множествѣ силы своя (НЛ, 1382, 72);

мняще яко устрашатся ихъ татарове (НЛ, 1382, 74);

и епископъ Тверскіи грамоты свои прислаша, что съ нимъ единомыслени на поставленіе митрополью Іоны, владыки Рязанского (НЛ, 1382, 74).

В первой половине XIV – начале XV в. количество примеров с анафорическими отсылками косвенной речи значительно превышает количество неохарактеризованных контекстов, особенно показательно их соотношение, выраженное в процентах:

Таблица 15

Соотношение нейтральных контекстов и примеров косвенной речи с анафорическими отсылками

	1362–1424		1425–1505		1506–1558	
конструкции косвенного цитирования	23	27%	46	44%	170	61%
дейктически нейтральные контексты	61	75%	59	56%	108	39%

Данные в Таблице 15 показывают, что с конца XIV до середины XVI вв. количество косвенной речи с соответствующими анафорическими отсылками последовательно возрастало.

Если в древнерусский период основными отсылками косвенной речи были местоимения 3 л., то в старовеликорусский период в анафорической функции активно используется анафорическое местоимение (*той, тотъ*):

нѣции же повѣдаша, яко корабль той стояше на единомъ мѣстѣ (НЛ, 1378, 38);

сами бо глаголаху, яко было ихъ съ сорокъ тысячъ на бою томъ (НЛ, 1471, 135);

глаголютъ же яко то прѣваа церковь на Москвѣ, на томъ дѣ мѣстѣ боръ былъ, и та цѣрковь въ томъ лѣсу срублена (НЛ, 1461, 114);

Тои же Никита да иніи отъ братьей, ученици Пафнотіевы, повѣдаша, яко ни пѣти ниже конархати, никтоже обрѣтесе надгробная, но единъ точію отъ ученикъ его Инокентей именемъ, той со многими же слезами надгробная проглагола (НЛ, 1477, 170);

пріѣхалъ къ великому князю изъ Рылѣска станичникъ Толмачъ Гавриловъ, что посылалъ его князь Петръ Ивановичъ Кашинъ къ Святымъ горамъ и они до тѣхъ урочищъ еще не дошли, а наѣхали верхъ Донца Сѣверского люди многіе крымскіе и гоняли за ними день цѣль, а идуть тихо; и тою примѣтою чаяти, царь идетъ (НЛ, 1541, 137);

а билъ челомъ великому князю отъ короля о томъ, что было ему перемиріе съ Новымгородомъ на koliko лѣтъ, и тѣ лѣта урочные отошли, и чтобы пожаловалъ князь велики, изнова перемиріе своей отчинѣ Великому Новугороду велѣлъ взяти съ нимъ (НЛ, 1476, 166);

И та вѣсть пришла къ великому князю и къ его матери великой княгинѣ, что князь Ондрѣй идетъ къ Новугороду, а грамоты посылаетъ г дѣтемъ боярскимъ, а зоветъ ихъ къ себѣ служить, а иные дѣти боярскіе уже пріехали къ нему служить и тѣ грамоты привезли къ великому князю со княжими печатми (НЛ, 1535, 95).

Таким образом, в старовеликорусский период, в отличие от древнерусского, последовательно действует правило употребления анафорических элементов в косвенной речи. Одновременно расширяется круг анафорических слов: в этой функции используются не только личные местоимения 3 л., но и указательное местоимение (*той, тотъ*).

4.2. Пространственный дейксис в косвенной речи

В летописях древнерусского периода в зависимой части косвенной речи не действовало правило замены ближнего пространственного дейксиса на дальний: указательные местоимения и наречия со значением ‘сюда’, ‘отсюда’, ‘этот’ употреблялись в синтаксическом режиме относительно субъекта установки **сѣмо Володимѣрю** ‘сюда во Владимир’.

Как и в древнерусский период, в НЛ за XIV–XVI вв. в придаточной части используются слова ближнего пространственного дейксиса (в том числе при предикатах установки), ср.:

А въ ту пору былъ на Вяткѣ посолъ Казанского царя, и тотъ послалъ вѣсть къ Казани, что и отсѣле, отъ Вятки, идетъ рать великого князя судовая (НЛ, 1469, 121);

сказалъ великому князю, что видѣлъ на сеи сторонѣ Дону на Сновахъ многихъ людеи, шли чередо весь день полки, а конца имъ не дождался (НЛ, 1541, 102).

Как и в ранних летописях, повествователь все время вводит уточнения – *на сеи сторонѣ Дону на Сновахъ, отсѣле отъ Вятки*. В данном случае указательные местоимения ближнего дейксиса отсылают не к предшествующему контексту, а к последующему (катафора).

Отдельного внимания заслуживает употребление слова *тутъ* в косвенной речи:

а писалъ къ государю, что на Днѣпрѣ къ нему пристали Литовскіе люди... и тутъ кони и многую животину отгонили да пошли подѣ Очаковъ (НЛ, 1556, 271).

Наречие *тутъ* в данном контексте используется в анафорической функции: оно отсылает к именной группе *на Днѣпрѣ*.

Интересно, что в старовеликорусский период слово *тутъ* допускается как в синтаксически подчиненном контексте, так и в синтаксически автономном (о различиях см. [Падучева, 2008: 66]), ср.:

И того же мѣсяца князь Семень Ивановичъ да князь Петръ Серебряной съ товарищи поѣхали къ городу Казани, а напередъ ихъ Иванъ Шереметевъ, а въ сторожевомъ полку князь Ѳеодоръ Ромодановъскои да въ сторожевомъ же Казанцы всѣ тѣ, которыхъ царь вывелъ. И какъ будутъ на Волгѣ у Ирохова острова, тутъ встретили бояръ Серль Дж. Р. ис Казани Шамса-князь да Ханъкилдеи, а иные многіе Казанцы встрѣчали съ любовію (НЛ, 1552, 176), слово *тутъ* отсылает к обстоятельству места *на Волгѣ*.

16 станъ на Яклѣ, 17 станъ на Чивлы, и тутъ государя встрѣтили многыя горніе люди, а били чѣломъ о своемъ отступленіи: сказываютъ, страхомъ от государя отступили, что ихъ вѣзвали Казанцы (НЛ, 1552, 200). *Тут* отсылает к обстоятельству места *на Чивлы*, выступая в анафорической функции.

Таким образом, в НЛ наблюдается более широкое употребление анафорических местоимений, свидетельствующих о том, что правило грамматических замен в косвенной речи в старовеликорусский период постепенно распространялось и на референциальные слова, однако единичные отсылки ближнего дейксиса на этом этапе ещё допустимы, как в древнерусский период.

4.3. Косвенный вопрос

В НЛ за XIV–XVI появляется значительное количество примеров с косвенным вопросом. При специальном вопросе использовались относительные слова, например:

Таже вопросихомъ старѣйшину Фрязъ тѣхъ, что хотятъ и намъ створити (НЛ, 1389, 97);

Вопроси же преподобныи игумень Сергіи митрополита, како повелитъ, чему быти: опщему ли, пустынному ли житію? (НЛ, 1392, 139);

а князь великій въ ту пору послалъ къ Москвѣ изгономъ боярина своего Михаила Борисовича Плещеева съ малыми зѣло людми, какъ бы имъ мощно проити мимо рати княже Дмитріеву? (НЛ, 1447, 72);

Тое же вѣсны послалъ князь великіи въ Новгородъ послы своя Ивана Борисовича, а съ нимъ діака Василя Далматова ко владыцѣ и ко всему великому Новгороду покрѣпити того: какова хотятъ государства ихъ отчина Великіи Новгородъ? (НЛ, 1477, 170);

приде къ великому князю Василей Епимаховъ съ тѣмъ, что намѣстникъ его великого князя князь Василей Василіевичъ съ Псковскимъ войскомъ пришли на его, господаря своего, дѣло всѣ, съ чѣмъ имъ велѣлъ къ себѣ быти и где велитъ имъ стати? (НЛ, 1478, 180);

повелѣ явити великому князю, о чемъ сіе хочетъ надъ нимъ князь великіи сотворити (НЛ, 1489, 220);

роспрашиваетъ, отколѣ воду емлютъ въ городъ (НЛ, 1552, 209);

выпросити Измаилевыхъ пословъ, что ихъ хотѣніе, и велѣлъ съ ними приговорити (НЛ, 1554, 235);

вѣстей не было, куды царь пошелъ (НЛ, 1554, 242);

да наказалъ х Качигалѣю-мурзѣ и къ Булату князю: что ихъ мысль? (НЛ, 1531, 56);

и выпрашивали о всемъ Романа, какъ нынѣ царь и великій князь съ крымскимъ живетъ (НЛ, 1552, 292).

Обратим внимание, что косвенный вопрос довольно свободно становится частью однородного подчинения косвенной речи, при этом соединяются конструкции любой структуры – изъяснительные, инфинитивные, сослагательные и косвенный вопрос:

прислали, что они пришли вверхъ тое же рѣкы Сары, далъ Богъ, здорово, и государь имъ какъ велѣлъ къ собѣ приити? НЛ, 1552, 199);

въ томъ его увѣщати, что промежъ ихъ такая смута: и кто тую смуту чинитъ? (НЛ, 1537, 117);

а посылалъ его царь и великій князь съ тѣмъ: какъ царевичъ крымской вовалъ Литву, и король бы то собѣ розсудилъ: въ многіе лѣта кровь крестьянская льетца отъ рукъ... и что въ томъ прибылъ, что христіанство отъ мусулманъ гинет? (НЛ, 1558, 292);

у себя и выпросити ихъ, что ихъ челобитье и какова государева жалованіа хотятъ на собѣ выдѣти? (НЛ, 1558, 293).

Частица *ли* как маркер общего вопроса в косвенной речи в старовеликорусский период используется все ещё редко – в широкое употребление она входит только в первой половине XVI в.:

Князь же великы и его мати великая княгиня послаша посланников своихъ ко князю Ондрѣю о здоровьи спрашивати и о иныхъ дѣлахъ, а про князя Ондрѣя тайно отвѣдывати: есть ли про него каковъ слухъ и зачѣмъ къ Москвѣ не поехалъ? (НЛ, 1535, 93);

и велѣлъ имъ напередъ себя посылати довѣдатца, многы ли люди и мочно ли ихъ доити (НЛ, 1552, 188);

и всѣ мырзы Ногайскіе, соединачася, государю приказывали: нынѣ они всѣ одиначны, велить ли имъ государь на крымъ ити самимъ, или послати братію и племенниковъ, князь прикажетъ, такъ и учинять (НЛ, 1557, 276).

Таким образом, в XV–XVI вв. в широкое употребление входят грамматические модели и специализированные маркеры для передачи вопроса в косвенной речи – сфера употребления этой конструкции расширяется на соответствующие опорные предикаты со значением ‘спросить, узнать’.

5. Процессы, общие для косвенной речи и модально-осложненных конструкций

5.1. Союз *что* как универсальный показатель косвенного цитирования

В НЛ за XIV–XVI вв. наблюдается активное распространение изъяснительного союза *что* на все типы изъяснительных конструкций – динамика указанного процесса отражена в Таблице 16. Для сравнения приводятся данные для предложений, смежных с косвенной речью – при предикатах знания и восприятия, ср.:

Таблица 16

Изъяснительный союз *что* при конструкциях косвенного цитирования

	1362–1424	1425–1505	1506–1558
Косвенная речь	14	58	236
Придаточные инфинитивные конструкции	7	28	90
Придаточные предложения при предикатах знания и восприятия	8	38	43

Как видно из Таблицы 16, к XVI вв. изъяснительный союз становится универсальным показателем изъяснительных конструкций, ср.:

промчєся вѣсть въ городъ, что стоитъ князь великїи Дмитрей ивановичъ со своею силою у Жилутуга (НЛ, 1386, 88);

и отпусти его къ великому князю съ тѣмъ, что дати за него царевну но да пришлетъ по нея боярь своихъ (НЛ, 1469, 120);

слышавъ же то князь великїи Дмитрей, что идетъ на него Тахтамышъ царь со всею силою своею (НЛ, 1382, 72).

С распространением современного союза *что* последовательно сокращается количество примеров с союзом *яко*:

Таблица 17

Употребление союза *яко* в конструкциях косвенного цитирования

	1362–1424	1425–1505	1506–1558
Косвенная речь	79	43	4
Придаточные инфинитивные конструкции	1	11	0
Придаточные предложения при предикатах знания и восприятия	53	27	16

Таблица 17 показывает, что с XIV по XVI в. употребительность союза *яко* при косвенных цитациях значительно сокращается. Указанный союз ещё используется в старовеликорусский период как показатель эвиденциальности:

Глаголють же нѣцыи, яко въ Дорогомиловской той церкви отъ древнихъ лѣтъ были бяху священныя ризы чудотвориваго святителя Леонтіа, и отъ того времени не обрѣтошася тамо и нигдѣже индѣ и донынѣ, на увѣрене преславнаго чюдеси (НЛ, 1522, 42);

глаголаху бо мнози, яко мнози его дѣти боярьскыя говорили ему, чтобы князь поѣхалъ въ Дмитровъ (НЛ, 1534, 79).

При инфинитивных конструкциях *яко* выходит из употребления к XVI в.

Отметим, что при предикатах знания и восприятия союз *яко* удерживается дольше, чем при косвенном цитировании (см. Таблицу 17). В НЛ за XVI вв. отчетливо выделяются несколько участков текста, в которых в качестве изъяснительного союза используется *яко*: 1521, 1530, 1536, 1552–1553.

При предикатах знания-восприятия *яко* отмечен в книжных контекстах:

а не вѣдый того, яко Господня рука высока есть (НЛ, 1536, 110).

Вне канонических цитат этот союз используется в Повести о взятии Казани:

и видевъ вси христіане, яко воеводы ихъ біются съ Татари (НЛ, 1553, 212);

И видевъ вси люди, яко государь приблизился къ нимъ и мужественъ храбрѣствуетъ съ ними, и въ той часъ отъ всѣхъ странъ (НЛ, 1553, 217).

Таким образом, изъяснительный союз *яко* используется в НЛ за XVI вв. преимущественно как показатель ориентации повествователя на более книжную традицию.

В конструкциях с сослагательным наклонением наблюдается также постепенная утрата книжного союза *дабы* и распространение современного союза *чтобы* – наиболее активно этот процесс происходит в XV в., даже несмотря на второе южнославянское влияние, отраженное в НЛ за этот период:

Таблица 18

Употребление союзов при конструкциях с сослагательным наклонением

	1362–1424	1425–1505	1506–1558
<i>да(бы)</i>	24	6	0
<i>что(бы)</i>	11	90	169
<i>всего</i>	35	96	169

Статистика показывает, что *да(бы)* выходит из летописного узуса к началу XVI в.

и прежде начаша бити челою боляромъ и воеводамъ великого князя, да быша печаловалися братіи великаго князя, а они бы печаловалися великому князю, съ ними же бы вкупѣ и сами боляре попечаловалися (НЛ, 1471, 139);

моляшеся и милости просяще о своемъ преступленіи, яко безъ ума противишася ему, дабы явилъ имъ милость свою много предъ нимъ согрешимъ, чтобы пожаловаль государь, смиловалься надъ ними, возвратилъ бы гнѣвъ свои (НЛ, 1471, 139).

С XV в. при конструкциях с сослагательным наклонением решительно преобладает *что(бы)*, например:

а къ воеводамъ писалъ, чтобы его жалованіе и землѣ сказали Ругодивской, на чомъ государь ихъ пожаловаль, и отъ маистра ихъ велѣлъ беречи (НЛ, 1558, 294).

Таким образом, уже в XV в. наблюдается унификация союзных средств в конструкциях косвенного цитирования: универсальным показателем изъяснительной связи становится союз *что*. Один и тот же союз при придаточных конструкциях с разной синтаксической структурой создает предпосылки для их синтаксической перестройки и семантического сближения.

5.2. Бессоюзные конструкции косвенного цитирования

В исследованных древнерусских летописях союз был обязательным элементом в конструкциях косвенного цитирования. НЛ показывает, что пропусков союза не встречается вплоть до конца XIV в., с XV в. появляются единичные примеры с бессоюзием при косвенном цитировании. Динамика распространения бессоюзных сложноподчиненных предложений с изъяснительной связью отражена в Таблице 19:

Распространение бессоюзных конструкций косвенного цитирования

	1362–1424	1425–1505	1506–1558
Косвенная речь	0	8	35
Инфинитивные конструкции	0	8	11

Статистика показывает, что пропуск союза при косвенной речи впервые появляется с первой половины XV в. – соответствующие анафорические элементы выделены пунктиром:

а къ великому князю пришедь Фрязинъ съ тѣмъ Тривизаномъ, назвалъ его князкомъ Венеціискимъ, а себѣ племянникомъ, а рекши: пришелъ до него своимъ дѣломъ да и гостбою, да то у великого князя утаили (НЛ, 1472, 142);

и онъ далъ одному з жребья крѣстное цѣлованіе, цѣловати крестъ такъ: направивши возненную стрѣлбу противъ сердца и самострѣлъ противъ горла, а дотолѣ стоятъ противъ таковыа смерти, доколѣ отецъ его духовной десятиа приговоритъ приказъ Евангѣлскія притчи: не лжи, не укради (НЛ, 1453, 104);

А поля имъ судилъ въ своемъ царствѣ бес крестного цѣлованія: нагимъ лѣсти въ темницу бритвами рѣзатися, а бритву одну положатъ въ тайномъ мѣстѣ, и кто бритву найдетъ, тотъ и правъ и свое возметъ на чемъ ему судъ былъ (НЛ, 1453, 104), *положатъ* – глагол в 3 л., отсылает к местоимению *имъ* в опорной предикации.

Приведем примеры с пропуском союза при инфинитивной придаточной конструкций:

и целова крестъ князь Юрьи Святославовичъ ко всему Новугороду и въ животъ и въ смерть: которіи врази поидутъ на Новъгородъ ратью, боронитися отъ нихъ князю Юрью съ Новгородцы съ одного (НЛ, 1404, 190);

И съѣтовалъ государь, какъ поити къ городу и приговорилъ: стати самому государю и князю Володимиру Андрѣевичю на Царевъ лугу близко Отучевы

мизгити, а царю Шигалю за Булакомъ подъ кладбищемъ, а итти царю въ болшемъ полку (НЛ, 1552, 202);

Активное распространение бессоюзных косвенных цитаций наблюдается в XVI в.:

А мамич-Бердѣй сказывалъ: взялъ былъ изъ Нагай-царя, и царь имѣ не учинилъ некоторые помочи, и онѣ царя убилъ и всѣхъ Нагай побилъ, да сложася съ Арскими людми, а самъ пошелъ на Горнюю сторону тѣхъ отводити отъ царя и великого князя, и горніе люди оманули, товарищовъ побили, а его изымали и къ государю привели (НЛ, 1556, 266);

Того же мѣсяца пришли назадъ Гриша Велинъ да Истома Матюков, а сказываютъ: до Исмаиля ихѣ не допустили Исуѣовы дѣти, розгромили, иныхъ поимали Нагайскихъ послов и Андрѣя Тишкова взяли (НЛ, 1556, 269);

пріѣхалъ от воеводѣ изъ Нѣмецкіе земли Шемяка князь Дмитрей Гагарин, а отъ царевича Уразлый-мырза Конбаровъ, и сказывали: какъ воеводы пришли за рубежъ въ Смолино и въ Лебежье и послали воевати по обѣ стороны, и къ городу х Киновепи послали же, и изъ города Нѣмцы побежали, а город зажгли, и воеводы за ними послали и многихъ угонивъ, побили, а въ городъ нарядъ поимали, семь пушекъ взяли, и рухлядь всякую многую имали, и городъ до основанія сожгли, а сами пошли къ Выбору, воюючи по обѣ стороны (НЛ, 1556, 264), признаком косвенного цитирования является анафорический повтор в главной и зависимой клаузе слова *воевод(ы)*.

С XV в. примеры с пропуском изъяснительного союза появляются и в других изъяснительных предложениях, в том числе при предикатах знания и восприятия (всего 15 примеров), ср.:

въ градъ Москвѣ видѣша мнози людіе: звѣзды по небеси протягахуся (НЛ, 1534, 79);

Царь же стоа на високомъ мѣстѣ з безбожными своими князьми и видѣ: еще къ великого князя въиньству прибываютъ люди многие къ брегу (НЛ, 1541, 139).

Отметим, что бессоюзная связь в сложноподчиненных предложениях — это одна из особенностей разговорной речи [Граудина, Ширяев, 1999: 25–30]. Распро-

странение бессоюзной связи при косвенной речи свидетельствует о широком проникновении элементов разговорного синтаксиса в структуру косвенного цитирования в XV–XVI вв.

5.3. Семантическое сближение инфинитивной конструкции и конструкции с сослагательным наклонением

В среднерусский период происходит формальное сближение между употреблением инфинитива и сослагательного наклонения в придаточной части косвенной речи: основным показателем изъяснительной связи становится союз *что*, который встречается во всех типах косвенной речи – не только в нейтральных, но и в модальных конструкциях. Расширение состава опорных предикатов косвенной речи в этот период создает предпосылки для развития варьирования в употреблении модальных конструкций и появления контекстов нового типа.

Сослагательное наклонение

В НЛ основной сферой употребления сослагательного наклонения остается некатегоричное волеизъявление, при этом появляется несколько тенденций, новых по сравнению с летописями старшей поры.

В НЛ в период с XIV до середины XVI вв. последовательно возрастает количество примеров с сослагательным наклонением в косвенной речи. Семантические типы опорных предикатов и точные данные приведены в Таблице 20:

Таблица 20

Семантические типы опорных слов в конструкции
с сослагательным наклонением

	1362–1424		1425–1505		1506–1558	
предикаты просьбы	25	64%	60	80%	86	53%
предикаты распоряжения	8	21%	5	7%	24	15%
нейтральные предикаты речи	6	15%	10	13%	52	32%
<i>всего</i>	39		75		162	

Как и в древнерусский период, основная сфера употребления сослагательного наклонения в косвенной речи – при опорных предикатах, выражающих просьбу и побуждение, которые не предполагают от адресата их обязательного исполнения. В НЛ указанные контексты составляют более 50% всех случаев. К этому типу предикатов относятся следующие лексемы: *бити челомъ*, *добити челомъ* ‘просить’ [Срезн. I: 672], *молити*, *напоминати* ‘требовать’ [Срезн. II: 310], *научати* ‘подстрекать’ [Срезн. II: 346], *подмолвити* ‘подговорить’ [Срезн. II: 1064], *помолити*, *понужати* ‘убеждать, побуждать’ [Срезн. II: 1184], *умолити*, *просити*, *проситися*, *правды просити*, *послати*, *посылати*, *сослатися*, *прислати*, а также существительные, образованные от них, – *молитва*, *посолъ*. Вот некоторые примеры:

Царь и великіи князь напоминаетъ, чтобы съ нимъ похотѣлъ заодинъ стати о свободѣ крестьяньской (НЛ, 1558, 292);

И сестру свою Уліану ... моля и научая, дабы умолила его и понудила поити ратью къ Москвѣ на великого князя Дмитрея Ивановича (НЛ, 1371, 13);

Князь великіи же много его моляше и понужаше, чтобы благословилъ Митяя послѣ себя на митрополію (НЛ, 1378, 35);

У князя у Ивана учалъ правды просити, чтобы его князь великій не велѣлъ поимать и опалы бы своя на него не положилъ (НЛ, 1537, 118).

Новая черта в употреблении сослагательного наклонения в косвенной речи – появление этой формы в синтаксически подчиненных контекстах при предикатах, обозначающих распоряжение: *оставити* ‘позволить, допустить’ [Срезн. II: 736], *отпустити* ‘отправить, послать с распоряжением’ [Срезн. II: 808], *приказати* ‘поручить, сказать’ [Срезн. II: 1409], *приказывати* ‘поручать’ [Срезн. II: 1409], ср.:

А что съ нимъ было людей, тѣхъ всѣхъ отпустилъ къ берегу съ воеводою со княземъ Иваномъ Звенигородскимъ, чтобы не толь борзо перевезлися рѣку Оку (НЛ, 1451, 76);

А приказал царю и воеводамъ, чтобы всю Горнюю сторону, приведши къ правдѣ, послали къ городу Казани (НЛ, 1551, 165);

А приказалъ царь и великій князь, чтобы были заединъ со царемъ и великимъ княземъ на всѣхъ его недруговъ (НЛ, 1555, 246).

Интересно то, что на данном этапе, в отличие от современного русского языка, контексты с распоряжением не включают категоричных видов волеизъявления – прямых приказов: не отмечено ни одного примера с опорным предикатом в значении ‘повелеть, приказать’ (например, *повелѣти*) при придаточном предложении с сослагательным наклонением. При косвенном цитировании повеление по-прежнему выражается в рамках структуры простого предложения – сочетанием глагола *велѣти* в современном значении с инфинитивом, например: *да велѣли городъ крѣпити и намѣстникомъ всѣхъ людей къ цѣлованію привести* (НЛ, 1537, 95).

Ещё одна поздняя инновация в структуре придаточных предложений с сослагательным наклонением – появление в позиции опорного предиката нейтральных глаголов речи: *глаголати, говорити, (приде/бысть) вѣсть, речи, отвѣтъ учинити, сказати*. В эту же группу входит нейтральный глагол письменной речи *писати*, а также опорные существительные, указывающие на письменную форму сообщения, например, *грамота*. К середине XVI в. контексты с нейтральными предикатами речи составляют почти треть (32%) употреблений сослагательного наклонения при косвенном цитировании, вот некоторые из них:

И глаголаше кождо другъ ко другу своему, дабы кто противу его изшелъ (НЛ, 1380, 59);

А говорилъ от короля, чтобы князь великий Иванъ послалъ х королю пословъ своихъ напередъ и опасную грамоту на пословъ привозилъ (НЛ, 1541, 114);

Пріѣхали отъ воеводъ... семь человекъ съ вѣстью, чтобы сидѣли въ городъ крѣпко (НЛ, 1541, 113);

Да отвѣтъ имъ учинилъ, чтобы они о томъ послали къ государю царю и великому князю бити челомъ, какъ государь ихъ пожалуетъ (НЛ, 1551, 167).

К группе предикатов, в семантической структуре которых нет указания на иллокутивную функцию, можно отнести глаголы эмоциональной речи:

и абіе начяша изъ града вопити и кликати, чтобы великій государь пожаловалъ, мечъ свой унялъ, а бою престати повелѣлъ (НЛ, 1514, 19).

Как можно заметить, опорные предикаты при придаточных с сослагательным наклонением маркируют иллокутивные функции цитируемого высказывания

нерегулярно: при предикатах речи в одних примерах передается просьба, в других распоряжение. Таким образом, в среднерусский период уже нестрого действует архаичное соответствие между семантикой зависимой конструкции и значением опорного предиката.

Инфинитивная конструкция

Материал НЛ за XIV–XVI вв. показывает, что в среднерусский период активно расширяется сфера функционирования инфинитивной конструкции. В её употреблении наблюдаются тенденции, общие с историей форм сослагательного наклонения в косвенной речи. Основные направления их развития можно установить на основании статистических данных, представленных в Таблице 21:

Таблица 21

Семантические типы опорных слов при инфинитивной конструкции

	1362–1424		1425–1505		1506–1558		XII–XIV вв.	
комиссивы	15	58%	27	48%	62	49%	96	95%
нейтральные предикаты речи	5	19%	13	23%	31	25%	5	5%
предикаты распоряжения	6	23%	12	21%	27	21%	0	0
предикаты просьбы	0	0%	4	7%	6	5%	0	0
<i>всего</i>	26	100%	56	100%	126	100%	101	100%

Статистика показывает, что бóльшую часть употреблений инфинитивной конструкции, как и в древнерусский период, стабильно составляют контексты при предикатах со значением обязательства, которое должно быть исполнено после момента речи. В первую очередь к ним относятся слова со значением ‘обещать, давать присягу’: *крестъ цѣловати, обещаѣти, цѣловати, дати шертъ* (шертъ – ‘клятва, договорные отношения’ [Срезн. III: 1587]), например:

А въ досталномъ всѣ шерть дали, что имѣ и до одного свободити (НЛ, 1551, 169);

И на той грамотѣ Шаусеинъ-Сеитъ передъ великого князя бояры шерть далъ на томъ, что царю Магмедъ-Аминю въ Казани передъ великого князя по-

сломя шертъ дати, что по той грамотѣ царю правити великому князю и до своего живота (НЛ, 1512, 14).

К предикатам этой группы также относятся существительные *цѣлованіе* ‘целование креста, присяга’ [Срезн. III: 1451] и *правда* ‘обет, обещание; присяга’ [Срезн. II: 1357], например:

и правду христіаномъ даша, яко не блѹстися ничего же отъ царя и отъ Татаръ его (НЛ, 1382, 75).

В НЛ инфинитивная конструкция сохраняет употребление при глаголах со значением ‘договориться, заключить договор’: *докончати миръ* ‘заключить мир’, *докончати* ‘порешити, уговоритися’ [Срезн. I: 693], *приговорити* ‘порешить’ [Срезн. II: 1392], *сдумати, совѣтъ сотворити* ‘заключить соглашение, уговор’ [Срезн. III: 681], *умиритися* ‘заключить мир’ [Срезн. I: 1207], *утвердити*, ср. примеры:

И докончаша съ нимъ и съ Новогородцы, что быти на съѣздѣ князю Коньстянтину Дмитреевичю съ Новогородцы и ихъ местеру (НЛ, 1421, 236);

Приговоря, на чемъ быти царю Магмедъ-Аминю съ великимъ княземъ въ крѣпкомъ миру и въ докончаніи (НЛ, 1512, 14);

А бояре свѣтъ сътвориша, что имъ князя Юрья изымати (НЛ, 1534, 79);

И руками своими утвердили, что имъ во вѣкы поминати и молити Бога о цари Иванѣ, а хто не учнетъ молити, тому въ отлученіи быти (НЛ, 1557, 275).

Новая черта в употреблении инфинитивных конструкций – рост числа примеров при нейтральных глаголах речи с 5% до 20% по сравнению с древнерусским периодом. Список глаголов речи, зафиксированных в НЛ, значительно шире, чем в летописях старшей поры: *возвѣщати, глаголати, говорити, дати запись, молвити, написати, отвѣтъ учинити, отмолвити* ‘ответить’, *отписати, речися*. К этому же типу относятся существительные *вѣсть, грамота, листы, слово, печать* ‘грамота с печатью’ [Срезн. II: 926], *послание, рѣчь*. При этом инфинитивная конструкция при нейтральных глаголах речи выражает очень широкий спектр иллокутивных значений – присягу, распоряжение, решение ср.:

А у правды то царь говориль, что присылати великому князю казна (НЛ, 1558, 288);

А Онтонъ тогда отъ папы от Павла привезлъ листы къ великому князю, что посломъ великого князя волно ходити до Рима по всей земли Латынской и Нѣмецкой и Орязской (НЛ, 1471, 142);

И бояре ему по государеву приказу то отмолвили, что тому дѣлу инако не быть: что государю Богъ далъ, того ся ему не поступитъ (НЛ, 1551, 167).

Таким образом, в среднерусский период наблюдаются изменения в семантике инфинитивной конструкции. В ранних примерах при нейтральных глаголах речи и ментально-перцептивных предикатах инфинитив в придаточной части, как правило, выражал один и тот же тип модальности – неизбежная ситуация, которая осуществится с высокой степенью вероятности после момента речи. В поздний период инфинитивная конструкция при глаголах речи может иметь широкий спектр значений – от обещания до распоряжения или же просто обозначения «будущего в прошедшем» с модальной семантикой долженствования или предопределенности.

Отмеченная тенденция является общей в развитии придаточных предложений с инфинитивом и сослагательным наклонением: в среднерусский период модальное значение зависимой конструкции не всегда эксплицировано за счет употребления опорного слова соответствующей иллокутивной семантики. Появляются примеры, в которых вершинным предикатом является нейтральный глагол речи, а иллокутивная функция чужого высказывания не маркируется и во многих случаях остается неясной.

Другой синтаксической инновацией, общей с сослагательным наклонением, является распространение инфинитивной конструкции на цитирование распоряжений. Данные в Таблице 4 показывают, что в НЛ контексты указанного типа составляют более 20% употреблений инфинитива в косвенной речи. При инфинитивной конструкции отмечены следующие предикаты: *пожаловати* ‘пожаловать, наградить; соизволить’ [Срезн. II: 1079], *наказати* ‘наставить’, *отпустити* ‘отправить, послать с распоряжением’ [Срезн. II: 808] *положити* ‘постановить; назначить; право дати, привести к чему-то’ ‘предложить, заставить’, *приказати* ‘приказать, поручить’, *совѣтовати* ‘давать указания; повелевать’ [Срезн. III: 681], *приказывати* ‘поручать’, *установити* ‘назначить, определить’ [Срезн. III: 1275], например:

И князь великіи тѣмъ ихъ пожаловалъ, что имати его одинова на годъ дань съ сохи по полугривнѣ (НЛ, 1478, 184);

И князь великіи тѣмъ пожаловалъ отчину свою, что имъ самимъ дань збирати и отдавати, кому у нихъ велятъ имати, а писцевъ и даньщиковъ къ нимъ не посылати (НЛ, 1478, 184);

А князю Ивану то отъ великого князя не наказано, что ему правда дати князю Андрѣю (НЛ, 1537, 96);

Князь же Дмитрей, много думавъ о семъ, положи на томъ, что выпусти-
ти великого князя и дати ему отчина, на чемъ бы мощно ему быти (НЛ, 1446, 71);

И Исламъ приказалъ з Даниломъ, что одноконечно крымъскимъ людемъ ратию на великаго князя украины не быти (НЛ, 1535, 96);

А отецъ нашъ привелъ ихъ къ тому, что хотѣти имъ намъ добра (НЛ, 1400, 183);

Папа же князя великого посла Ивана Ѳрязина много чтивъ и отпусти его къ великому князю съ тѣмъ, что дати за него царевну но да пришлетъ по нея боярь своихъ (НЛ, 1469, 120).

Обратим внимание, что при некоторых предикатах из этого списка в придаточной части встречается сослагательное наклонение – см. примеры с глаголом *приказати* и *отпустити* в предыдущем разделе. Таким образом, при опорных словах, выражающих распоряжение, в среднерусский период наблюдается варьирование в выборе зависимой придаточной конструкции – инфинитивной или с сослагательным наклонением.

Во второй половине XVI вв. инфинитив и вовсе начинает употребляться в контекстах, которые в ранний период были исключительно сферой сослагательного наклонения, – при опорных предикатах со значением просьбы. Рассмотрим группу примеров при глаголе *добити челомъ* ‘просить’ [Срезн. I: 672]:

И царь государь пожаловалъ, а велѣлъ договоритца, по чему имати и за что прошлые залоги взяти. И добили челомъ, что дати за прошлые залоги и за нынечной подъемъ полпятадесять тысячь ефимьковъ, а Московская осмнатцать тысячь рублевъ (НЛ, 1558, 287);

И послы Нѣмецкіе добили челомъ на томъ, что бискупу Юрьевъскому со-брати дань со всей области Юрьевской по перемирнымъ грамотамъ, со всякого челоука по гривнѣ по Нѣмецкой, опричь однихъ церковныхъ людей, и та дань привести къ царю и великому князю вся сполна...И царь и великіи князь маистра Ливоньского и бискупа Юрьевъскаго и всю землю Ливоньскую пожаловалъ на томъ на всемъ и дань свою на Юрьевъскую область положилъ по гривнѣ по Нѣмецкой на всякого челоука (НЛ, 1554, 240);

и за всю Арьскую сторону и Побережную добили челомъ, что имъ государю дань давать и отъ Казани неотступнымъ быти и до своего живота, и на томъ въводамъ правду дали (НЛ, 1554, 239).

Важно отметить, что в указанных контекстах опорный предикат *добити челомъ*, относящийся к сфере деловой коммуникации, имеет сложную семантическую структуру: послы ‘просили представителя власти (князя/воевод) распорядиться...’. Оптативный компонент маркируется значением опорного слова *добити челомъ* ‘просить’, распоряжение – модальной формой инфинитива в придаточной части.

Интересен другой пример, в котором оптативный компонент зависимой конструкции с инфинитивом эксплицирован не только опорным словом, но и формально с помощью союза *чтобъ (чтобы)* в придаточной части:

Того же месяца прислалъ къ государю бити челомъ маистръ Ливонской по словъ своихъ Фалентина да Мелхера да писаря Гануса, чтобъ имъ дани царя и государя не дати, которую на себѣ положилъ бискупъ Юрьевской своей области по гривнѣ со всякого челоука (НЛ, 1557, 280), ‘Ливонский магистр попросил (через послов) государя распорядиться, чтобы они [ливонцы] не давали дани, которую обязался платить бискуп Юрьевский в своей области’.

Таким образом, употребление инфинитивной конструкции и сослагательного наклонения при одних и тех же опорных предикатах постепенно приводит к появлению новых моделей косвенного цитирования¹⁵.

¹⁵ Конкуренция инфинитивной клаузы и дополнительного придаточного с союзом *чтобы* сохраняется в современном русском языке [Арутюнова, 1992a]. По наблюдениям О. Пекелис, конкуренция указанных конструкций имеет место при предикатах распоряжения и волеизъявления – на выбор зависимой клаузы влияет признак контролируемости/неконтролируемости ситуации в зависимой клаузе [Пекелис, 2014: 44].

5.4. Изменения в структуре придаточной клаузы

Если в ранних летописях план чужого высказывания состоял, как правило, из 1–3 предикативных единиц, то в НЛ длина зависимой части сложноподчиненного предложения в среднем составляет 5–7 предикативных единиц и больше. Наиболее показательными примерами в этом отношении являются контексты с развернутой косвенной речью. Рассмотрим пример:

И царь и великїи князь пошелъ наспѣхъ хъ Тулѣ, шелъ всю ночь и пришелъ на Тулу въ субботу на солнечномъ возходѣ. И тутъ къ государю прїѣхали воеводы бояринъ Иванъ Васильевичъ да околничей Левъ Андрѣевичъ, а сказывали государю, что на кошъ послали многихъ людей и кошъ царевъ взяли, а сами спѣшили за царемъ по его наказу государеву, а чаяли его въ войнѣ застати: нѣчто станеть воевати и розпуститъ воину, и воеводамъ было приходить на суволоку, а не стануть воевати, и имъ было промышляти, посматрѣя по дѣлу; да по грѣхомъ съ нимъ встрѣтились, и билися со царемъ полтора дни, и которые люди на кошу были, и тѣ къ нимъ многие не прїѣхали, а поѣхали и съ кошемъ по украинамъ, и царь ихъ потопталъ и розгромилъ, и многие люди зъ бою съѣхали, розъмѣтавъ съ себя орудіе, многіе люди, а воеводы всѣ, далъ Богъ, здорово (НЛ, 1555, 257).

Косвенная речь в данном случае состоит из 12 предикативных единиц. В указанном примере затруднительно однозначно определить границы чужого высказывания — чужое сообщение сливается с планом повествования, если установка на чужую речь никакими дополнительными средствами не маркируется (частицами, модальными словами и т.д. — см. следующую главу).

Приведем ещё один пример развернутой косвенной речи, в котором придаточная часть состоит из длинной цепочки однородных сказуемых:

Того же мѣсяца, въ Масленое заговеніе, прїехалъ ко царю и великому князю изъ Нѣмецъ отъ царя Шигалѣя и отъ царевичей Уразлый-князь Канбарова, Манъгитъ да Семень Мурза Кіатъ...а сказывали государю отъ царя и отъ царевичовъ и отъ воеводъ, какъ пошли изъ Пскова, и отпустили напередъ себя воеводу князя Василіа Ивановича Борбошина, да князя Юрья Петровича Репнина, да (перечисляются имена), и князь Василеи и князь Юрьи и Данило воевали девять день, а пришли на сидячіе люди, а у Новово Городка и у Керекѣпи-города и у го-

родка у Ялыста да у городка у Куръслова да у Бабья городка посады пожгли, и людеи побили многихъ, и полонъ безчисленно множество поимали, а война их была подѣ Литовъскои рубежъ вдоль полтора ста верстъ, а поперегъ на сто верстъ; а сошлись съ царемъ и съ воеводами подѣ Юрьевомъ, далъ Богъ, здорово (НЛ, 289–290, 1558).

Как отмечает Л.Е. Лопатина, развернутая косвенная речь характерна прежде всего для памятников делового регистра [Лопатина, 1979: 444]. Вероятно, вместе с текстами деловых грамот и посланий эта конструкция получает распространение и в поздних летописях, в том числе и в НЛ за XV–XVI вв. Отметим, что почти все примеры встретились в менее книжной части летописи: около 10 случаев зафиксировано в части конца XV в. и почти 30 контекстов – в части за XVI в.

5.5. Немаркированные переходы от косвенной речи к прямой

С распространением косвенного цитирования и развернутой косвенной речи количество примеров с немаркированными переходами от косвенной речи к прямой в НЛ за XIV–XVI вв. также значительно возрастает. Ниже в Таблице 22 указано количество «сбоев» в косвенном цитировании, и для сравнения приводится количество косвенных цитаций. Контексты с немаркированными переходами рассматривались отдельно, при подсчете косвенных цитаций они не учитывались.

Таблица 22

Количество нарушений грамматической проекции косвенной речи в НЛ за XV–XVI вв.

	1362–1424	1425–1505	1506–1558
Нарушения грамматических проекции косвенной речи	10	15	35
Косвенные цитации	14	57	282

Из Таблицы видно, что увеличение количества сбоев с косвенного на прямое цитирование происходит вместе с возрастанием числа примеров с косвенными цитациями.

Интересно также отметить, что немаркированный переход от косвенной речи встречается в большинстве своем в тех случаях, когда чужая речь вводится т.н. «новыми» глаголами речи. К опорным предикатам нового типа относятся глаголы *бити челомъ, говорити, посылати, сказати, писати, приказати, оттолвити* и некоторые другие лексемы, не использовавшиеся в древнерусский период (подробный список см. в Главе I).

Нарушения грамматической проекции косвенной речи происходят по одной и той же схеме: как правило, начальные клаузы чужой речи вводятся по модели косвенной речи, заключительная клауза вводится в форме прямой речи – ср. дейктические отсылки в примерах:

и ту прибеже къ нимъ исъ Казани полоняникъ, сказываа имъ, что дополна собралъся на нихъ царь Казанской Обреимъ со всею землею своею, и быти ему на васъ на ранней зорѣ и судовою ратью, и конною (НЛ, 1469, 122);

и царь оттолвилъ, что ему никакъ бусурманского юрта не порушить, а прожити мнѣ въ Казани не мочно (НЛ, 1552, 174).

Переход от косвенной речи к прямой довольно часто наблюдается при цитировании деловой коммуникации Московского государства – грамот, челобитных, посольских речей:

и сказа имъ, что прислалъ къ нему князь великий грамоту, а велѣлъ всемъ вамъ, кто восхощетъ, ити воевати Казанскіе мѣста по обѣ стороны Волги (НЛ, 1469, 121);

А послаша князи Казанскіе Барашъ-Селта къ великому князю Ивану Василіевичю на Москву бити челомъ отъ нихъ и отъ всеа земли, чтобы ихъ великий князь пожаловалъ, а нелюбіа имъ отдалъ, что они измѣнили государю своему Магамедъ-Аминю царю, да и тебѣ, великому князю (НЛ, 1496–1497, 243);

А писалъ царь къ великому князю въ грамотѣ, что сынъ его приходилъ подъ великого князя украины безъ его вѣдома приговоромъ князеи Асманъгитскихъ, и

царь ихъ за то поималъ, и князь бы великии съ нами въ томъ дружбы не порушилъ (НЛ, 1540, 131);

И царь с Алексіемъ къ великому князю прислалъ бакшея своего Базека з грамотою бити челомъ о томъ, чтобы князь великии пожаловалъ, взялъ съ нимъ миръ по старинѣ и дружбу, какъ было съ отцемъ его съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Руси, а посла его Михаила Кляпика съ товарищи часа отпущу, да и тѣхъ людей, которые на бою въ наши руки попали (НЛ, 1507, 5);

и говорили послы великому князю, чтобы князь великии былъ с царемъ въ дружбѣ и въ братствѣ по тому же, какъ былъ напередъ того въ дружбѣ и въ братствѣ отецъ нашъ Минли-Гирѣи царь (НЛ, 1539, 125);

а въ грамотахъ писали, вспоминая перемиріе, на чемъ взялъ съ Ноугородъскими намѣстникомъ ..., и какъ порушилъ, чего для раздоръ учинилъ, и будетъ похочетъ перемиріе держати, на чемъ цѣловалъ, и онъ бы на рубежъ былъ ..., а винныхъ бы, хто воину зачалъ, съ собою привелъ да казнилъ передъ нами (НЛ, 1556, 263);

Владыка съ предреченными своими билъ челомъ бояры великому князю, что уже государь не жалуеъ, не токмо цѣлованіе отложылъ, ни опасные грамоты не дастъ, и чѣмъ такъ свою отчину насъ жалуеъ, и мы бы то его, своего государя жалованіе отъ устъ его слышали сами безъ высылкоъ (НЛ, 1478, 182);

били челомъ послы великому государю отъ воеводы, чтобы его великии государь пожаловалъ, далъ ему на поможение окупитися отъ Турскаго Салтана, что его выгналъ Турецкыи Салтанъ изъ его земли Молъдовскыи и воевода хотѣлъ ѣхати къ тебѣ (НЛ, 1543, 144) и др.

Немаркированные переходы к прямой речи встречаются также вне изъяснительных конструкций:

чърныя люди привелъ къ цѣлованию не даватися великому князю Михаилу Александровичу Тверскому "а в землю его на княжение Владимирьское не пускайте" а самъ с братомъ своим Володимѣромъ Андреевичемъ стаха въ Переяславли (НЛ, 1371, 15) и под.

Характерно, что случаи немаркированного перехода от косвенной речи к прямой чаще всего встречаются в менее книжных по содержанию частях летописи

– в известиях о борьбе Василия Василиевича с сыновьями князя Юрия Дмитриевича, в рассказах о борьбе с новгородцами, в рассказе о борьбе великого князя Иоанна Васильевича с Новгородцами, в повести о покорении Новгорода и о войне Новгородской, в повествовании о немецкой войне.

Обратим внимание на то, что немаркированные сбои с косвенного цитирования на прямую речь – это одна из черт разговорного синтаксиса. В НЛ количество цитаций с нарушениями в зависимой части возрастает к XVI в., по мере того как летописное повествование становится более некнижным со статей второй половины XV в., ср. датировки примеров: 1456, 1469–1470, 1478, 1496, 1507, 1519, 1530–1534, 1537–1543, 1552, 1555–1556 (некнижные особенности заключительной части НЛ описаны также в работе [Шевелева, 2009а: 7]).

Грамматически никак не обозначенный переход от нарратива к прямой речи – явление, редкое для древнерусских летописей. Большое количество примеров с нарушениями в косвенной речи в НЛ, официальном своде Московского государства, свидетельствует не только о широкой гибридизации летописного узуса, но и о том, что структура косвенных цитаций в великорусский период становится в большей степени ориентирована на стратегии разговорного синтаксиса – спонтанность, ситуативность, экспрессивность.

5.6. Субъективно-модальные элементы в зависимой части косвенных цитаций

Правила косвенной речи требуют полной адаптации чужого высказывания плану повествования в соответствии с точкой зрения автора: в синтаксически зависимой позиции не должны появляться диалогические элементы, которые могут свидетельствовать об эмоциональном состоянии субъекта речи. В первую очередь это ограничение касается эгоцентрических элементов, содержащих оценку сообщаемого факта (*к счастью, на беду* и под.) (о синтаксической неподчинимости эгоцентрических элементов см. [Падучева, 1996: 311, 319, 341; Падучева, 2008: 67–68]). Запрет на использование оценочных слов в косвенном цитировании соответствует строгой литературной норме [Русская грамматика, 1980: §2806], за её пределами оценочные слова свободно используются при косвенном цитировании – в разго-

ворной речи, художественной литературе и пр. [Гвоздев, 1965: 272; Падучева, 1996: 355–356].

В ранних летописях оценочно-модальные слова не встречаются в зависимой части косвенной речи, не отмечено их и в НЛ вплоть до XV в. Однако уже в части со второй половины XV до XVI вв. достаточно часто встречаются примеры (около 30 случаев), в которых в придаточной части предложения косвенной речи употребляется клишированное выражение *далъ Богъ/дасть Богъ*, являющееся первичным эгоцентриком, несущим в себе положительную оценку сообщения говорящим, например:

И по цареву и государеву велѣнію и по приговору околничей Алекси и діакъ Иванъ приговорили на томъ, что царю и государю великому князю послати Дербыша-царя на Астороханъ... и нѣчто, дасть Богъ, възмутъ Астороханьскои юртъ и царевымъ и великого князя воеводамъ посадить на Астороханъ царя Дербыша, а Исмаилу сына или племянника (НЛ, 1554, 235).

Выражение *дасть Богъ* в XV–XVI вв., вероятнее всего, ещё имело прямое употребление с позиции христианского сознания, в отличие от современных дискурсивных значений ‘если получится осуществить что-л.’. Тем не менее указанное устойчивое сочетание можно рассматривать как средство выражения субъективной модальности – оно передает оценку субъектом речи сообщаемого факта, подчеркивает вероятность осуществления какого-либо события в будущем, ср. другой пример:

и приказалъ государь дворовымъ воеводамъи въ всѣ полки послати велѣлъ, чтобы въ всеи рати приготовили на 10 человекъ туру да всякъ человекъ бревно на тынь уготовалъ, да опступя, Богъ дасть, городъ и укрѣпятъ турами и тыномъ (НЛ, 1552, 203).

Указанное устойчивое сочетание используется по отношению к прошлому чаще, чем по отношению к будущему:

Того же дни прислалъ къ царю и великому князю бояринъ его и воевода князь Иванъ теодоровичъ Мстиславской съ товарищи Дмитрія Григорьева сына Плещѣва, сказать велѣли государю, что ихъ государь посылалъ на Луговую сторону на измѣнниковъ на Черемису, и воеводы пришли въ волость въ Ошлу, а вое-

воду Ивана Петровича съ товарищи отпущали по государеву наказу въ Ветлугу и въ Руткы, и Иванъ ходилъ по многимъ волостемъ и воевалъ и пришелъ къ нимъ в Ошлу, далъ Богъ, здорово (НЛ, 1555, 246).

В случае, когда устойчивое сочетание *далъ Богъ* употребляется в прошедшем времени, оно выражает положительную оценку сообщаемого факта говорящим:

и въ Нагаи къ Исмаиль-мурзѣ сказати послали, что воеводы, далъ Богъ, взяли Азъстороханъ (НЛ, 1554, 242);

И тутъ прислали къ государю бояре и воеводы его князь Иванъ деодоровичъ Мстиславской съ товарищи, что они пришли вверхъ тое же рѣки Сары, далъ Богъ, здорово, и государь имъ какъ велѣлъ къ собѣ приити? (НЛ, 1552, 199);

И князь Михайло Воротынской приказываетъ къ государю, что въ городѣ Казани, далъ Богъ, христіане многихъ Татаръ побили, да повелитъ царь со всѣхъ сторонъ приступити (НЛ, 1553, 213).

Других слов субъективно-модальной оценки в придаточной части косвенных цитаций не выявлено. Выявленные употребления *дастъ Богъ* и *далъ Богъ* являются однотипными и клишированными: они встречаются, как правило, при цитировании военных донесений. Таким образом, субъективно-модальные элементы в косвенной речи в НЛ за XV–XVI вв. уже допустимы, однако используются ограниченно. Слова субъективно-модальной оценки можно рассматривать как ещё одну инновацию в структуре косвенного цитирования – её появление совпадает с широкой гибридизацией летописного узуса в части НЛ за XVI в. и также отражает разговорные стратегии цитирования, которые допускают выборочное сохранение экспрессивных элементов при аналитической передаче чужой речи.

5.7. Новые модальные конструкции косвенного цитирования в НЛ за XVI в.

В НЛ за XVI вв. при глаголах волеизъявления, передающих распоряжения и просьбы, получает распространение модель косвенной речи, при которой предикат первой зависимой клаузы употребляется в форме сослагательного наклонения, а в последующих клаузах используется инфинитив (всего около 15 примеров):

а и полону приказывалъ, чтобы по шертнымъ грамотамъ полонъ Руской весь свободили, а не свободятъ полону и государю, видѣвъ христіанство въ неволи, да того не терпѣти, сколько ему милосердный Богъ поможетъ (НЛ, 1552, 171);

тебѣ, государю, челом бѣють, чтобы государь пожаловалъ, гнѣвъ свой отдалъ, а далъ бы имъ царя Шигалѣя на царство, а Утемешъ-Гирѣа бы царя и съ матерію государь взялъ к собѣ, а полону бы Рускому воля дать (НЛ, 1551, 167).

Интересен пример с опорным предикатом, выражающим запрет. Если в древнерусский период наблюдались колебания в выборе модальной формы сказуемого придаточного предложения – инфинитив или сослагательное наклонение (см. выше п. 5.3), то в НЛ за XVI в. обе формы свободно используются в рамках одной сложноподчиненной структуры:

*И повелѣ государь разчинити старосты... и з страшнымъ и грознымъ за-
прещеніемъ заповѣдь положити, чтобъ имъ разсужати промежь разбои и тат-
бы и всякіе дѣла, отнюдѣ бы некоторая вражда не именовалася, также ни мзда
неправедная, ни лжывое послушество* (НЛ, 1556, 268).

К середине XVI в. в НЛ отмечена «контаминированная» модальная конструкция для передачи волеизъявления в косвенной речи – она состоит из союза *что* и частицы *бы*, т. е. современного союза *чтобы*, совмещающего показатели изъяснительной связи и ирреального наклонения, сказуемое придаточной части выражается инфинитивом (всего 5 примеров). Указанная структура отмечена при предикатах разных семантических классов – её закреплённости за опорными словами определенного семантического класса не засвидетельствовано:

*а говорили отъ короля царю и великому князю, чтобы имъ быти въ одина-
чествѣ противъ невѣрныхъ царей бусурманьскихъ о свободѣ о христіаньской*
(НЛ, 1558, 300);

*свѣтовавъ з бояры, чтобы послати Литовскіе земли воевати за королеву
неправду* (НЛ, 1534, 81)

К появлению структур указанного типа привело несколько активных синтаксических процессов, отразившихся в НЛ за XV–XVI вв.

5.8. Итоги: основные изменения в конструкциях косвенного цитирования в старовеликорусский период

НЛ за XIV–XVI вв. отражает несколько направлений синтаксических изменений, которые привели к тому, что косвенное цитирование становится основным способом передачи чужой речи, в несколько раз превышая количество прямой речи.

Во-первых, меняются средства и модели синтаксического подчинения:

- в НЛ за XIV–XVI вв. более последовательно, чем в древнерусский период, используются анафорические отсылки в придаточной части, в том числе анафорические указательные местоимения (*той, тотъ, та* и др.) и наречия (*ту, тутъ*);

- порядок употребления глагольных форм, соблюдавшийся в летописях XII–XIII (нарративные времена в опорной предикации, презенс и перфект – в зависимой части), в НЛ почти не используется в результате распространения перфектной формы как универсального показателя прош. вр., однако появляется новый тип маркирования главной части – вершинный предикат в форме презенса (*а сказывает, что...*);

- появляется развернутое косвенное цитирование – возрастает количество придаточных клауз (в среднем от 2 до 10) в зависимой части по сравнению с древнерусскими летописями, в которых косвенные цитации состояли из 1–2 придаточных предложений;

- с расширением списка опорных слов и развитием у них новых значений постепенно утрачивается архаичная корреляция между типом значений и типом зависимой конструкции – если в древнерусский период наблюдалось последовательное распределение типов конструкции по типам опорных предикатов (локутивные – при прямой речи, реферативные – при косвенных цитациях, глаголы просьбы – при конструкциях с сослагательным наклонением, глаголы коммуникативного обязательства – при инфинитивных придаточных), то в старовеликорусский период строгой корреляции уже нет;

- распространение нового типа опорных слов (глаголов распоряжения) приводит к колебаниям в выборе глагольной формы в зависимой части – инфинитива или

сослагательного наклонения, а также создает предпосылки для сближения семантики указанных конструкций;

- союз *что* к XVI в. активно распространяется на все типы структур с изъяснительной связью – при предикатах любой пропозициональной установки, косвенных цитациях, инфинитивных придаточных, конструкции с сослагательным наклонением (*что(бы)* вместо *да(бы)*);

- с расширением состава опорных предикатов, развитием у них новых валентностей и распространением универсального союза *что* появляется новый тип однородного подчинения – в зависимой части свободно используются конструкции разных структурных типов – косвенные цитации, инфинитивные конструкции, придаточные с сослагательным наклонением и косвенный вопрос;

- в отличие от древнерусских летописей, в которых почти не отмечено бессоюзных изъяснительных предложений с надежными маркерами косвенного цитирования, в НЛ с XV–XVI вв. активно увеличивается число примеров с пропуском союзного средства;

- сближение семантики, состава опорных слов и формальных маркеров приводит к развитию контаминированных цитативных конструкций (тип. *...чтобы имъ быти*);

- в придаточной части цитативных конструкций шире допускаются элементы прямого цитирования – увеличивается количество примеров с немаркированными переходами от косвенной речи к прямой, по сравнению с древнерусским периодом;

- в зависимой части допускаются элементы с оценочно-модальным значением (*дасть Богъ, Богъ даль*).

6. Общие итоги: основные этапы развития косвенного цитирования в летописях XII–XVI вв.

Данные летописей XII–XIV вв. показывают, что уже в ранний период имелись специальные грамматические средства аналитической передачи чужого высказывания, а также его модальных и иллокутивных значений в косвенной речи.

Исследование показало, что грамматикализация косвенной речи в истории русского языка произошла довольно рано: в южнорусских летописях XII–XIII вв. (КЛ, СЛ и ВЛ) регулярно встречаются косвенные цитации с союзами **оже** и **ажє**, в

зависимой части которых используются времена плана речи – перфект и настоящее время, а личные формы последовательно употребляются в анафорической функции (тип *бысть въсть оже пришесть и городъ его възать*). В ПВЛ, ГЛ и НПЛ ст. ещё не представлено регулярной модели для нейтральной аналитической передачи чужой речи.

Для цитирования волеизъявления в древнерусских летописях использовалась придаточная конструкция с сослагательным наклонением, при этом сфера её употребления была уже, чем в современном русском языке: она не охватывала категоричного волеизъявления (тип *просиша абы помогль*). Приказы и повеления передавались с помощью составного глагольного сказуемого **модальный глагол + инфинитив** в рамках простого предложения.

Для цитирования коммуникативного обязательства говорящего использовалась придаточная инфинитивная конструкция (тип *цѣловаста крѣсть яко не разлучитися има*). Более редкий тип её употребления – при глаголах речи, знания и восприятия для передачи высказываний с ирреальной модальностью, в которых маркируется значение неизбежности (тип *и повѣдаше Нои яко быти потопу*). В контекстах обоих типов инфинитивная конструкция косвенной речи обозначает действие, которое должно осуществиться после момента речи в прошлом, т. е. функционирует фактически как «будущее в прошедшем» с модальным значением долженствования.

В древнерусский период указанные модели косвенного цитирования – косвенные цитации, инфинитивная конструкция и придаточное предложение с сослагательным наклонением были четко противопоставлены не только формально – за счет разных союзных средств и разных типов опорных слов, но и семантически. Строго соблюдалась корреляция между типом опорного предиката и семантикой зависимой цитативной конструкции.

НЛ отражает активное формальное и семантическое сближение указанных конструкций с XIV по XVI вв. Этому процессу в первую очередь способствовало распространение союза *что* как универсального показателя изъяснительной связи на все типы цитативных конструкций, а также расширение состава опорных глаголов речи, постепенная утрата корреляции между семантическим типом вершинного предиката и типом зависимой конструкции.

В XV–XVI в. наблюдается тенденция к унификации синтаксических моделей косвенного цитирования с единым формальным маркером *что*:

- при нейтральных глаголах речи могут употребляться клаузы разных типов – собственно косвенные цитации, инфинитивные конструкции или придаточные с сослагательным наклонением;
- разные типы клауз свободно используются в однородном подчинении в зависимой части, следующей за союзом *что*;
- появляются контаминированные модели с инфинитивом и маркером сослагательного наклонения (тип *чтобы ...им быти*);
- для выражения субъективно-модальных значений в косвенных цитациях используется сложносоставной союз *что будто* взамен вышедшего из употребления союз *яко* – в книжных употреблениях использовавшегося как показатель пересказывательности, недостоверности или дистанцирования.

Помимо структурного и семантического сближения архаичных цитативных структур, в великорусский период косвенное цитирование становится сферой активного проникновения черт разговорного синтаксиса: пропуски союзов, свободное следование разнотипных клауз, допущение модально-оценочных единичиц в придаточной части, немаркированные переходы от косвенной речи к прямой – синтаксические стратегии разговорной речи позволяют осуществлять разную степень переработки чужой речи – от аналитической до полупрямого цитирования, в соответствии с коммуникативными задачами повествователя.

ГЛАВА IV. Дискурсивные маркеры чужой речи в летописях XII–XIV вв.

1. Дискурсивные маркеры чужой речи в истории русского языка

Синтаксическими средствами включения чужой речи в нарратив могут быть не только сложноподчиненные предложения, но и различного рода дискурсивные маркеры – лексические единицы разных частей речи, которые обеспечивают связность текста и самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, а также позицию говорящего [Баранов и др., 1993: 7]. К дискурсивным маркерам цитирования в современном русском языке относят частицы *де*, *мол*, *дескать*, формы *грит* или *гыт* от глагола *говорит* [Левонтина, 2010: 284] и некоторые другие слова *типа*, *мол* и пр. [Зализняк Анна А., 2007; Плунгян, 2008]. В разряд дискурсивных маркеров цитирования также включают вводные глаголы речи, например *говорят*, *скажем* и т. п. [Киселева, Пайар, 2003: 8, 20]. Служебные слова, указывающие на присутствие в тексте чужой речи или точки зрения, в работах [Арутюнова, 1992: 47; Арутюнова, 2000: 437] предложено называть ксенопоказателями.

Частицы-ксенопоказатели и вводные слова активно используются при цитировании главным образом в разговорной речи: они позиционно свободны, не требуют синтаксических перестроек чужого высказывания, являются одним из средств передачи экспрессии [Арутюнова, 2000: 438–439].

Широкое использование дискурсивных маркеров для передачи чужой речи – одна из особенностей грамматического строя славянских языков. Ксенопоказатели, как правило, представляют собой результат грамматикализации глаголов речи в вводной позиции. В славянских языках известны следующие цитативные частицы, образованные от глаголов речи: в украинском используется форма *мовляв* от глагола *молвить*, в белорусском – слова *ску*, *ку*, *ка* и *маўляў*, в болгарском – формы *ка*, *кай* от глагола *кажа*, в диалектах польского – форма *peda* от *powiada*, в чешском *pry* от *pravi*, в словацком *vraj* от *vraviet* ‘говорить’ (список славянских частиц, указывающих на цитирование, приведен по работе [Отин, 1977/1997: 30]).

В современном русском языке наиболее частотными являются частицы *мол* от древнерусского *мѣлвити*, *де* от *дѣ(а)ти*, *дескать* – результат сращения частицы *де* и формы *скасть*, результат редукции от *сказать* [Шахматов, 1941: 268]. В северных диалектах употребляется показатель *ска* [Шапиро, 1953: 282–283] – указанная форма отмечена как в вводной позиции, так и в функции заменителя опорного предиката, ср.: *И она, как камень в руки попал, старику ска*: «*И проживем мы теперь, ска, на этом месте*», *Он и ска*: «*Что, старицек, сынок-то твой ворует?*» [Ончуков, 1908: 244], *Я ска*: «*Пошто ты берешь?*» [Шапиро, 1953: 282]. Показатель *ска* может употребляться как дополнительный маркер цитирования, наряду с опорным предикатом: *Я и говорю, ска*... [Шапиро, 1953: 283].

Употребления, подобные диалектной частице *ска*, выявлены в украинских говорах у формы *каже* (*кае*, *ка*) ‘говорит’: *А чорт до нею кае*: «*Ну, а чому ти самий не їу*» – *А він каже*: «*Я самий не їу, бо він – кае – не даў дідькови*», *А він каже, ка*: «*Кобесте мині дали хоть беріўку грошій*» [Дурново, 1913: 45].

Письменные памятники показывают, что состав дискурсивных маркеров цитирования в истории русского языка непрерывно менялся.

Современный показатель *де* получил широкое распространение в памятниках московской деловой письменности XV–XVI вв., до XV в. использовалась более архаичная форма *дѣи* [Зализняк, 2008: 43; Лазар, 2011: 117; Срезн. I; Collins, 2001: 263]. Указанная частица восходит к глаголам *дѣти* и *дѣяти* в значении ‘говорить’. В письменных памятниках встречаются формы, образованные от разных основ – более архаичной является форма *дѣши*, зафиксированная в старославянских памятниках: **Что ѹбо дѣши, волии прѣдавыи Июда Христоса, понеже оумы Христосъ нозѣ емѹ** (Супрасльская рукопись, 223). В древнерусских неканонических текстах употребляются формы от основы *дѣяти* (*дѣеши*, *дѣеть* и др.) [Срезн. I]: **Аже дѣеши: ты мои еси отьць, а ты мои и сынъ** (Ипатьевская летопись, 6658/1150). Следы значения ‘говорить’ у глагола *дѣ(а)ти* сохранились в современных славянских языках, см. украинское *дейкати* ‘поговаривать’ [Гринченко, 1925: 408], белорусские *дзеикаць*, *дзеика* ‘молва’ [Носович, 1870: 133]. Показатель *dzie* отмечен в древнепольских текстах [Фасмер, 1: 489], частица *dziej* в конце XIX

в. зафиксирована в языке поляков, проживающих на территории Литвы, см. словарь [Karłowicz, 1: 429].

В древнерусских летописях глагол **дѣяти** в значении *verbum dicendi* отмечен в единичных случаях, в функции дискурсивного маркера он почти не употребляется, за исключением нескольких примеров из КЛ и ПВЛ – их мы рассмотрим отдельно.

Современные показатели *дескать* и *мол* появляются не ранее XVII в. В деловой письменности XVII в. частицы *де* и *скасть* встречаются в пределах одной фразы, однако полного их сращения в этот период ещё не происходит, ср.: *И мы де их распросили: как у васъ ведетца. И они де стали сказывать: как де выдешь из бани да станешь платье одевать, доведетца, скасть, рызы и клубук положить под ноги* (Из статейного списка Ф. Елчина, XVII в.) [Отин, 1960/1999: 267].

Частица *мол* проникает в памятники письменности сравнительно поздно – наиболее ранние примеры, известные на сегодняшний день, отмечены в произведениях Аввакума: *И я сопротивъ молюль: прости! облазнился, реку, ты чернец! и в кале тинне помышляешь сокровенну быти злату и серебру. Не ведется, молю, тово* (Послание игумену Сергию с отцы и братіей, список XVII в.) [Отин, 1960/1999: 272].

Письменные памятники отражают грамматикализацию самого распространенного архаичного опорного предиката **речи**. В текстах XII–XV вв. в функции грамматического маркера цитирования распространен глагол **рече** в интерпозиции, при этом он отмечен как в более книжных контекстах, так и в текстах, отличающихся более разговорными чертами [Лопатина, 1979: 430], например: **чьто бо рече прѣже врѣмене вѣсхыщаеши соудна** (Изборник 1076, 5); **Много бо, рече, повиша Опочани Литвы и Нѣмецъ и Тотаръ** (Псковская I летопись, 6934/1426).

В ранних древнерусских текстах встречаются дискурсивные употребления императива **речи** и формы 1 л. наст. вр. **реку** в интерпозиции [Зализняк, 2008: 45]: **братѣ мои, на то и тѣ речи есмь призвавъ** (ГВЛ, 1287, 298 об.). Форма *реку* появляется в письмах XVI–XVII вв. и используется как показатель своей собственной речи в каком-то прошлом разговоре: *слыхал реку еси от людей: государь хачивал*

на поминках помиритца (письма Василия Гряного), а сам говорю: «Челомъ реку бью на ево жалованье, какая онъ надежа мнѣ» (Аввакум).

В деловой письменности XVI вв. встречается дискурсивный маркер *рекши* – застывшая форма причастия прош. вр. В работе [Отин, 1977/1997: 30] указано, что функции этой формы близки цитативной частице *де*, – см. примеры, которые исследователь приводит из посольских грамот XVI в.: *А про Ши-Ахмата, государь, пришла вѣсть ко царю къ Менгли-Гирею, что, рекши, царь Ши-Ахматъ соединился съ своею братьею и съ своимъ со царемъ съ Аблекеримомъ да и съ Ногаи* [Отин, 1977/1997: 30].

В более ранней грамматической традиции дискурсивные маркеры рассматривались исключительно как формальное средство встраивания чужой речи или чужой точки зрения в нарратив [Русская грамматика, 1980]. В семантических исследованиях функции и значение частиц-ксенопоказателей *де*, *мол* и *дескать* стали предметом отдельной дискуссии. Сторонники широкого понимания эвиденциальности объединяют в одну группу все ксенопоказатели, указывающие на отношение говорящего к источнику цитации: они рассматривают в одном ряду частицы *де*, *мол*, *дескать* и союзы *якобы* и *будто*, маркирующие значения недостоверности [Козинцева, 1994; Козинцева, 2007: 92; Aikhenvald, 2004]. Исследователи, рассматривающие эвиденциальность исключительно как указание на источник сообщения, частицы-ксенопоказатели относят к средствам оценочной модальности. В семантике цитативных частиц выявлены указания на степень достоверности сообщаемого, эмфатическое согласие/несогласие с цитируемым лицом [Баранов, 1994; Арутюнова, 2000], на приблизительный пересказ, интерпретацию или ироническое отношение повествователя к сообщаемому [Плунгян, 2008], на отстранение от ответственности за то, *что* или *как* было сказано [Падучева, 2011].

В работе [Плунгян, 2008] высказано предположение, что оценочно-модальные значения у русских частиц-ксенопоказателей являются относительно новой сферой: на начальных этапах их семантика чисто эвиденциальная, постепенно значения цитативных маркеров дифференцируются, они начинают использоваться для выражения отношения повествователя к содержанию чужой речи.

Настоящее исследование показывает, что список дискурсивных маркеров цитирования в истории русского языка менялся и расширялся с появлением новых

глаголов речи – в этой функции широко используются глаголы речи в позиции вводных слов, а также их застывшие формы (о механизмах грамматикализации глаголов в модальные показатели см. [Пожарицкая, 2012: 87]). Летописи XII–XVI вв. интересны тем, что отразили почти все известные ксенопоказатели древнерусского периода, поскольку гибридные свойства летописного узуса допускают использование как книжных черт, так и разговорных элементов. В результате проведенного исследования получены новые данные об употреблении модальных цитативных маркеров и основных направлениях их эволюции в истории русского языка.

2. Дискурсивные маркеры цитирования в древнерусских летописях XII–XIV вв.

2.1. Формы глагола дѣ(а)ти ‘говорить’ в роли дискурсивных маркеров

Древнерусские летописи содержат сведения об употреблении *verbum dicendi* дѣ(а)ти в роли цитативного маркера уже в ранний период. Глагол дѣ(а)ти в значении ‘говорить’ встречается только в южнорусских летописях – в ПВЛ и продолжающей её КЛ. В новгородских и севернорусских источниках этот глагол в функции *verbum dicendi* не используется [Лазар, 2011: 117; НКРЯ–Ист.].

Прежде чем перейти к рассмотрению дискурсивных употреблений этого глагола, рассмотрим единичные случаи, в которых он использовался в позиции опорного предиката при прямой речи. Глагол речи дѣати употребляется только в форме наст. времени и не зафиксирован в формах прош. вр. или причастия, в отличие от других опорных слов.

В ПВЛ дѣ(а)ти используется в прямом обращении повествователя-летописца к читателям – ‘[если же] кто-то скажет [вам]’:

бѣ же Изяславъ. мѹжь взоромъ красенъ. тѣломъ великомъ. незловивъ правомъ. кривдѹ ненавида. любѹ правдѹ. клякѹ же в немъ не бѣ. ни лѣсти. но простѹ оумомъ. не воздаѹ зла за зло. колко кѹмѹ створиша Киѹанѣ. самого. выгнаша. а домъ еѹ разграбиша. и не възда противѹ томѹ зла. аще ли кто дѣеть Киѹанѣ исѣклѹ которѣи же высадили Всеслава ис порѹба. то съ того не створѣ ни снѣ его (ПВЛ-И, 1078, 75), ‘Был же Изяслав прекрасен взором и телом

велик, незлобив нравом, неправду ненавидел, любил правду, не было в нем лести, но был прост в помыслах, не воздавая злом за зло, которое ему творили Киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили – и он не воздал за это злом; если кто-то говорит: «Киевлян (в Лавр. списке – воинов) он порубил, (Лавр.: которые выпустили Всеслава из тюрьмы)», то ни он того сотворил, ни сын его (в Лавр. но сын его)’.

Обратим внимание на то, что в примере из ПВЛ–И переход от нарратива к прямой речи маркирован сменой глагольных форм: в прямой речи используется перфект (**исѣклъ ...высадили**), в повествовании – аорист. В ПВЛ–Л использованы только формы аориста:

бѣ же Изаславъ мѹжь взоромъ красенъ. и тѣломъ великъ незлобивъ правомъ. криваго ненавидѣ. любѣ правдѹ. не бѣ бо в нѣмъ лсти. но простъ мѹжь оумо^м. не вздаѣа зла за зло. колико бо кѹмѹ створиша Кигане. самого въгнаша. а до[мъ] кѹго разграбиша. и не взда противѹ томѹ зла. аще ли кто дѣкть въѣ . сѣчець исѣче. то не съ то створи но снѣ кѹго (ПВЛ–Л, 1078, 68).

В КЛ глагол **дѣ(а)ти** ‘говорить, сказать’ отмечен в составе прямой речи:

Изаславъ посла оу Вѹшегородъ къ Ѡцю своемѹ Вячеславѹ и рече^ч емѹ Ѡце кланѹю ти сѧ а чо [Между *ч* и *о*, которое передѣлано изъ *е*, вписано позже *т* (*что*). Буква *ц* переправлена въ *ч*] ми Бѣ Ѡца моего Мистислава Ѡгалъ а тѹ ми еси Ѡць... Вячеславъ же рече^ч снѹ Бѣ ти помози. ѡже на мене еси чѣтъ възложилъ. то аще бѹи тѹи и давно тако оучинилъ. то ци мене еси почѣтилъ Бѣ еси. почѣтилъ аже дѣеши тѹи мои еси Ѡць а тѹи мои и снѣ оу тебе Ѡца нѣтѹ а оу мене сѧ нѣтѹтъ. а тѹи же мои снѣ тѹи же мои братъ (КЛ, 1150, 152), ‘...Вячеслав же сказал: «Сын, помоги тебе Бог, если ты на меня честь возложил, если бы ты и давно так поступил, то разве ты бы меня почтил? Ты Бога почтил! Если ты говоришь: «Ты мой отец», а ты мой сын, у тебя отца нет, у меня сына нет, а ты же мой сын, ты же мой брат’.

В летописях, в которых **дѣ(а)ти** встречается в позиции опорного предиката, этот глагол отмечен также в функции вводного слова. Наиболее ранний пример отмечен в ПВЛ по Лаврентьевскому списку – в Ипатьевском списке ровно в этом месте нет одного листа, а со следующего листа происходит смена почерка:

и чюдно слышати ихъ любо комуждо слышати ихъ и други
свѣтъ повѣдаютъ быти да еще кто дѣетъ в нашу вѣру ступитъ то паки
оумръ [въ]станеть и не оумрѣти ему в вѣки еще ли в ъинъ законъ ступитъ то
на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣтъ (ПВЛ–Л, 987, 36 об.), ср. современный перевод:
‘...да если кто, говорит, в нашу веру вступит, то после смерти воскреснет...’

Этот контекст с глаголом дѣ(а)ти содержится в общем чтении ПВЛ–Лавр. с
Софийской первой летописью¹⁶:

Буть же хитро сказыюще, чюдно слышаати ихъ и други свѣтъ повѣда-
ють быти. Да еще кто дѣетъ (в других списках дѣетъ и) вѣруеть, въ нашу
вѣру ступитъ, то паки умеръ въстанеть и не умираати ему в вѣки (Софийская I
летопись, 988, 78 об.).

Интересно, что в общем чтении из ПВЛ–Л и НПЛ младшего извода, которую
рассматривают как одну из редакций ПВЛ [Гиппиус, 2012: 40], глагол дѣ(а)ти
пропущен:

суть же хитро сказыюще, и чюдно слышати ихъ и любо комуждо; и
други свѣтъ повѣдаютъ быти: да еще кто вѣруеть в нашу вѣру, то паки,
умеръ, въстанеть, и не умираати ему в вѣки; еще ли въ инъ законъ ступите,
то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣтъ (НПЛ мл., 987, 60).

В Радзивилловском списке форма дѣетъ заменена на дѣи, которая вошла в
широкое употребление только в XV в. [Лопатина, 1985; Collins, 2001]

Аще кто дѣи въ нашу вѣру ступитъ...(Радз., 987).

Особый интерес представляет форма дѣи, встретившаяся в КЛ в статье кон-
ца XII в.:

ре^ч бо дѣи Игорь помануихъ азъ грѣхы сво пре^а Г^дмъ Б^мъ моимъ ко
много оубинство кровопролитѣ створи^{хъ} в землѣ кр^стьнѣстѣи (КЛ, 1185, 224
об.).

¹⁶ Обращение к Софийской первой летописи в данном случае связано с наблюдением
А. А. Шахматова о близости южнорусского свода, отразившегося в Софийской первой ле-
тописи старшего извода в пределах XI и XII вв., с Ипатьевской летописью – протограф
Софийской первой летописи в некоторых случаях давал лучшие чтения против протогра-
фа Ипатьевского и Хлебниковского списков [Приселков, 1996: 86].

Указанная форма **дѣи** используется не как однозначный глагол, а как грамматикализованный показатель: она занимает позицию энклитики по закону Вакернагеля, расположена в опорной предикации, а не внутри чужой речи, морфологическая структура формы **дѣи** не очень ясная¹⁷, в отличие от формы **дѣеть** из ПВЛ. Пример из КЛ рассматривается в научной литературе как самый ранний случай употребления частицы **дѣи** [Зализняк, 2008: 43].

Таким образом, летописи XII–XIV вв. свидетельствуют о том, что в древнерусский период **дѣ(а)ти** в значении глагола речи использовался только в южно-русских источниках XII вв. Тенденция к грамматикализации указанного глагола в функции дискурсивного маркера прослеживается с XI в. – первым признаком этого процесса можно считать употребления в позиции вводного слова. В конце XII в. встретился пример уже с грамматикализованным показателем **дѣи**, однако по неизвестным причинам частица **дѣи** исчезает из летописного узуса вплоть до XV в.

2.2. Словоформа **рече** как дискурсивный маркер

К наиболее ранним дискурсивным маркерам чужой речи относится словоформа **рече** в позиции вводного слова, ср. её толкование в Словаре русского языка XI–XVII вв.: **рече** указывает на то, что приводимые слова являются передачей чужой речи, пересказом или цитатой из какого-либо письменного источника [СлРЯ XI–XVII, 22: 158].

В исследованных древнерусских летописях **рече** в интерпозиции встречается редко: максимальное число примеров отмечено в ПВЛ – всего 5 цитаций, в остальных летописях контексты с вводным глаголом **рече** единичны, а в юго-западных памятниках и вовсе отсутствуют. Точные данные приведены в Таблице 1:

¹⁷В научной литературе отдельно обсуждался вопрос об исходной глагольной форме, реликтом которой является частица **дѣ(и)** – не очень ясно, восходит ли она к 3 л. наст. вр., **дѣеть**, 2 л. императива **дѣи**, или же 2 л. наст. вр. **дѣеши** после стяжения и отпадения конечных согласных (основные точки зрения см. в [Лазар, 2011: 217]).

Словоформа **рече** в интерпозиции

ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ ст.
5	2	0	0	2	4

Словоформа **рече** в позиции вводного слова чаще всего встречается в книжных цитатах, однако в некнижных контекстах она также представлена.

В древнерусских летописях **рече** в интерпозиции регулярно используется как маркер библейской цитаты, оформленной как прямая речь. Обратим внимание на то, что глагол **речи** употребляется как в главной части предложения, так и внутри прямой цитации:

рече бо Ламехъ своимъ женама мужа оубихъ въ вредъ мнѣ и оуношу въ звоу мнѣ тѣмъ же рече^ч .б. мьстни на мнѣ понеже **рече** вѣда створихъ се (ПВЛ, 1019, 54 об.);

зане хрѣтънѣ сѹтъ **пишетъ** бо **глаголю** Дѣдъ наказа накази ма **рече** Г^и смрти не предан мене тако и си люди Новъгородьскы наказавъ и смири до зѣла за преступленик крѣтъное (КЛ, 1173, 200);

но мы на злое възвращаемься аки свинь в калѣ грѣховьнемъ присно валающеся и тако превываемъ тѣмъ же и прѣркомъ намъ **глаголю** разумѣхъ **рече** ко жестоку еси и ши желѣзна вы тво (ПВЛ, 1068, 62 об.);

тѣмъже прѣркомъ **глаголю** намъ разумѣхъ **рече** ко жестоку кси и ши желѣзна [о] вѣгѣ твои (СЛ, 1178, 130 об.).

В некоторых случаях при цитировании библейских текстов на источник цитаты специальным образом не указывается – вводная предикация отсутствует, форма **рече** используется в интерпозиции как отсылка к общеизвестному источнику и единственный маркер цитирования:

и бѣ не сытъ блуда и привода к себѣ мужьскы жены и двѣци растла бѣ бо женолюбець тако и Соломонъ бѣ бо оу Соломона рече^ч .ѡ. а наложьницъ .т. мудръ же бѣ а на конѣць погибѣ (ПВЛ, 980, 31 об.);

яко же быѣ Симонъ волхвъ и Менердъ и ни таковыхъ радъ **рече** не чюдесы прельщати (ПВЛ, 911, 15 об.).

В одном случае форма **рече** в интерпозиции используется в пересказе догматов мусульманской веры – в рассказе об испытании вер из ПВЛ:

wnи же рѣша вѣрѹемъ Бѹ а Бохъмитъ ны оучить гл҃а шврѣзати оуды таины а свинины не ѣсти а вина не пити и по смѣрти съ женами похоть творити бл҃днѹю дастъ Бохъмитъ комуждо по семидесѣтъ женъ красенъ и избереть единѹ краснѹ и всѣхъ красотѹ възложи^т на единѹ и та бѹдетъ емѹ жена здѣ же **рече** достоинъ бл҃дъ творити всѣкыи (ПВЛ, 986, 33 об.).

Здесь **рече** в составе большой цитации служит дополнительным указанием на передачу чужой речи, содержащую отсылку к каноническому тексту.

В другом примере из ПВЛ повествователь кратко пересказывает поучение Феодосия, а далее вставляет цитацию. В данном случае **рече** может указывать как на смену источника информации, так и на цитирование авторитетного источника:

Феодосии бо шбѹчаи имаше приходящѹю бо постѣномѹ времени в недѣлю масленѹю вечеръ бо по шбѹчаю целовавъ братью и поучивъ ихъ како провоти (sic! В Погод. и Хлеб. списках проводить) постѣное время въ млѣвахъ ношньныхъ и днѣвныхъ и бл҃юстисѣ ѿ помыслъ скверныхъ... бѣси бо **рече** всѣвають черно-ризьцемъ похотѣннѣ лѹкава вжагающе емѹ помыслы... тѣм же **рече** противисѣ (в Хлеб. противитисѣ) бѣсовьскомѹ дѣиствѹ и пронырьствѹ ихъ и бл҃юстисѣ ѿ лѣности и ѿ многого сна и бѹдрѹ (sic! В Хлеб. противитисѣ) быти на пѣние цр҃кѣвное и на преданиѣ шѣскаѣ и на почитаниѣ книжнаѣ (ПВЛ, 1074, 68).

Особый интерес представляют примеры с показателем **рече** вне связи с каноническими цитатами. В первую очередь укажем на случай, свидетельствующий об утрате согласования у словоформы **рече** в интерпозиции:

Рѹсь же видѣше пламень влѣтахѹсѣ въ водѹ морьскѹю хотѣше оѹврѣсти и тако прочии възвратишасѣ въ своси тѣмъ же пришедъшимъ в землю свою повѣдахѹ каждо своимъ ѿ бывшемъ и ѿ ладнѣмъ шгни ꙗко же молонѣа **рече** иже на нѣсихъ Грѣци имѹтъ в себе и снѹ пѹщающе жьжахѹ насъ и сего ради не шдолѣхомъ имъ (ПВЛ, 934, 17 об.).

Слово Русь как название народа в соответствии с древнерусскими правилами согласования требовало постановки сказуемого во мн. ч. – это правило соблю-

дается в отношении глаголов **възвратишася** и **повѣдаху**, при этом глагол речи в интерпозиции стоит в форме 3 л. ед.ч. – **рече**.

Интересно, что в подобных летописных контекстах форма **рече** проявляет семантические и синтаксические свойства локутивного глагола: она отмечена только внутри прямой речи и не встречается при косвенном цитировании или дейктически нейтральных контекстах. Наблюдается тенденция использовать форму **рече** как клитику – после первой тактовой группы фразы, например:

слышавше же Володимеръ разгнѣвася ѿ тои рѣчи ѿже рече не хочю за робичича пожалиси Добрына (sic! В Радзивилловском и Академическом списках Добрына) и исполнися гнѣсти (СЛ, 1128, 99 об.);

Князь же Мьстиславъ створи вѣщѣ на Ярославѣ дворѣ: «и поидемъ, рече, поидемъ муж своихъ, вашей братии, и волости своей; да не будетъ Новыи тѣргъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тѣржкомъ; нѣ кѣде святая Софѣя, тѣ Новгородъ» (НПЛ ст., 1215, 83);

а сына своего Ростислава остави Новѣгородѣ. «А мнѣ, рече, даи богъ исправни правда новгородская, тоже от вас пояти сына своего» (НПЛ ст., 1229, 109 об.).

Впрочем, в большей части случаев позиция вводного глагола **рече** соответствует не закону Вакернагеля, а тема-рематическому членению чужой речи – указанная функция цитативных частиц рассматривается в работе [Лопатина, 1985]. Цитативный маркер **рече** в не книжных контекстах используется ещё и для разграничения данного и нового:

и рече ко княгинѣ своей коли боудеть рече стѣхъ Маковѣи ѿна же в поне-дѣльникъ (КЛ, 1194, 235);

Въ то же лѣто придоша изъ Кыева отъ Всѣволода по брата Святослава вѣсти Кыеву «а сына моего, рече, примите себе князя» (НПЛ ст., 1141, 21);

се вины его творяху: 1. не блюдетъ смердъ; 2. «чему хотелъ еси сести Переяслави»; 3-е, «ехалъ еси съ пѣлку переди всѣхъ, а на то много; на початыи велевъ ны, рече, къ Всѣволоду приступити, а пакы отступити велить»; не пустиша его донелѣже инъ князь приде (НПЛ ст., 1136, 17 об.).

Таким образом, дискурсивный маркер **рече** используется в летописном узусе как в книжных, так и в некнижных контекстах. У показателя **рече** выявлено две функции. Он используется при цитировании канонических текстов и указывает на отсылку к общеизвестным прецедентным источникам сообщения. В оригинальных цитациях **рече** отмечен в функции коммуникативного разграничителя – в летописном нарративе он разделяет основное повествование и цитирование, в прямой речи служит дополнительным грамматическим ксенопоказателем, подчеркивающим установку на передачу чужой речи и чужой точки зрения, а также участвует в разграничении данного и нового.

2.3. Словоформы **рыци** и **рекү** как дискурсивные маркеры

В истории русского языка формы со значением ‘говорит’, ‘сказал’, ‘говорю’ и пр. могли легко превращаться во фразовые энклитики [Зализняк, 2008: 44–45]. Цитативными маркерами также могли становиться формы повелительного наклонения, например, форма **рыци** – императив самого частотного архаичного опорного предиката **речи**.

Исследователи ранее обращали внимание на дискурсивные употребления **рыци** в ПВЛ и КЛ [Зализняк, 2008: 45; Отин, 1977/1997: 25–26], однако семантика и функции этого показателя подробно не рассматривались. В работе [Молотков, 1952: 24] исследователь утверждает, что **рыци** уже в древнейший период представляла собой модальную частицу, подобную современным *де* и *мол*. По наблюдениям Е. С. Отина, в древнерусский период **рыци** употреблялась как полнозначная форма [Отин, 1977/1997: 25–26].

Предположение о превращении **рыци** в модальную частицу основано на известном примере из ПВЛ – в ответе Ольги на требование византийского императора прислать дары, общие чтения имеются в Лаврентьевском и Ипатьевском списках:

овѣщавши Ѡльга и рече къ словѣ аще тѣ^ѣ **рыци** такоже постониши оу мене в Почаинѣ такоже азъ в Сюдѣ (В Акад. списке Сюдѣ) то тогда ти дамъ (ПВЛ-Л.,

955, 18–18 об.), ‘Отвечав, Ольга сказала послам: «Если ты, скажи, так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда тебе дам [дары]»’.

пвѣщавши же Ѡлга рече къ посло^м. аще ты рци тако^ж постоиши оу мене в Почаинѣ. яко^ж азъ в Суду то тогда ти вдамъ и ѿпусти слы си рекши (ПВЛ, 955, 25).

Особенность приведенного контекста состоит в рассогласовании по числу формы Дат. п. мн.ч. **сломъ** ‘послам’ и формы императива **рци** в ед. ч. (*скажи* вместо *скажите*). Указанное грамматическое нарушение можно считать признаком превращения словоформы **рци** в модальный показатель уже в XI в., однако некоторые сомнения в этом вызывает тот факт, что пример из ПВЛ – единственный случай за XI–XII вв. с нарушением согласования форм императива и адресата.

В НПЛ мл., содержащей другую редакцию ПВЛ, ответ Ольги византийским послам построен таким образом, что форма **рци** употребляется как полнозначная:

И отвѣщавши же Ѡлга , и рече къ Боломѣру: «аще ты сице глаголеши от Чемьскаго цесаря, рци ему: тако пришедши, постоиши у мене в Почаинѣ, якоже и азъ у тебе въ Бѣсуду стоявши , то тогда ти дамъ» (НПЛ мл., 955, 35 об.–36).

Таким образом, данные о грамматикализации **рци** в древнейший период не вполне надежны.

Основным источником, в котором показатель **рци** частотен, является ВЛ второй половины XIII в. В функции цитативного маркера внутри прямой речи он отмечен в 11 контекстах, в некоторых из них он повторяется, общее число употреблений – 19.

Все без исключения примеры с императивом **рци**, независимо от источника, относятся к одному типу речевой ситуации – посольские речи, на это указано, в частности, в работе [Отин, 1977/1997: 26], но сами контексты не приводятся и не разбираются.

Между тем дискурсивные употребления формы императива **рци** в ВЛ интересны с нескольких точек зрения – текстологической и грамматической.

Почти все выявленные контексты с **рци** сосредоточены на участке ВЛ с 1287 по 1289 гг., а также один пример встретился в статье 1281 г. Примеры с **рци**

имеют стереотипные черты – в вводной предикации сообщается об отправлении посланника, далее прямая речь обращена непосредственно к адресату, однако присутствие посланника как полноценного участника коммуникативной ситуации маркируется показателем **рьци**. В примерах указание на фигуру посланника мы выделяем двойным подчеркиванием:

**посемь посла ко братоу своему ко Львови. еп̃па своего Володимерьско-
го река емоу. жалоую рци Боу и тобѣ зане ми рци (в Хлеб. списке опущено) есь (в Хлеб. сп. **еси**) но Бѣѣ братъ ми есь (в Хлеб. сп. **еси**) старѣиши повѣжь мои (в Хлеб. сп. **ми**) брате мои право своею ли волею снѣ твои сѣлѣ в Берестѣи ци ли твоимъ повелениемъ (ВЛ, 1289, 305 об.), ‘Потом послал к брату своему ко Льву епископа своего Владимирского, сказав ему: «Жалую, скажи, Богу и тебе, поскольку мне, скажи, ты мой старший брат, расскажи, мои брат, мое право, своею ли волею сын твой сел в Берестѣи или же твоим повелением?»’.**

В прямой речи Владимир обращается сразу к двум адресатам – своему брату (см. обращение **брате, брате мои**) и послу (**рьци** ‘скажи’).

Древний обычай обмениваться речами через посыльного – это особый тип речевой ситуации: сообщение имеет одного отправителя и двух адресатов – посыльного и непосредственно того получателя, кому сообщение адресовано. Указанная речевая ситуация содержит коммуникативную неоднородность, поскольку она подразумевает нескольких адресатов с разной ролевой структурой (подробнее см. [Гиппиус, 2004: 190]). Форма императива **рьци** используется в древнерусских летописях как дискурсивный показатель, маркирующий посыльного как полноценного участника сложной коммуникативной ситуации, наряду с непосредственным адресатом.

Существенная особенность всех примеров с **рьци** – это грамматическое указание в опорной предикации на присутствие посланника как адресата сообщения (*рече послу*). Между тем в летописях представлен и другой способ цитирования посольских речей, при котором посланник не рассматривается как адресат – это модель с двумя сказуемыми в опорной предикации **посла река** ‘послал с сообщением’ (**послаша рекуче** и пр.) или **посла и рече** – подробнее эта модель рассмотрена в Главе I о прямой речи. В цитациях с **рьци** из ВЛ посыльный, как правило, имеет высо-

кий социальный статус (*епископ*) или играет важную роль в развитии событий (*слуга добрый... верный*). Коммуникативная неоднородность возникает на том этапе, когда необходимо разграничить обращение к посыльному и обращение к адресату.

Примеры с посольскими речами, содержащими указания на фигуру посланника и грамматический маркер **рьци**, являются яркой языковой приметой стиля составителя статей 1287–1289 гг. Контексты с **рьци** можно рассматривать как признак текстологической неоднородности ВЛ, составленной и отредактированной разными авторами. В работе [Геньсорский, 1958: 6–7] отдельно выделен этап редактирования ВЛ за 1287–1289 гг.: эту часть отличает отрицательное отношение повествователя к деятельности князя Льва. Примеры с **рьци** служат лингвистическим аргументов в пользу этой точки зрения.

Рассмотрим грамматические особенности употребления **рьци** в ВЛ. Нам встретился всего 1 случай, в котором наблюдается семантическое рассогласование – императив используется в форме ед. ч., а посланников несколько:

Мѣстиславъ же поиде. на подворье. Володимеръ же посла к нему епѣпа своего с Боркомъ. и со Олованцемъ. тако река. брате мои на то и (в Хлеб. сп. опущено) **тъ рци есмь призвалъ. хочу с тобою радъ оучинити. ѡ землю и ѡ города и ѡ княгинѣ своен. и ѡ семь дѣтати хочу грамоты писати** (ВЛ, 1287, 298 об.), Мстислав же пошел на подворье. Владимир же послал к нему епископа своего с Борком и с Оловянцем, говоря так: «Брат мой, для того и тебя, скажи, призвал, хочу с тобой договор учинить о земле и о городах, и о княгине своей, и об этом ребенке хочу грамоты писать».

В вводящей предикации указано, что посыльных было несколько – епископ и бояре Борк и Оловянец, однако в прямой речи императив используется в форме ед. числа. Однако данная ситуация вовсе не означает рассогласования по числу. Возможна и такая ситуация, что в роли посыльного, имеющего право передавать речи от лица князя («фактотума князя» [Лихачев, 1986]) мог выступать только епископ, а бояре Борк и Оловянец были сопровождающими и не рассматривались как полноценные участники коммуникативной ситуации. В этом случае форма **рьци** обращена к только епископу и употреблена грамматически правильно в ед. ч. Та-

ким образом, указанный пример не является надежным свидетельством утраты согласования у формы **рьци**.

Грамматикализированные формы глаголов речи, превратившиеся в частицы и утратившие полноточность, в древнерусский период постепенно становились кли- тиками и располагались во фразе по закону Вакернагеля [Зализняк, 2008: 45]. В случае со словоформой **рьци** отмечена тенденция использовать её после первой тактовой группы, однако указанная закономерность действует нерегулярно. Приведем пример с несколькими употреблениями **рьци** – в двух из них закон Вакернагеля соблюдается, в третьем случае **хотѣ быхъ ти рци** принцип расположения словоформ уже менее ясен:

посем же посла Володимѣрь. слоу҃гоу своего. доброго вѣрнаго именемь. Ратьшю ко братоу. своему Мѣстиславоу. тако река молви(ть) (В Хлеб. молви, буквы **ть** в подлиннике зачеркнуты) бра^т моему. прислалъ. **рци** ко мнѣ сновѣчь мои Юри просить оу мене Берестыа. азъ же емоу не далъ ни года (В Хлеб. спике града) ни села. а ты **рчи** (поверх **ч** написано **ц**) не даван ничего же. и вземь соломы в роукоу ѿ постела своее. ре^ч хотѣ быхъ ти **рци**. братъ (в Хлеб. сп. брате) мои тотъ вѣхотъ соломы далъ того (Хлеб. список и того) не даван по моему животѣ никому же (ВЛ, 1288, 301 об.), ‘Потом же послал Володимер слугу своего доброго верного именем Ратьша к брату своему Мстиславу с такими речами: «Скажи брату моему: прислал, скажи, ко мне племянника моего Юрия просить у меня Берестье, я же ему не дал ни города ни села, а ты, скажи, не давай ничего». И взяв соломы в руку из постели своей, сказал: «Даже если бы тебе, скажи, брат мой, этот пучок соломы дал я, и того после моей смерти никому не отдавай»’.

Отметим наиболее показательный пример, свидетельствующий о том, что принцип Вакернагеля для формы **рьци** в ВЛ ещё не был обязательным. В примере ниже вторая форма **рьци** встретилась в редкой позиции для вводного глагола речи – в конце цитации:

Мѣстиславъ же ре^ч братоу своему г^не **рци** брати [В Хлеб. исправлено на брате] (а твоѣ) зѣмля Бѣга и твоѣ и города твоѣ а га над ними не воленъ но азъ есмь во твоѣи воли а дан ми та Бѣ имѣти аки ѿца собѣ и сло-

҃ж҃ити тобѣ со всею правдою до мое҃ живота абы тѣ г҃не здоровъ бы^а а болша мь (в Хлеб. списке ми) надеже (в Хлеб. надежа) по тобѣ рци и приѣха к Володимероу посолъ е҃ в Каменець повѣда рѣчь Мьстиславу (ВЛ, 1287, 298 об.), ‘Мстислав же сказал брату своему: «Господин, скажи, брат, а твоя земля – Божья и твоя, и города твои, а над ними не волен, но я в твоей воле, а дай мне Бог тебя имети отцом себе, и служить тебе со всею правдою до моей смерти, чтобы ты, господин, здоров был, а большая мне надежда на тебя, скажи. И приехал в Володимеру посол его в Каменець, поведал речь Мстиславу».

Как и показатель рече, форма рци используется главным образом для актуального членения чужой речи и эмфатического выделения частей высказывания – примеры с рци отличаются ярко выраженной эмоциональной окраской, почти в каждом из них встречаются повторы, риторические вопросы, обращения к Богу (Богъ вѣдает, Богү любо, даи ми Богъ и т. п.):

Левъ же оубо^а того велми и е҃ще бо емоу не сошла ѡскомина Телебужинны ратн. и ре҃ е҃п҃поу бра҃т своего. с҃нъ мои рци не моимъ вѣданиемъ се оучинилъ. то ѡдинъ Б҃гъ вѣдаетъ. но своемъ молодымъ оумомъ оучинилъ. ѡ семь рци бра҃т мои не печалоуи. шлю га к нему. ать поѣдетъ вонъ из города с҃нъ мои. е҃п҃ъ же приѣха ко Мьстиславу. и нача повѣдати рѣчь братноу (в Хлеб. сп. братню) (ВЛ, 1289, 305 об.), ‘Лев же испугался того очень, ведь еще не прошло у него неприятное воспоминание (ѡскомина – неприятное воспоминание, последствия [Срезн. II: 720]) о телебужьей битве [битвы с Телебугой – ханом Золотой Орды], и сказал он епископу брата своего: сын мой, скажи [обращение к епископу], не по моему ведомо учинил это, то один Бог ведает, но своим молодым умом он это учинил. Об этом, скажи [обращение к посланнику – епископу], брат мой [обращение к брату], не печалуйся, шлю к нему, пусть едет прочь из города сын мой. Епископ приехал к Мстиславу и начал рассказывать речь брата’.

Некоторые синтаксические закономерности в употреблении формы рци все же прослеживаются. Если в начале фразы используется два обращения, то рци располагается между ними:

Мѣстиславъ же рече г҃не рци (в Хлеб. списке рци) брате. не даи ми Бѣ того
уже бы мнѣ ѿати что по твоємъ животѣ. оу твоєи княгинѣ и оу сего дѣтища
(ВЛ, 1287, 299 об.), ‘Мстислав же сказал: «Господин, скажи, брат, не даи мне Бог
того, чтобы мне отнять что-то после твоей смерти у твоей княгини и у этого ребен-
ка»’.

Мѣстиславъ же рече еп̃поу брата своего г҃не рци братоу [в Хлеб. брате] ка-
ко Боу любо и тобѣ уже хочешь грамоты писати како Бѣ воля и твоя е п̃поу же
пришедшу ѿто Мѣстислава повѣдаючи рѣчь братьню (ВЛ, 1287, 299), ‘Мсти-
слав же сказал епископу брата своего: «Господин, скажи, брат, как Богу угодно и
тебе, если хочешь грамоты писать, как Божья воля и твоя». Епископ, вернувшись
от Мстислава, передал речь брата’.

Мѣстиславъ же рече еп̃поу брата своего. г҃не рци бра̃т мон. сего
ци хотѣлъ. уже бы мнѣ искати твоєи землѣ по твоємъ животѣ. сего ни на
ср̃цѣ моемъ не было но рекъ ми есь (в Хлеб. сп. еси) былъ. в Ляхохъ. коли есмь
былъ с Телебугою. и Алгѹемъ. а братъ мон Левъ тоуто же. и сн̃овецъ ми
Юрьи (ВЛ, 1287, 299), ‘Мстислав же сказал епископу брата своего: «Господин,
скажи, брат мой, разве того ты хотел, чтобы мне добиваться твоей земли после тво-
ей смерти? Этого у меня и в сердце не было, но ты мне когда-то сказал в Ляхах,
когда мы были с Телебугою и Алгуем, а брат мой Лев там же, и племянник мой
Юрий»’.

В том случае если прямая речь начинается с одного обращения, наблюдаются
колебания в употреблении рци. В одном случае она используется сразу после
обращения:

Володимеръ же рече (в Хлеб. сп. рече) послоу сн̃овчѣ. (др.-р. сыновыць –
племянник) рци. не дамъ. вѣдаешь самъ. уже не двою рѣчью. ни га пакъ ложь
былъ. а Бѣ вѣдаетъ. и вса подънебесная. не могоу пороушити радоу. что
есмь докончалъ с братомъ своимъ. Мѣстиславомъ. далъ есмь емоу землю свою
всю. и города и грамоты есмь пописалъ. с тѣми словы ѿради
посла сновца. своего (ВЛ, 1288, 301 об.), ‘Владимир же сказал послу своего пле-
мянника: «Племянник, скажи [обращение к послу], не дам, сам знаешь, что я не

двуличен, не лгу, а Бог ведает и вся поднебесная, не могу нарушить договора, который заключил со своим братом»’.

В другом примере **рыци** используется для эмфатического выделения – ‘Бог, скажи, будет тебе судьей’, ср.:

Володимиръ же сжаливси и расплакавсѧ рече. послоу братѣ своего. брате Бѣ рчи боуди ѿмѣстникъ. твою соромотѣ. а се я готовъ твоѣ на помочь. и нача нараживати рать. на Болеслава (ВЛ, 1281, 293 об.), ‘Владимир же, сжалившись и расплакавшись, сказал послу брата своего: «Брат, Бог, скажи, будет судьей твоему стыду, а я готов идти тебе на помощь». И начал снаряжать поход на Болеслава’.

Отдельно разберем пример ответа Владимира его брату Льву, попросившему город Берестье в знак памяти умершего отца. Категоричность отказа Владимира подчеркивается за счет использования дискурсивных маркеров в интерпозиции чужой речи – показатель **рыци** участвует в тема-рематическом и логическом выделении частей высказывания, а форма 1 л. **рекы** (‘говорю’) используется как эмфатическое усиление отказа, ср.:

и рече епискоу. братѣ рчи Лвѣ княже ци без оума мѧ. творишь. вже выхъ не разоумѣлъ сѧ хитрости (так в рукописи, в Хлеб. сп. **сеа хитрости**) **ци мала тѣ** (в Хлеб. сп. **ти**). **рчи своѧ землѧ. вже Берестѧ хочешь. а самъ. держа княжения три. Галичкое Перемышльское Бельзское. да нѣтоу ти сыти. все** (в Хлеб. сп. **а се**) **пакъ мой рчи ѿць. а твои стрѧ. лежитъ во еписѧи и оу стѧи Бѣци в Володимерѣ а много ль еси** (в Хлеб. списке **еси**) **над нимъ свѣчь поставилъ. что еси** (в Хлеб. списке **еси**) **далъ который городъ. абы то свѣча была. вже рчи просилъ еси живымъ. а оуже пакъ мртвѧмъ просиши. не да^м не рекоу** (в Хлеб. сп. **рек**) **города. но ни села не возмешь оу мене. разоумѣю я твою хитрость. не дамъ Володимеръ же ѿдаривъ вл^акоу ѿпоустѧи** и (ВЛ, 1288, 302), ‘И сказал епископу: «Брат, скажи, Лев-князь, разве думаешь, что я без ума, будто бы не разумел я этой хитрости. Разве мала тебе, скажи, своя земля? Берестья хочешь, сам владея княжениями тремя: Галицкое, Перемышльское и Бельзское, да нет тебе сытости! Вот мой, скажи, отец, а твой дядя, лежит в епископской церкви у Святой Богородицы во Владимире, а много ли ты над ним свечей поставил? Что ты дал,

который город? Если бы то свеча была, которую, скажи, ты попросил для живых, а ты ведь для мертвых просишь. Не дам, говорю, ни города, ни села не возьмешь у меня! Разумею я твою хитрость, не дам!». Владимир же, одарив владыку, отпустил его’.

Показатель **рьци** в указанном примере маркирует двух адресатов – посланника-епископа, которого Владимир принял почтительно и вручил дары, и адресата речи – Льва, к которому Владимир испытывает неприязнь.

Особый интерес представляет в данном контексте употребление формы **рекү** – в функции цитативного маркера она входит в широкое употребление только в письменности XVII вв. Пример её использования в ВЛ свидетельствует о том, что уже в конце XIII вв. она использовалась в позиции вводного глагола для эмфатического выделения.

Рассмотренные примеры из ПВЛ и ВЛ показали, что надежных оснований считать показатель **рьци** грамматикализованной, утратившей согласование формой почти нет. Форма императива употребляется как полнозначная, в соответствии со своей семантикой ‘скажи’, при этом сфера её использования очень узкая – только при передаче посольских речей, в которой посланник является полноценным участником коммуникативной ситуации, наряду с непосредственным адресатом. Употребления в прямой речи именно локутивного глагола **рьци** (а не реферативного **повѣжь**) являются ещё одним проявлением синтаксических свойств локутивных глаголов речи. Фонетических признаков превращения **рьци** в частицу также в ВЛ не отмечено: для актуального членения или же эмфатического и логического выделения эта словоформа используется чаще, чем по принципу Вакернагеля. Можно выделить некоторые тенденции к превращению формы **рьци** в модальный показатель. Во-первых, она появляется, как правило, в эмоционально окрашенной прямой речи и используется для эмфатического выделения: семантические свойства контекстов создают предпосылки для развития модальных употреблений. Во-вторых, в некоторых случаях односложная форма **рьци** подчиняется синтаксическим и фонетическим правилам: например, она регулярно используется между двумя обращениями. Указанные тенденции все же не получили дальнейшего развития в позднерусский и великорусский периоды.

2.4. Выводы

Приведенный материал показывает, что в древнерусских летописях использовались дискурсивные маркеры, образованные от глаголов *verba dicendi* – **дѣ(а)ти** и **речи**.

В древнерусских летописях **дѣ(а)ти** в значении глагола речи использовался только в южнорусских источниках XI–XII вв. – ПВЛ и КЛ. Тенденция к грамматикализации указанного глагола в функции дискурсивного маркера прослеживается с XI в. – первым признаком этого процесса можно считать употребления в позиции вводного слова.

Форма 3 л. аориста **рече** отмечена в двух функциях. Наиболее распространенная – как маркер цитаты из литургических текстов, отсылка к прецедентному, общеизвестному источнику. В оригинальных цитациях, связанных с событиями местной истории, **рече** в интерпозиции употребляется как коммуникативный разграничитель распространенной цитации и нарратива, в некоторых случаях он служит дополнительным указателем на цитирование в конструкциях без опорной предикации, в цитациях с более свободной синтаксической структурой.

Специфическая функция выявлена у формы императива **рыци** в интерпозиции прямой речи. Использование указанной словоформы связано с передачей посольских речей – коммуникативно-неоднородных сообщений, в ролевой структуре которых присутствуют два получателя – посыльный и адресат. Как правило, при цитировании посольских речей присутствие посыльного игнорируется. Особенность ВЛ за 1287–1289 гг. – маркирование посыльного в контексте чужой речи, **рыци** в интерпозиции используется как опорное слово, указывающее на «сообщение в сообщении». За счет использования **рыци** посыльный обозначен как полноценный участник коммуникативной ситуации, наряду с адресатом.

Формы **рече** и **рыци** используются в летописном узусе редко и главным образом как вводные слова. Признаков, свидетельствующих о превращении их в клитики, в древнерусских источниках не выявлено. Указанные формы глагола **речи** используются как вводные слова, отмечены начальные тенденции к их грамматикали-

зации в функции тема-рематических и эмфатических выделителей, однако указанные процессы не получили продолжения.

В функции эмфатического выделителя в ВЛ встретились также словоформа *рекѹ* в интерпозиции прямой речи – наиболее ранний пример с указанным дискурсивным маркером отмечен в конце XIII в. в юго-западной летописи.

3. Дискурсивные маркеры чужой речи в Никоновской летописи за XIV–XVI вв.

3.1. Глагол *рече* в интерпозиции

В НЛ за XIV–XV вв. модель цитирования с дискурсивным маркером *рече* используется исключительно в книжных контекстах. Основной сферой использования *рече* в интерпозиции остаются цитаты из библейских и других конфессиональных текстов. Нам встретилось 8 цитат, почти все они используются в более книжной части летописи за конец XIV – первую половину XV вв.:

Глаголетъ убо апостолъ...понеже Богъ есть любовь, и тем же, рече, другъ друга любите (НЛ, 1379, 45);

понеже онъ бога возлюби и богъ его возлюби: азъ бо, рече, любяща мя люблю и ищущіи мене обрящутъ благодать (НЛ, 1399, 177);

и того ради Господь Богъ возставляетъ на насъ враги наша и посѣщаетъ жезломъ безаконіа наша и ранитъ: многи бо, рече, раны грѣшному (НЛ, 1409, 206);

есть же и старость немноголѣтна, а честна, по Соломану, съдины бо есть, рече, мудрость чловѣкомъ (НЛ, 1409, 211).

Использование цитат из сакральных текстов и ввод их в повествование при помощи показателя *рече* – одна из лингвистических особенностей, отличающих Повесть о взятии Константинополя турками 1453 г. в составе НЛ от основного летописного повествования:

егда бо, рече, прострете руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ, и аще приидете видѣти явити Ми ся, отвращу лице свое отъ васъ (НЛ, 1453, 92);

но аще бы и горами подвизали, Божія изволенія не премочи: аще бо, рече, не господь сохранилъ градъ, всеу бдя стрегіи, и прочая (НЛ, 1453, 95);

И сбысться реченное: костянтиномъ создася и паки Костянтиномъ и скончася, зане съгрѣшеніемъ осужденіе судомъ Божиимъ временемъ бываютъ: злодѣаніе бо, рече, и беззаконіе, превратитъ престолы силныхъ (НЛ, 1453, 96).

В НЛ за XVI в. отмечена всего одна цитация с **рече** в интерпозиции:

сладокъ бо, рече, рай и велико въздаяніе, по божественному Апостолу (НЛ, 1552, 195).

Словоформа **рече** в более книжных частях летописи используется в функции дискурсивного маркера при цитировании не только канонических текстов, но и действующих лиц. Указанная модель является яркой стилистической приметой некоторых вставных повестей в НЛ, например, в повести о митрополите Алексее:

и изыде къ блаженному Сергію, и вся ему таковая изрече: хочу, рече, нынѣ исполнити обещание свое (НЛ, 1378, 32);

преподобный же игумень Сергій умоли его не ѣсти у него хлѣба в трапезѣ: да дастъ ти, рече, господь богъ и пречистаа богородица помощи (НЛ, 1380, 52);

Показатель **рече** в 2 случаях отмечен также в житии Сергия Радонежского, вошедшего в состав НЛ под 1392 г.:

точію грешна и недостойна себя глаголаше: «кто есмь», рече, «азъ смѣаи на таковая дрѣзнати» (НЛ, 1392, 136);

Онъ же къ нему: "зело" рече "устрашихся видѣхъ чюдное видѣніе, божественный огонь, паче же благодать святаго духа дѣйствующія съ тобою" (НЛ, 1392, 146).

Обратим внимание на то, что, несмотря на книжные особенности приведенных цитаций, словоформа **рече** последовательно используется как энклитика – после первого фонетического слова фразы.

Модель цитирования с **рече** встречается в двух вставных повестях, помещенных в разных частях летописи и восходящих к Хронографу [Клосс, 1980: 172, 177], – в повести о великом княжении Сербском под 1392 г. и в её продолжении под 1425 г., ср.:

потомъ же царь Баозитъ вся скипетры обтекъ утверждаетъ моленіемъ и ученіемъ: "аще" рече "насъ побѣдятъ, будемъ мы и чяда наша во остріи мечя" (НЛ, 1392, 150);

безбожный же Темиръ множество отрочатъ узрѣвъ повелѣ конми ихъ по-пирати: "таковѣми", рече, "свободихъ ихъ отъ злобы и труда мира сего" (НЛ, 1392, 151);

и взять у Мусулмана царя множество воинства яко да "дастъ ми", рече, "братъ мои деспотъ Стефанъ половину отчины, и язъ съ неѣ тебѣ служу, аще ли ни, и язъ поплѣню и пусту сотворю ея" (НЛ, 1425, 4);

устави же чинъ и служащихъ ему ови убо во внутреннихъ ему предстояху, съ нимиже бесѣдоваше о устроеніи своего царства и повѣсти деаше отъ писанія и отъ слуха, и добръ царствовавшихъ и власть привившихъ благочесно подражати глаголаше, злыхъ же укланятися, яко «путь», рече, «нечестивыхъ погыбнетъ» (НЛ, 1425, 5);

отречежеса конечно всякихъ игръ тимпанскихъ и мусикиискихъ: «сія», рече, «во время брани прилична суть» (НЛ, 1425, 5);

Рече в интерпозиции используется также в повести о митрополите Исидоре под 1439 г. и в «Сказании вкратце о Латинех» – по 2 примера:

и въ тои часъ Марку на некого злобно глаголаше: «изыди отсюду», рече, «да не пребудеши ту» (НЛ, 1439, 29);

таже и къ сидору митрополиту русьскому со многими лѣстными речьми о сихъ, да не прѣдолѣваетъ Марко, Евесскій митрополит, ниже пререкуетъ Латыне, да «сотворите», рече, «волю нашу, берущѣ себе злата множество, елико хотите» (НЛ, 1439, 30);

папа же левъ совѣщаея со святители и со князи Римскими, да поставятъ себѣ въ Римѣ царя благочестива, да царство, рече, паки отъ Рима начнется: «Гречестіи бо», рече, «цари всегда отъ ереси въ ересь переходятъ, да не злѣ и мы постражемъ» (НЛ, 1443, 55);

Захаріа же сто и 60 и 5-тимъ летомъ послѣжде списаніа Двоесловова Еллинскимъ толкуя гласомъ: «утѣшительный Духъ», рече, «отъ Отца исходитъ и на сынѣ почиваетъ, отъ предтеча сіе навикъ» (НЛ, 1443, 59).

Таким образом, дискурсивный маркер *рече* используется в НЛ исключительно как книжный способ цитирования и является яркой стилистической чертой некоторых повестей конца XIV – первой половины XV вв.

3.2. Глагол *глаголати* в интерпозиции

Наряду с *рече*, в НЛ за XIV–XVI вв. в интерпозиции употребляется глагол *глаголати* – в древнерусских летописях он не использовался как вводный. Его употребление внутри прямой речи также является особой стилистической приметой, выделяющей некоторые вставные повести в составе НЛ.

В форме ед. ч. имперфекта *глаголати* отмечен в повести о Житии Михаила Тверского:

сице же священники зовяше ихъ князей церковныхъ, яко "тіи глаголаше великіа слуги божіа и честнѣе наипаче насъ суть" (НЛ, 1399, 176).

Цитации с вводным *глаголати* отмечены на тех же участках текста, что и с дискурсивным маркером *рече*, – в повести о Сербском царстве и в повести о взятии Константинополя турками:

плакаше предѣ образомъ спасовымъ, вижь, Христе, глаголаше, яко неправедно на мя поучаются, и отроцы мои быша мнѣ предателя, якоже иногда твои ученикъ Іюда (НЛ, 1425, 4);

сихъ отеческаго и дѣдняго и прадѣдняго мѣста не лишаше, ибо Богъ, глаголаше, о согрѣшеніи двема отмищеніи не казнить (НЛ, 1425, 6);

патріархъ же бѣаше укрѣпляя ихъ и учаще не отпасти надежду, но держайте убо, чада, держайте, глаголаше, и на Господа Бога спасеніа нашего възложимъ и къ нему руцѣ и очи отъ всеа души възведемъ (НЛ, 1453, 91).

Особый тип употребления представляют примеры с *глаголати* в форме 3 л. мн. числа в значении ‘говорят’, например:

и сказа ему свои помысль еже бы отъ града Володимеря во градъ Москву пренести чудотворную икону, иже нарицается Володимерская, ея же, глаго-

лють, святой Лука Евангелистъ написалъ, и заповѣдати бы людемъ постъ и покаяніе и исповѣданіе къ Богу и къ отцемъ своимъ духовнымъ (НЛ, 1395, 159), ‘говорят, ее [икону] святой Лука Евангелист написал....’

Положение формы *глаголють* во фразе более свободно, чем у дискурсивного показателя *рече*, – в частности, она встретила в конце чужой речи:

Се же знаменіе видѣли мнози на Москвѣ; въ прочихъ же градѣхъ нигдѣже того не видѣли никто же, глаголють (НЛ, 1470, 123), ‘в остальных же городах никто этого не видел, говорят’.

Указанные примеры с *глаголють* в 3 л. представляют собой эвиденциальные контексты: цитируется информация, полученная по слухам, с чужих слов, источник сообщения неизвестен или не надежен. В древнерусских летописях в этой функции использовалась модель сложноподчиненного предложения с союзом *яко* – «*глаголют, яко...*» (подробнее в Главе II). Приведенные примеры из НЛ за XIV–XV вв. указывают на появление нового, близкого современному, способа цитирования «пересказывательных» контекстов – с глаголом речи в интерпозиции, при этом названная функция закрепилась исключительно за *глаголати*, у остальных *verba dicendi* не отмечено употреблений в таком значении. В современном русском языке для передачи слухов также используется вводный глагол речи в неопределенно-личной форме – ‘говорят’.

Отдельно отметим пример, в котором внутри косвенной речи расположено главное предложение вводящей предикации:

Витовтъ же Кестутъевичъ посла о немъ къ пресвященному Кипріану митрополиту кіевському и всея Русіи възвѣщаа ему глаголаннаа отъ клеветниковъ онѣхъ, таже и грамоты принесеныа отъ нихъ къ Витовту и ихъ же, они глаголютъ, посылалъ Антоней епископъ къ Татарьскому царю Шадибѣку во Орду, призываа его на Кіевъ и на Волынь и на прочаа грады плѣнити и жещи (НЛ, 1405, 192).

Указанный пример показывает, что структура сложного предложения становится более свободной: внутри чужой речи не только используются вводные глаголы речи, но и интерпозиция вводящей клаузы становится возможной.

Таким образом, в НЛ XV–XVI вв. появляется несколько новых употреблений у архаичного опорного предиката *глаголати*. Во-первых, в некоторых более книжных повестях он используется в тех же позициях, что и форма *рече* – вероятно, *глаголати* здесь становится особой книжной приметой в период «второго южнославянского влияния». Во-вторых, появляются контексты с неопределенно-личной формой *глаголють* в «пересказывательных» значениях – при цитировании слухов, подобно современному *говорят*.

3.3. Глаголы *сказати* и *сказывати* в интерпозиции

С конца XV в. в НЛ в большом количестве появляются контексты с глаголами речи *сказати* и *сказывати* в позиции вводных слов. Важно, что при этом используются они почти без исключения в косвенной речи, сохраняя архаичные грамматические свойства реферативных глаголов ‘сообщить, рассказать’, семантически связанных с косвенным цитированием (подробнее см. Главу I).

Всего у глаголов *съказати* и *съсказывати* отмечено около 40 употреблений, укажем на один из самых ранних примеров:

и вы того у насъ запрѣлися и къ намъ пословъ своихъ о томъ, сказывали есте, не посылавали (НЛ, 1477, 177).

В некоторых случаях вводный глагол повторяется несколько раз внутри цитации:

И на единомысленниковъ своихъ сказалъ дву Борисовыхъ, Григорія и Ивана; и с иными, сказалъ, совѣтоваль о злѣ; а злое ученіе, сказалъ, принялъ отъ Литвы, Матюшки Обтекаря да Онѣдрюшки Хотѣева Латыниновъ (НЛ, 1553, 232–233).

В этом примере косвенная речь оформляется не по типу придаточного предложения, а в рамках сложного синтаксического периода с бессоюзной связью. Обратим внимание на то, что в рамках межфразового единства глагол речи повторяется в позиции между темой и ремой каждого нового сообщения, поддерживая тем самым установку на чужую точку зрения. Глагол речи в функции вводного слова в данном случае служит коммуникативным разграничителем между разными стратегиями повествования – цитированием и традиционным нарративом.

Укажем на другие примеры, в которых вводные глаголы *сказати* и *сказывати* являются дополнительными маркерами чужой речи. Существенно то, что конструкции с вводными глаголами отмечены только при косвенном цитировании, в некоторых случаях интересно использование глагола речи в форме презенса, который соотносится с точкой зрения говорящего:

и теовилъ приехалъ, сказалъ великому князю, что болезнь его легка, сказываетъ, на стечнѣ болячка, а лежитъ на послелѣ (НЛ, 1535, 93).

А языки воеводамъ Сакмакъ (sic!) съ товарищи сказывалъ, что ихъ послалъ Емгурчѣй-царь про рать Московскую провѣдати, а самъ Ямгурчѣй-царь стоитъ ниже города Азсторохани пять верстъ, а въ городѣ, сказали, люди не многіе, а всѣ люди сидятъ по островомъ по своимъ улусомъ (НЛ, 1554, 241);

И такъ на Бежеболду воѣводы пріѣхали, и поѣхали напередъ въ городъ отъ воѣводъ Исламъ князь да Кѣбьякъ-князь да Алѣкѣи-мурза, Чюринъ братъ Нарыкова – а бояре ихъ не берегли, потому что всѣ ихъ князи выручили, да государю измѣнили и пріѣхавъ въ городъ да городъ затворили, да сказали всѣмъ людемъ, что допона вѣдаютъ всѣмъ быти побитымъ, а слышали, сказываютъ, отъ городецкихъ Татаръ, и иные говорятъ, и отъ самого Шигалѣя (НЛ, 1552, 176);

добили челомъ и правду государю дали, что имъ быти въ холопѣхъ у царя и великого князя и у его дѣтей во вѣки. А загорѣлся, сказываютъ, городъ: варилъ Нѣмчинъ пиво, да скололъ Николы Чудотворца образъ да тѣмъ огонь подгнѣчалъ, и шелъ пламень и пожегъ всѣхъ дома (НЛ, 1558, 295).

В нескольких примерах вводный глагол *сказывати* употребляется при передаче чужого высказывания в составе развернутой косвенной речи со сложной коммуникативной структурой «сообщение в сообщении» – повествователь цитирует субъекта речи, который, в свою очередь, цитирует другого персонажа, например:

Того мѣсяца Маія писалъ съ Волги Григорей Кафтыревъ, что встрѣтилъ Петра Тургенева, а онъ гребетъ изъ Асторохани, а сказываетъ: его отпустилъ Дербышъ царь ко царю и великому князю, а пословъ своихъ не послалъ, а сказываетъ, у него ссылка съ Крымскимъ царемъ (НЛ, 1555, 255);

В этом примере повествователь вводит сообщение Григория Кафтырева в рамках конструкции косвенной речи, оформленной по типу придаточного предло-

жения: опорный предикат – глагол *писати* (в тексте подчеркнуто), показатель подчинительной связи – союз *что*. В свою очередь, в составе косвенной речи Григория Кафтырева также содержится сообщение, принадлежащее Петру Тургеневу. Оно вводится бессоюзно при помощи опорного предиката *сказывает* в форме настоящего времени. Далее в составе сообщения Петра Тургенева глагол речи *сказывает*, как и в предыдущем примере, повторяется уже в функции вводного слова. Таким образом, глагол *сказывати* в интерпозиции указывает на цитирование внутри цитаты и маркирует части «сообщения в сообщении».

Вводный глагол *сказывати* как указатель границ чужой речи в контекстах с несколькими «ступенями цитирования» (термин [Арутюнова, 2000]) используется также в следующем примере:

и князь Семень и самъ сказалъ, что все то от палоумства говорилъ и думу царя и великого князя х королю съ послы его приказалъ, а съ ними ѣхати хотѣли такие же палоумы, а въ думѣ у него въ злой и въ приказѣ были два его челоуѣка, Бакшѣи да Семейка, тѣми и съ послы ссылалъся, а тѣ того, сказывають, не вѣдали, толко бѣжать хотѣли (НЛ, 1554, 238).

Как и в предыдущем случае, глагол *сказывают* в позиции вводного слова используется в рамках придаточного предложения косвенной речи – оно вводится опорным предикатом в форме прошедшего времени *сказал* и союзом *что*. Вводный глагол *сказывают* в придаточной части отсылает уже к другому сообщению – от послов.

Обратим внимание на то, что при маркировании новой ступени цитирования – чужой речи внутри цитации, используется вводный глагол *сказывати* в форме настоящего времени, при вводе самой цитации используется глагол речи в прошедшем времени.

Вводный глагол речи в форме презенса указывает на появление ещё одного цитируемого субъекта и позволяет не использовать опорную предикацию на второй ступени цитирования:

И Иванъ и Богданъ и Татаринъ Байбера царю и великому князю сказывали, что у царя у Крымского на бою царя и великого князя воеводы бояринъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ съ товарищи побилъ многихъ лутшыхъ людей, князеи и

мурзь и ближнихъ людеи; и безчестіе царю и убытки, сказываетъ, в томъ, что кошь у него взяли, тѣ лошади на украйну и увели, а на бою съ нимъ Русскіе немногіе люди билися и побили у него многихъ людеи (НЛ, 1556, 261).

Приведенный контекст интересен тем, что единственным указанием на цитацию в составе косвенной речи является глагол *сказываетъ* в вводном употреблении, при этом он маркирует часть сообщения, полученную со слов упомянутого действующего лица, – информация об убытках крымскому царю получена со слов Ивана Шереметева, который сам был участником битвы и упомянут в предыдущем предложении.

В одном примере неопределенно-личная форма *а сказывают* вводит цитату в виде вставной конструкции – её границы отмечены знаком //:

Того же мѣсяца прислалъ князь Дмитреи Ивановичъ Вишневскои съ Днѣпра ко царю и великому князю жилца государева Ивана Мячкова, а писалъ съ нимъ, что приходилъ хъ Перекопи, и пошелъ ко Днѣпру на Тованъскои перевозъ, ниже Исламъ-Кирмени полѣтретьятцать верстъ, и на перевозъ стоялъ три дни, а Крымъцы къ нему не бывали и не являлися // а сказываютъ, царь крымскои со всѣми людьми былъ въ осаду // а пришелъ на Хортинской островъ, далъ Богъ, со всѣми людьми здорово и тутъ дождался диака Ржевского съ суды (НЛ, 1558, 296).

Поясним распределение коммуникативных ролей в указанном примере. Князь Дмитрий Вишневской, будучи на Днепре, писал царю, как ходил к Перекопи и далее, но крымцы к нему так и не явились. По слухам, которые он там получил, крымский царь со своим войском был в осаде – новое вставное сообщение внутри чужой речи маркировано глаголом речи в наст. вр. *а сказываютъ*. Далее князь Дмитрий продолжает свое письмо: он вернулся на днепровский остров Хортица со своими людьми в целости и сохранности.

В рассмотренном контексте чужая речь, полученная по слухам, «вклинивается» в развернутую косвенную речь – вершина следующей клаузы *а пришел на Хортинской остров* является однородным сказуемым предложения косвенной речи.

Обратим внимание на то, что использование вводных глаголов *сказати* и *сказывати* внутри косвенной речи – это довольно поздняя черта. Основная часть

примеров датируется XVI в., при этом их количество неуклонно возрастает к середине XVI в.

Еще раз резюмируем основные особенности цитаций с вводными глаголами *сказати* и *сказывати*:

- глагол речи в функции вводного слова, как правило, употребляется в конструкции с развернутой косвенной речью;
- с точки зрения коммуникативного членения высказывания он появляется на границе межфразового единства перед «новой» порцией информации в сообщении;
- функция этих глаголов – маркировать установку на точку зрения ближайшего упомянутого в предшествующем контексте субъекта речи.

Таким образом, у вводных глаголов *сказати* и *сказывати* выявлены следующие функции: коммуникативное разграничение повествования и чужой речи в развернутых предложениях косвенной речи, сохранение установки на цитирование, а также маркирование новой ступени цитирования в предложениях с более свободной синтаксической структурой, построенной по принципу «сообщение в сообщении».

3.4. Дискурсивные маркеры *де* и *деи*

В НЛ за XIV–XVI вв. отмечено 16 цитаций с дискурсивными маркерами *де* (*деи*), общее число употреблений – 25, в некоторых цитациях частица повторяется несколько раз после первого фонетического слова фразы, например:

да почали бити челомъ, чтобы ся не кручинили: възмутили деи землю лихіе люди, подождите деи, доколъ ся уговорятъ (НЛ, 176, 1552).

Наиболее ранний пример относится к середине XV в.:

Того же лѣта князь великіи Василеи Васильевичь поставилъ на Москвѣ церковь камену Рожество Иоанна Предтечи у вратъ Боровицкихъ. Глаголють же, яко то прьваа церковь на Москвѣ: на томъ де местъ боръ былъ, и та церковь въ томъ лесу срублена, то же де тогда и соборнаа церковь была при Петрѣ митрополитѣ, и дворъ митрополичъ туто же былъ, где нынѣ дворъ княже Ивановъ Юрьевича (НЛ, 1461, 114).

Пример интересен использованием в нем пересказывательной конструкции с союзом *яко* – *глаголати яко*, которая использовалась для указания на информацию, полученную с чужих слов или по слухам, ср. перевод: ‘говорят, это первая церковь в Москве...’ (подробнее см. Главу II). Показатель *де* указывает на то, что следующее предложение грамматически связано с предыдущим и является продолжением цитации – сведения об основании церкви и о пребывании в ней митрополита Петра также передаются по слухам. Важно, что частица *де* используется только в тех клаузах, которые присоединяются бессоюзно, – она не отмечена в предложениях с начальным присоединительным *и*.

Употребительность показателя *де* (*деи*) в НЛ резко возрастает в первой половине XVI в. – основная часть примеров приходится на середину XVI вв.

Чаще всего показатель *де* (*деи*) используется внутри прямой речи – таких примеров отмечено 10:

и царь говорилъ: прожить мнѣ деи въ Казани не мощно, загрубилъ есми Казанцомъ добръ (НЛ, 1552, 173);

и слышитъ звоны многие и ближнимъ своимъ говоритъ: звоны де слышу, какъ бы Симонова монастыря звонъ (НЛ, 1552, 215);

и царь то имъ отъмолвилъ: бусурманъ де есми, не хочу на свою вѣру встати (НЛ, 1552, 173);

И Кудагуль-уланъ и Бурнашь-князь ко князю Семену изъ города выѣхали, а говорятъ: боятца деи люди побою, а насъ не слушаютъ (НЛ, 1556, 176);

И прислалъ къ государю князь Михайло Воротыньской: "Размысль деи зеліе подъ городъ подставилъ, а з города деи его видѣли, и невозможно деи до третіаго часу мѣшкати (НЛ, 1553, 215).

и посылали въ Ругодивъ с ызвѣтомъ, что черезо ...дѣлаютъ, а сами сроку на двѣ недѣли, а всю двѣ недѣли стрѣляютъ изъ наряду и людей убивают; и Нѣмцы отказали: "князець деи стрѣляетъ, намъ деи его не уняти" (НЛ, 1558, 293);

И Енбарс говорил: все де въ государствѣ волѣ; какъ ихъ государь пожалуетъ, такъ и учинятъ, и государь Енбарьса отпустилъ (НЛ, 1551, 167).

В 3 случаях глагол речи при вводе прямой речи не используется, частица *де* компенсирует пропуск опорного предиката речи, выступая грамматическим маркером цитирования:

и бояре прїѣхали къ городу, и встрѣтилъ ихъ на Булакѣ Иванъ Черемисиновъ да Кулалѣи царь: лиха де есмь по сесѣ часть не видали (НЛ, 1552, 176);

а приходили Чаваша Арьская з боемъ на Крымцовъ: о чемъ де не біете челомъ государю? (НЛ, 1551, 166);

царь почаль на князеи невѣрку дрѣжати, вы деи приводили вѣведъ великаго князя, и учаль ихъ убивати (НЛ, 1545, 147).

В одном примере показатель *де* встретился при переходе от косвенного цитирования к прямой речи – он маркирует смысловую связь прямой цитации с предыдущим предложением, несмотря на нарушение грамматического подчинения:

И тое же ноци Иванъ Черемисиновъ прислалъ къ бояромъ, что далъ Богъ, никоторого лиха нѣтъ, царицу отпущаютъ, дворъ опоражниваютъ, а сельскіе люди, давъ правду, и по селомъ розѣжаются; "да пришлите деи свой лехкой съ ѣствою да съ ними казаковъ человекъ съ сто, и они на царѣвъ дворъ пригодятца на всякое дѣло" (НЛ, 1552, 175).

В косвенной речи показатель *де* (*деи*) встречается значительно реже, чем в прямой. В НЛ встретилось всего 4 цитации – все они представляют собой распространенные предложения со сложной структурой, включающей несколько конструкций с разными типами связи – союзной и бессоюзной. Показатель *де* (*деи*) выполняет в них роль коммуникативного разграничителя чужой речи и нарратива.

В следующем примере *де* используется в заключительном предложении, которое является частью распространенной косвенной цитации и связано по смыслу с опорными предикатами речи *присылал* и *сказывает* – нужные слова подчеркнуты:

и после того, лѣта 7008, прислалъ къ великому князю Ивану Василіевичю бити челомъ князь Семень Ивановичъ Бѣлскіи о томъ, чтобы его князь великіи пожаловалъ, взялъ въ службу и съ вотчиною, а сказываетъ, что на нихъ пришла великаа нужда о Греческомъ законѣ: посылалъ де князь великіи Александъ къ своей великои княгинѣ о томъ отъметника православныя вѣры (НЛ, 1500, 251).

Обратим внимание на то, что заключительная фраза, содержащая показатель *де*, служит ещё и уточнением к предыдущему предложению, поясняя, в чем именно заключается «*нужа о Греческом законѣ*».

Похожим образом строится предложение с показателем *де* в более позднем примере – он также представляет собой косвенную цитацию с распространенной зависимой частью. В отличие от предыдущего контекста, этот пример имеет более сложную коммуникативную структуру: опорный предикат *сказывали* отсылает к речи послов, глагол *сказывает* в интерпозиции относится к крымскому царю:

И Иванъ и Богданъ и Татаринъ Байбера царю и великому князю сказывали, что у царя у Кымского (sic!) на бою царя и великого князя воеводы бояринъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ съ товарищи побилъ многихъ лутчихъ людей, князей и мурзь и ближнихъ людей; и безчестіе царю и убытки, сказываетъ [Крымский царь], въ томъ, что кошъ у него взяли, тѣ лошади на украйну и увели, а на бою съ нимъ Русскіе немногіе люди билися и побили у него многихъ людей: хотя ихъ де царь розгромилъ, а которые де въ дубровѣ съли, и тѣхъ взять не могъ, и назадъ наспѣхъ шель (НЛ, 1555, 261).

Показатель *де* в заключительной клаузе, присоединяемой бессоюзно, служит грамматическим маркером смысловой связи этой части с предыдущим: он указывает на продолжение цитации и выделяет заключительную клаузу пояснительного характера – о том, как происходил бой.

Впрочем, пояснительные отношения в предложениях с показателем *де* (*деи*) наблюдаются не во всех случаях. В двух примерах с косвенной речью *де* (*деи*) используется в заключительной части исключительно как маркер продолжения цитации, содержащей распространенное описание одного из событий:

А посолъ царя и великого князя Феодоръ Загрязской писалъ, что царь збирался в се лѣто и у Турского помочи просилъ, а чаялъ на собя приходу въ Крымъ царя великого князя, и сее осени о Покровѣ у него Вишневетской князь Дмитрей городъ взялъ Исламъ Кирмень и людей побилъ и пушки вывезъ къ собѣ на Днепръ, а з другую сторону Черкасы Пятигорскіе взяли два города, Темрюкъ да Томанъ, а приходил Черкаской Тазьдруй-князь да Сибокъ-князь з братьею, которые были у царя и великого князя на Москвѣ, и царь деи того провѣдалъ, что царь и великій

князь не идетъ на Крым сего году, и хочетъ деу миритца со царемъ и великимъ княземъ, не оманываяся, а пословъ де хочетъ прислати (НЛ, 1557, 277).

Показатель *де (деу)* здесь указывает на то, что заключительные клаузы о крымском царе являются не рассказом повествователя, а продолжением чужой речи – цитируемого письма Федора Загрязского.

Интересным образом используется *деу* в следующем примере со сложной коммуникативной структурой, построенной по принципу «сообщение в сообщении»:

И сказали языки, яко того ради поиде царь на Русь: Сказали ему в Крыму, что царь и великии князь со всѣми людми въ Казани; и какъ прииде близко Резани, и взялъ станичниковъ, и тѣ сказали, что великии государь на Коломнѣ, а ждет царя, а хочетъ съ нимъ за православіе прямое дѣло дѣлати. И царь деу хотѣлъ оттолъ възратитца въ Крымъ (НЛ, 1552, 190).

Косвенная речь, содержащая пересказ допроса татарских пленников, в данном случае содержит несколько сообщений – от крымцев и от станичников. Показатель *деу* в заключительной части косвенной речи служит маркером коммуникативного рубежа, указывая на продолжение чужой речи: заключительная часть чужой речи о намерениях крымского царя получена не от крымцев или станичников, а от языков – татарских пленников. За счет частицы *де* происходит «повышение ступени эвиденциальности» [Арутюнова, 2000: 448].

Исследованные примеры показывают, что в НЛ показатель *де (деу)* используется в НЛ в функции коммуникативного разграничителя – грамматического маркера чужой речи. Он используется в бессоюзных конструкциях прямой речи и заключительных бессоюзных клаузах косвенной речи, подчеркивая тесную смысловую и грамматическую связь синтаксической единицы с предыдущим контекстом. Помимо маркирования чужой речи в нарративе, показатель *де (деу)* выполнял дополнительные дискурсивные функции: в некоторых контекстах он грамматически выделяет пояснительную часть сообщения, разграничивает несколько источников чужой речи внутри цитации, отделяет развернутое косвенное цитирование от повествования. Основные функции показателя *де (деу)* схожи с вводными глаголами речи – во многих контекстах встречаются оба показателя в одном подчинении. До-

полнительные функции являются факультативными и встречаются нерегулярно – они наблюдаются не во всех контекстах.

Таким образом, со второй половины XV в. в летописном узусе получает широкое распространение особый грамматический маркер чужой речи *де* (*деи*), который в древнерусских летописях почти не использовался. Основной сферой его употребления в XV–XVI вв. являются бессоюзные конструкции с прямой речью, в более сложных синтаксических структурах с косвенными цитациями показатель *де* (*деи*) приобретает дополнительные дискурсивные функции.

Распространение частицы *де* (*деи*) как элемента живой речи (см. примеры из деловых текстов в начале этой главы) в официальном летописном своде Московской Руси XVI в. связано с историческими изменениями в способах цитирования. Широкому употреблению цитативных частиц сопутствовал другой процесс – появление развернутых конструкций косвенной речи с более свободной синтаксической структурой, допускающей повторы и ситуативный синтаксис, свойственный разговорной речи. Для маркирования цитаций в рамках больших синтаксических периодов требовались нарративные показатели, выделяющие в авторском повествовании чужую речь, взамен утраченных дискурсивных слов *рече*, *так* и пр.

3.5. Словоформа *рекши* как дискурсивный маркер

К более редким дискурсивным маркерам чужой речи относится слово *рекши* – застывшая форма причастия прош. вр. от глагола *речи*. В функции вводного слова она зафиксирована в словаре древнерусского языка в текстах XV–XVI вв. [СлРЯ XI–XVII, 22: 141].

Несколько примеров, датированных 1502 г., приводится в работе [Отин, 1977/1997: 30] из посольских грамот: *А про Ши-Ахмата, государь, пришла вѣсть ко царю къ Менгли-Гирею, что, рекши, царь Ши-Ахматъ соединачилъ съ своею братьею и съ своимъ со царемъ съ Аблекеримомъ да и съ Ногаи (1502 г.); И царь, государь, Ши-Ахматъ къ нему не поѣхалъ, а сказался, что, рекши, недомогаетъ (1502 г.).*

Обратим внимание, что в обнаруженных нами 2 примерах *рекши* употребляется после первого ударного слова *что*. В одном случае оно встречается в составе косвенной речи с нарушением нарративной проекции в придаточной части («неправильные отсылки» подчеркнуты):

Князю же Дмитрею Шемякъ вложи дѣволъ въ мысль хотѣти великого княженіа, и начятъ посылати къ князю Ивану Можайскому съ тѣмъ, что рекши царь на томъ отпустилъ великого князя, а онъ царю цѣловаль, что царю сидѣти на Москвѣ и на всѣхъ градѣхъ Русьскихъ и на нашихъ отчинахъ, а самъ хочетъ сѣсти на Твери (НЛ, 1446, 67). «Князю же Дмитрию Шемяке вложил дьявол мысль хотеть великого княжения, и начал он (Шемяка) посылать ко князю Ивану Можайскому с тем, что будто царь на том отпустил великого князя, а он царю обещал, что царю править в Москве и во всех городах русских и в нашей вотчине, а сам (Шемяка) хочет княжить в Твери». Отметим, что показатель *рекши* в данном случае, возможно, маркирует эпистемическое значение – сомнение повествователя в истинности сообщения Дмитрия Шемяки.

В другом примере *рекши* появляется в контексте с развернутой прямой речью также является дополнительным маркером цитирования, выделяя установку на чужую точку зрения:

и вы того у насъ запрялися, и къ намъ пословъ своихъ о томъ, сказали есте, не посылавали, а возложили есте на насъ на великихъ князей то, что рекшы мы надъ вами, над своею отчиною, силу чинимъ (НЛ, 1478, 177).

Указанный пример встретился в рассказе о покорении Новгорода. Как и в предыдущем случае, в этом контексте имеются эпистемические значения – несогласие с позицией цитируемого лица, т. е. новгородцев: «И вы с тем у нас запрялись, и к нам послов своих о том, сказали, не посылали, а обвинили нас, великих князей, в том, что будто мы над вами, над своею отчиною, насилие чиним». Частица *рекши* встречается в составе прямой речи и выражает несогласие повествователя с точкой зрения новгородцев.

В части летописи за XVI в. *рекши* в функции дискурсивного маркера цитирования уже не встречается. С середины XVI в. для указания на эпистемические

значения несогласия или неистинности цитируемой пропозиции используется современный показатель *будто* – см. выше в Главе II.

3.6. Выводы

В НЛ за XIV–XVI вв. отмечена тенденция к активному распространению цитативных конструкций с вводными глаголами речи.

В более книжных частях за XIV–XV вв. в интерпозиции используются архаичные глаголы *речи* и *глаголати*. Как и в древнерусский период, *рече* отмечен в цитатах из литургических текстов, а также в функции дополнительного грамматического маркера цитирования. В НЛ за XV–XVI вв. *рече* используется как маркированно книжный глагол, в некоторых случаях он выступает стилистической приметой, выделяющей более книжные части летописи, а также вставные повести.

Для *глаголати* позиция вводного глагола речи является новой по сравнению с древнерусским периодом. В среднерусский период неопределенно-личная форма *глаголють* 3 л. мн. ч. закрепилась в функции эвиденциального маркера сообщений, полученных по слухам. Наряду с более архаичной конструкцией *глаголють* *яко*, в НЛ за XV вв. используется только форма *глаголють* в интерпозиции, подобно современному маркеру пересказывательности – вводному глаголу «говорят».

В XVI в. с утратой архаичных глаголов речи в позиции вводного слова получают распространение глаголы *сказати* и *сказывати*. Они не только маркируют коммуникативные рубежи, разделяя повествования и цитирование, но и выполняют ряд дискурсивных функций – выделяют «сообщение в сообщении» или указывают на смену цитируемого лица.

С конца XV в летописном узусе активно употребляются частицы-ксенопоказатели чужой речи. К XVI вв. резко возрастает количество примеров с показателем *de (deu)*, в разряд дискурсивных маркеров переходят некоторые застывшие формы, например, причастие прош. вр. *рекши*. В контекстах с *рекши* имеются признаки эпистемической модальности – указание на недостоверность чужого сообщения или на несогласие с цитируемым лицом.

4. Итоги: история дискурсивных маркеров цитирования в летописном узусе XII–XVI вв.

В данной главе как особый способ цитирования рассмотрены конструкции с дискурсивными маркерами, которые используются для указания на коммуникативную неоднородность сообщения или для разграничения повествования и цитирования.

К указанной группе относятся два класса слов – глаголы речи в позиции вводного слова (*рече, сказываетъ, сказалъ*) или их застывшие формы (*рьци, деи* и пр.)

В древнерусский период в функции дискурсивных маркеров цитирования использовались различные формы самого распространенного опорного предиката **речи**. Словоформа **рече** используется как в книжных, так и в некнижных контекстах. В оригинальных цитациях, связанных с событиями летописной истории, **рече** в интерпозиции употребляется как коммуникативный разграничитель цитирования и нарратива, а также дополнительный показатель цитации в конструкциях без опорных слов. **Рече** в интерпозиции регулярно встречается в цитатах из канонических источников как указатель на цитирование прецедентных текстов.

Специфическая функция выявлена у императива 3 л. **рьци** – в ПВЛ и ВЛ эта словоформа употребляется при цитировании посольских речей как дополнительный грамматический указатель на сложную коммуникативную структуру сообщения – присутствие посланника и прямого адресата.

По данным НЛ за XIV–XVI вв., в среднерусский период последовательно возрастает количество употреблений цитативных конструкций с дискурсивными маркерами, наблюдаются изменения в их функциях.

В цитатах из канонических текстов, как и в древнерусский период, продолжает использоваться вводный глагол **рече**, реже встречаются **глаголетъ** и **глаголють**, для которого употребление в роли дискурсивного слова является новым. В некоторых вставных повестях НЛ XIV–XV вв. указанные глаголы используются в интерпозиции при цитировании действующих лиц. Использование «архаичных» глаголов речи в функции вводных слов – эта одна из стилистических черт, отлича-

ющих отрывки из Хронографа, повести о митрополите Алексии, Митяе и некоторые другие отрывки в части летописи за XIV–XV вв.

С конца XV в. в цитативных конструкциях с вводными словами активно начинают появляться новые глаголы речи *сказати* и *сказывати*, при этом используются они главным образом в косвенных цитациях, сохраняя связь с семантикой – *сказати* и *сказывати* использовались до XVI вв. преимущественно как реферативные глаголы со значением ‘сообщить, рассказать’.

Указанные глаголы речи с утратой архаичных опорных предикатов используются в нескольких функциях:

- как коммуникативный маркер, разграничивающий цитирование и нарратив;
- как указатель на присутствие нескольких цитируемых лиц в цитациях, построенных по принципу «сообщение в сообщении»;
- как эвиденциальный указатель на пересказ слухов в значении ‘говорят’.

С конца XV вв. в летописном узусе получают широкое распространение частицы, представляющие собой застывшие формы глаголов речи. Наиболее частотной является показатель *де* (*деи*), который употреблялся как при прямом, так и при косвенном цитировании. Он встречается в тех же контекстах, что и вводные глаголы речи, и выполняет сходные функции – коммуникативное разграничение и пересказывательность. Как правило, частица *де* (*деи*) используется в контекстах с бессоюзной связью и является дополнительным грамматическим средством связности чужой речи в грамматически распространенных конструкциях.

В части за XV в. в функции дискурсивного маркера зафиксировано два примера с застывшей словоформой *рекши*. В обоих контекстах наблюдается несогласие с позицией цитируемого лица – значение, близкое современным союзам *будто* и *якобы* при чужой речи.

Таким образом, с XVI в. наблюдается развитие тенденции к использованию дискурсивных слов как показателей чужой речи: они позволяют сохранять установку на цитирование в конструкциях с более свободной синтаксической связью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе на материале летописей XII–XVI вв. изучена история конструкций прямого, полупрямого и косвенного цитирования, а также дискурсивных маркеров, указывающих на передачу чужой речи. В результате исследования выделены грамматические и семантические особенности способов передачи чужой речи в древнерусский и старовеликорусский периоды, а также основные этапы их перестройки на пути к современным цитативным конструкциям.

1. Исследование показало, что в древнерусский период вершинный предикат был грамматически значимым элементом цитативной конструкции. Изменения в составе, семантических и синтаксических свойствах опорных слов привели к грамматической перестройке способов цитирования в истории русского языка.

1.1. В древнерусских летописях выявлена следующая закономерность: семантика вершинного предиката соответствовала семантике зависимой цитативной конструкции. При прямой речи решительно преобладали локутивные предикаты со значением ‘произнести’ – **речи, глаголати** и **мълвити**, при косвенной речи – реферативные предикаты со значением ‘сообщить’ (**сѣказати** ‘сообщить’, **повѣдати** и пр.) или иллокутивные предикаты, указывающие на цель цитируемого сообщения (**пожаловати** ‘пожаловаться’), при придаточных инфинитивных конструкциях – опорные слова со значением коммуникативного обязательства (**цѣловати крѣстѣ**), при оптативной конструкции с сослагательным наклонением – глаголы некатегорического волеизъявления (**молити, просити** и пр.).

1.2. В старовеликорусский период правило соответствия семантики опорного предиката значению зависимой конструкции постепенно перестает действовать в результате следующих процессов, отразившихся в НЛ за XIV–XVI вв.:

- в XIV–XV вв. архаичные локутивные предикаты распространяются на новые типы придаточных клауз и становятся нейтральными глаголами речи – они появляются при косвенной речи, при инфинитивных конструкциях со значением долженствования, при оптативных конструкциях с сослагательным наклонением;

- семантический состав опорных предикатов при прямой речи постепенно расширяется – в позиции вершинного предиката начинают шире использоваться иллокутивные глаголы;

- появляются новые глаголы речи, например, *говорити*, *бити челомъ*, *приказывати*, *писати* и пр., которые встречаются при любых типах цитативных конструкций.

1.3. В древнерусских летописях выявлено грамматическое противопоставление локутивных и реферативных опорных предикатов – ‘произнести’ vs ‘сообщить’, подобное английским глаголам *say* vs *tell*. Наиболее последовательно оно соблюдалось для *речи* ‘сказать, произнести’ и *сѣказати* ‘сказать, сообщить’: *речи* вводит только прямые цитации и не встречается при косвенной речи, *сѣказати* используется при косвенных цитациях, но ни разу не отмечено при вводе отдельной реплики диалога. Тенденция к синтаксическому различению локутивных и реферативных глаголов речи также выявлена у *глаголати* и *мѣлвити*, более частотных при прямой речи, и *повѣдати* и *бысть вѣсть*, основной сферой употребления которых была косвенная речь.

В старовеликорусский период синтаксическое противопоставление вершинных предикатов по типу ‘произнести’ vs ‘сообщить’ соблюдается менее строго: локутивные глаголы преобладают при прямой речи, но появляются и при косвенном цитировании, реферативные предикаты в основном используются при косвенных цитациях, но при прямой речи тоже встречаются.

Количественные данные показывают, что тенденция к синтаксическому различению локутивных и реферативных предикатов продолжала действовать вплоть до распространения новых глаголов речи. Современный глагол *говорити*, вошедший в употребление в XV в., имеет локутивные синтаксические свойства – он частотнее при прямой речи, чем при косвенной. У глагола *сказати*, развившего к XV в. современные значения ‘сказать, сообщить’, а также у имперфектива *сказывати* ярче выражены реферативные свойства: они употребляются при косвенной речи чаще, чем при прямой. Архаичное противопоставление локутивных и реферативных глаголов после окончательной утраты синтаксических различий между ними трансформировалось в противопоставление по виду и привело к образованию супплетивной пары *говорить–сказать*.

2. Летописи XII–XIV вв. показывают, что представление о примате прямой речи в русском языке [Волошинов, 1930] справедливо только для древнерусского

периода. В великорусский период её частотность сокращается: в НЛ за XIV–XVI вв. прямая речь употребляется значительно реже, чем косвенная.

3. В работе получены новые данные об употреблении в восточнославянском летописном узусе конструкции *jako recitativum* – прямой речи, которой предшествовал союз **ѿако**, после которого не происходило грамматических замен, соответствующих зависимой позиции, ср.: **и присла въ Новѣгородъ, ѿко не хоцѣ ѹ васѣ княжити** (НПЛ ст., 1167, 34). Выявлено два типа контекстов с *jako recitativum* – цитаты книжного типа из канонических текстов и оригинальные цитации действующих лиц повествования. *Jako recitativum* как книжная цитативная конструкция используется в летописном узусе вплоть до XVI в.

3.1. Исследование показало, что в оригинальных цитациях союзная прямая речь с **ѿако** употребляется в древнерусских летописях по-разному.

I. В ПВЛ и ГЛ представлена система, в которой не произошло грамматикализации косвенной речи: союзная прямая речь с **ѿако** является частотной, косвенная речь встречается в единичных случаях, они грамматически слабо противопоставлены. Семантический анализ показал, что в ПВЛ *jako recitativum* используется как конструкция полупрямого цитирования – приблизительного пересказа первоначального текста в соответствии с коммуникативными задачами повествователя, в некоторых контекстах имеются признаки модальных значений, однако они нерегулярны. В более книжной ГЛ модальных смыслов не выявлено.

II. В КЛ и СЛ представлена система, в которой косвенная речь, построенная по модели с союзами **оже** и **аже**, и союзная прямая речь с **ѿако** грамматически четко противопоставлены – за счет разных союзных средств и разного состава опорных предикатов. Косвенная речь встречается чаще, чем союзная прямая. Выявлены признаки, указывающие на то, что прямая речь с **ѿако** используется в КЛ и СЛ как цитативная конструкция, осложненная субъективно-модальными значениями (пересказывательность, недостоверность, отстранение). ВЛ за XIII в. отражает дальнейшее развитие системы, отраженной в КЛ и СЛ: здесь цитаций с **ѿако** в модальном значении не зафиксировано, основной моделью косвенной речи является конструкция с **оже**.

III. Особое положение среди летописей занимает НПЛ ст. – в ней отсутствуют надежные примеры косвенной речи, что сближает её с системой ПВЛ и ГЛ, при этом союзная прямая речь с *яко* встречается довольно редко, преимущественно в контекстах с модальной семантикой, как в КЛ и СЛ.

3.2. В НЛ за XIV–XVI встречается союзная прямая речь двух типов – более архаичная конструкция с союзом *яко* и конструкция современного типа с союзом *что* (а также *чтобы*), которая возникает в результате нарушения грамматической проекции в придаточной части косвенной речи. Союзная прямая речь с *яко* к XVI в. выходит из употребления. Семантические различия между союзами *яко* и *что* в XIV–XV вв. распространились на контексты с косвенной речью.

4. В работе получены новые данные об истории изъяснительных союзов и модальных маркеров в русском языке.

4.1. В древнейшей части ПВЛ и ГЛ используется союз **іако** в функции универсального показателя изъяснительной связи, независимо от типа придаточной конструкции. Начало распространения союза **оже** в значении изъяснительного союза ‘что’ отражено в ПВЛ за XII в. и НПЛ ст.: при опорных предикатах знания и восприятия используется **оже** (**уѣдати оже**, **услышати оже**), при глаголах речи и остальных типах установки употребляется **іако** (**бысть вѣсть іако**). В КЛ и СЛ происходит дальнейшее распространение союза **оже** (позднее **ажє**) в изъяснительных конструкциях и семантическая дифференциация с **іако**: нейтральные по значению союзы **оже** используются также при опорных предикатах аналитической передачи чужой речи (**повѣдати оже**, **сѣказати оже** в значении ‘сообщить что’) и иллокутивных глаголах (**капати сѧ оже**). Союз **іако** используется преимущественно при локутивных глаголах или глаголах мнения, указывая на субъективно-модальные значения недоверности, отстранения, пересказывательности. В ВЛ **іако** утрачен, **оже** (**ажє**) используется как универсальный показатель изъяснительной связи, в том числе в модально-осложненных контекстах (**а друзи молѣвати оже бы и в городѣ быль но то не вѣдомо**).

4.2. Современный союз *что* появляется в НЛ за XIV в. и к XV в. распространяется на все типы конструкций с изъяснительной связью. В некнижных примерах

из НЛ за XIV–XV вв. наблюдается семантическая дифференциация нейтрального союза *что* и модально-осложненного *яко*, ср.: *глаголютъ же яко то прѣваа церковь на Москвѣ, на томъ дѣ мѣстѣ боръ былъ* ‘ходят слухи, будто это первая церковь в Москве...’. К XVI в. союз *яко* утрачивается, для выражения субъективно-модальных значений используются новые дискурсивные маркеры (*де*, *будто* и пр.).

Исследование основных употреблений изъяснительного **яко** в летописях XII–XVI вв. показывает, что он не был исключительно книжным союзом, как это принято считать [Борковский, Кузнецов, 1963: 483], – в живой речи он мог сохраниться как модальный маркер в узком круге контекстов.

5. Исследованные летописи дают важную информацию относительно истории изъяснительного предложения и основных этапов формирования косвенного цитирования в русском языке.

5.1. Древнерусские летописи XII–XIV вв. показывают, что формирование косвенной речи происходило одновременно в разных диалектных зонах.

Грамматикализация косвенной речи произошла к XII в. по модели изъяснительных предложений с союзами **оже** и **аже**, которая широко представлена в летописях XII–XIII вв. – КЛ, СЛ и ВЛ. Значимыми грамматическими особенностями указанной модели были:

- вершинные предикаты, указывающие на аналитическую переработку чужого высказывания, – опорные слова со значением ‘сообщить’ или иллокутивные глаголы;
- регулярное употребление анафорических местоимений в придаточной части;
- короткая придаточная часть, состоящая из 1–2 зависимых клауз.

В летописях за XII–XIII вв. правило грамматических преобразований распространилось не все референциальные элементы: в зависимой клаузе почти не используются указательные местоимения и наречия, в ряде случаев встречаются слова ближнего дейксиса (*на сѣи сторонѣ*). В ПВЛ и НПЛ, а также более книжной ГЛ, грамматикализации косвенной речи не отражено: в указанных летописях использу-

ется цитативная модель с союзом **такъ**, который не требовал обязательной и регулярной грамматической перестройки.

5.2. В работе установлено, что вопреки традиционному представлению о примате прямой речи и несвойственности косвенного цитирования русскому языку [Волошинов, 1930; Пешковский, 1938], в НЛ старовеликорусского периода косвенная речь в количественном отношении решительно преобладает над остальными способами передачи чужой речи. НЛ за XIV–XVI вв. последовательно отражает новые черты в развитии грамматического подчинения и синтаксические изменения, способствовавшие распространению косвенной речи:

- развиваются средства референции: в придаточной части шире, чем в древнерусских летописях, используются анафорические отсылки и указательные местоимения *тотъ, та, тутъ* и пр.;

- появляется развернутая косвенная речь с большим количеством зависимых клауз – до 10 и более: становится возможным однородное подчинение между конструкциями разных структурных типов – при одном вершинном предикате свободно следуют инфинитивные конструкции, волеизъявительные, а также нейтральные изъяснительные предложения;

- меняется порядок употребления глагольных форм – с постепенной утратой простых претеритов план повествования и план речи перестают противопоставляться;

- становится возможным эллипсис союзных средств;

- в придаточной части допускаются эгоцентрические и эмоционально-окрашенные элементы, в древнерусский период встречавшиеся только в прямой речи и не отмеченные в косвенной (*дасть Богъ, даль Богъ*);

- начинают широко употребляться вводные глаголы речи (*сказывает, сказывал, сказал*) и другие дискурсивные маркеры, необходимые для разграничения повествования и цитирования в условиях, когда грамматические границы между авторской ремаркой и косвенной речью становятся более размытыми из-за утраты простых претеритов, появления бессоюзия и развернутого косвенного цитирования;

- в придаточной части косвенной речи, особенно в развернутой конструкции, становятся более частотными нарушения анафорической проекции и немаркированных переходов от косвенной речи к прямой.

Все перечисленные грамматические особенности являются чертами разговорного синтаксиса. Модель косвенной речи, отраженная в летописях XII–XIII вв. имеет более четкие грамматические признаки и в большей степени противопоставлена остальным цитативным конструкциям, чем косвенное цитирование в НЛ за XIV–XVI вв.

6. Исследованные летописи XII–XIV вв. показывают, что уже в ранний период имелись специальные грамматические средства передачи модальных и иллокутивных значений чужого высказывания в косвенной речи.

6.1. В древнерусских летописях для цитирования волеизъявления использовалась придаточная конструкция с сослагательным наклонением (**молиша абы помогль**). Сфера её употребления была уже, чем в современном русском языке: она не охватывала категоричного волеизъявления. Приказы и повеления передавались с помощью составного глагольного сказуемого модальный глагол + инфинитив в рамках простого предложения. Для цитирования коммуникативного обязательства говорящего использовалась придаточная инфинитивная конструкция (тип **цѣловаста крѣсть тако не разлѣчитися има**) со значением обязательности действия. В древнерусский период инфинитивная конструкция и придаточное предложение с сослагательным наклонением были четко противопоставлены не только формально – за счет разных союзных средств и разных типов опорных слов, но и семантически, обязательность vs необязательность действия для исполнения.

6.2. НЛ за XIV–XVI вв. отражает унификацию модальных конструкций косвенного цитирования с инфинитивом и сослагательным наклонением в придаточной части в результате распространения союза *что*, пересечения множества вершинных предикатов, ранее различавших эти конструкции, и появления нового типа контекста – распоряжения, содержащего как волеизъявление, так и обязательство исполнить действие, заявленное в пропозиции. При предикатах распоряжения и нейтральных глаголах речи наблюдается вариативность в употреблении форм в придаточной части – инфинитива или сослагательного наклонения. Итогом указанных процессов стало появление оптативно-целевой модели цитирования с союзом

чтобы и инфинитивом (*а говорили отъ короля царю и великому князю, чтобы имъ быти въ одиначествѣ*) и утрата в более поздний период инфинитивной конструкции со значением долженствования.

7. Получены новые данные об употреблении дискурсивных маркеров цитирования в истории русского языка. В древнерусских летописях глаголы речи в вводной позиции использовались как дополнительные грамматические указатели на коммуникативную неоднородность текста: формы *рече* или *деи* употреблялись для выделения цитации в нарративе, *рци* маркировала обращение к посылному, тогда как прямая речь обращена к непосредственному адресату. При этом вводные глаголы речи выполняли дополнительные функции, участвуя в тематическом и логическом выделении частей высказывания. НЛ за XIV–XIV вв. отражает активное распространение современных дискурсивных показателей чужой речи – частицы *де* и вводных форм глаголов *сказати* и *сказывати* в пересказательной функции, появление субъективно-модального показателя *будто* и пр. Тенденция к развитию модальных функций выявлена у причастия прош. вр. *рекии*.

Исследование показало, что уже в древнерусских летописях XII–XIV вв. существовали специализированные синтаксические модели для разной степени преобразования чужой речи, в зависимости от коммуникативных задач повествователя: прямая речь с локутивным опорным предикатом, маркирующим цитирование с сохранением всех особенностей оригинала, приблизительное цитирование (прямая речь с *такъ* в ПВЛ), грамматически строгая аналитическая передача высказываний, различных по цели и модальности (косвенная речь с *оже* и *ажѣ*, волеизъявительные придаточные, инфинитивные конструкции со значением долженствования). В древнерусских летописях имелись синтаксические средства указания на тип источника сообщения, на отношение говорящего к содержанию чужой речи и оценки по параметру достоверности (конструкция *jako recitativum* в КЛ, СЛ и НПЛ).

НЛ за XIV–XVI вв. показывает, что с XV в. активно шел процесс структурной унификации придаточных конструкций, при этом активно расширялся состав опорных слов при чужой речи, возрастала роль лексических средств для маркирования субъективно-модальных значений и полупрямого цитирования, появлялись

разнообразные дискурсивные маркеры (*де, рекши, будто*, вводные глаголы речи и пр.).

В современном русском литературном языке изъяснительное предложение с союзом *что* стало основной конструкцией аналитического передачу чужой речи, литературная норма не допускает использования элементов прямой речи в синтаксически зависимой части, полупрямое цитирование и различные субъективно-модальные значения передаются при помощи разнообразных дискурсивных маркеров *де, дескать, мол, будто* и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

ГВЛ – Галицко-волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.

ГЛ – Галицкая летопись 1201–1261 гг. // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.

ВЛ – Волынская летопись 1262–1292 гг. // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.

КЛ – Киевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. Ипат. – Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Спб., 1908 (Репринт: М., 1998).

НЛ – Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XI–XIII. М., 2000.

НПЛ ст. – Новгородская первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

ПВЛ – Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.

ПВЛ-Л – Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.

СЛ – Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 1997 (Репринт: М., 2001).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru

НКРЯ Ист. – Национальный корпус русского языка. Исторический подкорпус www.ruscorpora.ru

СЛОВАРИ

1. ГС – Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
2. НОС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры, 2004.
3. Письменные памятники 2003 – Письменные памятники истории Древней Руси / под. ред. Я. Н. Щапова. М., 2003.
4. ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 7. Л., 1986.
5. СККДР, 1987 – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987.
6. СККДР, 1989 – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Л.–Я. Л., 1989.
7. Срезн. – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912 (фототипическое издание 1958).
8. Гринченко 1925 – Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев. 1925.
9. Добровольский 1914 – Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
10. Носович 1870 – Носович И. Н. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
11. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.-Л., 1965–.
12. СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
13. Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. ТТ. I–IV. М., 1986.
14. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 6. М. , 1979.

ЛИТЕРАТУРА

15. Апресян 1995 – Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Т. II. М., 1995.
16. Апресян 2008 – Апресян Ю. Д. От истины до лжи по пространству языка // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2008. С. 23–45.
17. Апресян 2009 – Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I.: Парадигматика. М., 2009.
18. Арутюнова 1976/2009 – Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М, 2009.
19. Арутюнова 1992 – Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
20. Арутюнова 1992а – Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 14–23.
21. Арутюнова 2000 – Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи *де*, *дескать*, *мол* // Язык о языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С. 437–452.
22. Баранов и др. 1993 – Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
23. Баранов 1994 – Баранов А.Н. Заметки о *дескать* и *мол* // Вопросы языкознания. 1994. №4. С.114–124.
24. Бахтин 1972 – Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
25. Бондарко 1971 – Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). Л., 1971.
26. Борковский, Кузнецов 1963 – Борковский В. И., Кузнецов П. Н. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
27. Булаховский 1950 – Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.
28. Булаховский 1953 – Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Т. II. (Исторический комментарий). Киев, 1953.

29. Булаховский 1955 – Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Харьков; Киев, 1955.
30. Буслаев 1869 – Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1869.
31. Вайан 1952 – Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Перевод с французского / Под редакцией и с предисловием В. Н. Сидорова. М., 1952.
32. Валгина 2000 – Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М.: Агар, 2000.
33. Вежбицка 1982 – Вежбицка А. Дескрипция или цитация? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982.
34. Вежбицка 1983 – Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика: Антология / Под ред. Степанова Ю.С. М., 1983.
35. Волошинов 1930 – Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1930.
36. Гвоздев 1965 – Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965.
37. Генсьорский 1958 – Генсьорский А.І. Галицько-Волинський літопис. Процес складання, редакції і редактори. Киев, 1958.
38. Гимон 2012 – Гимон Т. В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. №6 (3). С. 42–47.
39. Гиппиус 1997 — Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
40. Гиппиус 1999 – Гиппиус А.А. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV веков // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 345–364.
41. Гиппиус 2001 — Гиппиус А.А. "Рекоша дружина Игорев...": К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian linguistics. 2001. Т. 25. С. 147–181.
42. Гиппиус 2004 – Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 183–231.

43. Гиппиус 2006 — Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII—XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004–2005). М., 2006. С. 114–251.
44. Гиппиус 2008 – Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3–24.
45. Гиппиус 2009 — Гиппиус А. А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ св. Софии // Хорошие дни: Сборник памяти А.С. Хорошева. М., 2009. С. 181–198.
46. Гиппиус 2012 – Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М., 2012. С. 37–63.
47. Горшкова, Хабургаев 1997 – Горшкова К. В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
48. Гранберг 2006 – Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: Функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы, 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 3–162.
49. Граудина, Ширяев 1999 – Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи. М., 1999.
50. Дурново 1913 – Дурново Н. Н. Хрестоматия по малорусской диалектологии: пособие при преподавании рус. яз. в высш. учеб. заведениях. М., 1913.
51. Есперсен 1958 – Есперсен О. Философия грамматики. Пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой. М., 1958.
52. Живов 1998 – Живов В. М. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой культуре // XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 213–242.
53. Живов 2004 – Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв. М., 2004.
54. Зализняк 1981 – Зализняк А. А. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском языке // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 89–107.

55. Зализняк 1985 – Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
56. Зализняк 2004 – Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
57. Зализняк 2008 – Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
58. Зализняк 2008а – Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е издание, дополненное. М., 2008.
59. Зализняк Анна А. 1987 – Анна А. Зализняк. К проблеме фактивности глаголов пропозициональной установки // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте: тезисы докладов рабочего совещания. М., 1987.
60. Зализняк Анна А. 1991 – Зализняк Анна А. Словарная статья глагола **говорить** // Семиотика и информатика. Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). М., 1991. Вып. 32. С. 71–83.
61. Зализняк Анна А. 2001 – Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. №2. С. 13–26.
62. Зализняк Анна А. 2007 – Зализняк Анна А. Семантика кавычек // Труды Международного семинара «Диалог 2007» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2007.
URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm
63. Зализняк Анна А. 2008 – Зализняк Анна А. Предикаты ошибочного мнения в аспекте семантической типологии: глагол *мнить* // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2008. С. 106–118.
64. Земская 2011 – Земская Е. А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. 4-е издание, исправленное и дополненное. М., 2011.
65. Зимин 1958 – Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории публицистики. М., 1958.
66. Истрин 1925 – Истрин В. М. Договоры русских с греками X века // Известия ОРЯС. Т. 29 (1924). 1925. С. 383–393.

67. Истрина 1923 – Истрина Е.С. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Петроград, 1923.
68. Карский 1930 – Карский Е. Ф. Русская правда по древнейшему списку. Л., 1930.
69. Киселева, Пайар 2003 – Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / Составители К. Киселева, Д. Пайар. М., 2003.
70. Клосс 1980 – Клосс Б.М. Никоновская летопись и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
71. Кодухов 1956 – Кодухов В.И. Сложные предложения с косвенной речью в русском языке второй половины XVII–XVIII вв. // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1956. Т. 122.
72. Козинцева 1994 – Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 93–103.
73. Козинцева 2007 – Козинцева Н.А. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2007.
74. Котляр 2004 – Котляр Н. Ф. Событийная хроника Галицко-Волынского свода // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике: XVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 14–16 апреля 2004 г.: материалы конференции. 2004. С. 89–94.
75. Крылова и др. 1997 – Крылова О. А., Максимов Ю. Л., Ширяев Е. Н. Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис. Пунктуация. М., 1997.
76. Кузнецова 1985 – Кузнецова Р. Д. Функции начальных союзов в памятниках русской письменности XI–XVII вв. // Восточные славяне. Языки. История. Культура. М., 1985. С. 27–32.
77. Кукушкина, Шевелева 1991 – О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелева. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1991. № 6. С. 38–49.

78. Лазар 2011 – Лазар Мария. Эвиденциальная частица де(и) и другие эвиденциальные частицы в истории русского языка // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 116—138.
79. Левонтина 2010 – Левонтина И.Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог 2010. Вып. 9 (16). С. 284–288.
80. Легоцкая 2009 – Легоцкая Л.А. Сослагательное наклонение в языке памятников раннего древнерусского летописания. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. №1. С. 121–125.
81. Лихачев 1947 – Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.;Л., 1947.
82. Лихачёв 1986 – Лихачёв Д. С. Русский посольский обычай XI – XIII вв. // Исследования по древнерусской литературе. М., 1986. С. 140–153.
83. Лопатина 1979 – Лопатина Л. Е. Способы передачи чужой речи в рамках сложного предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979. С. 422–447.
84. Лопатина 1985 – Лопатина Л.Е. Средства организации текста при передаче чужой речи (на материале судебных документов XVII в.) // Восточные славяне. Языки. История. Культура. М., 1985. С. 57–65.
85. Лурье 1976 – Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
86. Маслов 1981 – Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981.
87. Маслов 1984 – Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Очерки по аспектологии. М., 1984.
88. Мещерский 1954 – Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1954. Т. 10. С. 120—135.
89. Мистрик 1985 – Мистрик Й. Грамматика словацкого языка. Братислава, 1985.
90. Михеев 2011 – Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
91. Молотков 1952 – Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в русском языке по памятникам письменности 11–17 столетий. Автореф. канд. дис. Л., 1952.

92. Молотков 1962 – Особые синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке. // Ученые записки ЛГУ, № 302, серия филолог. наук, вып. 61, 1962.
93. Новак 2014 – Новак М. О. Апостол в истории русского литературного языка [Текст]: Дис... д-ра филолог. наук: 10.02.01: защищена 28.06.2014 г. Казань, 2014.
94. Обнорский 1946/2010 – Обнорский С.П. Русский литературный язык старшего периода: Лингвистический анализ памятников древнерусской словесности. М.–Л., 1946 – М., 2010.
95. Ончуков 1908 – Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб.. 1908.
96. Остин 1962/1986 – Остин, Джон. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–130.
97. Отин 1960/1999 – Отин Е. С. Из истории частиц // Избранные труды по языкознанию. Т. II. Донецк, 1999.
98. Отин 1969 – Отин Е.С. К истории развития косвенной речи в древнерусском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1969. № 5. С. 54–64.
99. Отин 1977/1997 – Отин Е. С. Модальные частицы чужой речи в древнерусском языке // Избранные работы. Донецк, 1997.
100. Отин 1981/1999 – Отин Е. С. Из истории частиц // Избранные труды по языкознанию. Донецк, 1999.
101. Падучева 1987 – Падучева Е. В. Слова, подчиняющие косвенный вопрос: список или семантический класс // Логический анализ языка. Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте: Тезисы рабочего совещания. М., 1987. С. 86–91.
102. Падучева 1996 – Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М., 1996.
103. Падучева 2008 – Падучева Е.В. Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации // Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 56–86.
104. Падучева 2011 – Падучева Е.В. Показатели чужой речи: мол и дескать // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2011. Т. 70, № 3. С.13–19.

105. Пашуто 1950 – Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
106. Пекелис 2014 – Пекелис О. Е. Инфинитив vs. придаточное с союзом чтобы: к вопросу о выборе способа оформления сентенциального актанта в русском языке // Вопросы языкознания. №4. 2014. С. 13–45.
107. Пенькова 2010 – Будеть как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII-XV веков) // Вопросы русского языкознания. Вып. III. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. М.: Изд-во МГУ, 2010.
108. Пешковский 1938 – Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
109. Пичхадзе 1998 – Пичхадзе А. А. Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 475—488.
110. Пичхадзе 2011 – Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в Домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
111. Плунгян 2003 – Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003.
112. Плунгян 2008 – Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие // В. Wiemer & V. A. Plungjan (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München: Sagner, 2008. S. 285–311.
113. Плунгян 2008а – Плунгян В. А. Предисловие: дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Отв. ред. В. А. Плунгян. М.: Гнозис, 2008. С. 7–36.
114. Плунгян 2011 – Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
115. Подлеская 2009 – Подлеская В. И. Конструкции с цитацией, или «чужой речью» // Рассказы о сноведениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлеской. М., 2009.

116. Пожарицкая 2012 – Пожарицкая С. К. От глагола к служебному слову. Пути грамматикализации // A. Grønn & A. Pazelskaya (eds.). The Russian Verb, Oslo Studies in Language 2012. № 4 (1). С. 71–95.
117. Потебня 1874 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1874. Т. 2–3.
118. Потебня 1958 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
119. Преображенская 1991 – Преображенская М.Н. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (сложноподчинённое предложение). М., 1991.
120. Приселков 1996 – Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
121. Резникова 2004 – Резникова Т. И. Reported speech // Вопросы языкознания. 2004. №2. 129–133.
122. Розенталь 1974 – Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. М. 1974.
123. Розенталь 1989 – Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1989.
124. Русская грамматика 1980 – Грамматика русского языка. Т. I, II. М., 1980. URL: <http://rusgram.narod.ru/>
125. Савельев 2008 – Савельев В. С. О способах оформления прямой речи в древнерусском тексте (на материале „Повести временных лет“) // Мир русского слова. 2008. № 4. С. 14–21.
126. Савельев 2009 – Савельев В. С. Умение слушать как необходимая черта языковой личности в восприятии автора Повести временных лет // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 2. С. 124–134.
127. Савельев 2010 – Савельев В. С. Коммуникативное событие в представлении древнерусского книжника (по материалам «Повести временных лет») // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2010. Сборник 14. С. 484–516.
128. Серль 1986 – Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 151–169.

129. Стеценко 1984 – Стеценко А. Н. Хрестоматия по старославянскому языку. М., 1984.
130. Тестелец 2001 – Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
131. Ужанков 1989 – Ужанков А. Н. Летописец Даниила Галицкого: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб.1. М., 1989. С. 247–283.
132. Успенский 1970 – Успенский Б.А. Поэтика композиции. М., 1970.
133. Успенский 2002 – Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.). М., 2002.
134. Хабургаев 1986 – Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1986.
135. Хабургаев 1990 – Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка: Имена. М., 1990.
136. Хабургаев 1991 – Хабургаев Г. А. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (к реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М., 1991.
137. Хабургаев 1994 – Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры: истоки древнерусской книжности. М., 1994.
138. Чередниченко 1948 – Чередниченко И.Г. Особые случаи придаточности в современном русском языке // Вопросы славянского языкознания. Львов, 1948. Вып. 1. С. 105–122.
139. Черепнин 1941 – Черепнин Л. В. "Летописец Даниила Галицкого" // Исторические записки. 1941. № 12. С. 228–253.
140. Черепнин 1950 – Черепнин Л. В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI в. М.; Л., 1950.
141. Шапиро 1953 – Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров (строение предложения). М., 1953.
142. Шахматов 1908 – Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
143. Шахматов 1916 – Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т.1: Вводная часть. Текст. Примечания.

144. Шахматов 1938 – Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
145. Шахматов 1941 – Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
146. Шевелева 2007 – Шевелева М. Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.
147. Шевелева 2009 – Шевелева М. Н. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 144–174.
148. Шевелева 2009а – Шевелева М. Н. Плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 5–43.
149. Шевелева 2010 – Шевелева М. Н. Вторичные имперфективы с суффиксами –*ива*– /–*ыва*– в летописях XII–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. №2 (20). С. 200–242.
150. Широкова 1961 – Широкова А. Г. Чешский язык. М., 1961.
151. Ширяев 1981 – Земская Е. Н., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1981.
152. Шмид 2003 – Шмид В. Нарратология. М., 2003.
153. Юрьева 2013 –Юрьева И. С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение 2012–2013 гг. М.: Древнехранилище, 2013. С. 135–151.
154. Якобсон 1958/1972 – Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95–113.
155. Якубинский 1953 – Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.
156. Aikhenvald 2004 – Aikhenvald, Alexandra Y. Evidentiality. Oxford; New York, 2004.

157. Birnbaum 1991 – Birnbaum, Henrik. *Orality, Literacy, and Literature in Old Rus'* // *Aspects of the Slavic Middle Ages and Slavic Renaissance Culture*. New York. 1991. P. 131–180.
158. Carter, McCarthy 2011 – Carter R. , McCarthy M. *Cambridge Grammar of English: a Comprehensive Guide. Spoken and Written English. Grammar and Usage*. Cambridge University Press, 2011.
159. Collins 1996 – Collins, Daniel. *The Pragmatics of Indirect Speech in Old Church Slavonic and Other early Slavic Writings* // *Studies in South Slavic and Balkan Linguistics*. Amsterdam – Atlanta. 1996. P. 21–77.
160. Collins 2001 – Collins, Daniel. *Reanimated Voices: Speech Reporting in a Historical-Pragmatic Perspective*. Amsterdam. 2001.
161. Costello 1961 – Costello, Daniel P. *Tenses in Indirect Speech in Russian* // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 39, No. 93, 1961. London. P. 489–496.
162. Coulmas 1986 – Coulmas, Florian. *Direct and Indirect Speech (Trends in Linguistics. Studies and monographs)*. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1986. P. 1–28.
163. Daiber 2009 – Daiber, Thomas. *Direkte Rede im Russisch-Kirchenslavischen (Zum pragmatischen Wert des jako recitativum)* // *Text – Sprache – Grammatik. Festschrift für Eckhard Weiher*, ed. J. Besters-Dilger, A. Rabus, München, Berlin. 2009, S. 363–386.
164. Evans 2013 – Evans, Nicholas. *Some problems in the typology of quotation: a canonical approach* // *Canonical Morphology & Syntax* / Ed. by Dunstan Brown, Marina Chumakina, Greville G. Corbett. Oxford University Press, 2013. P. 66–98.
165. Güldemann, Roncador 2002 – *Reported discourse. A meeting ground for different linguistic domains. Typological studies in language, 52* / Ed. by T. Güldemann, M. von Roncador. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002.
166. Haverkate 1996 – Haverkate, Henk. *Modal patterns of direct and indirect discourse in Peninsular Spanish: An analysis within the framework of speech act typology* // Theo A. J. M. Janssen, Wim van der Wurff (ed.). *Reported speech: forms and functions of the verb. Pragmatics & Beyond, New Series. 43*. Amsterdam: John Benjamins. 1996.
167. Karłowicz, 1 – *Słownik gwar polskich*. T. I–VIII. Krakow, 1900–1927.

168. Koch 1990 – Koch, Christoph. Das morphologische System des altkirchen-slawischen Verbums. 1990, Vol. 1–2.
169. Li 1986 – Li, Charles. Direct and Indirect Speech: A funtional Study // Direct and Indirect Speech (Trends in Linguistics. Studies and monographs). Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1986. P. 29–46.
170. Lyons 1977 – Lyons, John. Semantics. Vol. 1–2. Cambridge. 1977.
171. Machtelt Bolkestein 1996 – Machtelt Bolkestein, A. Reported speech in Latin // Reported speech: Forms and functions of the verb. Pragmatics & Beyond, New Series. 43. Amsterdam: John Benjamins. 1996. P. 121–140.
172. Perelmutter 2009 – Perelmutter, Renee. Pragmatic functions of reported speech with *jako* in the Old Russian Primary Chronicle // Journal of Historical Pragmatics. 2009. (10:1). P. 108–131.
173. Rakhilina 1996 – Rakhilina, Ekaterina V. JAKOBY comme un moyen de médiatisation en russe // Z. Guentchéva (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain: Peeters, 1996. P. 299–304.
174. Romaine, Lange 1991 – Suzanne Romaine, Deborah Lange. The use of *like* as a marker of reported speech and thought. The case of grammaticalization in progress // American speech. 1991. Volume 66. Issue 3. P. 227–279.